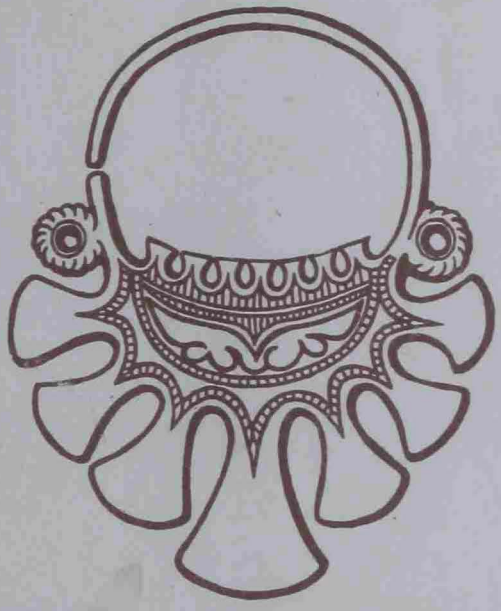
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1993 4

3 ш

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор),

А. А. Аскаров, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. В. Виноградов, В. И. Гуляев (зам. главного редактора),
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, Г. А. Кошеленко,
В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев,
В. С. Ольховский (отв. секретарь), Т. М. Потемкина,
Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко, В. Л. Янин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1993 4

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Гиря Е. Ю., Нехорошев П. Е. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий 5
Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О., Амиров Ш. Н. Телль Хазна II — раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии 25
Демкин В. А., Лукашов А. В. Почвенно-ландшафтные условия северо-западного Прикаспия во II тыс. до н. э. — I тыс. н. э. 43
Клочко В. И., Скорый С. А. К исследованию позднечернолесского погребального обряда 54
Медведев А. П. Об этнокультурной ситуации на Верхнем Дону в начале железного века 65
Абрамов А. П. Классификация и периодизация амфор второй половины VI — первой половины V в. до н. э. 78
Голубева Л. А., Варенов А. Б. Новое об огнивах с бронзовыми рукоятями 94
Тимощук Б. А. Языческое жречество Древней Руси (по материалам городищ-святилищ) 110
Бобровский Т. А. К вопросу о типологии и датировке древнерусских пещерных монастырей 122

Дискуссии

Афанасьев Г. Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан 131
Никитина Г. Ф. Типология трупоположений в погребальном обряде черняховской культуры 145
Плетнева С. А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности 160

Публикации

Грехова Л. В. Опыт реконструкции по архивным данным утраченного плана 1935 г. палеолитической стоянки Елисеевичи 173
Войнаровский В. Н., Смирнова Г. И. Новые находки древних бронз в окрестностях с. Волока на Буковине 183

© Российская академия наук.
Институт археологии, 1993 г.

Джафаров Г. Ф. Курган эпохи поздней бронзы вблизи Сарычобана 191
Коваленко В. П., Молчанов А. А. Древнерусские сфрагистические памятники домонгольского времени из Чернигова 208
Алексеев Л. В. Проблема становления культово-оборонного зодчества Руси в свете раскопок в Мстиславле (Беларусь) 217

История науки

Заднепровский Ю. А. Камилла Васильевна Тревер (1892—1974) 239

Критика и библиография

Формозов А. А. Книги об отечественных археологах 249

Указатель статей, опубликованных в журнале «Российская археология» за 1993 год 253

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1993 4

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

CONTENTS

Girya E. Yu., Nekhoroshev P. E. Some technological criteria of the Stone Age periodisation 5
Munchaev R. M., Merpert N. Ya., Bader N. O., Amirov Sh. N. Tell Hazna II, an early agricultural settlement in northeastern Syria 25
Demkin V. A., Lukashov A. V. Soil and landscape conditions in north-western Caspian area in the 2nd millenium B. C. — the Ist millenium A. D. 43
Klochko V. I., Skory S. A. On the study of the burial rite of late Chernolesye culture . . . 54
Medvedev A. P. On ethnic-cultural situation in the Upper Don in the beginning of the Iron Age 65
Abramov A. P. Classification and periodisation of the amphorae of late 6th and early 5th centuries B. C. 78
Golubeva L. A., Varenov A. B. New facts about fire-steels with bronze handles 94
Timoshchuk B. A. Pagan pristhood of Ancient Russia 110
Bobrovsky T. A. On the typology and dating of ancient Russian cave monasteries 122

Discussions

Afanasyev G. E. The system of socially signing artefacts in male burial deposits of Alans of Don 131
Nikitina G. F. A typology of inhumations in the burial custom of Chernyakhovo culture . . . 145
Pletneva S. A. The questions of distinguishing of the social ranks by burial customs 160

Publications

Grekhova L. V. An attempt of reconstruction of the lost plan of the Palaeolithic site Yeliscevichi (1935) according to archivs data 173
Voynarovsky V. N., Smirnova G. I. Some new finds of ancient bronze artefacts in the neighbourhood of village Volok in Bukovina 183
Dzhafarov G. F. A kurgan of the Bronze Age period near Sarychoban 191
Kovalenko V. P., Molchanov A. A. The Ancient Russian sphragystic materials from Chernigov of the premongol period 208
Alexeev L. V. The problems of the beginning of cultic and fortification architecture in Russia in the light of excavations in Mstislavl (Byelorussia) 217

History of science

Zadneprovsky Yu. A. Kamilla Vasilyevna Trever (1892—1974) 239

Critics and bibliography

Formozov A. A. The books on national archaeologists 249

The index of articles published in the journal «Rossiyskaya arkheologiya» in 1993 253

В Н И М А Н И Е!

Подготовлена к печати монография:

Т. М. Кузнецова

«ЗЕРКАЛА СКИФИИ VI—III вв. до н.э.»

* * *

T. M. Kuznetsova

«MIRRORS OF SCYTHIA DATED BETWEEN THE 6th AND THE 3rd CENTURIES B.C.»

В книге, впервые в отечественной и зарубежной литературе, обобщены сведения о предметах, которые в археологической науке получили название — «зеркала». Изучение значительного массива «зеркал» Северного Причерноморья и районов от Карпато-Балкан до Саяно-Алтая показало, что этим термином охватываются как собственно зеркала, так и иные предметы. В работе представлены все полученные сведения о «зеркалах», дана классификация, прослежены типологические изменения форм, показаны исторические условия изменения и распространения «зеркал».

Монография (объем 20 печатных листов) является продолжением книги «Этюды по скифской истории».

Заказы на книгу можно направлять на имя автора по адресу:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19, ИА РАН, отдел скифо-саматской археологии или 117602, Москва, ул. Ак. Анохина, д. 12, кор. 3, кв. 162 — Кузнецовой Т. М.

Тираж книги зависит от количества заявок!

Е. Ю. ГИРЯ, П. Е. НЕХОРОШЕВ

НЕКОТОРЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЙ

Исходя из концепции, что намеренное изготовление сколов и орудий расщеплением изотропных пород камня есть процесс управления плоскостью расщепления, с нашей точки зрения, уже сейчас можно установить признаки использования конкретного способа управления этой плоскостью посредством технологического анализа продуктов расщепления различных индустрий [1, 2]. При наличии существующей археологической периодизации это означает появление реальной возможности определения времени возникновения той или иной технологии расщепления. Следовательно, подобно тому, как типология орудий «руководящих ископаемых» может послужить ключом к определению возраста индустрий, еще не имеющих привязки во времени, технология расщепления также может быть использована в качестве одного из критериев определения места отдельных индустрий в археологической периодизации. Фактически речь идет о создании особой шкалы изменений палеотехнологий расщепления во времени и пространстве, о периодизации, параллельной типологической, но не тождественной ей. Типологически близкие индустрии могут кардинально различаться с точки зрения технологии расщепления и, наоборот, типологически различные могут быть основаны на близких технологиях. Мы видим свою задачу в выделении критериев технологической периодизации, основанной только лишь на технологически значимых признаках, максимально освобожденной от формально-типологического подхода.

Развитие технологии изготовления каменных орудий — история изменения способов управления плоскостью расщепления. Возможность целесообразного расположения этой плоскости на предмете расщепления зависит от трех факторов: морфологии предмета расщепления, техники скола и последовательности снятий. Развитие и сочетание этих трех факторов и составляют суть изменения технологии расщепления. С нашей точки зрения, некоторые из таких изменений носят характер широко распространенных явлений, имеющих достаточно определенные временны́е рамки, и могут служить основой для уточнения археологической периодизации индустрий каменного века, а также помочь в практической работе, когда нередко приходится сталкиваться с рядом трудностей при определении археологического возраста коллекций каменных артефактов, изготовленных расщеплением. Типологически невыразительный материал, переотложенный в древности или залегающий на поверхности (часто вместе с керамикой), всегда ставит перед исследователем много вопросов. Является ли коллекция смешанной? Если да, то к каким эпохам или периодам относятся составляющие ее компоненты? как соотносится (и соотносится ли) расщепленный каменный материал с керамикой? чем обусловлена его грубость: древностью, качеством сырья или спецификой памятника (мастерские по первичной обработке камня)? и т. п. Так, коллекция артефактов может быть определена как мустьерская, в то время как морфология некоторых сколов будет свидетельствовать о более позднем возрасте, что ставит под сомнение первоначальную датировку и позволяет говорить о немустьерском возрасте материала либо о его смешанности с артефактами более

© Е. Ю. Гиря, П. Е. Нехорошев, 1993 г.

поздних эпох. Также изделия, происходящие с мест по изготовлению заготовок для неолитических топоров, можно принять за ашельские; каменный материал и керамика бронзового века, залегающие совместно, могут оказаться синхронными, а не разновременными, хотя, казалось бы, типологический облик камня будет противоречить такому утверждению.

В какой-то мере преодолеть эти трудности и ответить на поставленные вопросы могут признаки техники скола [1], проявляющиеся в морфологии продуктов первичного расщепления.

Терминология. *Техника скола* — это совокупность приемов, средств и навыков приложения силового импульса к определенным образом подготовленной (или нет) поверхности камня с целью отделения скола. Под *приемом* понимается законченный элемент процесса; действия, направленные на изменение морфологии камня или выбор определенной ситуации в процессе его расщепления. Под средствами — отбойники, отжимники, щемилки для закрепления нуклеусов и т. п. Иными словами, техника скола — техника удара или отжима и их разновидности.

Важными составляющими техники скола являются: 1) выбор или определенная подготовка места приложения силового импульса, 2) угол приложения силового импульса, 3) величина силового импульса, 4) длительность силового импульса. На протяжении всей эпохи «расщепленного камня» совершенствование техники скола связывается с увеличением степени контроля за ее составляющими.

Плоскость расщепления — это «плоскость», по которой проходит силовой импульс, отделяющий скол от предмета расщепления.

Поверхность расщепления — поверхность предмета расщепления, от которой отделяются сколы.

Угол скалывания — угол, образованный ударной площадкой и поверхностью расщепления.

Поверхность скалывания — поверхность нуклеуса, от которой отделяются сколы-заготовки.

Техника расщепления — совокупность (набор) приемов, средств навыков, применяемых при получении сколов-заготовок.

Технология расщепления — определенная последовательность применения технических приемов, средств и навыков, направленная на получение заготовок определенного типа.

Палеолит представлен каменными индустриями, в которых продукты расщепления носят следы преобладающего употребления в течение всего этого периода ударной техники скола. Изменения технологии расщепления палеолитических индустрий традиционно прослеживались исследователями лишь по изменению морфологии предметов расщепления, а в отдельных случаях и по специфической последовательности снятий (нуклеусы леваллуа), в то время как техника скола оставалась в тени.

Нижнепалеолитическая техника скола [2]. Расщепление изотропных пород посредством удара невозможно без понимания того, что угол скалывания должен быть менее 90° (в противном случае речь может идти лишь о дроблении или разбивании камня). Древнейшие археологические материалы, обнаруженные на стоянке Вест-Гона (Эфиопия), имеющей возраст 2,4—2,7 млн. лет, свидетельствуют о наличии таких представлений [5, с. 154]. В ашеле, вероятно в среднем, была открыта зависимость длины скола от угла скалывания, что привело к появлению приема подготовки ударных площадок [6, с. 118], который может рассматриваться как значительный момент в развитии техники скола.

Другой значительный момент — это появление мягких отбойников, увеличи-

---

[1] Проблемы техники скола мы уже кратко анализировали в своих работах [1—4]. Однако обсуждение этого вопроса на заседаниях Отдела палеолита ИИМК показало необходимость более подробного изложения наших взглядов.

[2] Наименование техник скола дается в соответствии со ступенями археологической периодизации, где они появляются впервые.

вавших длительность силового импульса, что позволяло ослабить или исключить продольную и поперечную фрагментацию сколов при нанесении удара и давало возможность получить более тонкие заготовки. «Мягкость» отбойника — понятие относительное и зависит от твердости расщепляемого материала: так, для некоторых разновидностей доломита (твердость 3,5; кремня, для сравнения — 7 [7, с. 89, 99]) роговой отбойник «работает» как твердый. Установление конкретного вида мягкого отбойника (камень или рог/кость) остается довольно трудной задачей [8, с. 169], хотя уже есть исследования в этом направлении [9].

Дальнейшее совершенствование техники скола в нижнем палеолите шло как по пути создания оптимальных условий для нанесения наиболее точного удара, так и наиболее подходящего угла скалывания.

При расщеплении плоскостных нуклеусов удар наносится отбойником на некотором расстоянии от края ударной площадки нуклеуса. При этом длина, ширина, толщина и форма скола в плане сильно зависят от точности нанесения удара в определенное место на ударной площадке нуклеуса и от угла скалывания (а также, конечно же, и от морфологии предмета расщепления, степени изотропности породы, вида отбойника и т. п.— эти составляющие процесса расщепления не важны для описания техники скола). Оптимальный угол скалывания достигается оббивкой или ретушированием ударной площадки нуклеуса, составляет 80—85° в зависимости от вида сырья и необходим для получения с конкретного нуклеуса заготовки максимально большей длины [10]. Таким образом, создаются необходимые условия для того, чтобы плоскость расщепления прошла параллельно поверхности расщепления и плавно вышла за ее пределы (перообразное окончание скола). Для увеличения точности удара ударная площадка нуклеуса часто делается выпуклой или ретушируется часть ударной площадки предполагаемого скола, что имеет то же значение, поскольку удар наносится почти в ребро «ступеньки», образованной поверхностью ретуши и неретушированной частью ударной площадки нуклеуса (рис. 1, *1*) [3]. Однако вероятность ошибки при нанесении удара, т. е. смещение точки удара либо слишком близко к краю ударной площадки нуклеуса, либо, наоборот, слишком далеко, остается весьма значительной. Иногда достаточно самого минимального смещения точки удара, на 1—2 мм, в ту или иную сторону, чтобы получился либо маленький, часто заломившийся отщеп, нередко с разбившейся ударной площадкой (удар нанесен слишком близко к краю ударной площадки нуклеуса), либо слишком массивный, иногда с заломом (удар нанесен дальше, чем нужно). В отдельных случаях скол вообще не сойдет (удар нанесен еще дальше), а в месте удара образуется конусовидная трещина, которая сразу же даст о себе знать при последующем расщеплении; более сильный удар, нанесенный слишком далеко от края ударной площадки, может привести к ныряющему окончанию скола и отсечению дистального конца нуклеуса [4].

Для определения глубины (расстояния) точки удара от края ударной площадки нуклеуса в среднем палеолите использовался следующий прием подготовки ударной площадки. Оптимальный угол скалывания создавался оббивкой, затем ударная площадка нуклеуса ретушировалась по краю, но удар наносился чуть дальше дистальных концов фасеток ретуши. Таким образом, рельеф ударной площадки «поднимался» не только в плане (выпуклая ударная площадка), но и в глубину, обеспечивая точное нанесение удара на необходимом расстоянии от края ударной площадки нуклеуса (рис. 1, *2*). Однако практически такой прием оказывается трудноосуществимым, поскольку длина фасеток ретуши, наносимой на ударную площадку, плохо поддается контролю. Этим, по-видимому,

[3] На этот прием уже обращал внимание Р. Х. Сулейманов, но связывал его с применением посредника [11, с. 32].

[4] На решающее значение расположения точки приложения силового импульса к ударной площадке нуклеуса при отделении скола уже указывали В. А. Городцов [12, с. 78] и С. А. Семенов [13, с. 48].

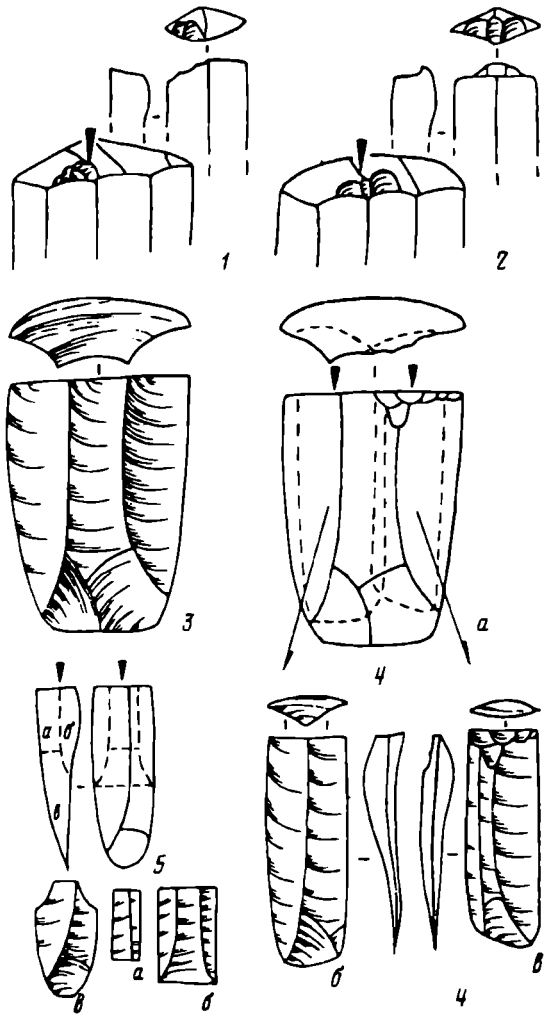


Рис. 1. *1*, *2* — способы фиксации точки приложения силы в среднем палеолите; *3*, *4* — нуклеус и морфология снятых с него сколов; *4б* — без снятия карниза; *4в* — со снятием карниза; *5* — наиболее вероятный тип фрагментации скола при ударном утоньшении его проксимального конца

и объясняется относительно редкая встречаемость подобного приема на ударных площадках мустьерских сколов [5].

Для уменьшения массивности проксимальных концов сколов перед их отделением от нуклеуса часто выравнивался край ударной площадки нуклеуса, т. е. производилось снятие «карниза» — нависающего над поверхностью расщепления края ударной площадки нуклеуса. Попытки утоньшения основания сколов после их отделения почти всегда приводят к «нырянию» плоскости расщепления и порче заготовки (рис. 1, *5*).

В целом среднепалеолитическая техника скола характеризуется не очень успешными попытками поставить под жесткий контроль точку приложения силового импульса и длительность последнего. Другие составляющие техники скола целиком зависели от навыков мастера.

Верхнепалеолитическая техника скола. С началом верхнего палеолита совпадает появление новой техники скола, позволившей перейти к призматическому расщеплению в «чистом виде» и к массовому производству более стандартных заготовок.

В отечественной археологической литературе преобладает мнение об отсутствии

[5] Следует отметить, что на этот прием обращал внимание Р. Х. Сулейманов [11, с. 39], но не дал ему объяснения, хотя, вероятно, связывал его с установкой посредника.

четких различий в морфологии продуктов расщепления конца среднего и начала верхнего палеолита, и техника расщепления последнего отличается от таковой первого только употреблением посредника, при помощи которого и изготавливались пластины. Гипотеза посредника начала утверждаться в отечественном палеолитоведении в 1920—1930-е годы [12, с. 80; 14, с. 157], но долгое время не получала широкого признания [15, с. 289]. В дальнейшем эта гипотеза была «подтверждена» работами С. А. Семенова [13, с. 46—48] и стала общепринятой. Более того, появились замечания, что посредник использовался и в мустьерскую эпоху, не получая, однако, широкого распространения [16, с. 103].

Утверждение о применении посредника в позднем палеолите, вероятно, было заимствовано археологами из этнографических наблюдений по расщеплению камня североамериканскими индейцами [13, с. 46; 17, с. 62—65; 18, с. 659, табл. XXXVII, рис. 1, 2], хотя первоначально считалось, что верхнепалеолитические пластины получались при помощи прямого удара [19, с. 134, 135; 20, с. 226; 21, с. 300]. В 1975 г. М. Н. Ньюкамер отметил, что гипотеза посредника до сих пор не получила археологического подтверждения, и, основываясь на своих экспериментах, доказал, что пластины верхнего палеолита легко можно получить прямым ударом без применения посредника [22, с. 100]. Однако у нас эта работа осталась незамеченной.

Итак, в настоящее время является общепринятым положение, что призматическое расщепление верхнего палеолита отличается от плоскостного параллельного среднепалеолитического только применением посредника [11, с. 77; 23, с. 10; 24, с. 42, 43; 25, с. 73]. Исходя из этого, Р. Х. Сулейманов и С. В. Смирнов называют мустьерские и верхнепалеолитические нуклеусы параллельного расщепления призматическими. В. Н. Гладилин же (и Р. Х. Сулейманов на других страницах своей книги [11, с. 89, 137]), подчеркивая их взаимосвязь, несколько обособляет первые термином «протопризматические» [23, с. 11], что, на наш взгляд, вполне оправдано (вне зависимости от посредника). Действительно, в мустье, как и в позднем палеолите, нуклеус нередко подготавливался к расщеплению, т. е. сначала изготавливался пренуклеус. Реберчатые сколы, которые столь характерны для позднего палеолита и снятием которых во многих индустриях начиналось расщепление нуклеуса, встречаются и в мустье. В финально мустьерской индустрии Бокер Тактит (Израиль), имеющей возраст 47—40 тыс. лет, такими сколами изготавливалась и ударная площадка [26, с. 18]. Кроме того, в этой индустрии производилось утоньшение дистального конца нуклеуса и оформление заднего ребра [26, с. 24, рис. 5], что также весьма характерно для верхнего палеолита. Снятие заготовок осуществлялось с сильно выпуклой поверхности скалывания. Сходные технологии применялись и на других финально мустьерских — переходных к верхнему палеолиту памятниках Абу-Халка, Антелиас, Кзар-Акил, а также и в индустриях ближневосточного преориньяка [26, 14, 15; 27; 28, с. 18; 29, с. 18, 25]. Поэтому может показаться, что не существует в этом плане принципиальной разницы между мустьерской техникой и верхнепалеолитической и остается только уповать, что окончательный сдвиг в технологии расщепления связан с появлением посредника. Тем не менее экспериментальные исследования и просмотр ряда палеолитических коллекций позволили выявить кардинальное отличие мустьерского расщепления от верхнепалеолитического, причем не связанное с посредником, реберчатыми сколами, степенью выпуклости поверхности расщепления, пропорциями пластин и т. п. И такое отличие прослеживается в технике скола.

Как уже указывалось, одной из основных трудностей ударного расщепления является точное приложение силового импульса к определенной точке ударной площадки нуклеуса. Начиная с верхнего палеолита, удаление точки удара от края ударной площадки определяется «перебором карниза», т. е. «отодвиганием» края ударной площадки нуклеуса в глубину, в противоположную от поверхности расщепления сторону или, другими словами, «загибанием» края поверхности расщепления за счет редуцирования ударной площадки (рис. 2, *1*). «Перебор»

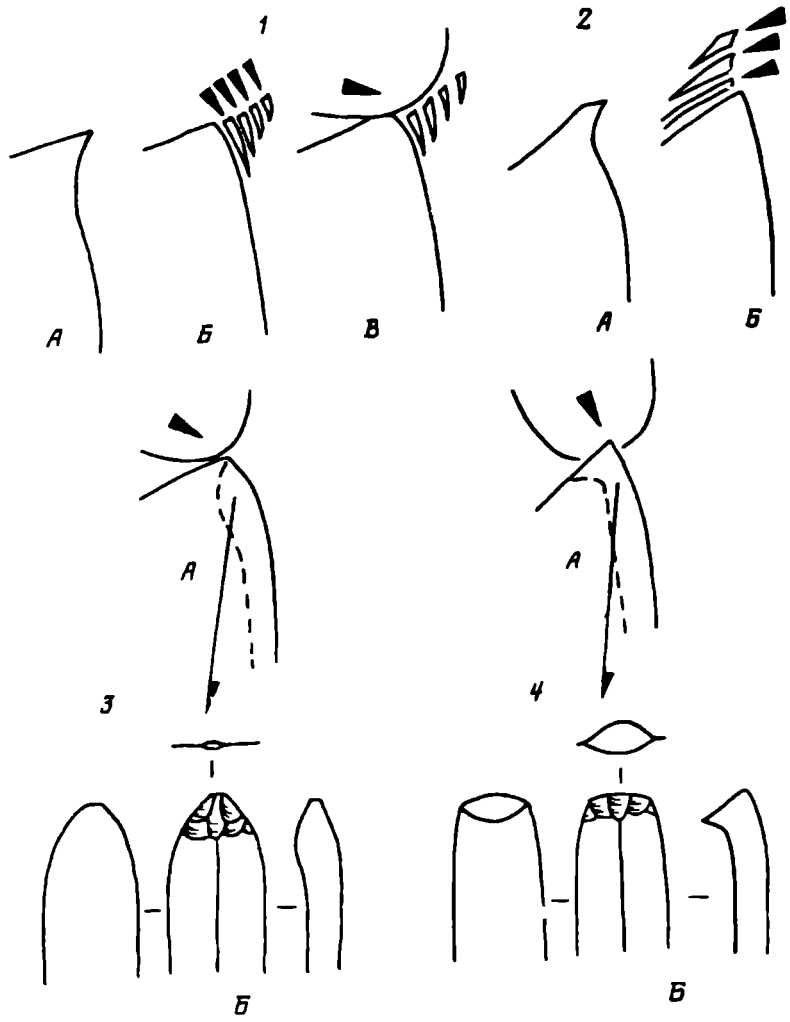


Рис. 2. *1* — способы перебора карниза на нуклеусе (продольное сечение); *1а* — нуклеус до перебора карниза, оставленного негативом предыдущего снятия; *1б* — перебор карниза серией мелких ударов; *1в* — абразивный способ перебора карниза; *2* — убирание карниза ретушированием ударной площадки нуклеуса; *3* — снятие пластины с коническим началом плоскости расщепления после перебора карниза при угле скалывания, близком к 90°; *4* — снятие пластины с неконическим началом плоскости расщепления после перебора карниза при остром угле скалывания

производится либо серией легких ударов по краю площадки (рис. 2, *1б*), либо пришлифовкой края грубым абразивом (рис. 2, *1в*), как, например, в Кзар-Акиле [30, с. 202], Костенках 1, слой 1, Костенках 14, слой 2, Костенках 17, нижний слой, Бирючьей Балке 2, Кульюрт-Тамаке и многих других. Удар наносится в самый край ударной площадки нуклеуса, причем ударная площадка скола не дробится и часто получается точечной, а проксимальная часть приобретает эллипсоидную в плане и профиле форму (рис. 2, *3*). Поскольку карниз заранее «перебирается» по широкому участку периметра ударной площадки нуклеуса и поверхность расщепления имеет достаточно однородный рельеф (параллельные грани), смещение точки удара в ту или иную сторону по периметру в случае ошибки не имеет большого значения (а «глубина» точки удара уже определена «перебором» карниза). Как следствие резко увеличивается результативность расщепления. Контроль удаленности точки удара от кромки площадки нуклеуса влечет за собой возможность контроля толщины снимаемого скола. Стандартность толщины сколов, сопряженная с их шириной (чем толще, тем шире), позволяет сохранять регулярный призматический рельеф поверхности расщепления нуклеуса. Кроме того, теряет свое былое значение угол скалывания. Он компенсируется углом нанесения скалывающего удара. Так, при угле скалывания, близ-

ком к 90°, удар наносится под острым углом к ударной площадке нуклеуса (рис. 2, *3*). При уменьшении угла скалывания угол удара приближается к 90° и в зависимости от ситуации при достаточно остром угле скалывания скалывающие удары наносятся в ребро, образованное ударной площадкой нуклеуса и поверхностью расщепления (рис. 2, *4*). При этом ударная площадка нуклеуса может быть даже вогнутой, что часто служит «доказательством» употребления посредника [11, с. 32, 38]. В результате получаются сколы с неконическим началом — без ударного бугорка. Верхнепалеолитическая техника скола делает излишним ретуширование ударной площадки нуклеуса с целью создания оптимального угла скалывания в 80—85°, как при нижнепалеолитической технике скола. Ретуширование необходимо лишь для создания угла скалывания меньше 90°, что, однако, часто заменялось снятием «таблетки» — скола, удалявшего всю площадку нуклеуса и создававшего угол скалывания меньше 90°. После такого подживления на ударной площадке нуклеуса образовывалась вогнутость — негатив ударного бугорка «таблетки», которая иногда могла устраняться ретушированием.

В нижнем палеолите при чистовой отделке бифасов также использовался удар в ребро [22, с. 89; 31, с. 36], но «перебор карниза» при этом не производился. Можно возразить, что при плоскостном расщеплении тоже снимался карниз, и привести многочисленные примеры. Однако в данном случае речь идет лишь о выравнивании края ударной площадки нуклеуса без «перебора» (рис. 1, *3*, *4а*, *в*), которое далеко не всегда было необходимо, так как при ретушировании ударной площадки нуклеуса убирался и карниз (рис. 2, *2*).

Точечные ударные площадки также часто встречаются на нижнепалеолитических сколах, но, вероятнее всего, они получались не преднамеренно, а случайно. Это происходило при недостаточно точном ударе, когда точка удара оказывалась слишком близко расположенной к краю ударной площадки нуклеуса, и в результате снимался маленький, короткий, как правило, заломившийся отщеп(ы), т. е. происходил непреднамеренный «перебор карниза». Следующий, более сильный удар почти в то же место снимал скол с точечной ударной площадкой. Но отсутствие соответствующей морфологии нуклеуса (достаточно выпуклой поверхности расщепления и ее параллельного огранения) приводило к получению отщепов, а не пластин.

Итак, верхнепалеолитическая техника скола позволила решить проблему фиксации на площадке нуклеуса точки удара, и, хотя степень контроля за остальными составляющими техники скола не изменилась, одно это нововведение значительно облегчило получение более стандартизированных удлиненных заготовок с острым режущим краем максимальной протяженности, т. е. на другой технической основе и со значительной экономией материала решались задачи леваллуазских технологий. Косвенно на эффективность этой техники скола указывает ряд поставленных нами экспериментов. Если человеку, никогда не коловшему камень, дать подготовленный призматический нуклеус и отбойник и объяснить, как нанести удар, то в 95% случаев он получит пластину. Если при тех же условиях дать любой подготовленный леваллуазский нуклеус, то в 95% случаев результат будет отрицательным.

Таким образом, верхнепалеолитическая техника скола отражается прежде всего в морфологии дорсальных поверхностей проксимальных концов сколов, которые имеют следы усиленной обработки в виде фасеток ретуши, направленных с ударной площадки скола (рис. 2, *3б*, *4б*). По этим признакам верхнепалеолитические пластины легко отличаются от леваллуазских мустьерских.

Гипотеза посредника могла бы получить подтверждение при обнаружении выразительной верхнепалеолитической пластинчатой индустрии без морфологических признаков «перебора карниза» (именно так в основном выглядят пластины, полученные в лаборатории С. А. Семенова при помощи посредника). Посредник позволяет четко фиксировать точку приложения силового импульса, что делает ненужной подготовку в виде «перебора карниза». В этом случае карниз просто

снимается без «перебора» (рис. 1, *3*, *4а*, *в*), т. е. выравнивается край ударной площадки (снятие «бахромы», по С. А. Семенову).

Поскольку индустрий с подобными морфологическими признаками пока не обнаружено, а все сколы верхнепалеолитического облика могут быть получены посредством прямого удара, отпадает надобность в гипотезе о существовании посредника в наборе технических средств верхнего палеолита.

Наши наблюдения различий в технике скола в нижнем и верхнем палеолите подтверждаются и некоторыми опубликованными данными. На усиленную обработку приплощадочной части нуклеусов и соответствующую морфологию дорсальных поверхностей проксимальных концов пластин обратил внимание Р. Х. Сулейманов при изучении индустрии грота Оби-Рахмат [11, с. 35], но исследователь не дал объяснения этому явлению. Как известно, в Оби-Рахмате вскрыт 21 слой, из которых 5 верхних, без сомнения, относятся к верхнему палеолиту. Начиная с 13-го слоя Р. Х. Сулейманов фиксирует появление «перебора карниза» («усиленное снятие бахромы»), а также частичное ретуширование края площадки, при котором удар для отделения пластины наносится дальше дистальных концов фасеток ретуши [11, с. 35, 39]. Следовательно, здесь отмечается поиск методов по точной фиксации точки удара. Исследователь также указывает, что «пластины... со снятой „бахромой" количественно увеличиваются от слоя к слою» [11, с. 125], а в 5—4-слоях «призматические пластины... полностью изменили свой облик. Они легкие, тонкие, небольшие, подтреуголенных очертаний» [11, с. 71]. Поэтому представляется, что слои 13—6 можно рассматривать как переходные от мустье к позднему палеолиту, причем изменениям в технологии расщепления предшествует появление в нижележащих слоях верхнепалеолитических типов орудий, изготовленных, однако, на мустьерских заготовках.

В индустрии пещерной стоянки Кзар-Акил (Ливан) при переходе от мустье к верхнему палеолиту (слои 25—16) также прослеживаются изменения в технике скола [30]. Комплекс из слоев 25—21, имеющий возраст не древнее 43 тыс. лет, почти целиком состоит из верхнепалеолитических типов орудий. Нуклеусы в слоях 25—24 двуплощадочные встречного скалывания; в слоях 23—21 наблюдается переход в основном к одноплощадочным треугольным. Техника скола при этом остается нижнепалеолитической (некраевое расщепление, по терминологии К. А. Бергмана). Со слоя 20 происходит постепенный переход от одноплощадочных нуклеусов с фасетированными площадками к двуплощадочным нуклеусам встречного скалывания с гладкими ударными площадками. Приемы снятия реберчатого скола и «таблетки» используются более часто. Техника скола — верхнепалеолитическая (краевое расщепление, по К. А. Бергману). Пластины становятся более тонкими и имеют гладкие ударные площадки, часто точечные. Для перебора карниза использовалась абразивная подготовка [30, с. 202]. Слой 17, включающий скелетные остатки современного человека, имеет возраст не моложе 37 тыс. лет. Показательно, что в переходных слоях изменениям в технологии расщепления, так же как и в Оби-Рахмате, предшествуют изменения в типологии, в то время как в более поздних слоях такие изменения происходят одновременно [30, с. 207]. К индустриям переходного типа относятся также Антелиас (слои 5—7), Абу-Халка (слои e—f) и Бокер Тактит (слои 1—4), причем слои 1—3 последней технологически сходны со слоями 25—24 Кзар-Акила, а слой 4 — со слоями 23—21 [30, с. 208].

Необходимо отметить, что верхнепалеолитическая техника скола не связана жестко с призматическими нуклеусами. Б. Брэдли при изучении палеоиндейской стоянки Хэнсон (Вайоминг, США) отметил ряд нуклеусов, весьма сходных с леваллуазскими черепаховидными нуклеусами среднего палеолита Западной Европы и Африки. Однако для отделения отщепа здесь использовалась верхнепалеолитическая техника скола (краевая зона приложенной силы — по Б. Брэдли [32, с. 19, 20]).

Таким образом, начало верхнего палеолита можно связывать с появлением

верхнепалеолитической техники скола, морфологические признаки которой могут использоваться как хронологический показатель, позволяющий отделить послемустьерские индустрии от более древних в случае типологической невыразительности артефактов и нечеткости условий их залегания. Коллекция, имеющая «мустьероидный» облик и признаки верхнепалеолитической техники скола, должна, вероятно, рассматриваться либо как послемустьерская, либо как смешанная.

К началу верхнего палеолита в технологии получения сколов-заготовок (пластин) произошли значительные перемены. Мы имеем в виду прежде всего окончательную победу стадиального расщепления. Как указывалось выше, уже в мустьерское время создавались такие типы промежуточных морфологий, как пренуклеусы для пластин. Но только совмещение стадиального расщепления, серийной последовательности снятий сколов-заготовок с верхнепалеолитической техникой скола, позволившей ужесточить контроль за ходом плоскости расщепления, привело к реализации потенциальных возможностей протопризматических нуклеусов. Перебор карниза в значительной степени повысил стандартность сколов-заготовок, что при отсутствии ошибок расщепления и удовлетворительном сырье открывало перспективы срабатывания почти всей массы материала нуклеуса на получение морфологически идентичных сколов. Именно поэтому мы согласны с мнением В. Е. Щелинского (личное сообщение), что в большинстве мустьерских индустрий представлены различные способы «штучного» получения сколов-заготовок. Однако это не исключает необходимости поиска следов зарождения «стратегических» нуклеусов именно в индустриях данной эпохи с целью выяснения конкретных путей перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории нашей страны. Под «стратегическими» нуклеусами мы понимаем те формы ядрищ, морфология которых еще на стадии пренуклеуса заранее запрограммирована на получение максимально большого количества пластин и пластинчатых сколов из данной массы материала.

Наиболее широко известная разновидность этих изделий — гигантолиты Новгород-Северской верхнепалеолитической стоянки [33—36]. Есть эта форма пренуклеуса и в материалах других памятников: Радомышль (В. И. Усик — личное сообщение), Куличивка [37], Костенки 1, слой 1 (старый и новый комплексы). На рис. 3 изображен пренуклеус для пластин из старого комплекса Костенок 1, слой 1 (раскопки П. П. Ефименко).

Формы верхнепалеолитических пренуклеусов для пластин специфичны для многих археологических культур. Кроме того, на них, естественно, накладывает отпечаток форма и качество конкретных видов сырья. Однако, несмотря на их разнообразие, морфология этих изделий имеет одну общую отличительную черту: она стратегически направлена на получение максимального количества пластин из данной массы материала, что предполагает по крайней мере создание предплощадки и преповерхности скалывания призматического нуклеуса. Эти пренуклеусы могут иметь и боковые, и задние, и передние ребра, и нижние ребра утоньшения основания, расположенные перпендикулярно по отношению к будущей поверхности скалывания (киль) или параллельные ей. Более того, есть пренуклеусы, не имеющие никаких искусственно созданных ребер, что обычно связано с выбором удобной формы сырья. Это либо угловатые блоки, имеющие естественные ребра и подпризматическую форму, либо желваки и гальки с подцилиндрическими очертаниями, не имеющие никаких ребер вовсе. Основное требование к преповерхности скалывания, предъявляемое в ходе ее подготовки для снятия пластин,— ровный, без отдельных выступов и депрессий рельеф, имеющий необходимую степень выпуклости и находящийся под определенным углом к площадке. Если естественная форма сырья не имела такого подпризматического либо подцилиндрического рельефа, то его создавали искусственно. Но для сколов искусственного создания рельефа преповерхности скалывания, как и для любого скола при краевом расщеплении, необходимо иметь площадку — этими площадками как раз и являются вышеперечисленные разновидности ребер на пренуклеусах. Во всех случаях изготовление таких ребер

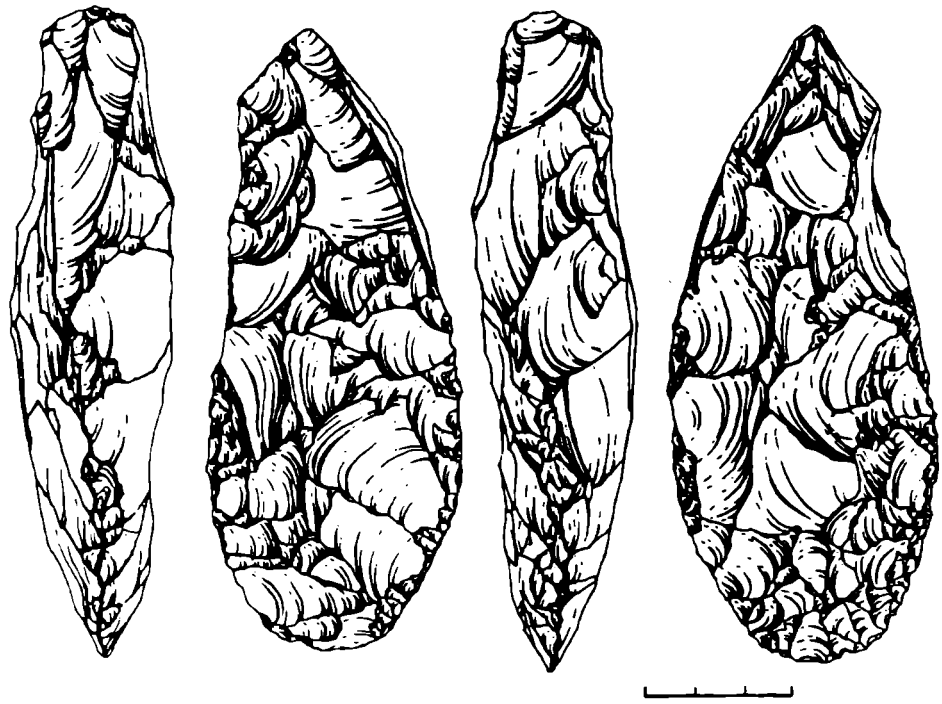


Рис. 3. Пренуклеус для пластин, Костенки 1,1-й слой (старый комплекс)

первая и основная причина их формирования — это выравнивание и регулирование преповерхности скалывания. Второе назначение ребер на пренуклеусах — направление снятия реберчатого скола для создания призматического рельефа поверхности скалывания или для подготовки площадки нуклеуса (Бокер Тактит). Аналогичное применение реберчатого скола очень распространено в более поздних дальневосточных индустриях, где реберчатые сколы — «первичные лыжевидные» — также служат для подготовки площадок клиновидных ядрищ [38, с. 82—89]. Третий вид использования реберчатого скола — подправка поверхности скалывания нуклеусов для пластин уже в ходе получения заготовок: поднятие рельефа поверхности скалывания и исправление ошибок расщепления.

Столь подробный экскурс в область разнообразных назначений реберчатых сколов в древних технологиях расщепления, направленных на получение пластинчатых сколов-заготовок, предпринят нами для более четкого определения своей позиции по отношению к идее использования реберчатых сколов в качестве критерия послемустьерского возраста тех или иных палеолитических индустрий. Этот критерий отстаивается В. И. Усиком в ряде его работ [39—41]. Интересен сам факт использования технологического подхода к анализу продуктов расщепления, не в том его традиционном формально-типологическом виде (когда техника расщепления все более и более развивается, но при этом не ясно, в чем же конкретно состоит суть этого развития, что изменилось), а в форме непосредственного поиска причин и сущности изменений. Благодаря огромной работе по ремонтажу продуктов расщепления из коллекций памятников Королево 2, комплекс 2 и Королево 1, комплекс 1а В. И. Усику удалось документально показать, что наличие реберчатых сколов может служить критерием для отнесения этих материалов к верхнепалеолитической технологии. И с ним нельзя не согласиться. Прекрасные рисунки ремонтажированных нуклеусов наглядно демонстрируют, что в этих индустриях мы имеем дело со сложным стадиальным технологическим процессом, предполагающим создание пренуклеуса посредством подготовки преповерхности скалывания сколами от ребра (фронтального, бокового или тыльного), утоньшением основания и формированием ударной площадки под достаточно острым углом. Кроме того, как фронтальные, так и боковые ребра пренуклеусов использовались в качестве «направляющих» при снятии первых

сколов формирования призматического рельефа поверхностей скалывания. То есть перед нами настоящие стратегические пренуклеусы. Техника скола пластин — верхнепалеолитическая,что особенно ярко видно по следам интенсивного перебора карниза на рисунках складней из Королево 1, комплекс 1а. Бесспорно, реберчатые сколы *таких* комплексов могут быть признаны весьма весомым аргументом в пользу отнесения *таких* индустрий к верхнепалеолитическим по технологии расщепления, но только не сами по себе, в отрыве от определения их технологического значения, без конкретизации их роли в данных индустриях, без выяснения примененной техники скола. С нашей точки зрения, в данном случае последняя имеет решающее значение. Поэтому мы не можем принять наличие или отсутствие реберчатых сколов за универсальный критерий для археологического датирования каменных индустрий, поскольку реберчатые сколы известны в мустьерских технологиях расщепления, где они: 1) играют роль площадок при оформлении поверхностей пренуклеусов; 2) служат «направляющими» как при создании призматического рельефа поверхности скалывания, так и при формировании площадки нуклеуса; 3) снятие таких сколов уже в мустье использовалось для поднятия рельефа поверхности скалывания в ходе расщепления нуклеуса (краевые сколы).

С другой стороны, отдельные верхнепалеолитические технологии получения призматических пластин не связаны с созданием ребра на поверхности пренуклеусов, когда соответствующий всем технологическим требованиям рельеф может быть выбран на естественной форме сырья. Сколы оформления призматического рельефа поверхности скалывания нуклеуса в последнем случае не являются реберчатыми, хотя и играют роль «направляющих» для последующих пластинчатых снятий. Такие сколы, например, преобладают в коллекции верхнепалеолитической стоянки Широкий Мыс (материалы В. Е. Щелинского).

В конце концов, почему именно реберчатые сколы? В качестве критерия отнесения палеотехнологии к верхнему палеолиту с таким же успехом может быть использовано и наличие в коллекции специфических сколов подправки площадок призматических нуклеусов — «таблеток», равно как и присутствие самих верхнепалеолитических пластин.

Мезолитическая техника скола. Выделение технологических признаков послепалеолитических индустрий мы связываем прежде всего с появлением в этот период отжима сколов-заготовок. Сама отжимная техника скола, безусловно, возникла гораздо раньше. Однако применение ее для получения пластин-заготовок можно с достаточной степенью уверенности констатировать только для послепалеолитических периодов. В данной работе мы рассматриваем пластинчатые индустрии так называемого «мезолитического» облика. Мы хотим привлечь внимание к появлению и развитию технологий расщепления, основанных на получении пластинок и микропластин посредством отжимной техники скола. Значимость этого феномена для территории по крайней мере всей Евразии, с нашей точки зрения, пока еще не достаточно осознана. В силу крайне слабой изученности проблемы определение мест или места и времени возникновения этой палеотехнологии на сегодняшний день весьма проблематично. Существует мнение, что она возникла задолго до голоцена в районах Восточной и Центральной Азии [42, с. 37—53]. Вероятно, при изучении технологий расщепления голоценового времени исследователи столкнутся с отдельными индустриями, имеющими верхнепалеолитические технологии расщепления, соседствующими с иными индустриями, уже обладающими отжимным способом получения пластин, равно как и со смешанными разновидностями, где для производства отдельных видов изделий использовались различные технологии.

Технология расщепления, основанная на отжимной технике скола, может быть определена по морфологическим признакам продуктов расщепления. Как и при любом другом способе управления плоскостью расщепления, значимыми факторами здесь остаются морфология предмета расщепления и техника скола [3].

Нуклеусы, скалывание пластин с которых велось отжимной техникой скола,

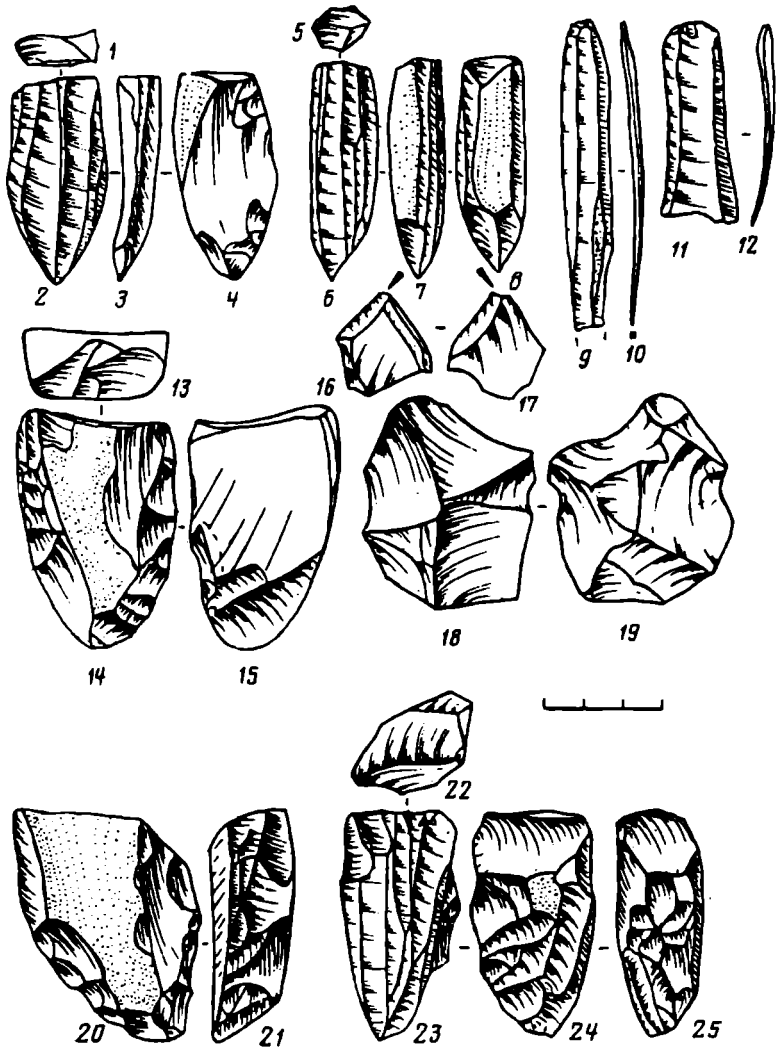


Рис. 4. *1—4* — нуклеус с уплощенной поверхностью скалывания, Кукрек; *5—8* — карандашевидный нуклеус, Кукрек; *9—12* — пластинки-заготовки, Кукрек; *13—15* — пренуклеус, Кукрек; *16, 17* — резец на отщепе, Кукрек; *18, 19* — дисковидный нуклеус, Кукрек; *20—25* — пренуклеус и нуклеус из сборов М. И. Островского (Западная Украина)

отличимы от тех, что расщеплялись с помощью удара. При высокой степени параллельности ребер между негативами от снятия пластин, имея поверхности скалывания шириной в три — пять и более заготовок, эти нуклеусы могут иметь минимальную степень выпуклости рельефа поверхности скалывания.

По нашим наблюдениям, нуклеусы с такой морфологией поверхности скалывания появляются только в послепалеолитическое время. Они известны в коллекции стоянки Кукрек (МАЭ, кол. 5399) (рис. 4, *1—3*) наряду с карандашевидными нуклеусами (рис. 4, *6—8*) и дисковидными (рис. 4, *18*, *19*) для специализированных резцов на отщепах (рис. 4, *16*, *17*). Важно отметить, что в большинстве случаев уплощенность поверхности скалывания этих изделий задавалась уже на стадии пренуклеуса. Есть такой пренуклеус и в коллекции Кукрека (рис. 4, *13—15*). Пластинчатые заготовки с этой стоянки также подтверждают факт использования в данной индустрии не только торцового расщепления, дающего узкие длинные сколы (рис. 4, *9*, *10*), но и широких поверхностей скалывания (рис. 4, *11*, *12*). Пренуклеус с аналогичной морфологией имеется и среди материалов из сборов М. И. Островского (местонахождение Червоный Каминь, Тернопольская обл.— рис. 4, *20*, *21*). Не менее интересен и

нуклеус, происходящий из сборов того же исследователя в урочище Довга, с. Липа (рис. 4, *22*, *25*), по сути дела это клиновидный нуклеус, имеющий киль и гребень, поверхность скалывания которого не только очень уплощена, но и располагается не на торце, а на боковой (по отношению к гребню) поверхности изделия. Анализ более тщательно исследованных мезолитических комплексов показывает, что уплощенные формы нуклеусов не являются единичными явлениями. Так, на стоянке Старуня 1 (Западная Украина) их около 20% [43].

География распространения этих форм в мезолите чрезвычайно широка. На сопредельных территориях они особенно многочисленны в Горном Крыму, Поднестровье и Украинском Полесье. Опираясь на частоту совместной встречаемости плоских ядрищ с иными формами нуклеусов, исследователи этих регионов полагают, что, несмотря на различную специализацию плоского и карандашевидного нуклеусов, «первый из них представляет собой сработанное ядрище для пластин средних размеров, дальнейшее использование которого возможно только после снятия боковых сколов, сужения рабочей поверхности и придания ей необходимой для скалывания пластин выпуклости. Однако сужение рабочей кромки автоматически ведет к сужению скалываемых пластин, т. е. превращению этого нуклеуса в микролитический пирамидальный (карандашевидный) для скалывания микропластин. Таким образом, карандашевидный нуклеус является следствием дальнейшей утилизации нуклеусов для скалывания пластин средних размеров [44]. У нас нет сомнений в том, что карандашевидный нуклеус — остаточная форма ядрища, но во всех ли случаях это ядрище было плоским? Возможно, в отдельных комплексах нуклеусы с уплощенными широкими поверхностями скалывания действительно переоформлялись в карандашевидные, но было ли это повсеместным явлением? Во всяком случае, в индустрии Кукрека это было не всегда так: уплощенные нуклеусы там срабатывались до такой степени, что их толщина становилась меньше не только диаметра любого из карандашевидных нуклеусов этого памятника, но и меньше ширины сколазаготовки (для сравнения см. рис. 4, *1—3*, *5—10*). Более того, уплощенная, но не утратившая своей ширины (три-четыре заготовки) и с очень малой степенью выпуклости поверхность скалывания этих нуклеусов — явно не следствие их сильной истощенности: она была такой же и на стадии пренуклеуса. Мы полагаем, что у нас есть основания утверждать, что эта морфология поверхности скалывания не только была исходной и конечной, но и поддерживалась в том же виде на протяжении всего хода утилизации ядрища.

Материалы стоянки Кукрек сами по себе, конечно, не могут служить весомым доказательством широкого распространения такой технологии получения пластинчатых заготовок. Но дело в том, что в неолитический и даже энеолитический периоды многие индустрии, сохранившие мезолитические традиции расщепления, восприняли от прошлого именно эту форму ядрища. Причем в некоторых комплексах эти нуклеусы составляют абсолютное большинство. Так, к примеру, из 100 изученных нами ядрищ Матвеева Кургана (Ростовская обл., раскопки Л. Я. Крижевской) все могут быть отнесены к той категории, равно как и большинство нуклеусов другого неолитического памятника — Джейтун (Туркмения, раскопки В. М. Массона), а также многочисленных индустрий этого круга раннеземледельческих поселений. Эти же формы нуклеусов можно встретить и в трипольских памятниках Украины и Молдавии. Причем в данной культуре на ранних стадиях ее развития (триполье А) это достаточно мелкие, такие же, как в неолитических коллекциях, ядрища, а на поздних (начиная с триполья В) — крупные изделия, с которых снимались заготовки иногда более 20 см длиной.

Представительность коллекций и относительная однородность способов получения пластин-заготовок в перечисленных индустриях делают эти материалы незаменимыми для понимания специфики технологии расщепления уплощенных нуклеусов для пластин, возникшей еще в неолитическое время. Так, при анализе материалов индустрии Матвеева Кургана удалось установить, что нуклеусы с

широкими поверхностями скалывания, с минимальной степенью выпуклости рельефа и имеющие строго параллельные ребра между негативами снятия заготовок не являются только остаточными формами. Напротив, перед нами особая технология изготовления пластин, позволяющая получать стандартные (в течение всего цикла снятия пластин), тонкие (при достаточной ширине), наименее массивные, с острым режущим краем, прямые (или же с минимальной степенью изгиба) заготовки, имеющие ровные, часто параллельные края.

В общих чертах эта технология состоит в следующем. Необходимыми элементами морфологии пренуклеусов в данном случае являются: 1) слабовыпуклая в поперечном сечении преповерхность скалывания, имеющая понижение рельефа в дистальной части (утоньшение основания — обычно оно делается сколами с нижнего ребра, параллельного кромке площадки нуклеуса); 2) одна или две боковые (торцовые) поверхности. Важно, чтобы эти поверхности (или поверхность), находясь под углом к преповерхности скалывания (угол может быть различным), имели выровненный, максимально уплощенный рельеф, имеющий такое же понижение в дистальной части, как и преповерхность скалывания. Эти поверхности могут создаваться либо снятием с площадки пренуклеуса (в том числе пластинчатыми), либо сколами с преповерхности скалывания на тыльную сторону пренуклеуса, т. е. созданием бокового ребра. 3) Естественно, пренуклеус должен иметь площадку, расположенную поперек преповерхности скалывания в плане (кромка площадки перпендикулярна продольной оси преповерхности скалывания) и находящуюся к ней под определенным углом (от 45 до 100°) в продольном сечении. Угол схождения площадки пренуклеуса с боковыми поверхностями или поверхностью должен быть более или менее близким к 90°.

Формализованная схема изготовления такого пренуклеуса на стоянке Матвеев Курган изображена на рис. *5*, *1*. В иных палеотехнологиях, родственных матвеевокурганской по вышеописанным признакам, возможны и иные способы. Нет стандартности этого процесса и в матвеевокурганской индустрии, в чем можно убедиться через сравнение двух пренуклеусов, происходящих из этой коллекции (рис. *5*, *2*, *3*). На рис. *5*, *8* представлена схема расщепления матвеевокурганских нуклеусов. Первый «направляющий» пластинчатый скол, формирующий призматический рельеф поверхности скалывания, не всегда снимался с бокового ребра (между преповерхностью скалывания и боковой поверхностью). В коллекции стоянки имеется целый ряд таких сколов, не имеющих признаков подготовки на спинке. Эти пластинчатые сколы могли сниматься и с центральных, и с близких к краю площадки участков. Снятие серии пластинчатых сколов формирования рельефа призматической поверхности скалывания приводило к истощению той минимальной выпуклости поверхности скалывания, которая была сформирована при подготовке пренуклеуса. Однако для ее возобновления не требовалось «снятия боковых сколов», приводящих к «сужению рабочей поверхности». Пластинчатый краевой угловой скол, снимаемый с угла между поверхностью скалывания и боковой поверхностью, возобновлял выпуклость рельефа, не приводя к сокращению ширины поверхности скалывания. Возможность такого снятия обеспечивается выровненностью рельефа боковой поверхности. В зависимости от способа подготовки этой поверхности угловые сколы поднятия рельефа поверхности скалывания могут быть либо полуреберчатые (рис. *5*, *5*), либо иметь облик утолщенных пластин (рис. *5*, *7*). Все угловые сколы в силу того, что они снимаются с выпуклой поверхности расщепления, имеют тенденцию к ныряющему окончанию. Пластинчатые сколы-заготовки, напротив, не могут иметь такого окончания, равно как и сильно изогнутый профиль. Они могут лишь следовать ровному, слабоизогнутому рельефу поверхности скалывания. Поскольку степень выпуклости рельефа поверхности скалывания нуклеуса после снятия краевых сколов восстанавливается в прежнем виде, параметры заготовок — их толщина и ширина — остаются стабильными на всем протяжении утилизации ядрища. То есть данная технология позволяет получать максимально прямые, стандартные пластинки. По мере срабатывания

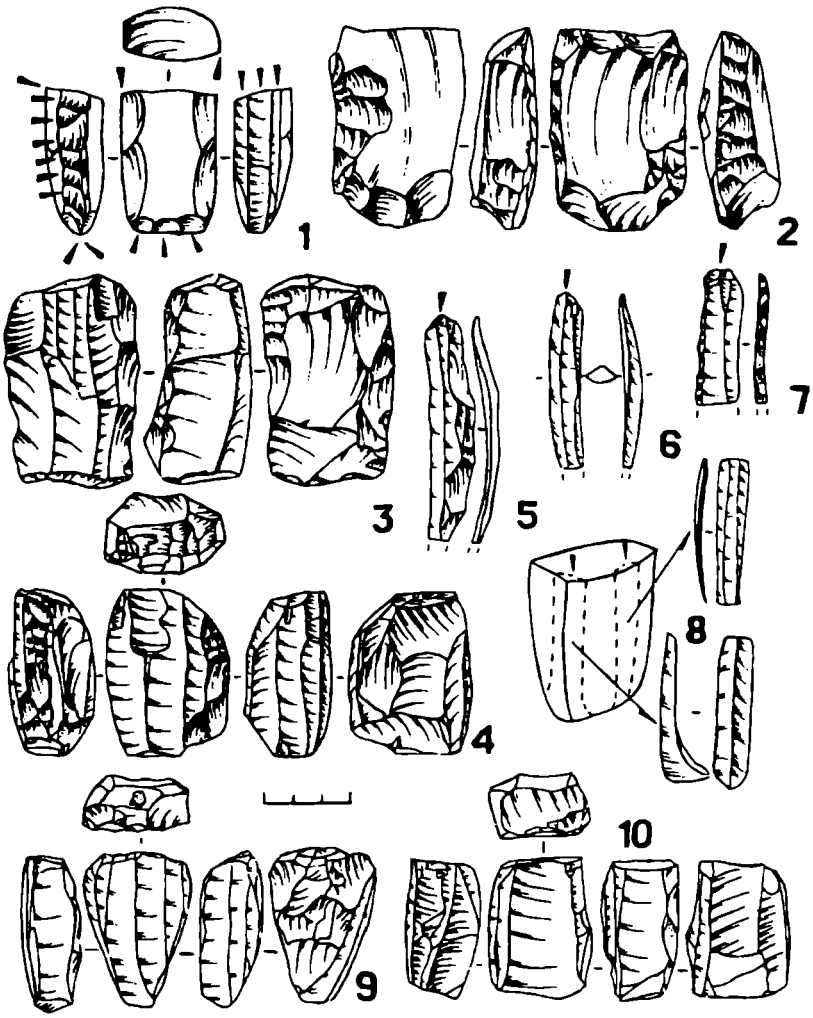


Рис. 5. *1* — схема изготовления пренуклеуса в индустрии Матвеева Кургана; *2* — пренуклеус для пластин, Матвеев Курган; *3* — пренуклеус для пластин, Матвеев Курган; *4* — нуклеус для пластин, подготовленный к расщеплению, Матвеев Курган; *5—7* — краевые сколы поднятия рельефа поверхности скалывания, Матвеев Курган; *8* — схема утилизации нуклеуса в индустрии Матвеева Кургана; *9* — нуклеус с уплощенной поверхностью скалывания, Багринешты (раннее триполье); *10* — пренуклеус, подготовленный к расщеплению, Багринешты (раннее триполье)

нуклеуса поверхность скалывания все более и более приближается к тыльной стороне. Когда расстояние между ними — ширина боковой поверхности — становится уже ширины скола-заготовки, утилизация нуклеуса прекращается.

Как уже отмечалось, нуклеусы с такой морфологией характерны не только для стоянки Матвеев Курган. Весьма близкие аналогии им можно найти в трипольских памятниках (для сравнения см. рис. 5, *4* — нуклеус из Матвеева Кургана, рис. 5, *9*, *10* — нуклеус и пренуклеус из раннетрипольского памятника Багринешты, Молдавия, материалы И. В. Мельничук).

Получение пластинок со столь уплощенных поверхностей скалывания возможно только при использовании *отжимной* техники скола, позволяющей «разлагать» импульс прилагаемой энергии на две составляющие: «сжатие» и «отрыв». Контроль направления развития плоскости расщепления, таким образом, сильно увеличивается в сравнении с ударом. Даже при использовании посредника, позволяющего относительно точно зафиксировать точку удара и угол его нанесения, получение стандартных пластинчатых заготовок с таких поверхностей скалывания технически невыполнимо. Предельно малая величина выпуклости рельефа поверхности скалывания всегда связана с тем, что относительно узкий скол с нее будет и предельно тонок. Получение столь тонких и длинных сколов

при ударных техниках скола невозможно из-за существования определенных пределов пластичности изотропных пород.

На базе такой же технологической невыполнимости основан и другой критерий выделения отжима заготовок по морфологии нуклеусов: эти нуклеусы могут иметь негативы снятия достаточно удлиненных и правильных пластин, отжатых с тупого угла скалывания (95—115°), что невозможно при ударе.

В тех случаях, когда в коллекции нет нуклеусов с сильно уплощенными поверхностями скалывания или в тех, где пластинчатые снятия осуществлялись с тупого угла, критерием отжима пластин могут служить карандашевидные нуклеусы, если их наибольший диаметр в 3—4 и более раз меньше длины нуклеуса. В данном случае мы согласны с мнением В. А. Городцова, что получение пластинок ударными техниками скола с таких ядрищ «представляется делом прямо немыслимым» [45, с. 251].

Кроме морфологии нуклеусов для определения использования отжима могут использоваться и признаки самих сколов-заготовок. Еще в 1928 г. Г. А. Бонч-Осмоловский отметил, что «уменьшение массивности кремневых орудий в связи с усовершенствованием искусства раскалывания проходит красной нитью через всю палеолитическую индустрию» [14, с. 183]. Справедливость этого высказывания для некоторых памятников среднего палеолита показана Н. К. Анисюткиным [16, с. 97—107; 46, с. 5—8].

Но процесс уменьшения массивности сколов-заготовок продолжался и в более позднее время. Причем к концу верхнего палеолита необходимость в получении тонких и длинных сколов вошла в противоречие с существовавшей ударной техникой скола. Даже при самых выгодных видах морфологии поверхности скалывания нуклеусов для каждой исходной разновидности изотропного материала существует определенный естественный лимит возможности снятия *нефрагментированного* пластинчатого скола с помощью ударной техники скола. Это выражается в регламентации соотношения *длины* снимаемой пластины и ее *толщины*: при определенной толщине пластины возможность ее снятия ударным способом достаточно жестко связана с пределами ее длины либо, наоборот — определенная длина пластины может быть достигнута ударной техникой скола только при достаточной ее толщине. Причины таких ограничений возможностей ударных техник скола мы видим в наличии пределов пластичности каждого конкретного типа изотропного сырья, что в свою очередь накладывает определенные ограничения на возможную степень изгиба заготовки в момент ее отделения от нуклеуса. Короткий и мощный импульс удара всегда приводит к высокой степени изгиба пластины на достаточно коротком участке. Импульс давления при отжимных техниках скола всегда более длинный, он не вызывает столь сильного изгиба пластины на коротком участке в момент снятия, что уберегает ее от фрагментации в ходе отделения от ядрища при той же степени пластичности материала. Мы считаем необходимым подчеркнуть, что сколы, полученные отжимом, могут быть как толстыми и короткими, так и тонкими и длинными, в то время как сколы, отбитые от нуклеуса, имеют предел длины при определенной толщине.

Критериями выделения отжатых пластин могут служить: 1) регулярность расположения и высокая степень параллельности ребер на спинке; 2) ровность краев, которая является следствием плавного изменения толщины скола и невыразительности отжимной волны; 3) отжатые пластины могут иметь отношение длины к толщине менее чем 1 : 60 [3, с. 45], в то время как у отбитых пластин крайне редко эта пропорция приближается к значению 1 : 29 (такая пластина имеется в коллекции Костенок 1, 1-й слой, новый комплекс). Безусловно, для использования этого критерия определения отжимной техники скола необходимо отыскать в коллекции самые длинные и тонкие целые пластины — именно они являются наиболее показательными даже в том случае, когда перед нами явное отклонение от стандарта заготовок данной индустрии. Если основной массив пластин коллекции имеет все перечисленные выше признаки, но средние

показатели пропорций их длины и толщины отнюдь не столь уж малы, например 1 : 30, то именно наличие самых тонких и длинных, нестандартных образцов может послужить ключом к определению техники скола как отжимной.

При работе с археологическими коллекциями нам удалось установить, что даже усредненные результаты подсчетов этой пропорции весьма показательны.

Пластины верхнего палеолита — ударная техника скола: Костенки 1, 1-й слой — 1 : 16 (по материалам Н. Д. Праслова); Авдеево — 1 : 16 (по материалам М. Д. Гвоздовер), Мезин — 1 : 11 (по материалам И. Г. Шовкопляса); Золотовка — 1 : 9 (по материалам Н. Д. Праслова); Каменка — 1 : 6 (по материалам П. О. Борисковского и И. В. Сапожникова). Неолитические пластины — отжимная техника скола: Джейтун — 1 : 22 (по материалам В. М. Массона).

Из сказанного следует, что верхнепалеолитические по технологии расщепления индустрии достигли пределов возможности изготовления пластинчатых заготовок из изотропных пород путем ударных техник скола. Причину перехода к отжиму пластин мы видим в существовании потребности в тонких, длинных, с острым, прямым, регулярным режущим краем скола. Сам факт существования такой потребности уже в верхнем палеолите не представляется нам слишком гипотетичным, имея в виду достаточно широкое распространение вкладышевой техники, наличие гометрических микролитов, а также специализированного производства пластинок и микропластин с помощью ударной техники скола в конце этого периода.

Таким образом, в мезолитических технологиях расщепления были решены проблемы контроля за всеми переменными, воздействующими на формирование и развитие плоскости расщепления. Однако величина силового импульса все еще была ограничена физическими возможностями человека. Последнее ограничение было преодолено энеолитической техникой скола.

Энеолитическая техника скола. До конца неолитического периода, а кое-где и после него, отжим пластинчатых заготовок осуществлялся вручную — посредством только лишь мускульной силы человека, что не позволяло отжимать заготовки шириной более 12—15 мм из плотных изотропных пород типа кремня. С появлением рычага в поздненеолитическое — энеолитическое время отжимная техника скола из «ручной» превращается в «усиленную» [47, с. 27—29]. Появляются в массовом количестве крупные, до 40 см длиной и более пластины, ширина которых иногда превышает 30 мм.

Как и в случае с определением места и времени возникновения ручного отжима пластин, на сегодняшний день у нас нет достаточных данных для построения подобных гипотез о происхождении «усиленного». Однако сам факт наличия множества таких заготовок в коллекции уже сейчас может быть использован для отнесения таких материалов к финальнонеолитическому либо энеолитическому периоду. Появление больших отжатых пластин, естественно, сопровождалось изготовлением больших нуклеусов. На некоторых из них прослеживаются следы отжима пластинчатых сколов с тупого угла скалывания, а также оформление некоторых элементов пренуклеусов с помощью усиленного отжима.

Различные техники скола как основные составляющие технологий расщепления камня с целью получения сколов-заготовок соотносятся с определенными этапами археологической периодизации (таблица).

Признаки употребления различных технологий, отраженные в морфологии продуктов расщепления, могут использоваться в качестве критерия, позволяющего отделить поздние индустрии от более ранних в случае типологической невыразительности артефактов и нечеткости условий их залегания. Коллекция, имеющая архаичный облик и признаки более развитой технологии расщепления, должна, вероятно, рассматриваться либо как более поздняя, либо как смешанная.

В заключение необходимо отметить, что даже самые древние технологии расщепления не исчезают в последующие периоды. Они являются базой для создания новых, более развитых технологий и входят в них в качестве составных

Таблица

Соотнесение периодов каменного века с техниками скола

Нижний и средний палеолит	Нижнепалеолитическая техника скола	Ударные техники скола
Верхний палеолит	Верхнепалеолитическая техника скола	
Мезолит, неолит	Мезолитическая техника скола (ручной отжим)	Отжимные техники скола
Поздний неолит, энеолит	Энеолитическая техника скола (усиленный отжим)	

частей. Так, элементы нижнепалеолитической технологии, в частности техника скола, не исчезают в позднем палеолите, а продолжают существовать, пока существовало расщепление камня. Изготовление энеолитического пренуклеуса невозможно без применения нижнепалеолитической техники скола. То же относится и к верхнепалеолитической технике скола, которая продолжала использоваться и с появлением ручного отжима пластинок-заготовок в мезолите, и с появлением усиленного отжима пластин в более позднее время.

Пользуясь случаем, мы выражаем благодарность и глубокую признательность З. А. Абрамовой, М. В. Аниковичу, Н. К. Анисюткину, М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьеву, Л. Я. Крижевской, В. П. Любину, В. М. Массону, А. Е. Матюхину, И. В. Мельничук, Н. Д. Праслову, И. В. Сапожникову, А. А. Синицыну, В. Е. Щелинскому, позволившим познакомиться со своими коллекциями и высказавшим ряд полезных критических замечаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гиря Е. Ю.* Проблемы технологического анализа продуктов расщепления камня//СА. 1991. № 3.
2. *Нехорошев П. Е.* К методике изучения нижнепалеолитической техники и технологии расщепления камня//СА. 1993. № 3.
3. *Волков П. В., Гиря Е. Ю.* Опыт исследования техники скола//Проблемы технологии древних производств. Новосибирск, 1990.
4. *Гиря Е. Ю.* Технология скола в краевом скалывании//Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тез. докл. IV конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1988.
5. *Харрисс Дж. У. К., Джохансон Д. К.* Археологические открытия в районе Афара, Эфиопия: стоянка Вест-Гона//Исследования четвертичного периода. М., 1986.
6. *Wymer J.* The palaeolithic age. London, 1984.
7. *Немец Ф.* Ключ к определению минералов и пород. М., 1982.
8. *Ohnuma K., Bergman C. A.* Experimental studies in the Determination of Flaking Mode//Bulletin of the Institute of Archaeology. 1982. N 19.
9. *Wenban-Smith F. F.* The Use of Canonical Variates for Determination of Biface Manufacturing Technology at Boxgrove Lower Palaeolithic Site and the Behavioral Implications of this Technology// J. of Archaeological Science. 1989. V. 16. N 1.
10. *Dibble H. L., Whittaker J. C.* New Experimental Evidence on the Relation Between Percussion Flaking and Flake Variation//J. of Archaeological Science. 1981. N 8.
11. *Сулейманов Р. Х.* Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972.
12. *Городцов В. А.* К истории развития техники первобытных каменных орудий//СЭ. 1935. № 2.
13. *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
14. *Бонч-Осмоловский Г. А.* К вопросу об эволюции древне-палеолитических индустрий//Человек. 1928. № 2—4.
15. *Ефименко И. П.* Первобытное общество. Киев, 1953.
16. *Анисюткин Н. К.* Опыт использования массивности сколов как показателя относительной хронологии в палеолите//Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск, 1988.
17. *Семенов С. А.* Первобытная техника//МИА. 1957. № 54.
18. *Mason O. T.* North American Bows, Arrows and Quvers//Annual report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution to July, 1893. Wash., 1894.
19. *Мортилье Г. и А.* Доисторическая жизнь. СПб., 1903.

20. *Обермайер Г.* Доисторический человек. СПб., 1913.
21. *Осборн Г. Ф.* Человек древнего каменного века. Л., 1924.
22. *Newcomer M. N.* «Punch Technique» and Upper Paleolithic blades//Lithic Technology. Making and using stone tools. Paris, 1975.
23. *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976.
24. *Гладилин В. Н.* Что же такое техника леваллуа?//Каменный век: памятники, методики, проблемы. Киев, 1989.
25. *Смирнов С. В.* Становление основ общественного производства. Киев, 1983.
26. *Marks A. E., Volkman P. W.* Changing Core Reduction Strategies: Technological Shift from the Middle to the Upper Palaeolithic in the Southern Levant//Mousterian Legacy. British Archaeological Report. International Series. 164. Oxford, 1983.
27. *Коробков И. И.* Палеолит Восточного Средиземноморья//Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л., 1978.
28. *Marks A. E., Volkman P. W.* Technological variability and change seen through core reconstruction//The Human Uses of Flint and Chert. London, 1983.
29. *Copeland L.* Levallois/non-levallois Determinations in the Early Levant Mousterian: problems and questions for 1983//Paleorient. 1983. V. $^{9}/_{2}$.
30. *Bergman C. A.* Kzar Akil and the Upper Palaeolithic of the Levant//Paleorient. 1988. V. 14/2.
31. *Bradly B., Sampson C. G.* Analysis by Replication of two Acheulian Artefact Assemblages//Stone Age Prehistory. London, 1986.
32. *Frison G. C., Bradly B. A.* Folsom tools and technology (at the Hanson site, Wyoming). Albuquerque, 1980.
33. *Підоплічка І. Г.* Пізньопалеолітична стоянка Новгород-Сіверськ. Звіт про розкопки 1936—1938 рр.//Палеоліт і неоліт України. Т. І. Вип. ІІ. Археологічні досліди на Десні. Київ, 1941 (надруковано у 1949 р).
34. *Пидопличко И. Г.* Кремневые гигантолиты из Новгород-Северска//МИА. 1941. № 2.
35. *Гвоздовер М. Д.* О раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1947 году//КСИИМК. 1950. Вып. XXXI.
36. *Паничкина М. З.* Палеолитические нуклеусы//АСГЭ. 1959. № 1.
37. *Савич В. П.* Поздний палеолит Волыни//Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (каменный век). Киев: Наук. думка, 1987.
38. *Кузнецов А. М.* К технике получения микропластин — заготовок вкладышей (Приморье)//СА. 1983. № 3.
39. *Усик В. И.* Реберчатые сколы как индикатор позднепалеолитической техники первичного расщепления//Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез. докл. VI респ. конф. молодых ученых. Киев, 1987.
40. *Usik V. I.* Korolevo-transition from lower to upper palaeolithic according to reconstruction data. Anthropologie. Intern. J. Sci. Man/Ed. J. Jelinek. 1983. XXVII/2—3.
41. *Усик В. И.* Переход от раннего палеолита к позднему по материалам памятников Закарпатья (по данным ремонтажа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990.
42. *Pelegrin J.* Débitage expérimental par pression «du plus petit au plus grand». Technologie préhistorique. Notes et Monographies Techniques. N 25. CNRS. Paris, 1988.
43. *Мацкевой Л. Г.* Мезолит Предкарпатья, Закарпатья и Западного Подолья//Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (каменный век). Киев: Наук. думка, 1987.
44. *Нужный Д. Ю., Яневич А. А.* О хозяйственной интерпретации памятников Кукрекской культурной традиции//КСИА. 1987. № 189.
45. *Городцов В. А.* Археология. Т. I. Каменный период. М.; Пг, 1923.
46. *Анисюткин Н. К.* Дополнение к методике обработки нижнепалеолитических комплексов//АСГЭ. 1968. Вып. 10.
47. *Гиря Е. Ю.* Прогресс традиционной технологии в раннеземледельческую эпоху//Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху. Тез. докл. респ. совещ. Ашхабад, 1987.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

E. Yu. GIRYA, P. E. NEKHOROSHEV

SOME TECHNOLOGICAL CRITERIA OF THE STONE AGE PERIODISATION

Summary

The result of wide-scale studies of Palaeolithic, Mesolithic, Neolithic and Aeneolithic stone-tools assemblages led the authors to a conclusion that it is possible to point out some technological criteria of archaeological periodisation now. In the article a series of methodological issues and problems related to the development of lithic technological analysis is raised. Knapping technique is considered to be one of the most important criteria for determination of the place of a lithic assemblage in relative chronology.

The Low Palaeolithic, Upper Palaeolithic, Mesolithic and Aeneolithic knapping techniques are characterized. Direct free-hand percussion is connected with the Low and Upper Palaeolithic, but the latter is a specialised method different from the Low Palaeolithic one. Pressure knapping technique is characteristic for the Mesolithic, Neolithic and Aeneolithic periods: hand pressure is typical for Mesolithic and Neolithic industries and specialised strengthened pressure for Aeneolithic ones. The article presents some other morphological characteristics relevant to palaeotechnological reconstructions. It should be stressed that the technological periodisation of the Stone Age lithic industries presented in the article is not a strong frame yet, and will be the subject of the further technological and methodological studies.

Р. М. МУНЧАЕВ, Н. Я. МЕРПЕРТ, Н. О. БАДЕР, Ш. Н. АМИРОВ

ТЕЛЛЬ ХАЗНА II — РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИРИИ

Весной 1991 г. Сирийской экспедицией Института археологии РАН было открыто многослойное поселение Телль Хазна II, нижние слои которого носят чрезвычайно архаичный характер и относятся к периоду, пока еще чрезвычайно слабо освещенному в этом регионе. Поселение расположено в северо-восточной части страны, в 25 км к северо-востоку от г. Хасеке, в 800 м к северу от старого шоссе Хасеке — Камышлы, у восточной окраины д. Хазна. Менее 1 км отделяет его от расположенного к северо-востоку большого поселения Телль Хазна I, широкие раскопки которого экспедиция ведет начиная с 1988 г. [1], и 500 м от холма Телль Хазна III, находящегося к юго-юго-востоку.

Телль Хазна II стоит на поле, с востока и юго-востока он обрамляется вади шириной 10—15 м, идущим дугообразно, повторяя очертания соответствующих пол холма, заметно нарушенных водой. Среди местного населения вади именуется Вади Ханзир или Вади Риджла. Оно впадает в р. Джаг-Джаг, в свою очередь являющуюся левым притоком Хабура.

Склоны холма, крутые с севера и востока, сильно расплылись к югу и западу; в обоих этих направлениях они нарушены современным кладбищем. Диаметр холма колеблется от 100 (С — Ю) до 150 (ЮВ — СЗ) м, высота над поверхностью поля достигает 9 м, а над уровнем дна вади — 12 м.

На слабо задернованной поверхности холма были зафиксированы значительные скопления разновременных керамических фрагментов. Наиболее ранние из них принадлежат архаической фазе хассунской культуры Месопотамии (VI тыс. до н. э.) [2], а также подоснове последней — культуре Телль Сотто, открытой нашей же экспедицией в период работы в смежном районе Синджарской долины Северо-Западного Ирака и относящейся к концу VII — началу VI тыс. до н. э. [3]. Уже в ходе предварительного осмотра памятника было собрано значительное число фрагментов характерных сосудов этих культур, как гладких, так и расписных, а также с полностью покрытой красной краской и тщательно залощенной внешней поверхностью. Отмечено, что подобные находки сосредоточены более всего на восточном склоне холма — начиная с поверхности берега вади и вплоть до среднего уровня склона. На последнем и несколько выше распространены (в значительно меньшем числе) фрагменты типичных сосудов халафской культуры Месопотамии (V тыс. до н. э.), в том числе с полихромной росписью. Учитывая обнажение и частичное разрушение восточного склона водами вади, можно рассматривать отмеченные скопления керамики как ориентировочные индикаторы соответствующих слоев.

Выше, в верхней половине холма и на его поверхности, керамика значительно многообразнее — от фрагментов расписных чаш так называемого «хабурского стиля» (II тыс. до н. э.) до эллинистических амфорных ручек, а далее и поливной посуды исламского периода, хотя отдельные архаичные (в том числе халафские) фрагменты встречены и там. Наивысшая точка холма определена в северо-восточной части его верхней площадки.

В 1991 г. на восточном склоне Телль Хазны II была заложена траншея

© Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт, Н. О. Бадер, Ш. Н. Амиров, 1993 г.

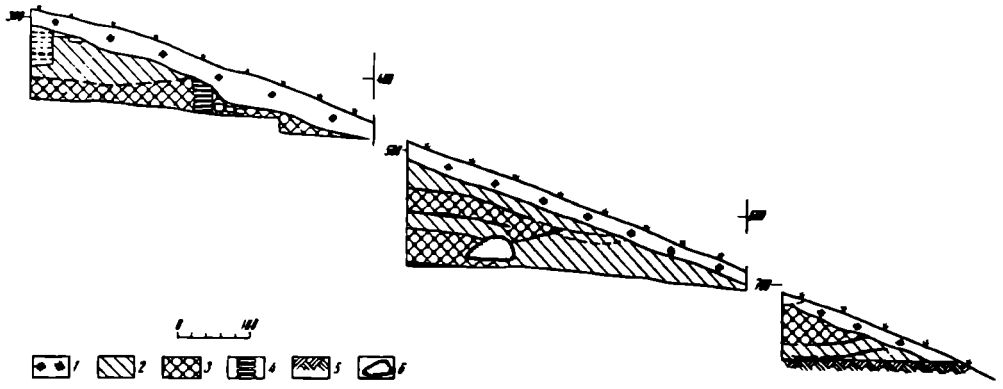


Рис. 1. Телль Хазна I. Разрез по северной бровке траншеи. *1* — верхний мешаный слой; *2* — слой серый глинистый; *3* — слой желто-коричневый глинистый; *4* — кладка; *5* — материк; *6* — кротовины

запад — восток начиная с уровня 3,18 м от 0. Длина траншеи 15 м, ширина 2,5 м. В 1992 г. эта траншея была расширена до 5 м. Нижняя ее точка фиксирована на глубине 8,80 м от нулевой отметки. Площади трех пятиметровых квадратов, составлявших траншею, вскрывались последовательными ступенями (рис. 1).

Поверхность первого — западного квадрата — сильно разрушена выветриванием и дождями, материал в нем носит мешаный характер. Однако и здесь поздняя керамика представлена в крайне незначительном числе и прослежена лишь до глубины 5 м. В этом же слое найдены (скорее всего in situ) и фрагменты сосудов халафской культуры. В целом на этом квадрате в отмеченном слое ориентировочно определены два уровня полов: на глубинах 4,33 и 4,53 м от 0. На обоих полах зафиксированы строительные остатки: на верхнем из них следы кладки из сырцовых кирпичей, на нижнем — бесформенный развал и значительные зольные скопления. Вероятна связь всех этих остатков с культурным слоем халафского периода.

Во втором — среднем квадрате — тот же мешаный слой сползает по склону холма несколько ниже, до глубины 5,22 м. Далее же вплоть до материка идет весьма значительный по мощности однородный слой с керамикой архаической Хассуны и предхассунской культуры Телль Сотто. Глубокая связь и безусловное родство этих культур неоднократно подчеркивались в литературе [3, с. 197, 198]. В соответствии с расположением древнейшего поселка на естественном возвышении берега вади уровень поверхности материка колеблется в пределах от 8 до 8,80 м от нулевой отметки. На эти глубины выведена траншея на третьем — нижнем квадрате.

Таким образом, можно утверждать, что слой, связанный с культурами Телль Сотто и архаической Хассуны, по мощности своей превышает 3 м, что для данного региона Месопотамии представляет явление уникальное. Для сравнения укажем, что соответствующий слой исследованного японской экспедицией в этом же районе Сирии поселения Кашкашок II [1] на большинстве участков не превышает по толщине 1,20 м и лишь на месте углубленного в материк жилища достигает 2 м [4, табл. 56].

---

[1] Поселение Кашкашок — культурно и территориально ближайший аналог Телль Хазне II — расположено в 30 км к СЗ от Хасске, на пятиметровом холме, входящем в группу из четырех разновременных теллей (холм № 11) по обе стороны Вади Авейджи. Японской экспедицией здесь вскрыто около 600 м^2 и выделены три слоя, из которых нижний, лежащий на материке, отнесен к Хассуне Ia. В нем в свою очередь выделены четыре горизонта, причем в наиболее раннем из них открыты овальное углубленное в материк жилище (3,92×3 м) и яма для добычи строительного материала. Керамика нижнего слоя типична для предхассунских и раннехассунских поселений, для которых характерны и указанные котлованы и ямы (Ярым Тепе I, Телул эт-Талатат и др.). Палеоботанические материалы представлены эммеровой пшеницей, шестирядным ячменем, чечевицей, горохом.

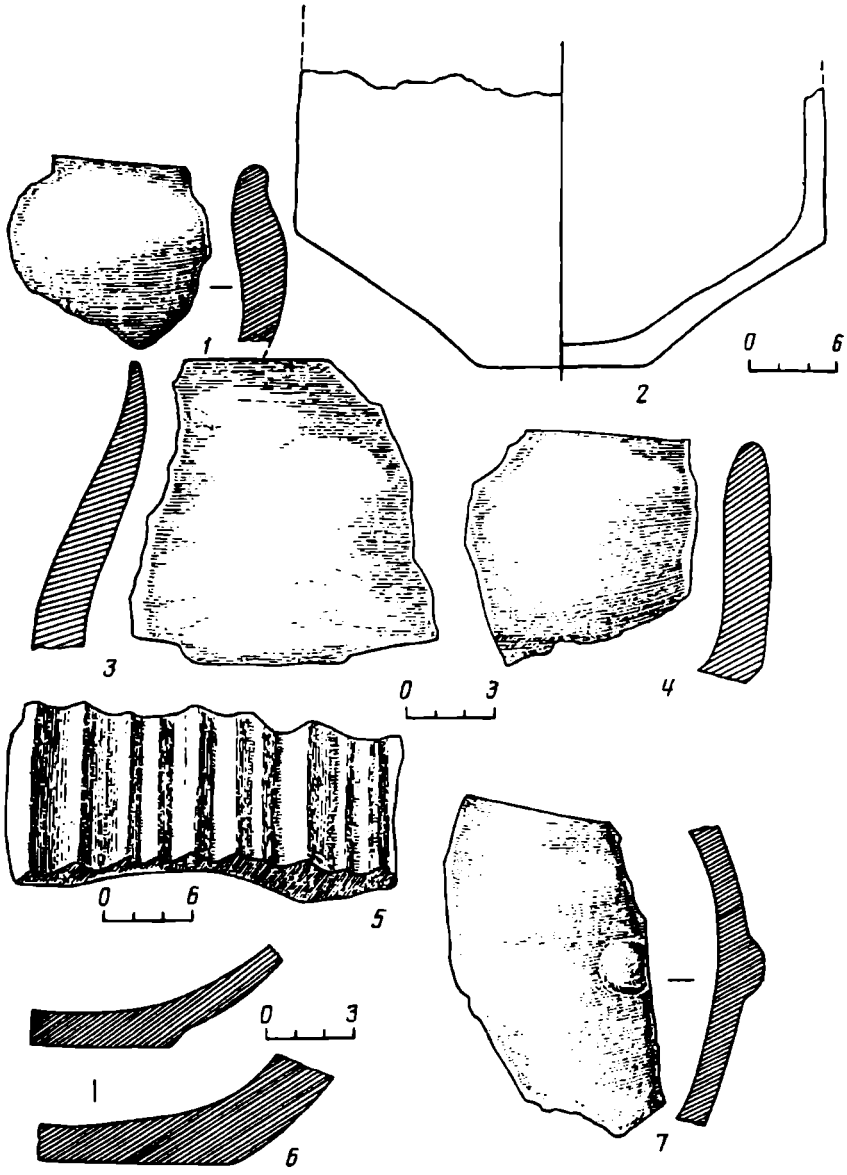


Рис. 2. Телль Хазна II. Грубые ребристые сосуды и веялки из нижних слоев

Расположение траншеи на крутом склоне, подвергавшемся чрезвычайно длительным разрушениям эрозией, водой и оползнями, заметно затрудняет внутреннюю стратификацию слоя. Конкретные поверхности внутри него выделены лишь ориентировочно. Две из них отмечены выше для верхнего квадрата траншеи. Поверхность — 5,22 м во втором — среднем квадрате — непосредственно перекрывает нижний слой. Внутри последнего, в профилях стенок траншеи, зафиксированы слабые следы стен из «ломтей» глины на уровнях 5,98—5,38 м. Их перекрывала зольно-угольная поверхность на глубине 5,30 м. Внутри стен подобные же поверхности прослежены на глубинах 5,78—5,98 м, а ниже стен на глубинах 6,18; 7,20; 7,36; 7,46 и 7,66 м. Далее вплоть до материка слой однороден, конкретные поверхности внутри него не выделяются, но фрагменты керамики и вкрапления угля и зольных пятен продолжаются в культурном слое до указанных выше уровней залегания материкового слоя.

Прежде чем перейти к анализу достаточно обильного и чрезвычайно важного массового материала из раскопок — керамики, остановимся на одной экстраординарной находке, сделанной в материке у нижнего края траншеи и перекрытой культурным слоем. Речь идет о погребении ребенка (судя по зубам, возраста около одного года), совершенном в большом, вкопанном в землю

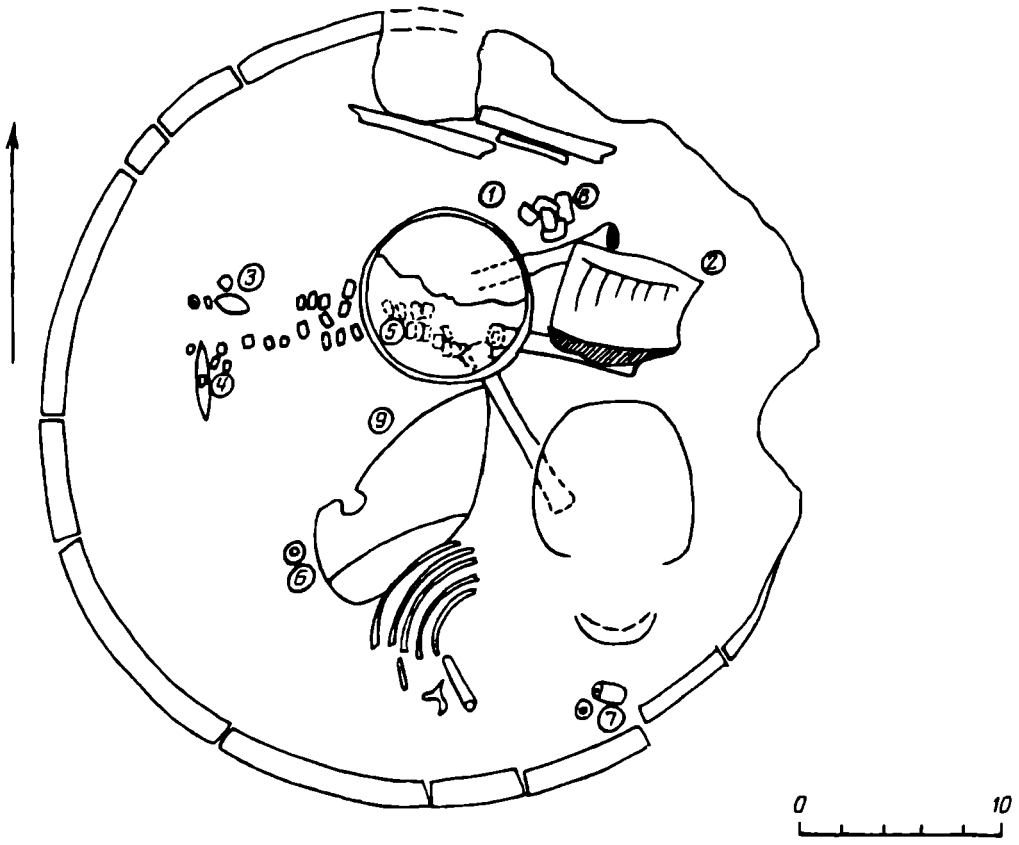


Рис. 3. Телль Хазна II. Детское погребение в сосуде из нижнего слоя

глиняном сосуде. Последний относится к числу форм, наиболее характерных для указанных древнейших культур Месопотамии и встречающихся лишь на наиболее ранних этапах их развития. Это грубый толстостенный сосуд с диаметром устья свыше 50 см и такой же примерно высотой, прямым округлым венчиком, прямыми же стенками и резкими подкосами к небольшому плоскому дну (рис. 2, *2*).

Тело ребенка было положено в сосуд в сильно скорченном положении на правом боку головой к востоку (рис. 3). Череп лежал лицевыми костями вниз. Это позволяет предположить, что голова была отделена от туловища. Руки согнуты в локтях под углом 30°, а ноги — в коленях под тем же углом. Кости конечностей и грудной клетки частично перекрыты небольшой плоскодонной глиняной чашечкой, половиной каменного полированного сосуда (рис. 4) и фрагментами большой дисковидной крышки из необожженной глины, покрывавшей костяк или сосуд в целом. Между локтевыми костями и тазом открыто большое скопление каменных (возможно, и единичных раковинных) бус — скорее всего остатки единого ожерелья (рис. 5). Общее число бус свыше 200. Наряду с небольшими (диаметр 5—8 мм) кольцевидными, трубчатыми, боченкообразными черными, белыми и зеленоватыми бусинами найдены одна дисковидная и две ромбические крупные подвески (25×25 мм) из черного камня. Ближайшей аналогией этому ожерелью является находка коллекции подобных бус в круглом ритуальном помещении древнейшего (XII) горизонта поселения Ярымтепе I в Северо-Западном Ираке [2, с. 136, 138, цветн. табл.]. Отметим, что в этом же помещении, как и в описываемом погребении, обнаружена также половина мраморного полированного сосуда. Близ упомянутой глиняной чашечки, лежавшей на костях ребенка, найден кусок красной охры, мелкие вкрапления которой отмечены и в заполнении урны. В целом погребение находит прямые аналогии в памятниках архаической Хассуны и культуры Телль Сотто, прежде всего на эпонимном поселении последней. В Телль Сотто обнаружено шесть

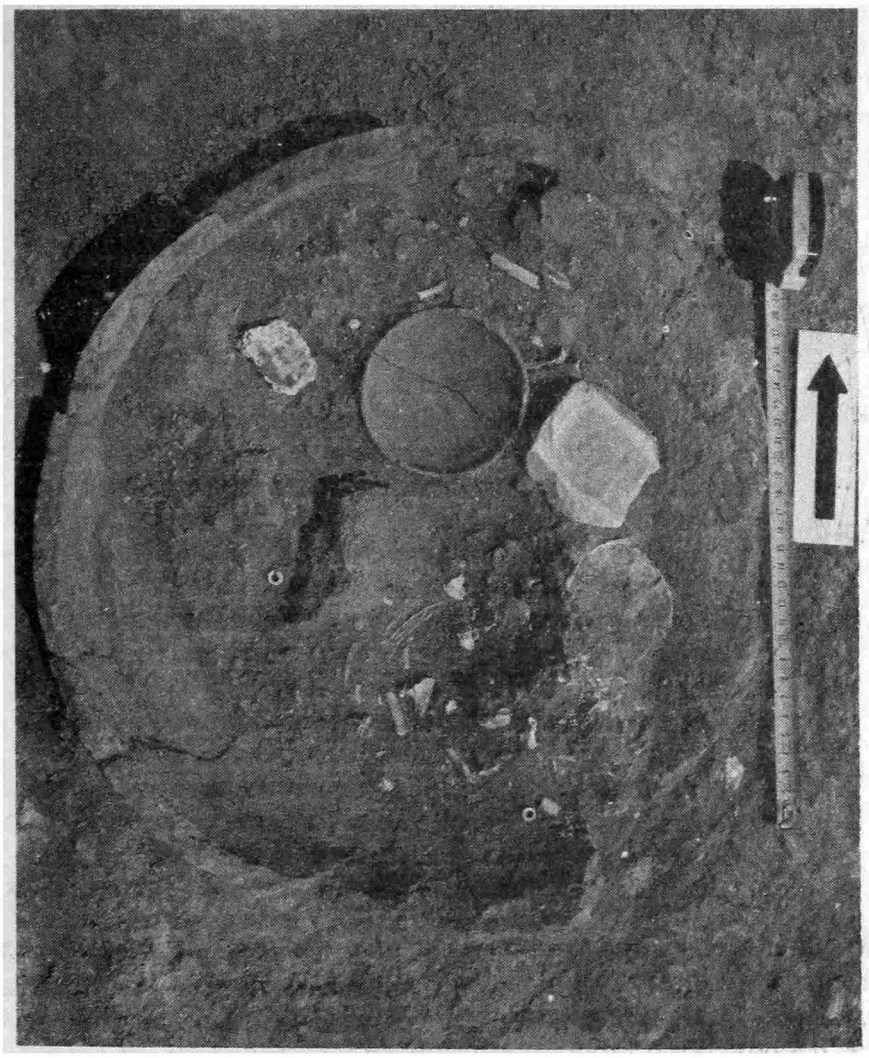


Рис. 4. Телль Хазна II. Детское погребение в сосуде из нижнего слоя

подобных погребений (№ 10, 12, 14, 15, 21, 22). Из них особенно близки к нашему погребения № 14 и 22, совершенные в подобных же сосудах, причем последнее сопровождалось ожерельем из каменных и медных бус [3, с. 132—134, табл. 47, *1*, *2*].

Рассмотрим керамические находки из древнейшего слоя Телль Хазны II. Не считая сосудов, связанных с описанным погребением, целых форм в слое не найдено, хотя во многих случаях формы эти четко восстанавливаются. Из 1427 учтенных фрагментов сосудов 955 принадлежат толстостенным сосудам грубой лепки с обильной примесью рубленой соломы и прочей органики. Специальное технологическое исследование, проведенное Ю. Б. Цетлиным, показало, что для изготовления подобных сосудов были использованы легкоплавкие глины средней ожелезненности и пластичности. Среди органических примееей, помимо соломы, использовался главным образом навоз животных в концентрации 1 часть навоза на 2 части глины. Поверхности сосудов заглажены вручную. Роспись на обнаруженных фрагментах этой керамики не зафиксирована. Обжиг сосудов производился в окислительной среде с короткой выдержкой и при высокой температуре.

Приведенные данные являлись результатом микроскопического изучения единичных фрагментов сосудов. Но следует отметить, что они полностью соответствуют характеристикам, полученным при изучении значительной серии

Рис. 5. Телль Хазна II. Каменные бусы из детского погребения в сосуде (нижний слой)

керамики из Телль Сотто, которые объединяются в две технико-типологические группы. Из них первую составляют крупные толстостенные сосуды — хранилища, прежде всего с ребрами и подкосами к плоскому дну, а также тазы, корыта и веялки (Husking trays). Вторая группа технологически идентична первой, но сосуды ее отличаются более тонкими стенками и большим типологическим многообразием (кубки, ребристые чаши, миски, блюда) [3, с. 134, 135]. Для обеих групп, подобно нашим находкам, отмечается обилие растительных примесей, грубая обработка поверхности и костровый обжиг [3, с. 135, сл.; 5, с. 327—334]. Фактически здесь идет речь о единой технологической группе.

Сразу же отметим абсолютное преобладание такой керамики в нижних горизонтах слоя Телль Хазны II, на уровнях ниже 7,40 м.

Найденные в большинстве своем выше указанного уровня — вплоть до глубины

5,22 м — 407 фрагментов несколько отличны по своим технологическим характеристикам. Они свидетельствуют об использовании глины средней и слабой ожелезненности и средней пластичности с искусственной примесью навоза животных либо в концентрации 1 часть навоза на 2—3 части глины, либо 1 часть навоза на 5—6 частей глины. Поверхность сосудов обработана заглаживанием вручную или разными вариантами лощения. 270 фрагментов не орнаментированы, но многие покрыты слоем ангоба из сильно ожелезненной глины, 137 — носят следы росписи краской из столь же сильно ожелезненной глины. Основная масса подобной керамики была подвергнута обжигу в окислительной среде с короткой выдержкой при высокой температуре. Роспись нанесена красной краской по светло-коричневому, кремовому или серому фону.

Соответственно в Телль Сотто также выделена технологически подобная группа керамики, характеризуемая хорошо отмученным глиняным тестом, мелкой, едва заметной растительной примесью, ровным обжигом, тщательно заглаженной поверхностью и наличием росписи красной охрой, нанесенной в ряде случаев уже после обжига [5]. Среди сосудов этой технологической группы преобладают чаши, кувшины и кубки.

Сразу же отметим, что те же технологические группы керамики зафиксированы и в слоях поселений, хронологически и культурно близких Телль Сотто, знаменующих одну из наиболее ранних ступеней распространения земледелия на долинные области Месопотамии и начало формирования культур хассунского типа. Так, значительная часть керамики Умм Дабагии в районе Хатры (Северный Ирак) по всем технологическим характеристикам (толстостенность, примесь рубленой соломы и песка, слабый костровый обжиг, грубо затертая поверхность) полностью соответствует отмеченной выше первой технологической группе [6, с. 8]. Вместе с тем там же найдено большое число фрагментов сосудов и второй технологической группы — из хорошо отмученной глины почти без примесей, высокого обжига, с хорошо заглаженной, а иногда и лощеной поверхностью, а также росписью красной охрой весьма свободного стиля, в чем Д. Киркбрайд видит своего рода эксперименты наиболее раннего периода керамического производства Месопотамии [6, с. 9].

Сочетание двух охарактеризованных технологических групп керамики отмечено в слоях поселений Кюльтепе [3, с. 156, 322, табл. IV], Ярым Тепе I (в нижних горизонтах) [2, с. 92, 93], Телюль эт-Талатат (холм 2, слои XV—XVI) [7, с. 35—39], Телль Хассуны [8, с. 262 и сл.] в Северном Ираке. Особую же важность имеют данные поселения Телль Кашкашок II, расположенного вблизи Телль Хазны II, примерно в 30 км западнее него, и исследованного в 1987—1988 гг. экспедицией Токийского университета. Нижний слой этого поселения мощностью в среднем до 1,20 м содержал керамику, абсолютно аналогичную нашей и вновь позволяющую говорить о двух основных технологических группах: грубой толстостенной посуде из глины с обильной примесью рубленой соломы, а иногда также зерен гипса и гравия и более тонких сосудов, глиняное тесто которых не содержит соломы. Последние значительно лучше обожжены, поверхность их заглажена, а иногда залощена и покрыта ангобом [4, с. 20].

Керамику всех названных памятников объединяет безусловно единая технологическая традиция. То же следует сказать о ее морфологической характеристике, об основных формах, к рассмотрению которых мы теперь и перейдем. Но предварительно отметим два момента, связанных с расположением траншеи на крутом склоне, обусловившим заметные разрушения и смещения культурного слоя. Первый — сильное измельчение большинства фрагментов: менее 200 из них могут быть признаны формообразующими. Второй — многочисленные нарушения стратиграфической ситуации, исключавшие возможность фиксировать находки по конкретным полам (на большинстве участков разрушенным). Фиксация производилась по трем слоям, объединявшим серии полов на уровнях 5,70—6,60; 6,60—7,40 и ниже 7,40 м до поверхности материка (рис. 1).

В этих слоях представлены следующие виды сосудов. Крупные сосуды-

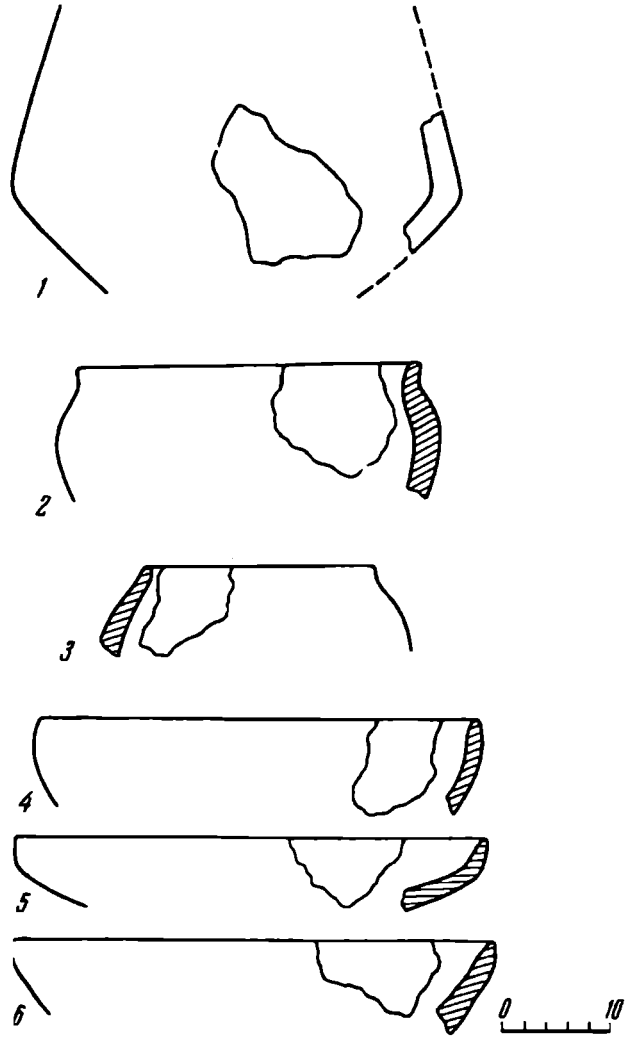


Рис. 6. Телль Хазна II. Различные формы грубых сосудов из нижних слоев

хранилища с широким горлом, цилиндрическим или расширяющимся книзу туловом, острым ребром в нижней его части и резкими подкосами к небольшому плоскому дну (рис. 2, *2*; 6, *1*). Фрагменты таких сосудов представлены во всех слоях, но наиболее характерны находки в нижнем слое, к ним должна быть отнесена и урна описанного выше детского погребения. Все сосуды этого вида относятся к первой технологической группе. Абсолютные аналогии им известны во всех отмеченных выше предхассунских и раннехассунских слоях, где они представлены рядом типов [2, с. 93, рис. 19, 24; 3, с. 135, табл. 53, *11*, *12*; 4, табл. 10, *4*, 60, *5*; 7, табл. 35; 8, рис. 6, *1—12*], причем во всех случаях большая часть соответствующих находок сделана в наиболее ранних слоях (в Телль Сотто в горизонтах 1—2, в Телль Хассуне в слое 1-а, в Умм Дабагии в фазе 3, в Телюль эт-Талатате в слоях XV—XVI, в Ярым Тепе I — в котлованах в материке и горизонтах — 10—12). При всей своей малочисленности материалы Телль Хазны II подтверждают сделанное уже наблюдение об общей тенденции развития этого вида с постепенной трансформацией ребристой посуды в сферическую [3, с. 140]. В нижнем слое Телль Хазны II найдено семь формообразующих фрагментов сосудов этого вида. Выше они единичны при увеличении числа форм с округлым туловом.

В двух нижних слоях найдены и фрагменты круглых и овальных тазов и сковород (восемь формообразующих экземпляров), также относящихся к первой

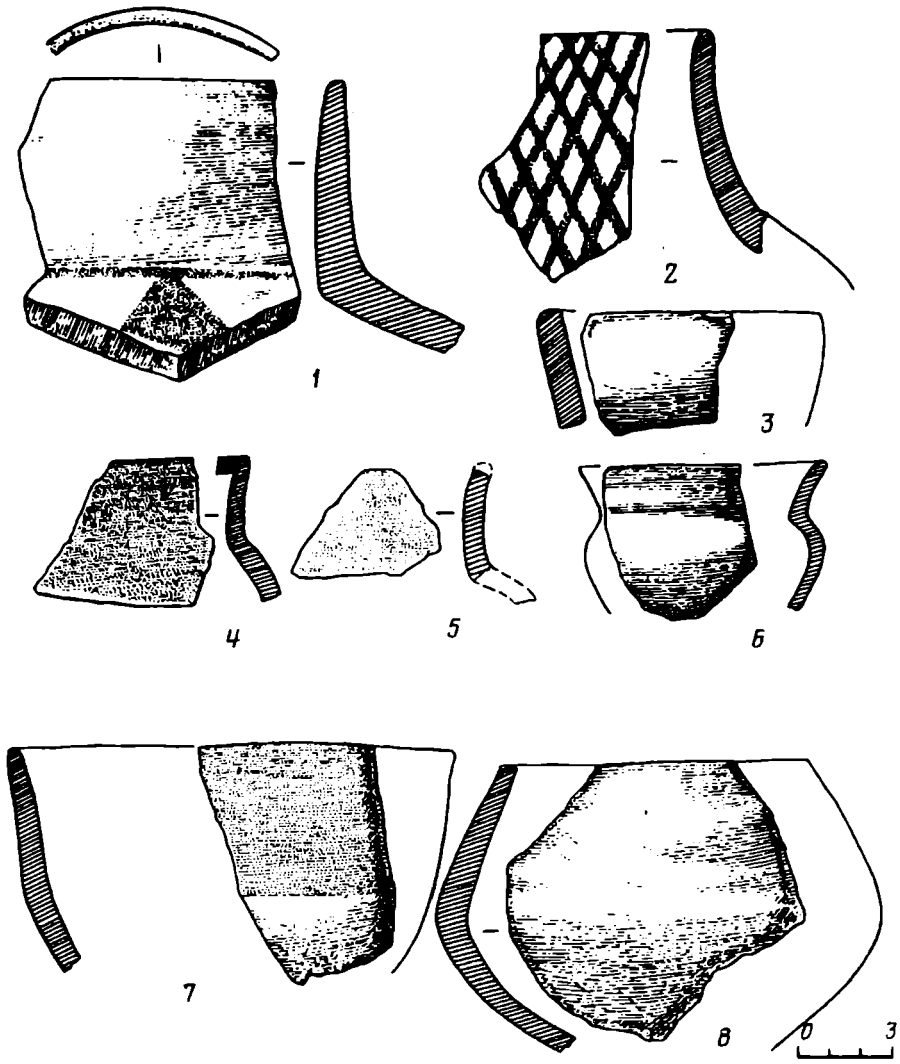


Рис. 7. Телль Хазна II. Кувшины и прочие формы сосудов из нижних слоев

технологической группе и отличающихся массивными днищами и низкими прямыми, несколько отогнутыми или слабо округленными стенками (рис. 2, *2*). Обычно они входят в единые комплексы с сосудами первого вида и известны во всех указанных культурных слоях, а также в нижнем керамическом горизонте Шимшары [2, с. 109, рис. 22; 3, с. 137, табл. 54, *5*, *6*, *14*, 55, *1*, *2*; 4, с. 21, табл. 62, *4*; 6, табл. XII, *5*, *13*; 7, табл. 35, *11*, *12*; 8, с. 277; 9, с. 106, рис. 98] и т. д. Специфическим вариантом последних являются так называемые Husking trays (веялки) — овальные тазы с поперечными ребрами, покрывающими внутреннюю поверхность дна и вертикально внутреннюю поверхность стенок. Иногда вместо ребер дно густо покрыто круглыми и треугольными вдавлениями, на стенках же и в этом случае ребра сохраняются. Полагают, что такие тазы предназначались для очистки зерен от пленки [8, с. 277]. Все они относятся к первой технологической группе.

В Телль Хазне II найдены фрагменты четырех подобных «веялок» (все с реберчатым дном): один в среднем и три в нижнем слое (рис. 2, *5*). Они также известны с отмеченных предхассунских и раннехассунских культурных слоях, причем наибольшее число их фрагментов представлено в нижних горизонтах [2, с. 110, рис. 22, *1,2*; 3, с. 137, 152, табл. 81, *9*; 4, с. 21, 22, табл. 11, *2а*, *2в*; 67, *6*, *7*; 6, табл. XV, *в*; 7, табл. 35, *16а*; 8, с. 277, рис. 3, *8—10*; 9, с. 108, рис. 99], что дало повод Д. Меллаарту предполагать, что в хассунскую культуру этот вид сосудов перешел из предшествующей культуры типа Телль Сотто и

Умм Дабагии [10, с. 140, 148] (что, по нашему мнению, является одним из доказательств генетической связи обеих культур).

Следующий вид керамики Телль Хазны II составляют кувшины, представленные двумя типами. К первому относятся большие грубые неорнаментированные сосуды первой технологической группы со сферическим туловом, плоским дном и короткой, часто слабо выраженной, шейкой (рис. 2, *2*, *3*; 6, *3*). Ко второму — сосуды обеих технологических групп различных размеров, с четко выраженной средней или высокой шейкой, округлым туловом, плоским дном и в ряде случаев — росписью по шейке и тулову (рис. 7, *1, 2, 4, 5*). Около 50 формообразующих фрагментов сосудов этого вида найдены во всех трех слоях, причем большая часть образцов первого типа представлена в нижнем слое, тогда как остатки кувшинов второго типа, в том числе расписных, распределены между слоями примерно поровну.

Оба типа кувшинов представлены абсолютно аналогичными формами во всех поселениях указанных культур Северной Месопотамии, в том числе в Телль Сотто и Кюльтепе, нижних горизонтах Ярым Тепе I, Телль Хассуне Ia—II, Умм Дабагии, Кашкашоке II, Телюль эт-Талатате и Шимшаре [2, с. 100—102, рис. 21, 30; 3, с. 136, табл. 53, *8*; 78, *13*; 83, *2—4*; 4, с. 21, табл. 14, 25; 15, *2d—f*; 6, с. 8; 7, с. 36, табл. 35, *1*; 9, табл. 105]. Как и в Телль Хазне II, везде грубые большие кувшины первого типа характерны прежде всего для нижних горизонтов.

Значительное распространение имели среди керамики рассматриваемого поселка и высокие горшки с прямыми или слегка округленными боками, коротким прямым или слегка отогнутым и утонченным венчиком и плоским дном. Они также представлены в обеих технологических группах и составляют ряд заметно различающихся между собой типов, полные характеристики которых не всегда ясны ввиду измельченности большинства даже формообразующих фрагментов. Однако могут быть достоверно выделены горшки закрытых форм с S-видным профилем, биконические, иногда с подкосами к плоскому дну, с короткой прямой шейкой, округленным туловом и плоским дном и более редкие открытые формы — цилиндрические или с раструбовидным горлом (рис. 2, *1, 3, 4*). Как и кувшины, многие горшки, прежде всего второй технологической группы, украшены росписью. Всего зафиксировано свыше 40 формообразующих фрагментов горшков, причем и здесь грубые формы более всего представлены в нижнем слое, а расписные кувшины второй технологической группы — во всех трех. Все выделенные в Телль Хазне II формы горшков также находят прямые аналогии среди керамических коллекций Телль Сотто, Кюльтепе, Ярым Тепе I, Умм Дабагии, Хассуны, Шимшары, Телюль эт-Талатата, Кашкашока II [2, с. 106, рис. 21; 3, с. 137, табл. 56, *11, 12*; 57, *1—3*; *11, 12*; 82, *6, 7*; 4, табл. 60, *1—4*; 61, *11—13*; 6, табл. XI, *1, 2*; XII, *1, 8, 24*; 7, с. 36, табл. 35, *2, 4, 6, 7*; 8, рис. 7, *32*; 11, *8, 13*; 9, с. 109, рис. 104].

Наиболее же многочисленны и многообразны среди формообразующих фрагментов из нижних слоев Телль Хазны II остатки мисок и чаш (свыше 60 находок) [2], также принадлежащих к обеим технологическим группам. И здесь измельченность фрагментов позволяет выделить лишь часть типов, число которых было, несомненно, заметно большим. Пока же могут быть выделены следующие типы этого вида сосудов.

1. Открытые плоскодонные миски и чаши с резко расходящимися от дна прямыми стенками и утонченным, округленным или заостренным венчиком (рис. 6, *4—6*). Прямые аналогии им известны в Телль Сотто, Ярым Тепе I, Телль Хассуне, Телюль эт-Талатате и др. [2, с. 102, рис. 20, *1*; 3, табл. 59, *18—20*; 60, *14*; 7, табл. 36, *16*; 8, рис. 7, 9].

2. Открытые плоскодонные миски и чаши с округленными боками и прямым или слегка отогнутым, утолщенным или утонченным, округлым или заострен-

[2] При фактическом морфологическом единстве миски отличаются от чаш лишь размерами и глубиной, а также преобладанием сосудов первой технологической группы.

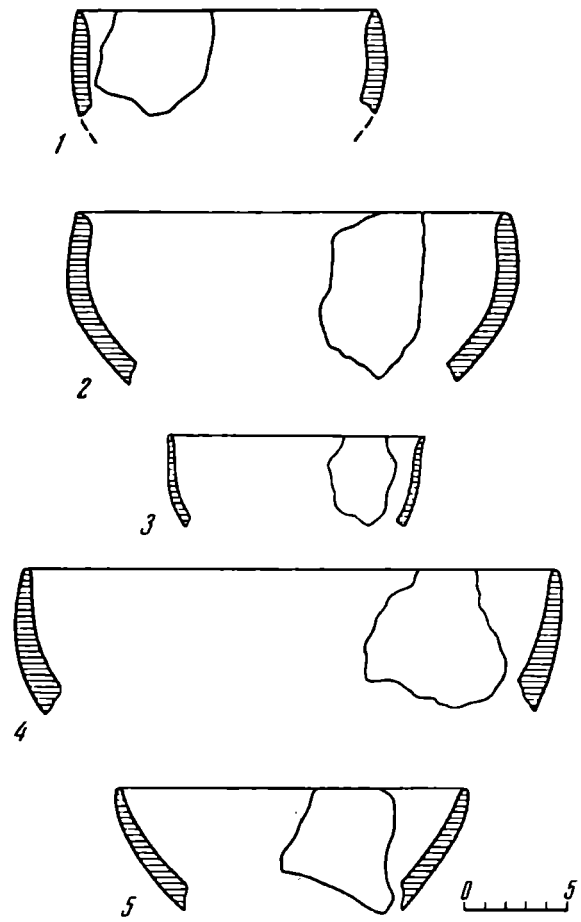


Рис. 8. Телль Хазна II. Чаши различных типов из нижних слоев

ным венчиком (рис. 8, *1—5*). Аналогии в Телль Сотто, Кюльтепе, Телль Хассуне, Умм Дабагии, Шимшаре, Кашкашоке II и др. [2, рис. 20, *2*; 3, табл. 58, *15*; 59, *1, 7*; 60, *15, 16*; 81, *1, 5*; 82, *8*; 4, табл. 10, 15; 6, табл. XII, *4*; 7, табл. 36, *13, 16;* 8, рис. 7, *4, 5, 8*; 9, рис. 92, *a—c*; 103, *a—c, f*].

3. Открытые плоскодонные миски и чашки с четко выраженным ребром, подкосами ко дну, вертикальным или отогнутым венчиком (рис. 8). Находят аналогии в тех же памятниках, что и сосуды второго типа [2, рис. 20, *3, 5*; 3, табл. 56, *5*; 60, *17*; 61, *12*; 81, *2*; 83, *10*; 6, табл. XII, *8*; 7, табл. 35, *2—6, 10*; 8, рис. 7, 8; 9, рис. 104, *a—в*].

4. Закрытые плоскодонные миски и чаши с округленными боками и прямым или вогнутым, расширенным или утонченным венчиком (рис. 7, *8*; 8, *16, 18*). Аналогии в тех же памятниках [2, рис. 20, *4*; 3, табл. 81, *3*; 82, *4*; 6, табл. XII, *2*; 7, табл. 35, *9*; 9, рис. 103, *j, k*].

5. Закрытые плоскодонные миски и чаши с ребром и подкосами ко дну. Фрагменты таких сосудов единичны. Столь же редкие аналогии им представлены в тех же культурных слоях.

Таким образом, есть основания говорить о принадлежности керамики нижних слоев Телль Хазны II как по технологическим, так и по морфологическим показателям к числу достаточно единообразных комплексов предхассунских и раннехассунских поселений, генетически связанных и занимающих значительную территорию от района Хатры на юге до Шимшары на востоке, предгорий Синджара на севере и, как мы видим, левых притоков Хабура на западе. Это полностью подтверждается и данными орнаментации сосудов. Последняя представлена почти исключительно росписью. Кроме нее в трех случаях встречены

полусферические аппликации. Резная и комбинированная орнаментация, столь характерные для стандартной Хассуны, хотя в единичных экземплярах появляющиеся уже в архаической, в Телль Хазне II пока не зафиксированы, что является определенным хронологическим показателем.

Роспись же зафиксирована 94 раза: на 10 фрагментах первой технологической группы и 84 — второй. Ею покрывались кувшины, горшки, миски и чаши. Расписные фрагменты равно распределялись по слоям: 27 в нижнем, 29 в среднем, 28 в верхнем. Краской служила красная охра, наносившаяся чаще всего на ангоб как до обжига и лощения сосуда, так и после них. Цвет — от красного до темно-коричневого — зависел от обжига. Основными вариантами росписи являются: 1) заливка краской верхней половины сосуда или всего тулова; 2) широкая горизонтальная окрашенная лента на одной или обеих поверхностях сосуда; 3) такая же лента с примыкавшими к ней снизу скошенными отрезками, свисающими или обращенными к ней вершинами треугольниками, залитыми краской или заштрихованными; 4) вертикальные системы вписанных углов; 5) косая решетка; 6) свободные сочетания указанных элементов. Следует подчеркнуть, что как характер росписи, так и все ее варианты находят абсолютные аналогии в керамических коллекциях многократно упоминавшихся выше памятников — Телль Сотто, Кюльтепе, Ярым Тепе I, Умм Дабагии, Кашкашока II [2, с. 100, 105, 108, 109, рис. 19—21; 23, 25—29; 3, с. 135, табл. 40, *58—61, 65—67, 81—83*; 4, с. 25; 6, с. 9] (рис. 9).

Вместе с тем должна быть отмечена и определенная специфика керамического комплекса Телль Хазны II, выраженная прежде всего наличием в ней заметного числа фрагментов тонкой полированной керамики (28 красных и 15 черных). В упомянутых памятниках более восточных районов Месопотамии такая керамика, резко отличная от обычного местного комплекса, представлена лишь единичными экземплярами, которые связываются с традициями более западных районов, в том числе сиро-киликийского неолита [3, с. 135].

Все вышеизложенное позволяет с уверенностью отнести древнейшие слои Телль Хазны II к выделяемой ныне древнейшей керамической раннеземледельческой культуре Северной Месопотамии типа Телль Сотто и Умм Дабагии, а также к начальному периоду Хассунской культуры. Тем самым определяется и относительно хронологическая позиция данных слоев. Памятники этой культуры однозначно относятся ныне к периоду, последовавшему за первыми опытами керамического производства, знаменовавшему сложение последнего и начало освоения земледельцами речных долин, и непосредственно предшествовавшему хассунской и самарской культурам Северной Месопотамии. В самом процессе формирования последних культура типа Телль Сотто и Умм Дабагии сыграла роль основного компонента [2, с. 145—147; 3, с. 197, 200, 240]. Открытие столь четких и значительных памятников, как Телль Хазна II и Кашкашок II, позволяет распространить ее ареал и на Северо-Восточную Сирию.

Что касается абсолютной датировки рассматриваемой культуры, то данные для ее определения пока крайне ограничены в силу чрезвычайно плохой сохранности органических остатков в соответствующих культурных слоях. Пять радиокарбонных дат были получены для образцов из Телюль эт-Талатата. Из них две (ТК-199а — 6340 ± 390 BP и ТК-199в — 6680 ± 290 BP) явно ошибочны, три других, очевидно, верны, учитывая полное соответствие их датам из других памятников. Из этих трех дат одна документирует первую четверть VI тыс. до н. э. (ТК-198 — 7800 ± 80 BP, т. е. 5850 ± 80 г. до н. э.), две другие — вторую его четверть (ТК-23 — 7360 ± 100 BP, т. е. 5410 ± 100 г. до н. э. [10, с. 7; 11, с. 7] и ТК-24 — 7520 ± 120 BP, т. е. 5570 ± 120 г. до н. э.). Три последние даты согласуются с датами, полученными для образцов из нижних слоев Телль эс-Саввана (P-855, —7456 ± 73 BP, т. е. 5506 ± 73 г. до н. э.) [12, с. 190] и Маттары (W-923 — 7570 ± 250 BP, т. е. 5610 ± 250 г. до н. э.) [13, с. 182], а также с датой, полученной при анализе органического вещества из

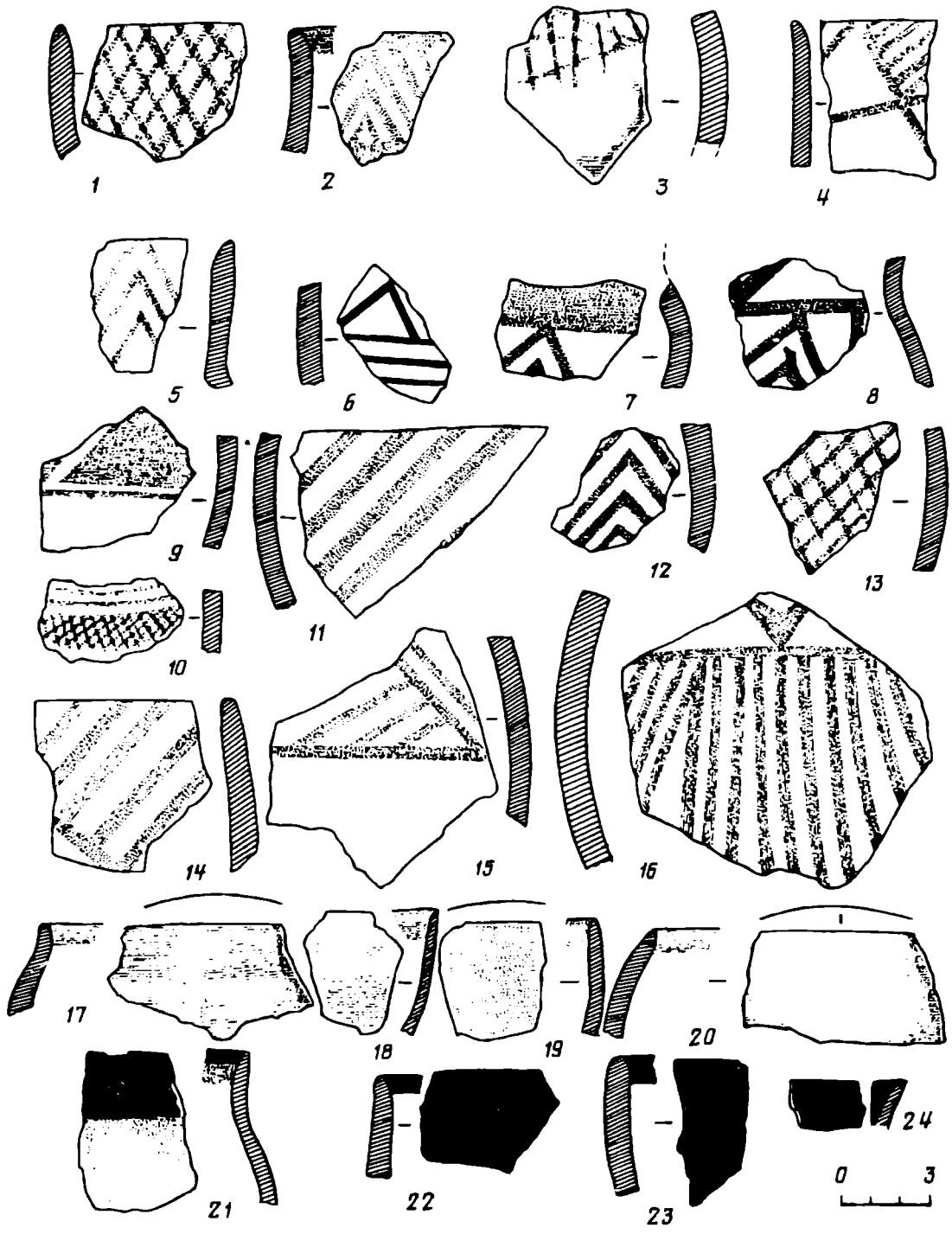


Рис. 9. Телль Хазна II. Расписная посуда из нижних слоев

зольной массы в Телль Сотто (ИГАН-7470 ± 60, т. е. 5520 ± 60 г. до н. э.) [14]. Наконец, согласуются они и с тремя из четырех дат из Кашкашока II: ТК-803 — 7730 ± 90 BP, т. е. 5780 г. до н. э.; ТК-859 — 7880 ± 110, т. е. 5930 ± 110 г. до н. э. и ТК-860 — 7460 ± 110 BP, т. е. 5510 ± 110 г. до н. э. [4, с. 99].

При всей ограниченности и разнокачественности приведенной серии, она должна учитываться. Все ее даты укладываются в первую половину VI тыс. до н. э., главным образом во вторую его четверть. Но все они указаны без учета дендрохронологической поправки, введение которой «отодвигает», по крайней мере ранние этапы рассматриваемой культуры, к началу последней четверти VII тыс. до н. э. Последнее согласуется с калиброванными датами фазы Сефид Дехлу-

ранской долины Юго-Западного Ирана, хронологически соответствующей культуре Телль Сотто, а далее и началу Хассуны (с 6300 г. до н. э.) [15, с. 27].

Вместе с тем все приведенные показатели абсолютной хронологии рассмотренного слоя Телль Хазны II носят сугубо ориентировочный характер, поскольку трехметровая толщина этого слоя документирует существование здесь весьма долговременного стационарного поселка. Принципиально отличен перекрывающий его слой. Материал его перемешан, в нем встречены отдельные убейдские и урукские черепки при определенном преобладании халафской керамики, основное сосредоточение которой фиксируется на уровнях от 4,30 до 5,00 м; выше отдельные халафские черепки встречались до глубины 3,80 м, ниже — до глубины 5,22 м. Судя по распространению подъемного материала, халафский слой занимал небольшую площадь (0,10—0,15 га), а приведенные стратиграфические данные позволяют видеть в нем остатки сравнительно недолговременного поселка. Архитектурные конструкции здесь открыты не были, хотя слабые следы сырцовых кладок отмечены в профилях траншеи. Крайне ограниченные размеры вскрытой площади и расположение ее на постоянно разрушаемом склоне холма обусловили весьма незначительный объем полученного материала: найдено немногим более 100 типичных халафских фрагментов, большей частью расписных, из них 20 формообразующих.

Расписную керамику отличает высокоразвитая технология производства: хорошо отмученная глина без заметных примесей, тщательные формовка и обработка поверхности, высокий и ровный обжиг, высококачественная роспись, на ряде фрагментов с люстровым эффектом (рис. 10).

Пока не обнаружено ни полихромной, ни бихромной росписи. Мотивы только геометрические, ни натуралистических, ни стилизованных антропоморфных или зооморфных изображений среди упомянутого небольшого материала не отмечено.

Формы сосудов достаточно характерны. Многие из них, прежде всего «тарелки», близки одной из наиболее типичных халафских групп так называемых cream bowls. Вместе с тем весьма популярные в раннем халафе и обусловившие выделение этой группы сами «чаши типа cream bowls» в нашей коллекции отсутствуют, как не найдены и сосуды с S-видным профилем, характерные для поздних этапов развития халафской культуры. Что касается росписи, то она в основном расположена горизонтальными полосами. Метопных композиций, столь распространенных в ранних горизонтах Ярым Тепе II [2, с. 254, рис. 85, *1*; 87, *1*; 100, *2*, *11* и др.], нет. В весьма предварительном плане, основываясь на показателях четкой стратификации слоя указанного выше памятника и соответствующей периодизации его материалов, можно заключить, что среди халафской керамики Телль Хазны II нет ни наиболее ранних форм, ни наиболее поздних, характерных для переходной халафско-убейдской фазы. Халафский слой нашего памятника условно может быть датирован средним и поздним собственно халафским этапом эволюции керамической традиции этой культуры [3]. Подлинное же обоснование его датировки станет возможным лишь после существенного увеличения материала, прежде всего числа формообразующих фрагментов.

Наиболее близким аналогом халафскому поселку Телль Хазны II в исследуемом регионе является Умм Ксейр на Хабуре [16]. Оба носили, видимо, сезонный характер и отражают процесс освоения халафским населением областей, лежавших за пределами их основной земледельческой территории. При этом если Телль Хазна II еще лишь незначительно продвинут к югу от границ последней, то Умм Ксейр уже заметно удален в сухую степь, явившись одним из наиболее южных форпостов халафской культуры в данном регионе.

В этой связи кратко остановимся на вопросе о причинах столь заметного

[3] Такие же датировки были предложены Ф. Холом для халафской керамики поселения Умм Ксейр на Хабуре, весьма близкой нашей коллекции, хотя в Умм Ксейре представлены и несколько более ранние формы [16, с. 172].

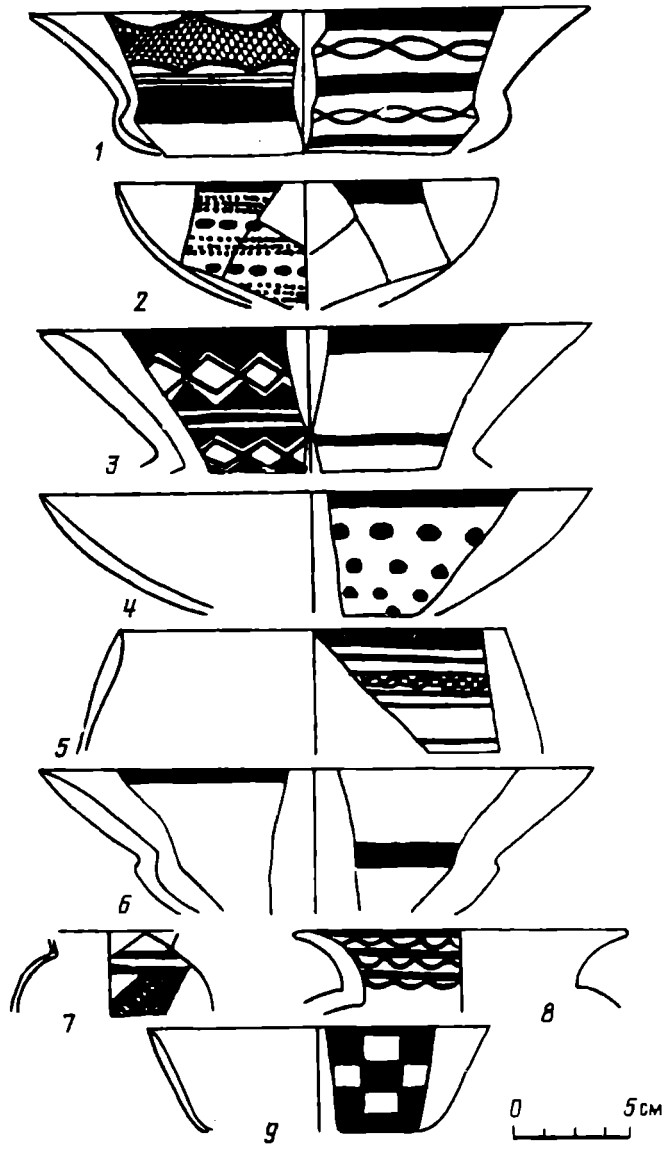


Рис. 10. Телль Хазна II. Халафская посуда из верхнего слоя

различия между чисто земледельческим и весьма долговременным древнейшим поселением Телль Хазны II и сезонным халафским памятником.

Ныне сочетание собственно археологических и палеогеографических — прежде всего палинологических — данных позволяет установить неоднократные смены иссушения и увлажнения климата рассматриваемого ареала начиная с перехода от Кебарийской к Натуфийской культуре, т. е. с рубежа XI и X тыс. до н. э. [17, с. 44 и др.]. С периодом достаточно высокой увлажненности связывается формирование первых оседлых натуфийских поселков, конец существования которых отмечен началом фазы иссушения, за которой последовало новое увлажнение между 8000 и 7700 гг. до н. э., обусловившее возникновение Иерихона и Мюрейбита. «Модификации климата,— пишут Ж. и М. К. Ковэн,— могли играть роль более важную, чем предполагалось, но не в критические (для естественной среды.— *Авт.*) моменты, „вызов" которых требовал „ответов" в виде культурной компенсации (согласно старой гипотезе Чайлда и Тойнби), а, напротив, как бы акцентируя благоприятствование природных условий» [17].

В этом аспекте особое значение приобретают данные палинологического анализа образцов из поселений Телль Сотто и Кюльтепе, непосредственно характеризующих растительность и климат интересующей нас территории в

период существования Телль Хазны II. Отнесение этого периода к очередной фазе увлажнения несомненно. «Состав пыльцы древесных пород,— как подчеркивают его исследователи,— свидетельствует о том, что распространение горных лесов на севере Ирака... 7—8 тыс. лет назад было существенно большим, чем в настоящее время, а в их составе присутствовали древесные породы, характерные для регионов со средиземноморским климатом... В целом состав спорово-пыльцевых спектров... позволяет заключить, что... растительность на прилегающей территории была представлена злаково-разнотравными степями и саваннами, вдоль реки существовали заросли деревьев и кустарников... Состав спектров указывает на лучшие по сравнению с современными условия увлажнения» [18, с. 288, 289].

Не вызывает сомнений длительность сохранения этих благодатных условий и распространение их на весьма значительной территории — вплоть до расположенного ныне далеко в сухой степи района Хатры, где исследовано поселение Умм Дабагия и открыт еще целый ряд подобных ему памятников. Они же обусловили начало распространения земледелия на речные долины [18, с. 288, 290], а также стабильность развития раннеземледельческих поселений, прямым следствием которой явились мощные культурные слои, к числу наиболее значительных из них и должен быть отнесен трехметровый нижний слой Телль Хазны II.

Наибольшая степень увлажненности документируется для раннего этапа этого длительного периода. Спорово-пыльцевой анализ разреза оз. Зерибар в Западном Иране позволяет наметить и верхний его предел, ознаменованный постепенным падением содержания пыльцы листопадных дубов, свидетельствующим о сокращении площади лесов, а следовательно, и о сокращении влажности климата [18, с. 290]. Связанные с этим потепление и иссушение были длительным процессом: к рубежу V и IV тыс. относят его апогей, начало же предполагается в значительно более ранний период — в середине VI тыс. до н. э. [19, с. 17]. Не исключена возможность того, что с этим связаны прекращение существования древнейших поселков Телль Хазны II в период архаической Хассуны и последовавший затем разрыв вплоть до средней ступени развития халафской культуры, когда отмеченные изменения проявлялись уже достаточно резко, а общие климатические условия приблизились к современным. Ныне же район расположения Телль Хазны II характеризуется вегетацией пустынно-степного типа. Здесь выпадает менее 300 мм осадков в год. Да и вся эта часть Северной Сирии (провинция Хасеке) расположена между отметками 300—250 мм изойеты и является районом критического (рискованного) неполивного земледелия. Граница же устойчивого неполивного земледелия проходит примерно по широте Чагар-Базара [15, с. 172], т. е. в 26 км севернее Телль Хазны II. При этом палеоклиматические исследования позволяют полагать, что по крайней мере с халафского времени климат в указанном регионе не претерпел принципиальных изменений. Это касается как числа годовых осадков, так и их сезонного распределения [20, с. 181; 21, с. 76]. Ныне неполивное земледелие в зоне с количеством осадков менее 350 мм в год возможно лишь за счет более высокого уровня организации общества, а также благодаря использованию более совершенных технологий. Однако и эти условия не гарантируют получение необходимого урожая в отличие от районов, расположенных несколько севернее и попадающих в интервал линий изойет, в котором годичное выпадение осадков колеблется между отметками 450 и 350 мм [20, с. 183]. В этой связи отметим, что зона произрастания диких злаков в данном районе и на почвах данного типа располагается в этом же интервале изойет [20, с. 184]. Если ныне земледелие носит здесь критический (рискованный) характер, то в период возникновения земледелия попытки постоянной культивации растений в зоне ниже отметки 350 мм изойеты вряд ли были результативны. Экологическая же ниша халафской культуры в рассматриваемом регионе в основном совпадает с территорией естественного обитания диких злаков: все долговременные халафские поселения

с мощностью культурных слоев от 3 до 8 м располагаются в полосе, где количество годичных осадков превышает 300 мм и доходит до 450 мм.

Границами этой полосы являются линии изойет между отметками 350 и 450 мм. В нее попадают такие известные памятники, как Чагар-Базар (350 мм), Телль Лейлан (450 мм), Телль Халаф (больше 300 мм), Телль Акаб (350 мм), Телль Турлу (больше 300 мм), Чави Тарласи (больше 300 мм), Телль Айлюн (450 мм). Из известных памятников лишь Телль Саби Абиад (слой которого достигает 3 м) расположен в долине Балиха южнее этой полосы, и количество выпадающих там ныне годичных осадков не достигает 275 мм, что, возможно, компенсируется характером почв.

В то же время за южной границей полосы располагаются халафские памятники другого рода. Культурные слои их не достигают 3 м, а часто и 1 м: в них можно видеть остатки кратковременных, в ряде случаев сезонных поселков. Таковы халафские слои Телль Хазны II (менее 300 мм годичных осадков), Кашкашока I (менее 300 мм), Телль Дамишлийи (250 мм), Хирбет эш Шенефа (менее 250 мм), Шамс ад-Дин Таннира (менее 250 мм), Телль Асвада (менее 275 мм), Умм Ксейра (менее 250 мм).

Эти наблюдения не только объясняют различия между культурными слоями прото- и раниехассунских поселков Телль Хазны II, с одной стороны, и поселка халафской культуры — с другой, но и заметно конкретизируют представления о разных типах памятников последней и обусловивших их особенности экологических и хозяйственных факторов. В целом же материалы весьма ограниченных раскопок Телль Хазны II позволяют поставить ряд чрезвычайно существенных вопросов древнейшей истории Северо-Восточной Сирии. Вместе с материалами поселения Кашкашок II они впервые безусловно доказывают, что последняя должна быть включена в ареал формирования древнейших раннеземледельческих культур Северной Месопотамии. Достаточно значительны они для исследования и общих судеб этих культур. Перспективность дальнейших раскопок Телль Хазны II не вызывает сомнений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О.* Телль Хазна I (исследования советской экспедиции в Северо-Восточной Сирии, 1988—1989 гг.) // СА. 1990. № 3.
2. *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: Наука, 1981.
3. *Бадер Н. О.* Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989.
4. *Matsutani T* (Edit.). Tell Kashkashok. The Excavations at Tell № II. Tokyo, 1991.
5. *Бобринский А. А.* Технологическая характеристика керамики из Телль Сотто и Кюльтепе // Бадер Н. О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989.
6. *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah 1971, a preliminary report. Iraq. L. V. XXXIV. 1972.
7. *Fukai S., Matsutani T.* Tetul eth-Talathat: The Excavations of Tell II: The fifth season (1976). V. 4. Tokyo, 1981.
8. *Lloyd S., Safar F.* Tell Hassuna. Excavations by the Iraq Government Directorate Generale of Antiquities in 1943 and 1944 // Journal of Near Eastern Studies. 1945. October. V. IV. № 4.
9. *Mortensen P.* Tell Shimshara. The Hassuna period. Kobenhavn, 1970.
10. *Mellaart J.* The Neolithic of the Near East. London, 1976.
11. *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah, 1972. Iraq. 1973. V. XXXV.
12. *Stuckenrath R., Ralph E. K.* University of Pensilvania Radiocarbon Dates VIII. Radiocarbon. 1965. V. 7.
13. *Rubin M., Alexander C.* U. S. Geological Survey Radiocarbon Dates V. // American journal of Science. Radiocarbon. Supplement. 1960. V. 2.
14. *Черкинский А. Г.* Радиоуглеродная датировка поселений Телль Магзалия и Телль Сотто // Бадер Н. О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989.
15. *Hole F.* Studies in the Archaeological History of the Deh Luran Plain. Ann Arbor, 1977.
16. *Hole F., Johnson G. A.* Umm Qseir on the Khabur. Preliminary Report on the 1986 Excavations // AAAS. 1986—1987. V. 36—37.
17. *Cauvin J. et Cauvin M. C.* Origines de l'agriculture au Levant. Facteurs biologiques et Socio-Culturels // A Hilly Flanks and Beyond. University of Chicago, 1984.
18. *Зеликсон Э. М., Кременецкий К. В.* Палеогеография Джебел Синджара (Северный Ирак) в

VII—VI тысячелетиях до н. э. // Бадер Н. О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989.
19. *Nutzel W* The Climate Changes of Mesopotamia and Bordering Areas. 14 000 to 2000 B. C. Sumer. V. XXXII. Nos. I—II, Baghdad, 1976.
20. *Reikes R. L.* Physical Environment and Human Settlement in Prehistoric Times in the Near and Middle East. A Hydrological Approach. East and West. 1965. New Series. V. 15. № 3—4.
21. *Arinch S.* Human Ecology in Southeastern Anatolia // Chambel H., Braidwood R. J. (eds) Prehistoric Research in Southeastern Anatolia. Stanbul, 1980.

Институт археологии РАН,
Москва

R. M. MUNCHAEV, N. Ya. MERPERT, N. O. BADER, Sh. N. AMIROV

TELL HAZNA II, AN EARLY AGRICULTURAL SETTLEMENT IN NORTH-EASTERN SYRIA

Summary

The multilayer settlement Tell Hazna II was discovered in 1991 during field investigations of the Syrian expedition of the Institute of archaeology (Academy of Sciences of Russia). The site is situated 25 km north-east from the town of Hasseke in north-eastern Syria. The diameter of the hill, where the site is located measures 100 to 160 m, its height is 9 m, which correspondes with the thickness of the cultural deposit. The most interesting part of it consists of 3 m thick stratum of the early agricultural assemblages culturally connected with Northern Mesopotamia (Tell Sotto and archaic Hassuna dated to late 7th and the first half of the 6th millenia B. C.). The sites ot these cultures are unfrequent in this region of Syria up to now, and such a thick stratum of this period is discovered for the first time. The investigation of a stratigraphic trench yielded a significant collection of pottery characteristic for the mentioned cultures and a jar burial of a childe. The mortuary gifts consisted of a necklace with more than 200 various stone beads, marble vessel and pottery. This stratum was covered with the layer of a small seasonal camp of classic Halaf (the 5th millenium B. C.), the next upper stratum is dated from the 3rd millenium B. C. up to the Middle Ages and is significantly disturbed. The expedition has in its perspective wide-scale excavations of the site and first of all of the most important archaic stratum.

В. А. ДЕМКИН, А. В. ЛУКАШОВ

ПОЧВЕННО-ЛАНДШАФТНЫЕ УСЛОВИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ ВО II ТЫС. ДО Н. Э. — I ТЫС. Н. Э.

Прикаспийская низменность вследствие своего географического положения издавна являлась ареной миграций древних племен, своеобразным коридором из Азии в Европу. С появлением в I тыс. до н. э. номадов этот процесс особенно активизировался. Места их традиционных кочевий в значительной степени определялись как общими особенностями биоклиматической обстановки в регионе, характерными для определенного периода, так и конкретными почвенно-ландшафтными условиями различных геоморфологических районов низменности, которые, как показали исследования последних десятилетий, характеризуются широким разнообразием, спецификой естественноисторического развития в голоцене. С середины II тыс. до н. э. в пределах северо-западного Прикаспия преобладают каштановые почвы, а основной фон территории создают сухостепные ландшафты. Вместе с тем имеются участки, отличающиеся своеобразным литологическим строением, активной неотектонической деятельностью, наличием речной и овражно-балочной сети, хорошими условиями естественной дренированности. Этими причинами были вызваны несколько иные закономерности в протекании геохимических, почвообразовательных процессов, формировании гидрологического режима по сравнению с окружающей территорией. Одним из таких участков в регионе является Эльтонская равнина.

В настоящее время для Эльтонской равнины характерны типичные сухостепные ландшафты с собственно каштановыми почвами в отличие от окружающей Бессточной равнины, где распространены светло-каштановые почвы (рис. 1). Кроме того, в структуре почвенного покрова ровных участков степи подчиненное положение занимают выщелоченные солонцы и лугово-каштановые почвы. Последние, как правило, приурочены к неглубоким выположенным ложбинам, которые особенно часто встречаются вблизи озерной котловины. Почвообразующие породы представлены легкими и средними суглинками, подстилаемыми с глубины 1—1,5 м раннехвалынскими супесями и песками с раковинами древнекаспийских моллюсков. Гранулометрический состав почв северо-восточной части равнины чаще тяжелосуглинистый, песчаная пачка отсутствует. В пределах Эльтонской равнины также выделяются серия озерных террас, долины рек (Хара, Ланцуг, Черная и др.) и крупных балок (Лисья, Сорочья и др.), речные и балочные водоразделы, западное и восточное солянокупольные поднятия, лиманы (Сунали, Пресный и др., рис. 1). В долинах рек, балках, лиманах и на озерных террасах развиты гидроморфные почвы различной степени засоленности и выщелоченные (солончаки, луговые, аллювиальные, солоди). Повышенные элементы рельефа заняты зональными каштановыми почвами и солонцами.

На территории равнины раскопаны 45 курганов, или около 80% из числа имеющихся. Из них 30 относится к эпохе бронзы и 15 — к средневековью. Насыпи, сооруженные в раннежелезном веке, отсутствуют. Средняя современная высота средневековых курганов 40 см, срубных — 70, полтавкинских — 80 и ямных — 90 см. Такая мощность насыпей в целом удовлетворительно обеспечила сохранность погребенных почв. Изученные объекты приурочены к ровным

© В. А. Демкин, А. В. Лукашов, 1993 г.

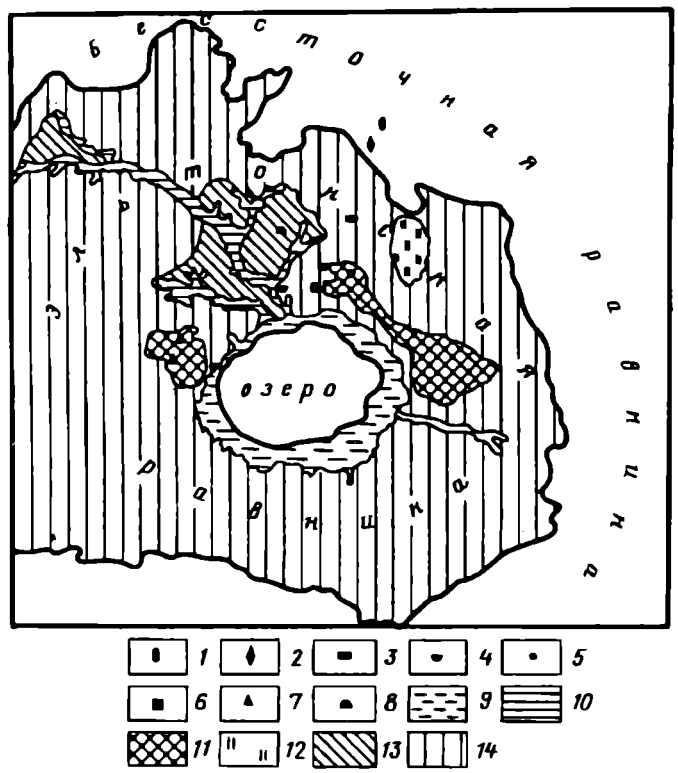


Рис. 1. Геоморфологическое районирование Эльтонской равнины. Объекты исследования: *1* — Вишневка-82; *2* — Вишневка-78; *3* — Ченин-80; *4* — Эльтон-84; *5* — Венгилевка-82; *6* — Эльтон-83; *7* — Красная Деревня-81; *8* — Приозерное-85. Геоморфологические районы: *9* — озерные террасы; *10* — долины рек и балки; *11* — солянокупольные поднятия; *12* — лиманные понижения; *13* — речные и балочные водоразделы; *14* — равнинные степные участки

участкам степи, водоразделам, центральной и периферийной частям солянокупольных поднятий (рис. 1) и включают семь курганных групп. Две из них расположены в центральной части западного соляного купола («Красная Деревня-81», абс. отм. 30—35 м), одна — в северо-западной оконечности восточного купола («Венгилевка-82», абс. отм. 35 м), три — в пределах равнинной степи («Эльтон-83, -84, -85», абс. отм. 15—30 м) и одна — на водоразделе между Лисьей балкой и притоком Хары («Приозерное-85», абс. отм. 20—25 м). Гранулометрический состав почв перечисленных объектов преимущественно легко- и среднесуглинистый, гораздо реже супесчаный (табл. 1). За исключением участка «Приозерное-85», с глубины около метра залегают песчаные отложения мощностью 30—50 см и более.

Полученные при палеопедологических исследованиях данные характеризуют особенности ландшафтов Эльтонской равнины в эпохи бронзы и средневековья. Прежде всего следует отметить, что свойства почв различных геоморфологических участков в рамках рассматриваемых археологических культур были достаточно близки, а направленность почвообразовательного процесса однотипна. Поэтому, хотя курганы ямного времени приурочены лишь к наиболее приподнятой части западного побережья озера («Красная Деревня-81»), корректна экстраполяция свойств и признаков палеопочв этого периода на всю изучаемую территорию равнины. Во второй половине III тыс. до н. э. автоморфные почвы региона относились к типу каштановых, в которых еще сохранились признаки предшествующей стадии развития, характеризовавшейся более влажными условиями почвообразования. К ним следует отнести растянутость гумусового профиля (почти до 50 см), содержание гумуса в верхнем горизонте около 3%, отсутствие солонцеватости и дифференциации илистых частиц по профилю, слабая морфологическая оформленность карбонатного горизонта, вскипание с поверхности, довольно высо-

Таблица 1

Морфологические и химические свойства легко- и среднесуглинистых каштановых почв Эльтонской равнины в различные исторические эпохи

Показатель	Время, культурно-историческая общность					
	XXV—XX вв. до н. э. ямная	XIX—XVII вв. до н. э., полтавкинская	XVI—XIII вв. до н. э., срубная	VII в. до н. э.—IV в. н. э., савромато-сарматская*	XII—XIV вв. н. э., средневековье	XX в. н. э., современность
Количество изученных курганов/разрезов	$^{2}/_{2}$	$^{12}/_{13}$	$^{8}/_{10}$	$^{0}/_{0}$	$^{7}/_{7}$	$^{0}/_{10}$
Мощность гумусового горизонта A1 + B, см	48	38	33	33	40	35
Глубина вскипания от 10%-ного раствора HCl, см	С поверхности		20	34	37	34
Верхняя граница залегания аккумуляции легкорастворимых солей, см	48	56	50	Более 200	Нет	
Средневзвешенное содержание легкорастворимых солей в слое 0—2 м,%	0,58	0,61	0,23	0,14	0,09	0,08
Средневзвешенное содержание гипса в слое 0—2 м,%	0,98	0,78	0,16	0,15	0,19	0,21
Средневзвешенное содержание $CaCO_3$ в слое 0—2 м,%	3,6	5,7	4,2	4,2	4,1	5,2
Степень морфологической выраженности солонцеватости	Нет		Средняя		Остаточная	
Содержание обменного натрия в горизонте B,%	3,0	3,6	9,5	6,5	3,3	1,9
Отношение содержания ила в горизонте B к горизонту A1	1,3	1,2	2,0	2,2	2,2	2,6

* Реконструкция.

кая засоленность (средневзвешенная величина плотного остатка в слое 0—2 м около 0,6%). В течение полтавкинского времени облик почвенного покрова равнины практически не изменился по сравнению с ямным. Памятники этого периода встречаются в пределах всех геоморфологических районов равнины. В эпоху средней бронзы палеопочвы отличались слабой дифференцированностью профиля, высоким содержанием легкорастворимых солей и гипса, поверхностной карбонатностью, несолонцеватостью. Следовательно, можно считать, что на рубеже III—II тыс. до н. э. климатическая обстановка в регионе была достаточно стабильной, во всяком случае, если и имели место какие-либо флуктуации степени атмосферной увлажненности, то они были несущественными и не повлекли за собой заметные изменения почвенно-ландшафтных условий.

Переход от полтавкинского времени к срубному (XVII—XVI вв. до н. э.) ознаменовался весьма существенной перестройкой почвенного профиля, приобретением почвами новых свойств и признаков на родовом и видовом уровнях при сохранении прежнего каштанового типа почвообразования. Прежде всего следует отметить некоторое уменьшение мощности гумусового горизонта, снижение глубины вскипания с поверхности до 20 см (табл. 1). Верхняя граница залегания солевой аккумуляции сохранилась практически на прежнем уровне, но запасы

легкорастворимых солей в профиле снизились почти в 3 раза. В 5 раз уменьшилось содержание гипса. В иллювиальном горизонте появились достаточно хорошо выраженные признаки солонцеватости, произошло формирование характерной столбчато-призматической структуры. При этом количество обменного натрия в горизонте В увеличилось почти в 3 раза. Произошла существенная дифференциация верхней части почвенного профиля по содержанию ила: отношение его количества в горизонте В к горизонту А1 увеличилось с 1,2 до 2,0. Столь заметные изменения почв в течение непродолжительного времени (не более 200 лет) могли быть вызваны некоторым увеличением атмосферной увлажненности, которое интенсифицировало развитие солонцового процесса в засоленных почвах раннего периода эпохи бронзы.

Отмеченные тенденции почвообразовательного процесса прослеживаются и в почвах более позднего времени, в частности средневековья и современных. По рассматриваемым морфолого-химическим показателям они являются практически полными аналогами (табл. 1). На протяжении I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. произошло полное рассоление почвенно-грунтовой толщи, линия вскипания стабилизировалась на глубине 35—40 см, содержание гипса сохранялось на уровне предшествующего периода эпохи поздней бронзы, солонцеватость приобрела остаточный характер, в составе обменных катионов доля натрия снизилась. В течение последних 600 лет увеличилось соотношение содержания илистой фракции в иллювиальном и элювиальном горизонтах, что, вероятно, было обусловлено усилением антропогенной нагрузки на ландшафты, сопровождавшейся эоловым выносом тонкодисперсных частиц из верхнего гумусового горизонта. Как отмечалось нами ранее для других регионов Прикаспийской низменности [1, с. 99—102; 2, с. 35—43], в почвах Эльтонской равнины запасы карбонатов в двухметровой толще со II тыс. до н. э. по настоящее время также были достаточно постоянны. Средневзвешенное содержание $CaCO_3$ в этом слое в среднем составляло 4—5%. В течение последнего тысячелетия для изучаемой территории характерны типичные сухостепные ландшафты, в почвах которых содержание гумуса не превышает 2,5%, величина плотного остатка по всему профилю не более 0,1—0,2%, профиль хорошо дифференцирован на генетические горизонты А1-В1-В2-$ВС_{Ca}$-С или Д.

Среди раскопанных 45 курганов на территории Эльтонской равнины индивидуальные насыпи савромато-сарматского времени отсутствуют, поэтому попытаемся провести реконструкцию палеоэкологической обстановки раннежелезного века по данным изучения почвенно-ландшафтных условий, характерных для эпохи поздней бронзы и средневековья. На протяжении рассматриваемого интервала времени в регионе господствовал каштаново-степной тип почвообразования. Учитывая направленность и скорость элементарных почвенных процессов, можно считать, что к началу 1 тыс. до н. э. сформировались основные признаки и свойства современных почв [3, с. 5—14], причем некоторые из них в настоящее время уже являются реликтовыми (например, остаточная солонцеватость). Для реконструкции некоторых наиболее важных параметров, характеризующих состояние почвенного покрова равнины в савромато-сарматское время, нами использованы кривые их изменений по известным хронологическим срезам (рис. 2). В рассматриваемом хроноинтервале с 2,7 до 1,6 тыс. лет назад эти параметры претерпевали определенные количественные изменения. В табл. 1 приведены их средние значения примерно для II—I вв. до н. э. Как известно, глобальные климатические изменения в сторону увеличения аридности или гумидности находят свое отражение в почвенном профиле, определяют характер почвообразования. От их масштабов и продолжительности зависит глубина преобразования почвенной массы и время протекания элементарных почвенных процессов, причиной возникновения или активизации которых послужили климатические подвижки. Полученные нами данные дают возможность говорить о наличии «позднеполтавкинского плювиала» продолжительностью не более 200 лет. Он оказал влияние на эволюцию почв Эльтонской равнины в течение срубного времени, что выра-

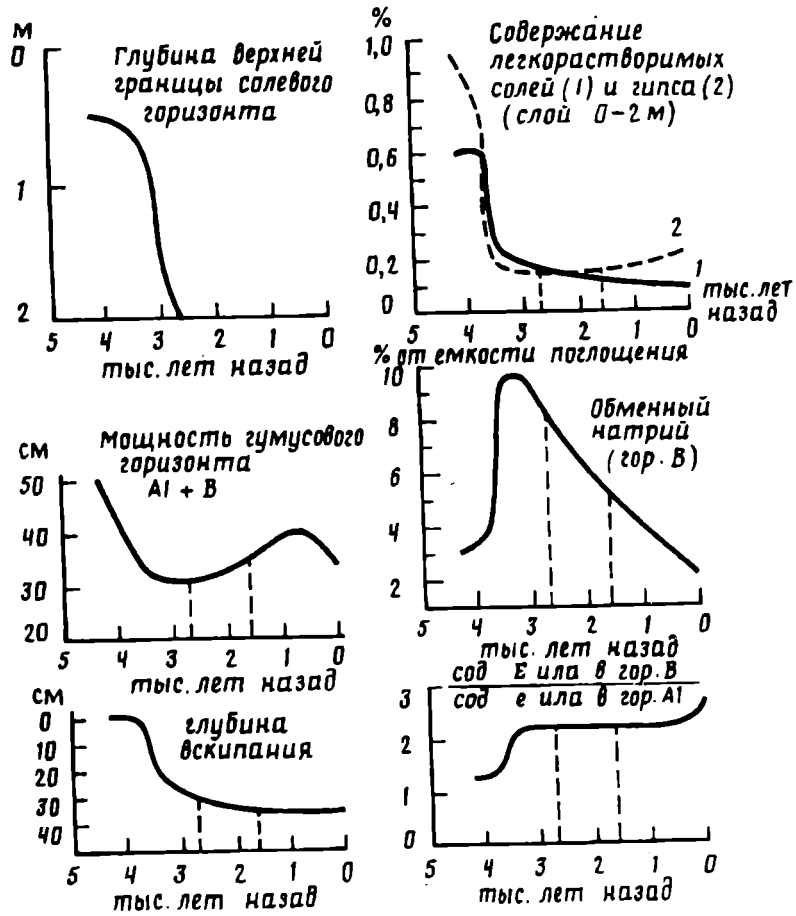


Рис. 2. Изменение свойств почв Эльтонской равнины за последние 45 веков

зилось в интенсификации процессов рассоления и осолонцевания. Но уже к концу бронзового века скорости выноса легкорастворимых солей, гипса, карбонатов, ила резко замедлились (рис. 2). Следовательно, некоторое увеличение атмосферной увлажненности в XVII—XVI вв. до н. э. сказывалось лишь в течение последующих 500—600 лет и не отразилось на развитии ландшафтов в раннежелезном веке. Данные И. Б. Васильева и И. В. Иванова [4, с. 16—20], полученные при изучении палеопочв и топографии археологических памятников в пределах западной части Волго-Уральских песков, свидетельствуют о большем количестве осадков в полтавкинское время, причем, как считают авторы, оно превышалс современное на 200—250 мм/год.

Таким образом, к савромато-сарматскому времени в пределах повышенных и водораздельных пространств Эльтонской равнины сложились новые почвенно-ландшафтные условия, главными характерными особенностями которых по сравнению с предшествующим периодом были следующие: 1 — комплексный почвенный покров с преобладанием каштановых солонцеватых слабозасоленных почв, а также солонцов; 2 — усиление автоморфных признаков почвообразования и стирание гидроморфных, переход последних в разряд реликтовых; 3 — завершение формирования карбонатного, солевого, гумусового профилей почв и установление квазиравновесного состояния между процессами, их формирующими, и сложившейся сухостепной биоклиматической обстановкой; 4 — стабилизация уровня грунтовых вод на значительной глубине (10 м и более) в автономных ландшафтах; 5 — снижение поступления легкорастворимых солей с поверхностным и грунтовым стоком в подчиненные ландшафты (долины рек, балки и др.); 6 — вероятно, некоторое усыхание гидрографической сети; 7 — планирование

мезоформ рельефа за счет денудации гривистых повышений с накоплением мелкоземистого материала в сопровождающих их ложбинных понижениях.

В связи с аридностью климата изучаемого региона и водным дефицитом особое значение приобретает реконструкция палеогидрологической обстановки как важного элемента экологической среды прошлых эпох. Для решения этой проблемы Я. Г. Рысковым и С. А. Олейником (ИПФС РАН) использован новый методический подход, заключающийся в сравнительном изучении изотопного состава серы сульфатов (ИСС) солевых аккумуляций разновозрастных почв, погребенных под курганными насыпями, а также подземных и поверхностных вод на территории Эльтонской равнины. Полученные данные свидетельствуют об относительно большей подвижности легкого изотопа серы (^{32}S). Поэтому можно полагать, что при интенсивном элювиальном процессе, протекающем в ландшафтах равнины на протяжении последних 3500 лет, в конечных областях аккумуляции ИСС должен быть более легким по сравнению с почвами. Тем не менее сульфаты аккумулятивных ландшафтов, каковыми являются оз. Эльтон, окружающие его солончаки, долины рек, характеризуются тяжелым изотопным составом. Поэтому генезис солевых аккумуляций в этих природных объектах прежде всего связан с разгрузкой древних глубинных вод и размывом соляных куполов (г. Улаган, холмы Пресного лимана), сложенных засоленными пермско-юрскими отложениями. Следовательно, в течение последних 5 тыс. лет (не менее!) в реках Хара, Ланцуг, Черная и других поддерживалась значительная концентрация солей главным образом за счет разгрузки минерализованных подземных вод, а также их постоянного выноса из почвенно-грунтовой толщи. В связи с этим реки бассейна оз. Эльтон в эпоху бронзы, раннежелезном веке, средневековье имели высокую минерализацию при хлоридно-натриевом составе так же, как в современное время (табл. 2), и не могли использоваться людьми в качестве питьевых источников. В то же время грунтовые воды в балочных и лиманных понижениях были пресными гидрокарбонатно-магниевыми. Хорошим качеством отличались и талые воды, накапливающиеся в депрессионных формах рельефа.

В ландшафтном отношении Эльтонская равнина представляет собой ареал более северного варианта степи с каштановыми почвами, который находится в подзоне светло-каштановых почв. Согласно природному районированию, последние приурочены к Бессточной равнине, история развития почвенного покрова которой изучена достаточно хорошо [1]. Поэтому не вызывает затруднений реконструкция свойств и признаков, характерных для почв Бессточной равнины в савромато-сарматское время. Они приведены в табл. 3. Почвообразовательный процесс в этих двух регионах протекал в одних климатических условиях, однако специфика его направленности и интенсивности была обусловлена различиями в гранулометрическом составе почвообразующих пород и условиях естественной дренированности местности. Бессточная равнина сложена более тяжелыми породами и отличается практически отсутствием естественной дренированности. Это обусловило поддержание высокой исходной засоленности почвенно-грунтовой толщи на протяжении второй половины голоцена и, как следствие, формирование солонцово-солончаковатых почв, занимающих до 70—80% площади территории. Существенные отличия, имеющие место в современном почвенном покрове равнин, были и в раннежелезном веке. Прежде всего следует отметить значительно более широкое распространение солонцов в пределах Бессточной равнины. На этой же территории содержание легкорастворимых солей в зональных почвах почти в 10 раз было выше, гипса — в 5 раз. Их новообразования отмечались, соответственно, с глубины 50—60 и 150 см, тогда как в профиле почв Эльтонской равнины вообще отсутствовали. Перечисленные особенности палеопочв раннежелезного века, а также отсутствие овражно-балочной и гидрографической сети, преобладание в растительном покрове прутняково-полынных ассоциаций, близость к поверхности (3—7 м) минерализованных (5—10 г/л и более) грунтовых вод обусловили неблагоприятные экологические условия для ведения круглогодичного скотоводческого хозяйства в пределах Бессточной равнины. На этом фоне

Таблица 2

Химический состав природных вод Эльтонской равнины

Объект	Минерализация, г/л	Содержание ионов, мг-экв/л							Химический тип
		HCO_3^-	Cl^-	$SO_4^=$	Ca^{++}	Mg^{++}	K^+	Na^+	
Рапа оз. Эльтон	390,4	7,0	6100,0	962,3	300,0	4700,0	1410,0	434,8	Cl—Mg
р. Хара	12,8	6,0	143,0	47,7	53,0	29,0	1,3	156,5	Cl—Na
р. Черная	14,4	5,7	175,0	41,8	48,0	35,0	1,3	191,3	Cl—Na
Ручей, впадающий в озеро	12,4	6,5	435,0	17,0	65,0	59,0	2,3	387,0	Cl—Na
Грунтовая вода, дно балки	0,9	7,2	1,5	3,4	1,7	8,3	0,7	1,4	HCO_3—Mg
Грунтовая вода, лиман	0,5	6,1	0,8	0,4	3,0	3,3	0,1	0,8	HCO_3—Mg

Таблица 3

Свойства разновозрастных светло-каштановых тяжелосуглинистых почв Бессточной равнины

Показатель	VII в. до н. э.— IV в. н. э. (реконструкция)	Современность
Мощность гумусового горизонта A1 + B, см	30	30
Глубина вскипания, см	15—20	28
Верхняя граница залегания аккумуляции легкорастворимых солей, см	50—60	59
Средневзвешенное содержание легкорастворимых солей в слое 0—2 м,%	1,1—1,3	0,86
Средневзвешенное содержание гипса в слое 0—2 м,%	0,7—0,8	0,48
Средневзвешенное содержание $CaCO_3$ в слое 0—2 м,%	10,5	10,0
Степень морфологической выраженности солонцеватости	Средняя	
Содержание обменного натрия в горизонте B,%	7,0	7,7
Отношение содержания ила в горизонте B к горизонту A1	1,6—1,8	1,9

почвенно-ландшафтные условия Эльтонской равнины можно считать оазисными не только в теплый период года, но и зимой. С некоторыми оговорками к ее аналогам в северо-западной части Прикаспия следует отнести Приволжскую опесчаненную гряду и Джаныбекский останец. Именно к данным районам приурочено подавляющее большинство археологических памятников, в том числе практически все савромато-сарматского времени [5, с. 192—208].

Топография памятников кочевых скотоводческих племен степей в связи с региональными природными особенностями районов их концентрации на наш взгляд являются ключом к пониманию причин и закономерностей миграционных

процессов. По своим масштабам миграции древнего населения можно разделить на два уровня: глобальные трансконтинентальные и местные сезонные, связанные с циклами хозяйственной деятельности. Одной из ведущих причин возникновения первых наряду с экономическими, социальными и другими была вековая изменчивость состояния экологической среды, в частности ее важной составляющей — атмосферной увлажненности. В степной зоне она являлась определяющим фактором в развитии почвенно-растительного покрова, приводя к заметным изменениям направленности почвообразовательного процесса на значительной территории. В изучаемом регионе период крупномасштабной перестройки климата отмечался во II тыс. до н. э. с увеличением увлажненности в полтавкинское время, с последующей аридизацией в срубное, что привело к отмеченным выше изменениям почв, формированию сухостепных ландшафтов и в конечном счете в определенной степени способствовало переходу населения к кочевому скотоводству. Данная форма ведения хозяйства прежде всего базировалась на биопродуктивности травянистой растительности и особенностях ее видового состава, которые в свою очередь определялись свойствами почв. Лимитирующим фактором продуктивности фитоценозов изучаемого региона была и остается степень засоленности почвенно-грунтовой толщи, зависящая от литологии почвообразующих пород, естественной дренированности местности, условий рельефа. Именно эти факторы являются главными, определяющими и регулирующими водно-солевой режим в зоне аэрации при изменении атмосферной увлажненности в ту или иную сторону. В итоге разнообразие литолого- геоморфологических условий Прикаспийской низменности привело к значительной дифференциации ландшафтов территории, где наряду с солонцовыми комплексами (Бессточная равнина) широко развиты довольно крупные массивы рассоленных зональных каштановых почв (Эльтонская равнина, Приволжская гряда) в подзоне солонцевато-солончаковатых светло-каштановых. К таким территориям в основном и приурочены места концентрации памятников древнего населения. В условиях достаточно стабильного векового состояния климата в раннежелезном веке места традиционных кочевий определялись сложившейся в данный момент времени экологической обстановкой в пределах одного осваиваемого геоморфологического района или их группы. Причем при этом могла иметь место так называемая сезонная специализация, т. е. смена мест обитания в течение года (зимние, летние и весенне-осенние пастбища). В этом случае следует говорить о местных сезонных миграциях кочевников. Их механизм, по нашему мнению, регулировался внутривековыми погодными флуктуациями, сменой засушливых и более влажных периодов продолжительностью в несколько лет (часто более 10) с разницей в количестве осадков до 100 и более мм/год [6, с. 3—40]. Они практически не сказывались на состоянии почвенного покрова, но существенным образом влияли на продуктивность биоценозов в отдельные годы, регулируя запасы продуктивной влаги в почвенно-грунтовой толще, а также ее поверхностные запасы в мезорельефных понижениях (лиманы, ложбины и др.).

В годовом цикле жизнедеятельности кочевых племен наиболее тяжелым сезоном был зимний. Содержание скота на подножном корме в этот период ставило их в большую зависимость от метеоусловий конкретного года (высота снежного покрова, частота зимних оттепелей, надземная биомасса сохранившейся к зиме травянистой растительности, температура воздуха, время появления устойчивого снежного покрова и промерзания почвы и др.). Бассейн Каспийского моря относится к одному из районов северного полушария, отличающихся наименее устойчивыми зимними сезонами [7, с. 106—108]. За столетний период наблюдений здесь отмечено 47% зим с большими аномалиями, тогда как нормальных лишь 24%. Как и во всех природных процессах, в чередовании мягких и суровых зимних сезонов должна проявляться определенная вековая цикличность, связанная с общепланетарными явлениями. Дж. Эдди [8, с. 327] выявлена тесная коррелятивная связь между солнечной активностью и коэффициентом суровости зим. Исследования проводились на территории Англии.

Изменения активности с III тыс. до н. э. реконструировались на основании определения процентного содержания C^{14} в годичных кольцах стволов реликтовых сосен. Для последнего тысячелетия им использованы не только физико-астрономические наблюдения, но и литературные исторические источники. Автором установлено, что в периоды с повышенной солнечной активностью зимы были мягкими, а с пониженной — суровыми. В течение раннежелезного века солнечная активность довольно существенно изменялась: в VIII—VII вв. до н. э. отмечался спад, в VI—V — повышение, в IV—III — вновь снижение и затем с конца III в. до рубежа новой эры повышение с последующим спадом вплоть до VI в. н. э. В связи с этим можно полагать, что на Британских островах в савроматское время зимы были мягкими, раннесарматское — суровыми, а затем в средне- и позднесарматское вновь смягчились. В этом же хроноинтервале Дж. Эдди показана тесная связь теплых зим с отступлением альпийских ледников, а холодных — с их наступлением. Представленные данные могут пролить некоторый свет на выяснение особенностей расселения и сезонные миграции сарматских племен Нижнего Поволжья. При этом надо учитывать, что выявленные Дж. Эдди закономерности относятся к территории Англии и в Восточной Европе они могут иметь несколько иной характер, а следовательно, предлагаемые вниманию наши дальнейшие рассуждения следует считать в определенной степени гипотетическими, не претендующими на окончательное решение проблемы. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что солнечная активность определяет метеорологическую обстановку и тенденции ее развития в глобальном масштабе. Поэтому принципиальная картина изменения метеоусловий в савромато-сарматское время в пределах рассматриваемых регионов, вероятно, была однотипной. Для получения более полного представления о климатической ситуации на юго-востоке Русской равнины в раннежелезном веке сошлемся на работы советских исследователей [9, с. 11—20; 10, с. 53—66; 11], в которых отмечается повышенная увлажненность в IV—II вв. до н. э., а с I в. до н. э. до IV в. н. э.— усиление аридизации. Однако эти изменения заметно не отразились на почвенно-растительном покрове, что подтверждается данными Р. В. Федоровой [12, с. 286—290], полученными при спорово-пыльцевом анализе почв археологических памятников I тыс. до н. э. и средневековья.

В заключение остановимся на одной из возможных моделей взаимоотношения природы и общества в сухих степях Восточной Европы на примере сарматских племен. Исследуемая северо-западная часть Прикаспия включает четыре природных района, отличающихся почвенно-ландшафтными условиями: Ерусланo-Торгунская, Бессточная и Эльтонская равнина и Приволжская гряда. В биоклиматическом отношении они составляют единый регион, характеризующийся типичными сухостепными гидротермическими условиями и фитоценозами. В циклах хозяйственной деятельности кочевого населения этой территории важнейшее место занимала долина Волги, почвенно-растительные ресурсы которой являлись базовыми в их экономике. Поэтому основное число сарматских памятников приурочено к Приволжской гряде, включающей высокие волжские террасы. К настоящему времени из общего количества раскопанных погребений здесь сосредоточено около 90%, тогда как на Эльтонской равнине 8%, а на Бессточной менее 1% [5]. Крупные климатические изменения, выражающиеся в первую очередь в увеличении или уменьшении среднегодового количества атмосферных осадков на несколько сотен миллиметров, влекли за собой миграции населения из одной природной зоны в другую (например, из степной в полупустынную), его концентрацию на более ограниченной территории и могли сопровождаться некоторой сменой хозяйственной деятельности. Однако подобные процессы носили нечастый характер. На наш взгляд, большее значение в жизни сарматского общества имела метеорологическая обстановка, проявлявшаяся в определенной цикличности влажных и сухих сезонов продолжительностью в несколько лет. Периодические колебания от среднестатистических в ту или иную сторону количества атмосферных осадков, обводненности гидрографической сети, продук-

тивности травянистой растительности, температуры воздуха и другие, накладывавшиеся на более стабильные ландшафтные показатели (почвенный покров, расчлененность рельефа, литология пород и др.), создавали экологическую дифференцированность в пределах одного природного региона, в частности северо-западного Прикаспия. Так, в периоды повышенной увлажненности, мягких зим, умеренно жаркого лета условия для жизнедеятельности на территории Эльтонской равнины практически не отличались от долины Волги. С другой стороны, серия засушливых лет резко понижала естественные кормовые и питьевые ресурсы особенно Бессточной равнины, а также Эльтонской, и вызывала активизацию миграционных процессов с расширением обычной территории обитания. Период IV—II вв. до н. э. в климатическом отношении характеризовался довольно суровыми зимними сезонами с одной стороны и преобладанием периодов с влажными метеоусловиями с другой. Поэтому вполне было оправдано перемещение части населения с базовых кочевий долины Волги на временные Эльтонской равнины, которые могли функционировать в течение нескольких наиболее влажных лет, причем в летне-осенний период была возможна откочевка части коллективов на пастбища в глубинной степи. Подобные миграции в некоторой степени снимали трудности, возникавшие при зимовках, вследствие уменьшения численности населения на базовых кочевьях. В условиях же повышенной атмосферной увлажненности почвенный покров Эльтонской равнины обеспечивал достаточно высокую продуктивность травянистой растительности, необходимую для содержания и воспроизводства поголовья домашнего скота, удовлетворяющего жизненные потребности кочевников в течение весенне-летне-осеннего периода. Во второй половине раннежелезного века (I в. до н. э.— IV в. н. э.) погодные условия в заволжских степях, вероятно, несколько изменились. Зимы стали более мягкими и теплыми, увеличились частота и продолжительность засушливых периодов. Это повлекло за собой усыхание степи, снижение ее обводненности и продуктивности растительного покрова. В сложившейся метеорологической обстановке средне- и позднесарматские племена вынуждены были несколько изменять сложившийся традиционный характер ведения хозяйства. Прежде всего это отразилось в смене обычных маршрутов перекочевок, на сезонных циклах производственной деятельности, привело к большей концентрации населения на базовых кочевьях в долинах крупных рек в зимний период, более активным миграциям в течение теплой половины года. Кроме того, из археологических источников известно [13, с. 82, 83], что в последние века до новой эры в Нижнем Поволжье заметно увеличивается численность сарматского населения. Отмеченные природные и социальные причины привели к изменению структуры расселения кочевых племен в начале новой эры, что выразилось в обезлюдении типичных глубинных сухостепных районов Заволжья (таких, как Бессточная равнина) и переориентации миграционных процессов в Волго-Донское междуречье, на Сыртовую равнину. Эльтонская равнина могла использоваться поздними сарматами в отдельные благоприятные годы в качестве сезонных пастбищ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Демкин В. А., Иванов И. В.* Развитие почв Прикаспийской низменности в голоцене. Пущино, 1985.
2. *Демкин В. А., Иванов И. В.* Особенности формирования карбонатного профиля почв сухостепной зоны юго-востока Европейской части СССР//Почвоведение. 1987. № 1.
3. *Демкин В. А., Лукашов А. В.* О скорости и направленности почвообразовательного процесса в зоне сухих степей в голоцене//Почвоведение. 1987. № 6.
4. *Васильев И. Б., Иванов И. В.* Взаимосвязь человека и природной среды в Северном Прикаспии//Проблемы эпохи неолита. Оренбург, 1986.
5. *Демкин В. А., Лукашов А. В., Приходько В. Е.* Развитие почв сухостепного Заволжья в голоцене и особенности освоения территории с древнейшего времени до наших дней//Эволюция и возраст почв СССР. Пущино, 1986.
6. *Роде А. А.* Климатические условия района Джаныбекского стационара//Сообщения лаборатории лесоведения АН СССР. 1959. Вып. 1.

7. *Хайруллин К. Ш.* Повторяемость зимних и последующих за ними летних сезонов и аномалии термического режима в северном полушарии//Ритмика природных явлений. Л., 1976.
8. *Эдди Дж.* История об исчезнувших солнечных пятнах//Успехи физ. наук. 1978. Т. 125. Вып. 2.
9. *Гаель А. Г., Гумилев Л. Н.* Разновозрастные почвы на степных песках Дона и передвижение народов за исторический период//Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1966. № 1.
10. *Гумилев Л. Н.* Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии//История СССР. 1967. № 1.
11. *Синицын В. М.* Введение в палеоклиматологию. Л.: Недра, 1980.
12. *Федорова Р. В.* Применение спорово-пыльцевого анализа в археологических исследованиях Прикаспия и Предкавказья//СА. 1959. № 1.
13. *Скрипкин А. С.* Проблемы расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья и Дона//Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во СГУ, 1986.

Институт почвоведения и фотосинтеза
РАН, Пущино
Волгоградский государственный
университет

V. A. DEMKIN, A. V. LUKASHOV

SOIL AND LANDSCAPE CONDITIONS IN THE NORTH-WESTERN CASPIAN AREA IN THE 2nd MILLENIUM B. C.— 1st MILLENIUM A. D.

Summary

In the article the results of coplex natural-scientific investigations of archaeological sites in Caspian area are summarised. Comparative analysis of the palaeosoils covered with barrow mounds of different chronological periods allowed the authors to suggest a reconstruction of the natural conditions in the steppic regions during the Bronze and Iron Ages and Mediaeval period. The role of palaeoecology in the life of ancient population is demonstrated. The authors present a model of interrelations between nature and human society on the example of Sarmation tribes, which inhabited the Lower Volga area.

В. И. КЛОЧКО, С. А. СКОРЫЙ

К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЗДНЕЧЕРНОЛЕССКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Со времени выделения А. И. Тереножкиным в пределах украинской Лесостепи новой культуры предскифской поры — чернолесской прошло около 40 лет [1]. За прошедший период получен значительный материал, позволивший более углубленно исследовать различные аспекты Чернолесья (ареал и локальные варианты, генезис, вопросы хронологии и пр.).

Вместе с тем число погребальных памятников чернолесской культуры по-прежнему невелико [1], к тому же многие из них малоинформативны. Между тем решение многих остродискуссионных вопросов Чернолесья (в частности, этнической принадлежности носителей культуры) без накопления и детального изучения хорошо документированных погребальных комплексов вряд ли возможно.

С момента выделения чернолесской культуры бытует достаточно традиционное мнение о том, что для ее населения был характерен (являлся преобладающим) обряд кремации, совершаемой на стороне с последующим помещением праха кремированных в сосуды (урны). При этом захоронения совершались чаще в грунтовых могилах, нежели под курганными насыпями. Погребения, выполненные по обряду ингумации (обычно в скорченном положении), как под курганными насыпями (чаще), так и в грунтовых могилах (реже), в целом представлены небольшим числом [2, с. 46; 3, с. 79; 4, с. 19, 20; 5, с. 33]. Вывод о господстве обряда кремации в чернолесском похоронном ритуале основан на находках урн-сосудов с пережженными костями в грунтовых могилах ряда пунктов, в основном Лесостепного Правобережного Поднепровья (села Троянов, Коломийщина, Кайлов, Ржищев, Лука, Полудневское городище), нескольких урновых захоронений под курганами, а также бронзовых браслетов чернолесского типа со следами воздействия огня в некоторых пунктах Киевской и Черкасской областей [2, с. 43—45; 3, с. 77, 78].

Указанный тезис нашел поддержку в недавно опубликованной работе, специально посвященной обряду кремации древнего населения Украины в широком хронологическом диапазоне. При этом указывается, что «отдельные ингумации могут быть объяснены проникновением населения с юга» [6, с. 24, 25], иными словами — степных племен, суть вероятных исторических киммерийцев.

К сказанному следует добавить мнение о различных оценках ареала урновых кремаций чернолесской культуры в пределах украинской Лесостепи. По А. И. Тереножкину, указанный обряд господствовал именно в северных районах Лесостепи и на юге Полесья [2, с. 46]. А. И. Мелюкова, напротив, полагает, что чернолесские трупосожжения фиксируются в основном в южных районах Лесостепи [7, с. 87].

К слову заметим, что тезис о южной концентрации чернолесских трупосожжений (и в частности, урновых) не находит достаточно убедительных под-

[1] Мы располагаем сведениями примерно о 90 погребениях, обнаруженных более чем в 40 пунктах Лесостепи (наибольшее число захоронений открыто в пределах Киево-Черкасского региона Лесостепного Днепровского Правобережья).

© В. И. Клочко, С. А. Скорый, 1993 г.

тверждений в археологическом материале. Упомянутые уже урновые захоронения у сел Троянов (Восточная Волынь), Ржищев, а также грунтовые могильники с кремацией у сел Кайлов, Коломийщина (Киевское Поднепровье) расположены как раз в северных пределах Лесостепи. Помимо этого, в последние годы в курганах Поросья Г. Т. Ковпаненко выделено около двух десятков погребений, в основном 2-й ступени чернолесской культуры, выполненных по обряду ингумации [8, с. 58], что, естественно, вносит существенные коррективы в понимание соотношения чернолесских кремаций и ингумаций на территории Лесостепного Правобережного Поднепровья.

Что же касается генезиса погребального обряда Чернолесья, то в широком смысле слова можно говорить о трех основных точках зрения. По мнению А. И. Тереножкина и В. А. Ильинской (поддержанному впоследствии рядом исследователей), чернолесский погребальный обряд (как кремация, так и ингумация) является последующим развитием похоронного ритуала населения белогрудовской культуры [2, с. 182; 3, с. 79]. В этническом отношении белогрудовское и чернолесское население отождествлялось с праславянами [2, с. 228—246]. А. И. Мелюкова в 70-е годы и С. С. Березанская в начале 80-х годов трактовали появление урновых кремаций в Чернолесье как результат влияния фракийской культуры. В пользу этого, по их мнению, свидетельствует также чернолощеная инкрустированная керамика, находящая аналогии в ряде культур фракийского круга, и некоторые иные моменты [7, с. 87; 9, с. 200]. При этом С. С. Березанская подчеркивала, что в чернолесское время белогрудовские племена продолжали бытовать на своей исконной территории, но происходила частичная смена населения в виде притока фракийского этнического элемента с запада [9, с. 200]. Впоследствии С. С. Березанская пришла к более радикальному выводу о том, что племена чернолесской культуры «в своей основе... были фракийцами» [10, с. 14, 15], что нашло поддержку у некоторых авторов [6, с. 24, 25].

Не вдаваясь в вопрос об этнической принадлежности населения чернолесской культуры (эта тема особая, требующая специальных разработок), подчеркнем лишь, что обряд кремации с помещением праха в сосуды-урны отнюдь не является характерной особенностью Чернолесья на этой территории. Наряду с ингумацией он достаточно хорошо известен в белогрудовское время и в более ранний период. В целом же подход к оценке погребального обряда Чернолесья с позиций признания в нем доминирования урновых кремаций с учетом современных данных по чернолесской культуре украинской Лесостепи представляется слишком общим и некорректным.

Так, в рамках лесостепного Правобережья, в пределах Киевского Поднепровья, известны только урновые кремации [2, с. 43]. В Поросье в большей степени получил распространение обряд ингумации под курганными насыпями (положение погребенных вытянутое, ориентировка нестойкая) [8, с. 58], хотя известны и трупосожжения в урнах [2, с. 44]. В бассейне Тясмина, где чернолесские захоронения немногочисленны, ингумация и кремация встречаются примерно в равном соотношении [2, с. 45, 46]. В Поднестровье безусловно доминировали трупоположения под курганами (скорченные), а урновые кремации единичны [11, с. 55; 12].

На Левобережье, в Орельско-Самарском междуречье, также преобладал обряд ингумации (ориентировка и положение погребенных — неустойчивые) [13, с. 110, 111]. Наконец, по этому же обряду выполнено единственное пока известное чернолесское захоронение в бассейне Северского Донца [14, с. 261, 262]. Следует заметить, что упомянутые погребения в основном относятся ко 2-й ступени чернолесской культуры, т. е. являются позднечернолесскими.

Таким образом, в ареале чернолесской культуры на различных территориях погребальный обряд был достаточно отличен, обладая, на наш взгляд, локальными особенностями, что, вероятно, отражает различную этническую ситуацию в тех или иных регионах.

Хорошей иллюстрацией указанного положения представляется предлагаемое

вниманию захоронение в кургане № 10 близ п.г.т. Стеблев Корсунь-Шевченковского р-на Черкасской обл., раскопанное в ходе исследования курганного могильника [2].

Курган № 10 находился в стороне от основного места концентрации насыпей могильника (12 курганов, относящихся к скифскому времени), примерно в 2,8 км к востоку от Стеблева, вблизи с. Яблоновка, на сравнительно ровном плато правого берега р. Рось. По всей видимости, указанный курган не имеет прямого отношения к могильнику. К северу от него, в 0,5—0,6 км, располагались два кургана эпохи бронзы.

К моменту раскопок насыпь кургана, сооруженная из песчаного грунта, была значительно распахана [3], имела высоту 0,6 м при диаметре 19 м. Скорее всего первоначальная высота и диаметр также были невелики. При снятии насыпи, в 3 м к северо-западу от центра, на глубине 0,4 м (в пахотном слое) найдены невыразительные фрагменты лепной керамики.

Единственное захоронение располагалось в 2 м к югу — юго-западу от условного центра, на уровне древней поверхности (на глубине 0,6 м от современной поверхности). Часть одного из сосудов, сопровождавших покойника (корчаги), была обнаружена на глубине 0,4 м от условного центра (вероятно, попала в пахотный слой в процессе распашки насыпи).

Место захоронения фиксировалось на поверхности погребенной почвы слоем темно-коричневого тлена в виде пятна прямоугольной формы размерами 2×1,25—1,35 м, ориентированного длинными сторонами по линии север — юг. В центре его под слоем белесого и темно-коричневого тлена, в плане — неправильной овальной формы размерами 0,6×0,15—0,30 м, лежали обожженные кости человека, среди которых лучше всего сохранились длинные кости (рис. 1). Судя по количеству, они принадлежали одному индивидууму. По предположению автора раскопок В. И. Клочко, обожженные останки погребенного были завернуты в шкуру животного (или войлок) и помещены на аналогичную подстилку. Поскольку в пределах подкурганной поверхности следы кострища не обнаружены, есть все основания считать, что частичная кремация умершего проводилась на стороне. К востоку и к югу от покойника на подстилке располагался погребальный инвентарь, состоящий из девяти различных лепных сосудов: упомянутой уже корчаги, горшков, кубка, черпаков, мисок [4].

1. Горшковидная приземистая корчага с очень широким горлом, раздутым, резко профилированным туловом, узким плоским дном. Под венчиком украшена сквозными проколами, по плечикам — налепным, слабо выраженным валиком, расчлененным редкими пальцевыми вдавлениями. Высота сосуда 28 см, диаметр по венчику 30 см, тулова — аналогичный, дна — 12 см. Сосуд реставрирован из ряда фрагментов (рис. 2).

2. Плоскодонный гладкостенный горшок тюльпановидного профиля с широким горлом, плавно отогнутым венчиком, слабо выделенной шейкой, слегка округлым туловом, сужающимся ко дну. Поверхность темная, подлощенная. Верхняя часть сосуда растрескалась. Высота горшка 13,1 см, диаметр по венчику 10,8 см, тулова — 11,2 см, дна — 6,9 см. Инв. № А-2628 (рис. 3,*1*). Был обнаружен лежащим в чернолощеной полусферической миске.

3. Плоскодонный горшок тюльпановидного профиля с плавно отогнутым наружу венчиком, выпуклым туловом, сужающимся к небольшому дну. Поверхность серого цвета, подлощена. Под венчиком орнамент в виде сквозных проколов, по плечикам — налепной валик, расчлененный частыми пальцевыми вдавлениями.

---

[2] Раскопки осуществлялись Стеблевским отрядом Черкасской новостроечной экспедиции Института археологии АН Украины под руководством В. И. Клочко. Об исследовании Стеблевского могильника см. [15].

[3] Описание дано по отчету В. И. Клочко и М. Ю. Видейко, хранящемуся в НА ИА АН Украины [16, с. 12].

[4] Сосуды хранятся в фондах Черкасского областного краеведческого музея.

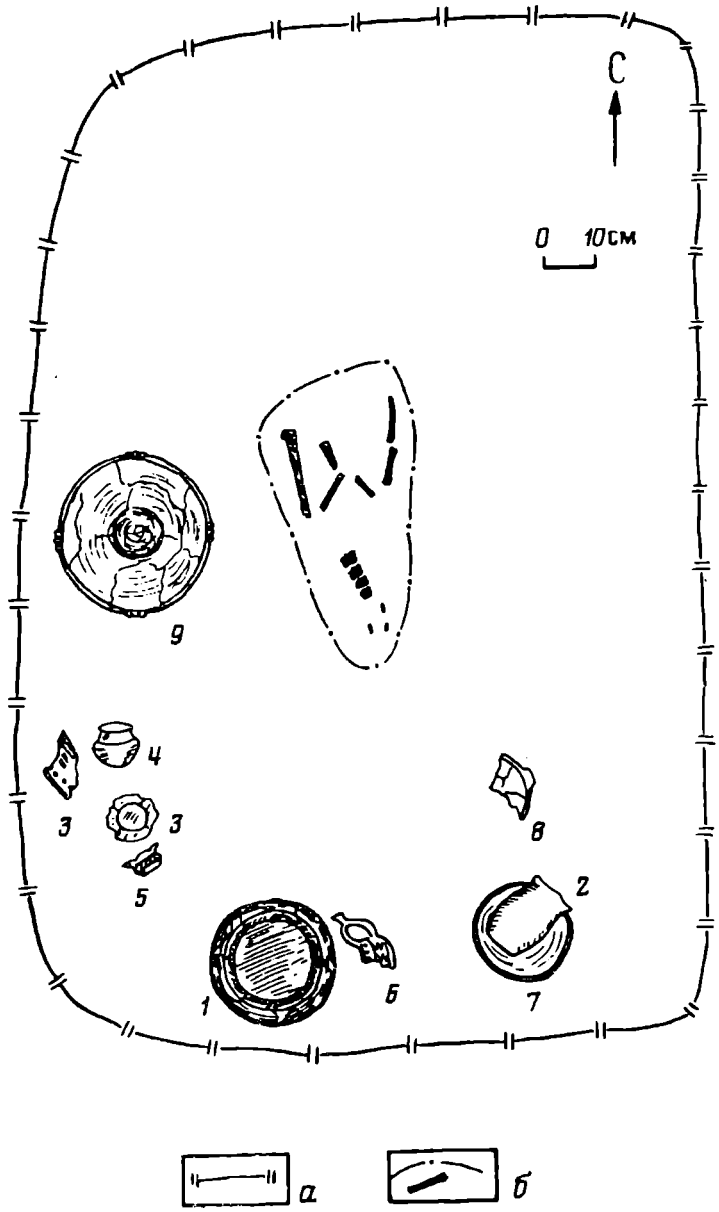


Рис. 1. Курган № 10 близ Стеблева. План погребения: *а* — контур погребения (остатки подстилки — шкура или войлок), *б* — обожженные кости человека; *1* — корчага; *2* — большой горшок; *3* — маленький горшок; *4* — кубок; *5* — черпак с обломанной ручкой; *6* — большой черпак; *7* — полусферическая миска; *8* — фрагменты орнаментированной миски; *9* — большая миска

Высота сосуда 29 см, диаметр по венчику 22,7 см, диаметр тулова 24 см, дна — 11,2 см. Реставрирован из ряда фрагментов. Инв. № А-2627 (рис. 3, *2*).

4. Чернолощеный кубок с высоким сужающимся горлом, плавно отогнутым наружу венчиком, уплощенным полусферическим туловом, отделенным от края уступом. На дне — круглая ямка. Высота сосуда 8,7 см, диаметр по венчику 8,9 см, тулова — 10,2 см. Часть венчика обломана. Инв. № А-2629 (рис. 4, *2*).

5. Чернолощеный черпак с неглубокой широкооткрытой чашечкой полусферической формы, слегка уплощенным дном с круглой ямкой посередине, отогнутым наружу венчиком. Ручка обломана, вероятнее всего, она была высокая, петельчатая с выступающим отростком. Высота сосуда 4,7 см, диаметр венчика 9,1 см, тулова — 8,2 см. По плечикам нанесен орнамент, выполненный зубчатым штампом, в виде трех горизонтальных линий, пространство между двумя из которых покрыто косыми линиями. Орнамент заполнен белой пастой. Сосуд реставрирован из нескольких обломков. Инв. № А-2631 (рис. 4, *1*).

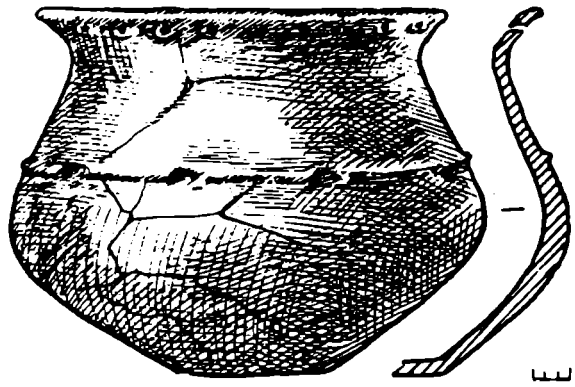


Рис. 2. Корчага

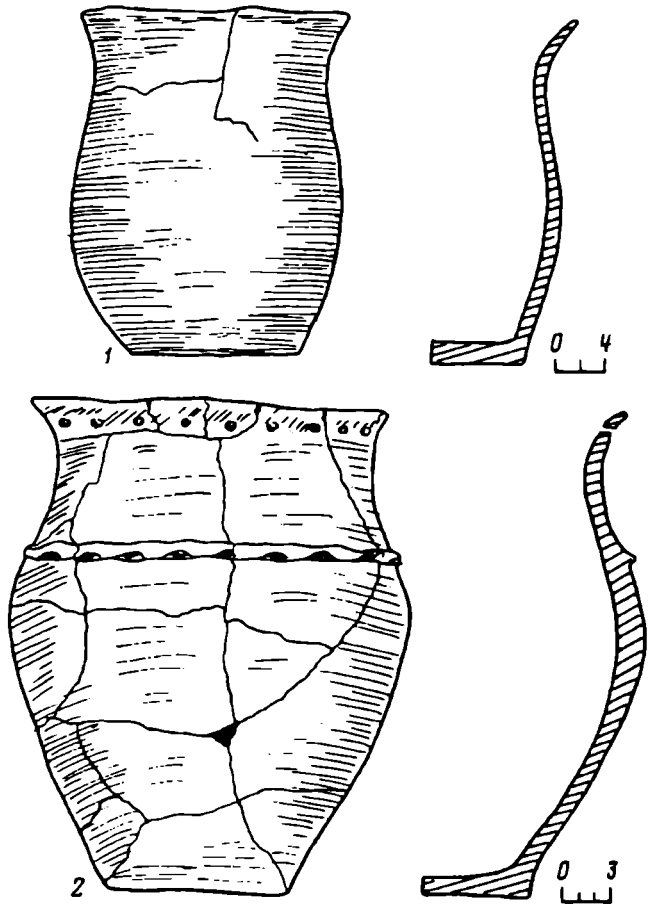


Рис. 3. Горшки: *1* — маленький; *2* — большой

6. Чернолощеный черпак с глубокой полусферической чашечкой, S-образным профилем, слегка уплощенным дном, имеющим ямку посередине, высокой петельчатой ручкой, заканчивающейся округлым отростком-выступом. Высота сосуда 7,8, диаметр по венчику 10,1, диаметр тулова 10,2 см. Ручка возвышается над краем венчика на 3,8 см. Край венчика черпака по внутреннему ободку украшен насечками из зубчатого штампа. На ручке, с внутренней стороны, на уровне верхнего прилепа — орнамент в виде двух заштрихованных треугольников, вершины которых ограничены углубленными кружками. По плечикам черпак украшен орнаментальным поясом из вертикально расположенных зигзагообразных лент, между которыми оставлены чистые участки, заштрихованные ромбиками. Над поясом орнамента — углубленные кружки, оттиснутые штампом. Орнамент

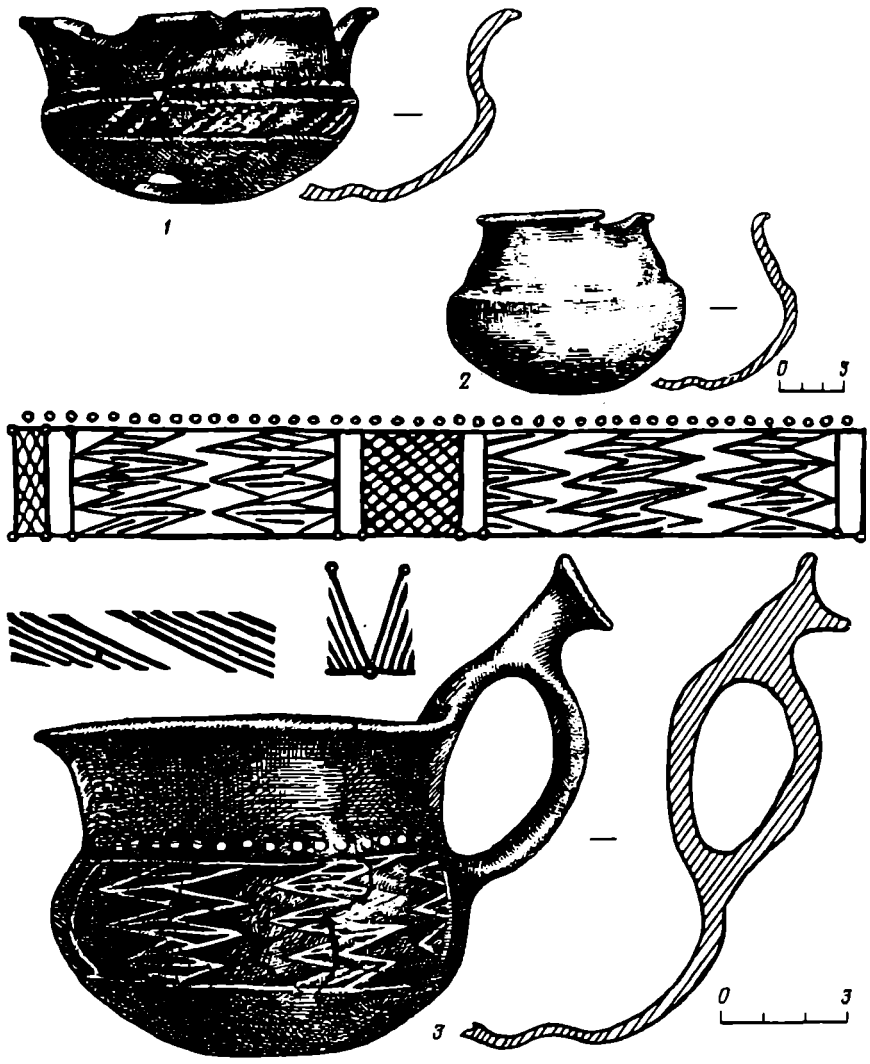


Рис. 4. Черпаки и кубок: *1* — черпак с обломанной ручкой; *2* — кубок; *3* — большой черпак

заполнен белой пастой. Сосуд реставрирован из нескольких частей. Инв. № А-2630 (рис. 4, *3*; 5).

7. Чернолощеная полусферическая миска с прямым, горизонтально срезанным краем. С трех сторон украшена небольшими выступами-упорами. Высота сосуда 6,2, диаметр по краю 17,4 см. Инв. № А-2625 (рис. 6,*1*).

8. Часть чернолощеной полусферической миски с хорошо выделенным поддоном, плавно загнутым внутрь, горизонтально срезанным краем. По краю выступа — упор. Вероятно, на целом сосуде их было два или четыре. Высота миски 7,8 см, реконструируемый диаметр по краю около 21 см, диаметр поддона 7,2 см. Сверху наружной стороны миска украшена пояском резкого геометрического орнамента, заполненного белой пастой. Орнамент в виде прямоугольников, покрытых сеткой штриховки, а также зигзагообразных лент, между которыми оставлены свободные поля. Часть сосуда реконструирована из нескольких фрагментов. Инв. № А-2626 (рис. 6,*3*).

9. Чернолощеная полусферическая миска со слегка уплощенным дном, плавно загнутым внутрь горизонтально срезанным краем. Высота сосуда 7,5 см, диаметр по краю 31,4 см. С четырех сторон миска украшена тройными валиками-налепами, спускающимися от края венчика к плечу. Сосуд реставрирован из ряда фрагментов. Инв. № А-2624 (рис. 6,*2*).

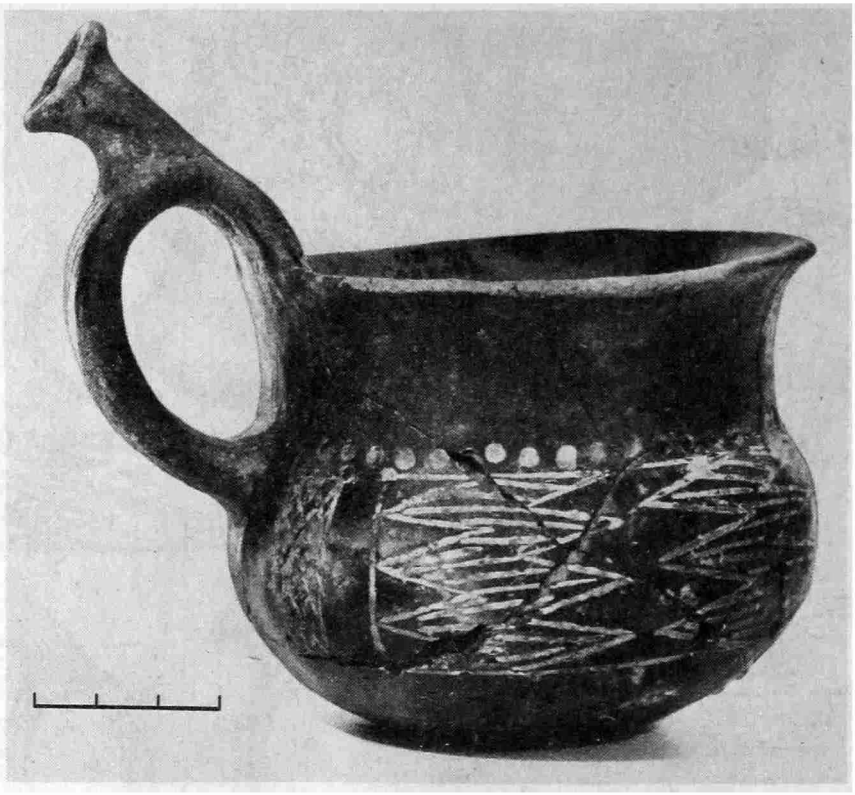


Рис. 5. Большой черпак (фото)

Керамический комплекс рассматриваемого погребения отличается редкой представительностью: он содержит практически все виды посуды, бытовавшей в Лесостепи в предскифское время, что уже само по себе является фактом, заслуживающим пристального внимания. Рассмотрим, с помощью аналогий, вопрос датировки стеблевского захоронения.

Горшок тюльпановидной формы, украшенный сквозными проколами под венчиком и налепным валиком по плечикам, расчлененным пальцевыми вдавлениями, относится к числу наиболее характерных кухонных сосудов позднечернолесского времени. Они хорошо представлены на поселениях и в курганах лесостепного Поднепровья [2, с. 62, рис. 36,*2*; 3, с. 146, рис. 22; *8—10*; 8, с. 50, рис. 40, *3*, с. 95, рис. 56,*3*; 17, с. 205, рис. 1] и Поднестровья [18, с. 61, рис. 1, *3, 8, 9*; 19, с. 14, рис. *5, 9, 11*; 20, с. 15, рис. 7, *9*].

Значительно реже встречаются на чернолесских памятниках гладкостенные сосуды тюльпановидной формы, аналогичные публикуемому. В качестве примера укажем на горшок, найденный на Субботовском городище в бассейне р. Тясмин, в слое, относящемся ко второй ступени чернолесской культуры [2, с. 62, рис. 36,*3*].

Горшковидная приземистая корчага отличается несколько необычной оригинальной формой. В кругу чернолесской керамики Поднепровья прямые аналогии ей неизвестны. Пожалуй, определенное сходство по форме с публикуемой корчагой имеют сосуды с позднечернолесских памятников Поднестровья, в частности с Григоровского городища [18, с. 79, рис. 9].

Кубки с высокой выделенной шейкой, переход которой к полусферическому тулову выделен уступом, генетически связаны с сосудами позднего бронзового века, достаточно хорошо известными в памятниках лесостепной и степной зон (белозерская культура), где они являются ведущим типом столовой посуды [21, с. 133, 135, рис. 40, *17*]. Прямые аналогии публикуемому кубку нам отыскать не удалось, но достаточно близкие экземпляры найдены в кургане № 1 группы

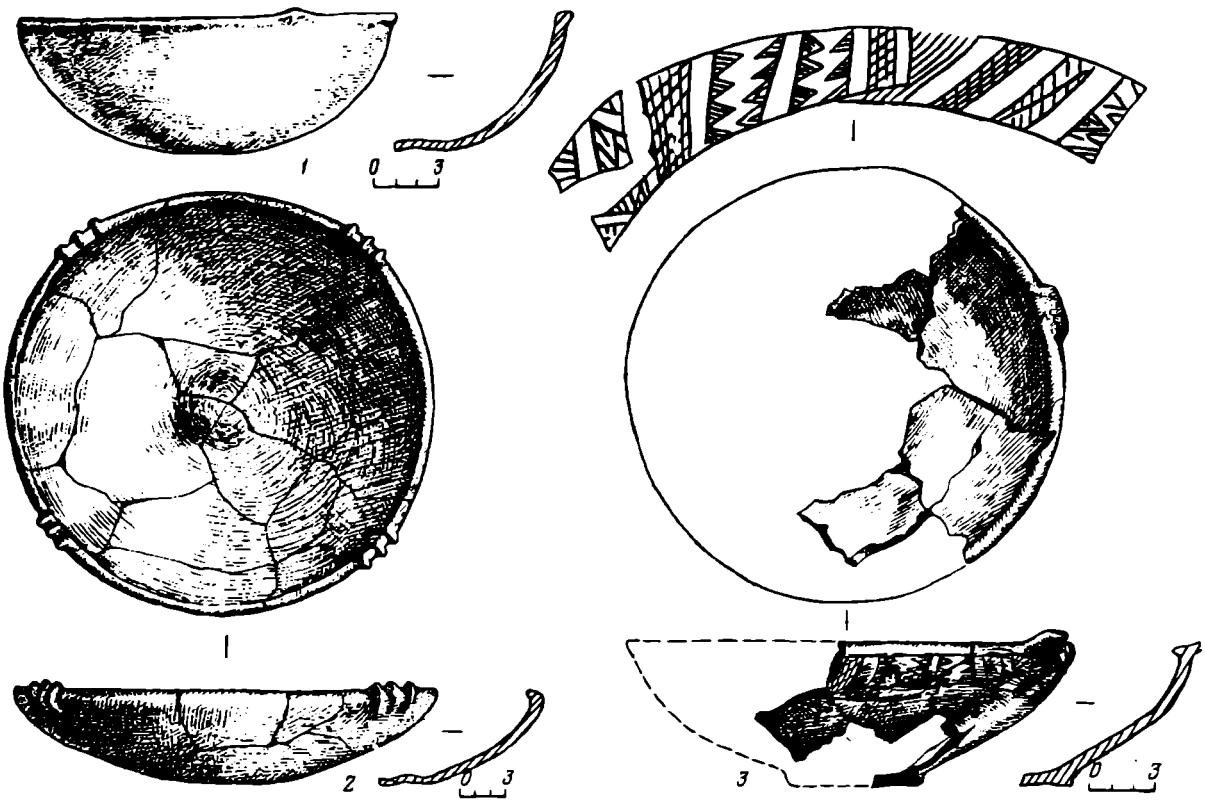


Рис. 6. Миски: *1* — полусферическая; *2* — большая; *3* — фрагменты орнаментированной миски

II в Горчаковом Лесу у с. Медвин в Поросье и в кургане № 185 могильника «Д» на р. Тенетинка в бассейне Тясмина, относящихся к предскифскому (жаботинскому) времени [22, с. 54, рис. 9, *5*, с. 69; 23, с. 129, рис. 1, *5*].

Черпак с неглубокой чашечкой, орнаментированной зубчатым штампом, принадлежит к группе сосудов позднечернолесского и раннежаботинского периодов. По форме он весьма напоминает сосуды, известные в архаических курганах бассейна р. Тясмин, например, в кургане № 155 могильника «Д» на р. Тенетинка и кургане № 455 у с. Макеевка [3, табл. V, *10*, XIX, *3*].

Чернолощеные черпаки с глубокой чашечкой и S-образным профилем, имеющие петельчатую ручку с выступом, характерны для раннежаботинских комплексов Среднего Поднепровья [24, с. 64, рис. 2, *9—11*; 3, с. 118—126, табл. XXII, *4*, *7*; XXVI, *7*, *12*; XXVII, *7*, *10*, *14*; XXVIII, *3*, *6*, *9*; 8, с. 81—86, рис. 50, *6—8*, *14—15*; 25, с. 54, рис. 13, *4*]. Безусловно, наиболее близок нашему сосуду черпак (№ 1) из коллекции Ф. Ф. Кундеревича, хранящийся в собрании ГИМ Украины, обнаруженный в районе Канева или Черкасс [3, с. 69, рис. 4, *1*]. Различаются сосуды лишь незначительными второстепенными деталями. В. А. Ильинская отнесла упомянутый черпак к «древнейшему жаботинскому типу», датируя его в свое время ранним VII в. до н. э. [3, с. 120].

Полусферические чернолощеные миски, украшенные по краю прямоугольными выступами, достаточно хорошо известны на позднечернолесских памятниках Поднепровья (например, Московское городище) и Поднестровья (например, поселение у с. Днестровка) [2, рис. 44, *4*; 19, с. 14, рис. 5, *10*].

В большей степени для позднечернолесских памятников Поднестровья, чем Поднепровья, характерны чернолощеные миски, украшенные по краю тремя вертикальными валиками-налепами, аналогичные стеблевскому сосуду [11, с. 56, рис. 7, *8*—9; 26, с. 103, табл. I, 9]. Появление этого элемента пластического орнамента в позднечернолесских древностях Поднестровья связывается с влиянием керамических традиций группы Сахарна-Солончены Молдовы [11, с. 56].

Несомненно, одним из наиболее интересных сосудов нашего комплекса является

чернолощеная миска, украшенная сверху с наружной стороны поясом резного геометрического орнамента, заполненного белой пастой. Подобная орнаментация мисок является особенностью немногих сосудов позднечернолесской культуры и раннежаботинского этапа. В пределах лесостепного Поднепровья миски, украшенные подобным образом, встречаются не часто; они известны: в кургане № 405 у с. Гадомка в Поросье [8, с. 91, рис. 54, *3*]; на позднечернолесском Лубенецком городище; в ранних слоях поселения у с. Жаботин на Тарасовой Горе [3, с. 140, рис. 20, *4—15*; 27, с. 184, рис. 7, 8]. Особенно близка публикуемой по орнаментации миска, найденная в раскопе II на упомянутом Жаботинском поселении [28, табл. II, *1, 3*]. Достаточно хорошо известны подобные сосуды в позднечернолесских памятниках Поднестровья [19, с. 22, рис. 11, *7*, с. 24, рис. 13, *4*]. Существует интересная точка зрения о появлении мисок с подобной орнаментацией в позднечернолесской среде Правобережья под влиянием керамического комплекса Бессарабии [3, с. 139; 16, с. 81].

Итак, набор керамики из стеблевского захоронения включает, во-первых, сосуды, достаточно типичные для позднего Чернолесья (горшки, две миски — с валиками-налепами и с прямоугольными выступами, корчага), во-вторых, характерные как для позднечернолесских памятников, так и для раннежаботинских (черпак, орнаментированный зубчатым штампом, миска, украшенная геометрическим резным орнаментом), и наконец, в-третьих, сосуды, известные в раннежаботинских древностях (черпак, украшенный резным геометрическим орнаментом).

Преобладание в керамическом комплексе погребения сосудов, более характерных для позднечернолесской культуры, чем для раннежаботинского этапа, позволяет интерпретировать его в культурном отношении как позднейшее чернолесское.

Учитывая последние разработки в области хронологии предскифских памятников (и чернолесской культуры в частности) [20, с. 23—25; с. 38], абсолютную дату стеблевского захоронения, видимо, следует ограничить VIII в. до н. э.

Особый интерес представляет погребальный ритуал, с соблюдением которого выполнено рассматриваемое захоронение, поскольку он вносит новые детали в общее понимание чернолесского погребального обряда, являясь в некоторой степени уникальным. Подчеркнем, что чернолесские подкурганные захоронения, выполненные на уровне древнего горизонта, для Лесостепного Правобережного Поднепровья — явление достаточно редкое: достоверно можно лишь говорить о погребении в кургане № 185 могильника «Д» на р. Тенетинка [23, с. 128, 129]. Более характерны захоронения на уровне погребенной почвы для Поднестровья. В равной степени сложно найти аналогии и такой детали обряда, отраженной в стеблевском захоронении, как частичное сожжение на стороне с помещением обугленных костей на место погребения. В качестве примера укажем на могилу в кургане № 6 у с. Оситняжка в бассейне Тясмина [30, с. 8]. С определенной долей вероятности можно предполагать подобный обряд для кургана № 6 у с. Гамарня и кургана № 405 у с. Гадомка в Поросье [8, с. 20, 21]. Видимо, широкого распространения подобный обряд не получил. И уж вовсе нет пока аналогий в чернолесской культуре (как, впрочем, и в культурах предшествующего времени в Лесостепи) обычаю завертывания обугленных костей кремированного умершего в шкуру (или войлок?).

Таким образом, ритуал, с соблюдением которого осуществлено стеблевское захоронение, существенно отличается от двух основных видов погребений чернолесской культуры — урновых кремаций и ингумаций. Не находит он аналогий и в погребальной практике предшествующей белогрудовской культуры, а также в синхронных древностях фракийского круга.

Мы склонны думать, что рассматриваемый обряд отражает как бы взаимодействие двух выше указанных ритуалов (ингумации и кремации), т. е. является

определенным развитием чернолесского обряда как такового на позднейшем его этапе, выразившемся в появлении новых обрядовых форм.

Обряд частичной кремации на стороне с последующим помещением обожженных костей в могилу известен в определенной степени в Лесостепном Поднепровье и в последующую эпоху — в скифское время, например, в архаическом захоронении кургана № 174 на р. Тенетинка в бассейне Тясмина [31, с. 175]. В связи с этим мы вправе допустить прямую преемственность указанных ритуалов. Для более позднего (скифского) времени указанный обряд пока не фиксируется, хотя случаи полной кремации с помещением пепла сожженных в могилы или сосуды-урны известны достаточно хорошо [32, с. 17].

Впоследствии практика трупосожжения на стороне, обычай помещать в могилу кальцинированные кости, очищенные от погребального костра, получают определенное распространение в зарубинецкой культуре Поднепровья [33, с. 122]. К сожалению, мы не располагаем какими-либо данными о связи рассмотренного выше ритуала с зарубинецким погребальным обрядом, хотя исключать этого, конечно, нельзя.

Итак, ритуал частичного сожжения на стороне с последующим помещением праха кремированного в могилу, оформившись в украинской Лесостепи в ходе эволюции чернолесского погребального обряда (на позднейшем ее этапе), продолжал существовать в последующий период, во всяком случае — в скифское время, т. е. иными словами, видимо, можно говорить о некой единой линии развития этого типа похоронного ритуала в указанном регионе. По всей вероятности, отмеченный факт отражает определенную этническую близость населения, использовавшего подобную практику погребения.

В свете сказанного есть основания рассматривать стеблевский курган как захоронение представителя местного населения, не связанного по происхождению с фракийским этносом. Наличие в керамическом комплексе некоторых сосудов, имеющих аналогии в культурах фракийского круга, вероятно, иллюстрирует традиционные связи древнего населения Поднепровья и Поднестровья.

В заключение необходимо отметить, что, по нашим представлениям, концепция фракийской принадлежности населения чернолесской культуры нуждается в уточнении. Близость материальной культуры фракийского мира и Чернолесья, на наш взгляд, отражает (наряду со связями) фрако-протославянскую языковую общность [34], распад которой относится к рубежу II и I тыс. до н. э., т. е. ко времени зарождения чернолесской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тереножкин А. И.* Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье (чернолесский этап)//Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1953.
2. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев: Изд-во АН УССР, 1961.
3. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наук. думка, 1985.
4. Археологія Української РСР. Т. 2. Київ: Наук. думка, 1971.
5. Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев: Наук. думка, 1986.
6. *Отрощенко В. В., Моця О. П.* Обряд кремації у стародавнього населення території України V тис. до н. е.— I тис. н. е.//Археологія. 1989. № 2.
7. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1975.
8. *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наук. думка, 1981.
9. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
10. *Березанская С. С.* Об этнической принадлежности племен чернолесской культуры//Тез. докл. советской делегации на V Междунар. конгрессе славянской археологии. М.: Наука, 1985.
11. *Смирнова Г. И.* О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре (по материалам поселения Днестровка-Лука)//АСГЭ. 1984. № 25.
12. *Шовкопляс І. Г., Максимов Є. В.* Дослідження курганого могильника передскіфського часу на Середньому Дністрі//Археологія. 1952. Т. VII.
13. *Ромашко В. А.* Некоторые особенности погребального обряда чернолесской культуры Левобережья Днепра//Проблемы археологии Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1984. Вып. 1.

14. *Бородулин В. Г.* Исследования в зоне сооружения Краснопавловского водохранилища//АО-1974. М., 1975.
15. *Клочко В. И.* Работа Стеблевского отряда//АО-1983. М., 1985.
16. *Клочко В. И., Видейко М. Ю.* Отчет о работе Стеблевского отряда//НА ИА АН УССР. № 1983/25а.
17. *Мовша Т. Г.* Погребения предскифского времени с. Коломийщины I//МИА. 1965. № 130.
18. *Смирнова Г. И.* Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников)//АСГЭ. 1983. № 23.
19. *Смирнова Г. И.* Поселение у с. Днестровка — памятник чернолесской культуры на Днестре//АСГЭ. 1985. № 26.
20. *Смирнова Г. И.* Последний сезон работ на чернолесском поселении Днестровка-Лука и вопросы хронологии позднего Чернолесья//АСГЭ. 1986. № 27.
21. *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1986.
22. *Ковпаненко Г. Т.* Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье//Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
23. *Покровська Є. Ф.* Кургани передскіфського часу в басейні р. Тясмин//Археологія. 1953. Т. VIII.
24. *Покровська Є. Ф.* Кургани передскіфського часу на р. Тенетинці//Археологія. 1975. Вип. 17.
25. *Ковпаненко Г. Т., Гупало Н. Д.* Погребение воина у с. Квитки в Поросье//Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1981.
26 *Шовкопляс І. Г.* Поселення ранньоскіфського часу на Середньому Дністрі//Археологія. 1954. Т. IX.
27. *Покровская Е. Ф.* Предскифское поселение у с. Жаботин//СА. 1973. № 4.
28. *Вязьмітіна М. І., Покровська Є. Ф.* Поселения VII—VI ст. до н. е. в околицях с. Жаботина//Археологічні пам''ятки. 1956. Т. VI.
29. *Смирнова Г. И.* Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР//СА. 1985. № 4.
30. *Хвойка В. В.* Раскопки курганов при с. Оситняжке Чигиринского уезда Киевской губернии//Археологическая летопись Южной России. 1904.
31. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1894. Т. 2.
32. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.//САИ. 1967. Вып. Д1—4.
33. *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев: Наук. думка, 1972.
34. *Гиндин Л. А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София: Изд-во БАН, 1981.

Институт археологии АН Украины, Киев

V. I. KLOCHKO, S. A. SKORY

ON THE STUDY OF THE BURIAL RITE OF LATE CHERNOLESYE CULTURE

Summary

In the article a burial of Chernolesye culture excavated in kurgan 10 near Steblev village (Cherkassy region, Korsun-Shevchenko district) is published. Having analysed these new materials and the known ones the authors came to some comclusions. They state, that the rite of cremation and placing the ashes into the grave appeared in Ukraine in the forest-steppe zone during the process of developing of the Chernolesye burial rite to the late Chernolesye one. This ritual was spread later in the Scythian epoch. Thus it is possible to suppose a single way of development of the burial rite in this area connected with the ethnic similarity of the population. The authors interpret the Steblev burial as a grave of a representative of the probably protoslavic population which had no genetic links with the Thracian ethnic groups.

А. П. МЕДВЕДЕВ

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ В НАЧАЛЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

При описании народов, обитающих за Танаисом, Геродот сообщает о двух многочисленных этносах — будинах и тиссагетах (Herod., IV, 21, 22). С первыми наиболее надежно отождествляются племена среднедонской культуры скифского времени [1, с. 15—26; с. 125] или население, оставившее памятники лесостепной скифоидной культуры междуречья Днепра и Дона [3, с. 132; 4, с. 120, 121; 5, с. 47]. Но даже и в последнем случае геродотовым будинам за Танаисом [1] будут оптимально соответствовать археологические памятники Среднего Дона, составляющие крайний восточный вариант лесостепных скифоидных культур.

По Геродоту, «выше будинов к северу идет сначала пустыня на расстоянии более семи дней пути. За пустыней, если отклониться в сторону восточного ветра, живут тиссагеты, племя многочисленное и особое, живут они охотой» (Herod., IV, 22). В другом месте отец истории уточняет, что из земли тиссагетов берут начало четыре большие реки, в том числе Танаис (Herod., IV, 123). Географическому положению земли тиссагетов и их хозяйственно-культурной характеристике точно соответствует обширный ареал городецкой культуры, действительно резко отличающейся от скифоидных культур восточноевропейской лесостепи. Основная ее территория находилась к северо-востоку от Среднего Дона [7, табл. 1] и была отделена от земли донских будинов широкой пустынной полосой по водоразделам Дона, Хопра и правых притоков Оки.

Иная ситуация была на Верхнем Дону, где в последние десятилетия открыты многочисленные памятники городецкой культуры. Впервые они стали изучаться в 1960—1970-е годы В. П. Левенком и В. Г. Мироновым. Исследователи выделили здесь новый донской район городецкой культуры, включавший свыше 70 поселений, указали некоторые их локальные особенности [8, с. 15—32]. С той поры число городецких памятников на Верхнем Дону почти утроилось [9, с. 74]. Однако сколько-нибудь масштабные их раскопки не производились вплоть до середины 80-х годов. Лишь в 1985—1989 гг. здесь были исследованы широкими площадями два поселения: Пекшевское городище и стоянка Студеновка 3. Их материалы позволяют не только поставить, но и решить ряд вопросов этнокультурной истории лесостепного Подонья в начале железного века.

Наиболее ранние свидетельства о появлении на Верхнем Дону племен городецкой культуры обнаружены в нижнем слое Пекшевского городища. Оно находится в Рамонском р-не Воронежской обл., примерно в 40 км к северу от г. Воронеж. Памятник открыт в 1984 г. и изучался в 1985—1988 гг. Скифо-сарматским отрядом археологической экспедиции Воронежского университета под руководством автора. Городище занимает высокий мыс правого берега р. Воронеж и отличается небольшими размерами 50×120 м. Со стороны поля оно защищено двумя линиями укреплений, каждая из которых состоит из вала и рва. За четырс полевых сезона полностью исследована внутренняя городищенская площадка, раскопаны обе линии укреплений. На памятнике вскрыта площадь ~2700 м^2.

[1] Исследование данных о р. Танаис в системе историко-археологических реалий скифо-сарматского времени убеждает в том, что, начиная с Геродота, античные авторы под этим названием знали р. Дон [6].

© А. П. Медведев, 1993 г.

Среди известных поселений раннего железного века лесостепного Подонья Пекшевское городище выделяется наличием по краям городищенской площадки культурных напластований мощностью до 2 м, разделенных двумя прослойками пожарищ на три слоя.

Нижний (глубина 1,6—2 м от современной поверхности), состоящий из супеси бурого цвета, характеризуется наличием в керамическом комплексе текстильной и грубой гладкостенной посуды с тычковым орнаментом, а также большим количеством изделий из кости.

Средний (глубина 0,4—1,6 м), золистый слой содержит архаическую скифоидную керамику с защипами по венчику и проколами по шейке, а также железные, бронзовые и костяные изделия VI—V вв. до н. э. С этим слоем надежно связывается сооружение древнейших укреплений городища.

Верхний (глубина 0,1—0,4 м) — слой темносерой супеси с многочисленными находками керамики и других изделий, аналогичными материалам среднедонских городищ IV—III вв. до н. э. На поверхности и в 1-м штыке этого слоя встречены также свидетельства жизни на городище в первые века н. э.

Нижний слой представляет остатки древнейшего неукрепленного поселения, возникшего в начале железного века на месте будущего городища. Надежных следов жилых или хозяйственных сооружений этого времени не зафиксировано. Однако планиграфический анализ материалов показывает, что древнейшее население использовало для жизни только края и склоны мысовой площадки.

Основную массу находок в нижнем слое составляет лепная керамика. По способу обработки поверхности она подразделяется на текстильную и гладкостенную [2]. Коллекция текстильной посуды включает 86 венчиков, 35 днищ и 150 стенок (рис. 1). Она изготовлена из глины с добавлением дресвы и песка. Поверхность сосудов серая, иногда почти черная, редко коричневая. Наиболее яркой особенностью данной керамической серии являются оттиски ткани, обычно покрывающие всю внешнюю поверхность сосуда. Большинство фрагментов венчиков имеют «ниточные» отпечатки (42 экз.), чуть реже встречаются «бороздчатые» (40 экз.) и совсем немного найдено фрагментов (4 экз.) с «рябчатыми» отпечатками [10, с. 247, 248, рис. 4; 11, с. 157—162, рис. 4; 6]. Днища сосудов довольно широкие, плоские (рис. 1, *14*, *15*). На дне отпечатки ткани отсутствуют. Большинство днищ не имело закраин, лишь у некоторых заметен намечающийся рантик. По форме тулова текстильная керамика подразделяется на пять типов.

Тип 1 (7 экз.). Банки (рис. 1, *1*, *3*). Край венчика утолщен, плоско срезан, почти всегда покрыт оттисками ткани (рис. 1, *1*). Под венчиком встречается орнаментация крупными «жемчужинами», иногда в сочетании с неглубокими вдавлениями круглой палочки, нанесенными по ткани.

Тип 2 (12 экз.). Слабопрофилированные горшки с прямым или чуть отогнутым наружу венчиком и намечающимися плечиками (рис. 1, *2*, *4*). Край венчика плоско срезан и покрыт оттисками ткани (рис. 1, *4*). Большинство сосудов этого типа не орнаментировано. Лишь у отдельных экземпляров под венчиком имелись «жемчужины», сквозные проколы или неглубокие вдавления круглой палочки.

Тип 3 (11 экз.). Более профилированные округлобокие горшки с коротким, прогнутым внутрь венчиком (рис. 1, *5*—*7*). Край обычно плоско срезан и орнаментирован оттисками ткани. Под венчиком появляются сквозные проколы, а ниже один-два ряда неглубоких вдавлений круглой палочки (рис. 1, *7*). Один сосуд украшен по плечикам двойными прочерченными линиями, образующими зигзаг (рис. 1, *6*).

Тип 4 (29 экз.) Хорошо профилированные горшки с высоким прямым венчиком, образующим в месте перехода в тулово плечо в виде уступа (рис. 1, *8*—*10*). Край венчика плоско срезан, иногда *Т*-образно расплющен (рис. 1, *10*). По его срезу нанесен оттиск ткани, очень редко поперечные насечки (рис. 1, *9*). Под

[2] Пользуясь случаем, выражаю благодарность К. А. Смирнову и Б. А. Фоломееву за ценные консультации по керамическому комплексу нижнего слоя Пекшевского городища.

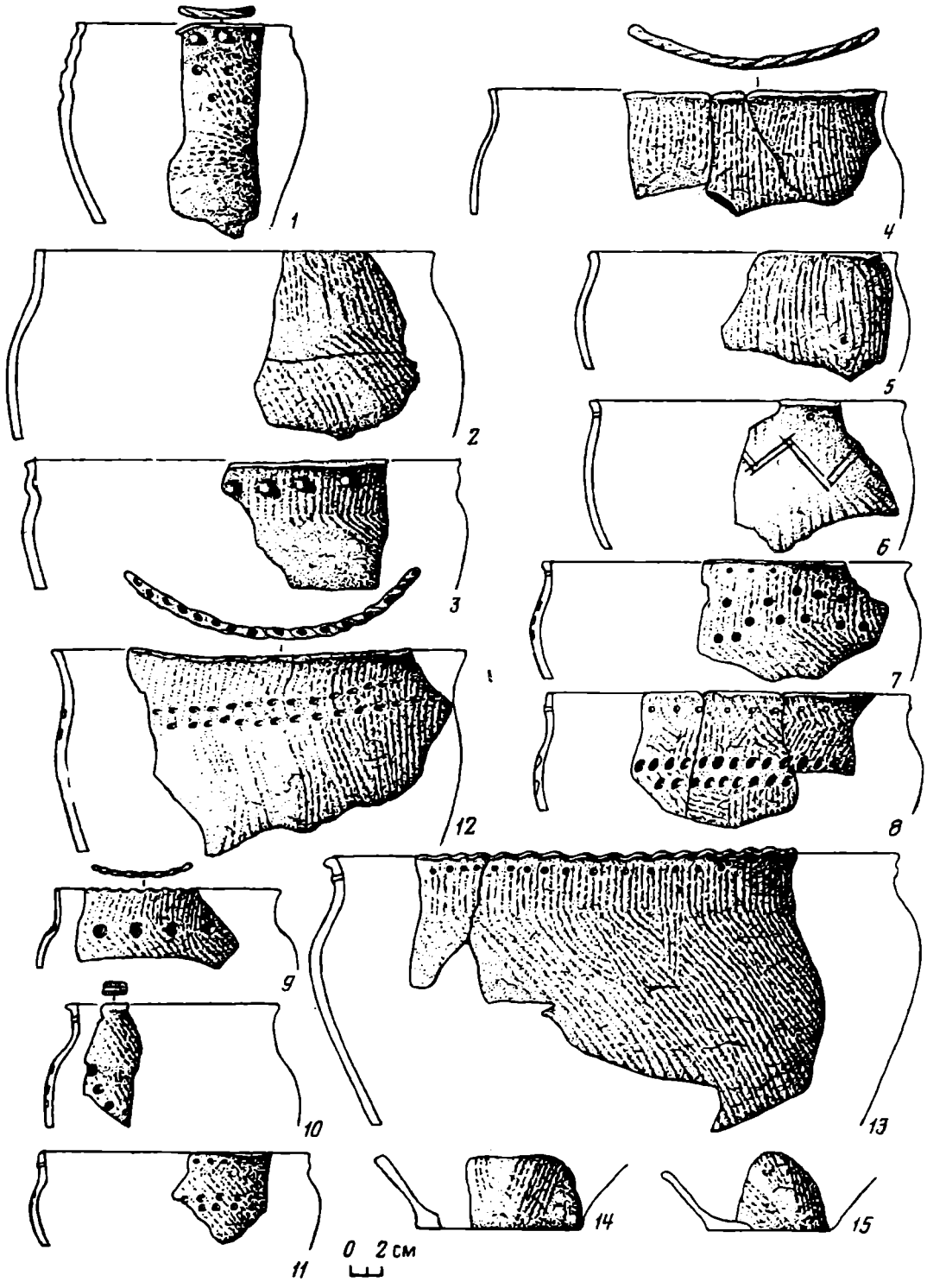


Рис. 1. Текстильная керамика Пекшевского городища

венчиком обычны сквозные проколы, а ниже по шейке — вдавления круглой палочки в один-два ряда, иногда они составляют треугольники или грозди вершиной книзу (рис. 1, *10*). На одном сосуде отмечен орнамент вдавлениями полой трубочки.

Тип 5 (27 экз.). Хорошо профилированные горшки с сильно отогнутым наружу венчиком и резко сужающимся ко дну туловом (рис. 1, *12*, *13*). Край венчика плоско срезан, украшен оттисками ткани или вдавлениями палочки, по шейке нанесены один-два ряда таких же вдавлений. У некоторых сосудов венчик

орнаментирован крупными пальцевыми защипами в сочетании со сквозными проколами по шейке (рис. 1, *13*).

Типологический и стратиграфический анализ коллекции текстильной керамики позволил выявить некоторые тенденции ее развития. В основании нижнего слоя преобладали сосуды 1—3-го типов с уплощенным венчиком, покрытым отпечатками ткани, «жемчужинами» и рядами неглубоких круглых вдавлений по плечикам. В верхней части этого слоя, а также в нижних штыках среднего скифоидного слоя встречались главным образом сосуды 4—5-го типов. Некоторое распространение в основании среднего слоя горшков 4- и 5-го типов, появление орнаментации венчиков сосудов пальцевыми защипами в сочетании со сквозными проколами, отмеченными на 16,7% текстильной керамики, нельзя объяснить иначе как воздействием керамической традиции лесостепного скифоидного населения. Однако весьма показательно, что даже эта группа текстильной посуды резко отличается от керамики среднего слоя по характеру примесей в тесте. В качестве таковой в ней использовались песок и дресва, тогда как в основной массе скифоидной керамики для этой цели применялся шамот, часто очень крупный.

И еще одно наблюдение. В среднем слое VI—V вв. до н. э. встречено восемь венчиков сосудов, демонстрирующих постепенное изживание традиции изготовления текстильной керамики. Большая часть поверхности этих сосудов гладкостенная, оттисками ткани покрывались лишь плечики и шейка горшков, а затем только плоский срез венчика (рис. 3, *11*). Последний этап деградации текстильной посуды представляют гладкостенные сосуды, по форме, орнаментации и составу теста идентичные 4—5-му типам текстильной керамики (рис. 3, *8—10*). О них речь пойдет ниже.

Вторая группа керамики древнейшего поселения Пекшевского городища более многочисленная. Она включает 292 венчика гладкостенных сосудов, большинство из которых украшено характерным тычковым орнаментом (рис. 2, 3). Она подразделяется на пять типов.

Тип 1 (11 экз.). Банки (рис. 2, *1*, *2*, *13*). Венчик слегка наклонен внутрь, плоско срезан. Сосуды, как правило, не орнаментированы, изредка встречается орнамент в виде ряда пальцевых вдавлений по тулову (рис. 2, *2*). Банки составляют лишь ~4% гладкостенной посуды.

Тип 2 (18 экз.). Горшки со слабопрофилированным туловом и высоким прямым венчиком, образующим в месте перехода в тулово плечо в виде уступа (рис. 2, *3*, *4*, *8*, *9*, *14*). Венчик сосудов закруглен или приострен. Большинство сосудов не орнаментировано, и лишь отдельные экземпляры украшены по венчику пальцевыми защипами в сочетании со сквозными проколами по шейке (рис. 2, *4*) или вдавлениями щепки (рис. 2, *8*). Сосуды этого типа составляют 6,2% данной керамической серии.

Тип 3 (169 экз.). Горшки со слабопрофилированным туловом и хорошо выделенным прямым (рис. 2, *10*; 3, *3*) или чаще чуть отогнутым (рис. 2, *15*; 3, *1*, *2*) невысоким венчиком. Его край приострен или скруглен. Последний, как правило, не орнаментирован, зато по шейке почти всегда нанесен ряд вдавлений круглой палочки или щепки, поставленной под углом, реже оттиски пальца (рис. 3, *2*) или ногтя. Горшки 3-го типа преобладают в анализируемой керамической серии, составляя больше ее половины (58,2%).

Тип 4 (25 экз.). Горшки со слабопрофилированным туловом и характерным прогнутым внутрь венчиком, образующим в месте соединения с туловом намечающееся плечо (рис. 2, *5*, *6*, *11*). Край венчика утолщен и часто плоско срезан, изредка орнаментирован пальцевыми защипами (рис. 2, *6*, *11*). Шейка сосудов почти всегда украшена рядом вдавлений круглой палочки или щепки, в том числе двойными, образующими оттиск типа «бантика» (рис. 2, *5*). Горшки этого типа составляют 8,6% керамической серии.

Тип 5 (69 экз.). Горшки с хорошо профилированным округлым туловом и венчиком, образующим в месте перехода в тулово выраженное плечо (рис. 2,

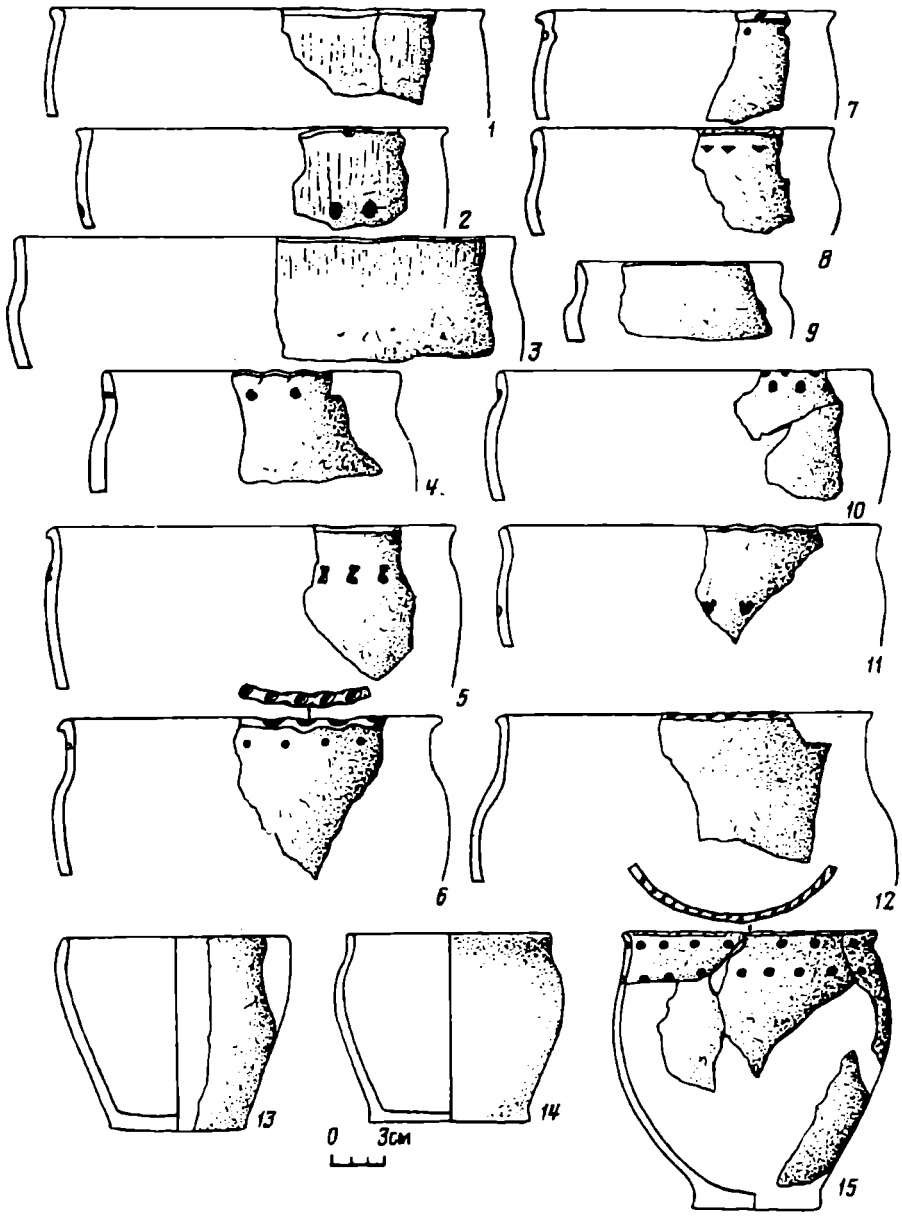


Рис. 2. Гладкостенная керамика Пекшевского городища

12; 3, *6—11*). По форме венчика они подразделяются на два варианта. Горшки варианта *а* (26 экз.) имеют прогнутый внутрь венчик, плавно переходящий в тулово (рис. 3, *6—8*). Горшки варианта *б* (43 экз.) отличает прямой вертикальный венчик, имеющий в месте перехода в тулово резкий переход (рис. 2, *12*; 3, *9—11*). Большинство сосудов не орнаментировано. У некоторых экземпляров по срезу венчика нанесены вдавления палочкой (рис. 3, *8*) или широкие косые насечки (рис. 2, *12*; 3, *7*, *9*). Орнамент на плечиках в виде ряда вдавлений щепки (рис. 3, *7*) или круглой палочки (рис. 3, *8*) встречается очень редко и только на горшках варианта *а*. Горшки 5-го типа составляют 23,5% керамической серии.

Сосуды 1—4-го типов изготовлены в одной и той же керамической традиции. Они имеют характерную шероховатую поверхность, иногда с вертикальными расчесами (рис. 2, *1—3*, *11*), цвет серый, грязно-желтый, реже коричневый. В тесте этих сосудов преобладает примесь дресвы. Если попытаться выделить отличительные черты этой посуды, то прежде всего надо отметить, что для нее характерны слабопрофилированные сосуды, близкие к банкам, и приземистые

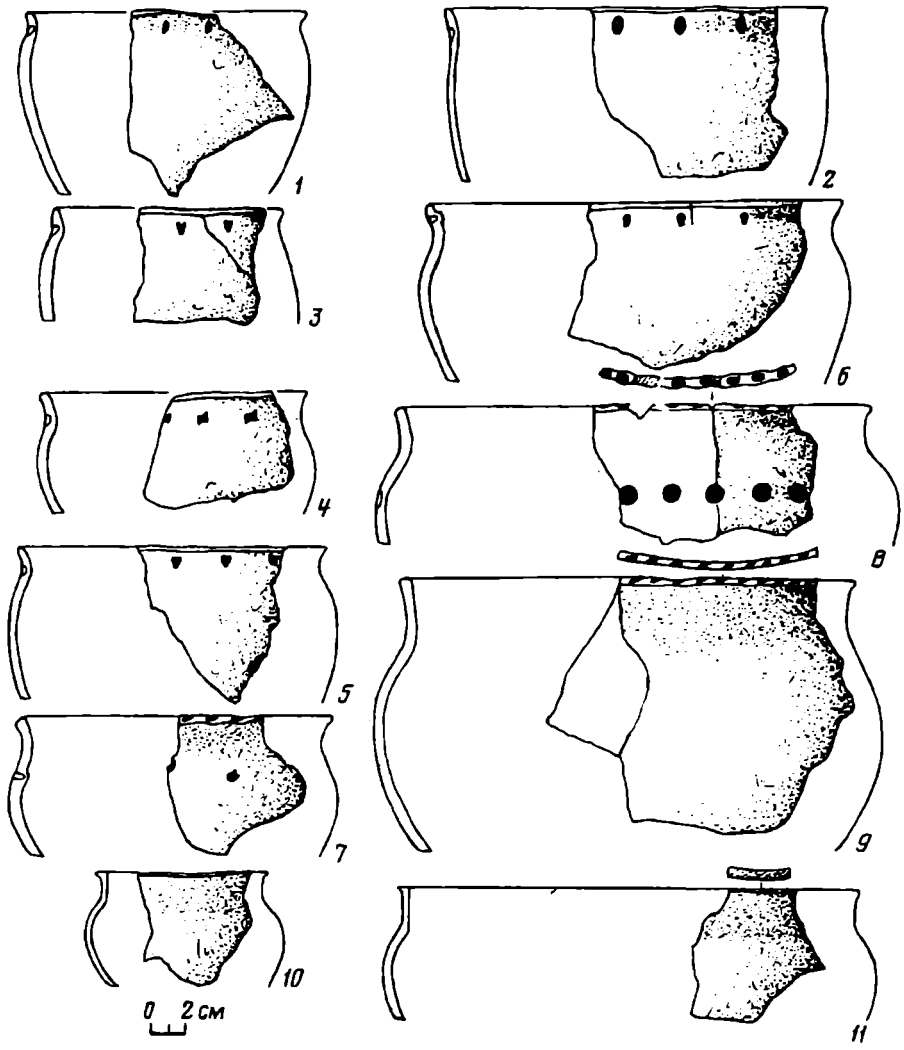


Рис. 3. Гладкостенная керамика Пекшевского городища

округлобокие горшки с прямой почти цилиндрической шейкой. Первые доминируют в керамической серии и выглядят весьма архаично. По основным морфологическим признакам и составу теста они сопоставимы с посудой финального горизонта культур эпохи бронзы лесной и отчасти лесостепной полосы Восточной Европы. Для культурной атрибуции этой керамики весьма показательной является орнаментация. На большинстве сосудов она ограничивается рядом вдавлений по шейке, нанесенных круглой палочкой или чаще щепкой. По этому признаку горшки 1—4-го типов сближаются с так называемой тычковой керамикой Средней Оки и Примокшанья [12, с. 113—116; 13, с. 206—208]. В небольшом количестве она найдена на Верхней Оке и в Посеймье. Причем на Переверзевском I городище фрагменты тычковой посуды встречены в комплексах с юхновской и единичными находками текстильной керамики, очень близкой к пекшевской [14, рис. 206, 207; 15, рис. 238, 241]. Обращает на себя внимание явное сходство основных элементов орнамента, в том числе и комбинированных (рис. 2, *5*, *11*), на пекшевской посуде и тычковой керамике от Посеймья до Примокшанья. Весьма распространена была тычковая орнаментация и на бондарихинских сосудах [16, с. 12].

Однако при сопоставлении гладкостенной керамики нижнего слоя Пекшевского городища со среднеокской, примокшанской и бондарихинской обращает на себя внимание одно отличие. У последних тычковый орнамент часто наносился по всему тулову в несколько рядов, тогда как на пекшевской керамике он, за

единственным исключением (рис. 2, *15*), ограничивался одним рядом вдавлений по шейке. Это отличие может быть интерпретировано как более поздний хронологический показатель исследуемой серии по сравнению с вышеназванными среднеокской, примокшанской и бондарихинской.

Среди гладкостенной керамики заметно выделяется 5-й тип сосудов. По форме, составу теста и орнаментации они близки к 4-му типу текстильной керамики, отличаясь от него по существу только отсутствием оттисков ткани. Морфологически эти горшки выглядят более поздними, чем гладкостенные сосуды 1—4-го типов. Это заключение подтверждается и некоторыми особенностями их орнаментации. Если на сосудах типа *5а* еще встречается тычковый орнамент, то на сосудах типа *5б* его уже нет. Для них более характерен орнамент по венчику, нанесенный палочкой или оттисками ткани, свойственный и текстильной посуде. Наконец, немаловажно и стратиграфическое положение сосудов этого типа — более половины их встречено в основании среднего слоя.

В целом, оценивая соотношение двух керамических серий Пекшевского городища, более архаичной следует признать слабопрофилированную гладкостенную посуду с тычковым орнаментом. Последнее, конечно, не означает, что они принадлежат к разным культурно-хронологическим пластам. На Верхнем Дону они появляются вместе как единый керамический комплекс с более архаичным гладкостенным компонентом и более поздним текстильным. Скорее всего оба они принадлежали к одной и той же этнической группе, так как по технологии и составу теста они довольно близки.

Исходя из вышесказанного, дату древнейшего поселения Пекшевского городища можно определить VIII—VII вв. до н. э. Именно этому времени оптимально соответствует состав его керамического комплекса, в частности соотношение в нем гладкостенной и текстильной посуды [13, с. 206, 207]. Явное преобладание первой может рассматриваться как аргумент в пользу отнесения древнейшего поселения к начальному этапу городецкой культуры. Обращает на себя внимание и полное отсутствие в нем «рогожной» посуды — более позднего культурного компонента по сравнению с текстильной керамикой. На VIII—VII вв., как на наиболее вероятное время существования раннегородецкого поселения Пекшевского городища, косвенно указывает и обилие поделок из кости, тогда как изделий из железа здесь не встречено.

Более надежно устанавливается верхняя дата этого поселения. Не позднее первой половины VI в. до н. э. оно было уничтожено пришлыми скифоидными племенами. Поселение было сожжено, часть его жителей перебита, о чем свидетельствуют находки разрозненных костяков его защитников в слое пожарища. Вскоре здесь было сооружено укрепленное поселение, оставившее мощный золистый слой. Находки в его основании фрагментов ионийских амфор, бронзовых булавок, костяных изделий, выполненных в архаическом зверином стиле, надежно указывают на то, что к середине VI в. до н. э. на месте раннегородецкого поселения уже существовало городище, заложенное населением, пришедшим на Верхний Дон скорее всего из района Посеймья [17, с. 85].

Однако наличие в нижних штыках среднего слоя наряду с преобладающей скифоидной небольшого числа раннегородецкой гладкостенной и текстильной керамики с явными признаками ее деградации указывает на то, что на городище среди пришлого населения с самого начала проживало небольшое число старожилов. Скорее всего это были женщины — главные хранительницы керамических традиций, захваченные при разрушении гордецкого поселения. Присутствие на городище этого раннегородецкого компонента прослеживается до конца раннескифского периода. В слое IV—III вв. до н. э. оно уже практически неощутимо. Видимо, к этому времени раннегородецкий субстрат был полностью ассимилирован пришлым скифоидным населением.

Несколько иначе складывалась ситуация в более северных районах лесостепного Подонья. Здесь наиболее изученным памятником начала железного века является стоянка Студеновка 3. Она открыта в 1988 г. отрядом экспедиции Воронежского

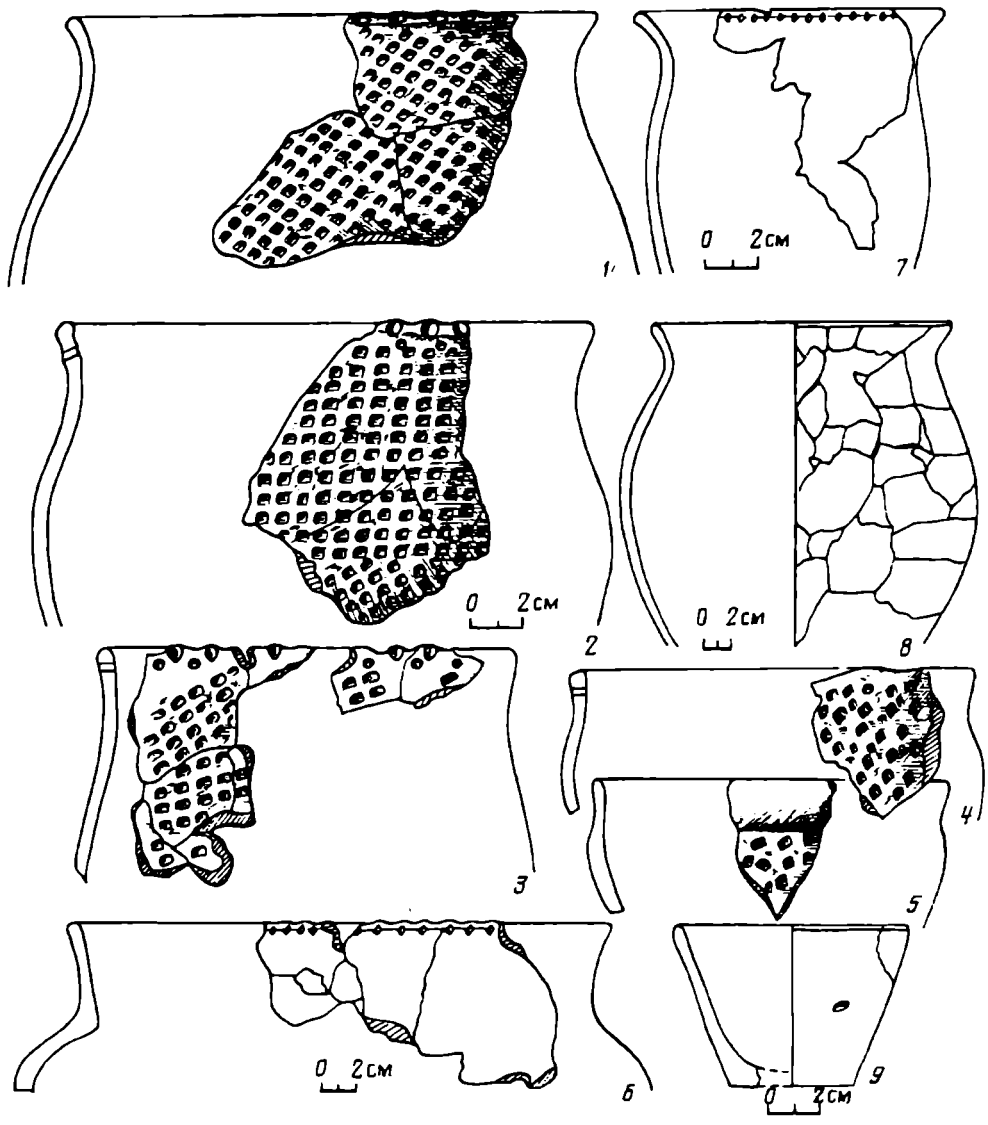


Рис. 4. Керамика из культурного слоя стоянки Студеновка 3

пединститута под руководством С. И. Бражниковой. В 1988—1989 гг. памятник изучался экспедицией Липецкого пединститута под руководством А. Н. Бессуднова [3]. Им исследована основная часть поселения, где вскрыто 1370 м^2 культурного слоя.

Стоянка находится на правом берегу р. Воронеж примерно в 40 км к северу от г. Липецка. Она занимает дюну в пойме реки размерами 40×90 м, высотой не более 2 м. Материалы раннего железного века из культурного слоя представлены почти исключительно обломками лепной керамики (572 единицы). Среди нее 41% составляет «рогожная» посуда, 3,2% текстильная с «ниточными» отпечатками, остальная гладкостенная.

«Рогожная» керамика включает в себя главным образом крупные и средние по размеру горшки S-овидного профиля с плавно отогнутым наружу венчиком (рис. 4, *1*, *2*). Его край почти всегда орнаментирован пальцевыми защипами, ниже которых расположены сквозные проколы. Морфологически они ничем не отличаются от наиболее распространенного типа гладкостенной скифоидной керамики. Однако в отличие от последнего вся их поверхность покрыта оттисками

[3] Выражаю искреннюю признательность А. Н. Бессуднову, предоставившему мне для публикации материалы этого памятника.

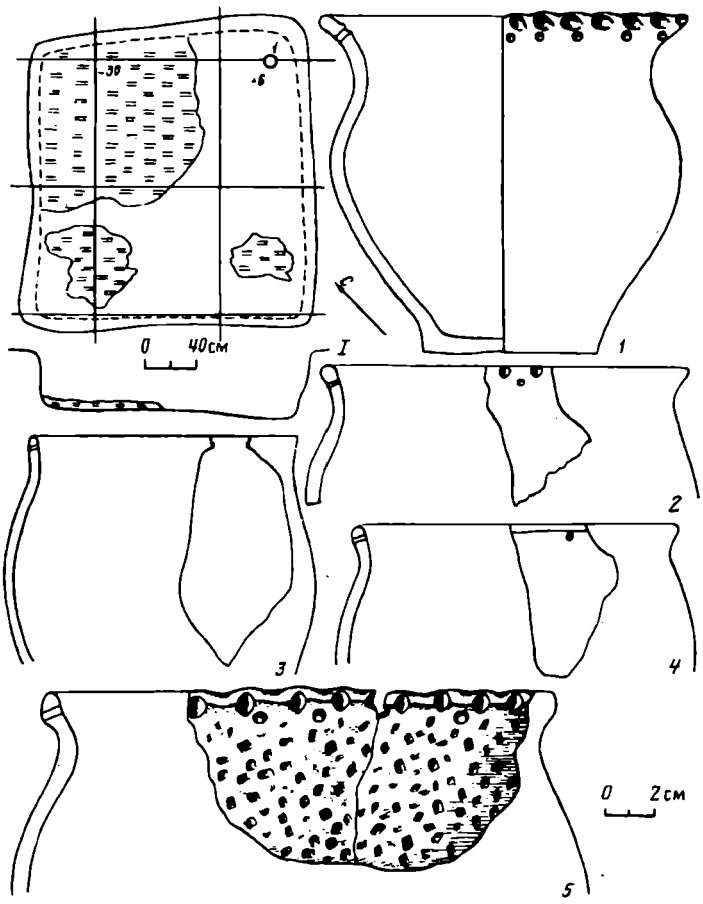


Рис. 5. Постройка № 7 стоянки Студеновка 3. I — план и разрез постройки; *1—5* — находки с ее пола

крупноячеистого штампа. Реже попадались слабопрофилированные сосуды, близкие к банкам (рис. 4, *3*), еще реже горшки с прямо поставленным венчиком и выделенным плечиком (рис. 4, *4*), иногда в виде уступа (рис. 4, *5*). Орнамент тот же, что и у первого типа сосудов, но часто встречается утолщенный венчик без какой-либо орнаментации. К сожалению, керамика с текстильными отпечатками представлена только стенками, поэтому о ее формах судить невозможно.

Среди гладкостенной посуды также преобладали горшки 1-го типа с плавным S-овидным профилем и орнаментацией пальцевыми защипами (рис. 4, *7*), часто в сочетании со сквозными проколами, хотя известны и неорнаментированные экземпляры (рис. 4, *8*). Найдены и более профилированные крупные сосуды с венчиком, поставленным под углом к тулову (рис. 4, *6*). В слое встречены фрагменты небольших гладкостенных банок (рис. 4, *9*).

На стоянке Студеновка 3 впервые для территории Верхнего Подонья открыта серия жилых и хозяйственных сооружений с материалами городецкой культуры. Среди них наибольший интерес представляют постройки № 7 и 8.

Постройка № 7 почти квадратной формы 5,5×6,5 м, углублена в материк на 0,35 м (рис. 5, *I*). Ее пол был покрыт слоем обожженной глины. На полу обнаружены злаки пшеницы, ржи, ячменя, проса, чечевицы (?). В восточном углу постройки стоял лепной горшок, украшенный по венчику крупными пальцевыми защипами и сквозными проколами (рис. 5, *1*). На полу найдено еще 410 обломков лепной посуды, из них 55% «рогожные» и 45% гладкостенные. Большинство «рогожных» сосудов принадлежало к наиболее распространенному в слое 1-му типу горшков с защипами и проколами (рис. 4, *5*). К этому же типу относится и подавляющая часть гладкостенной керамики (рис. 5, *2*, *4*).

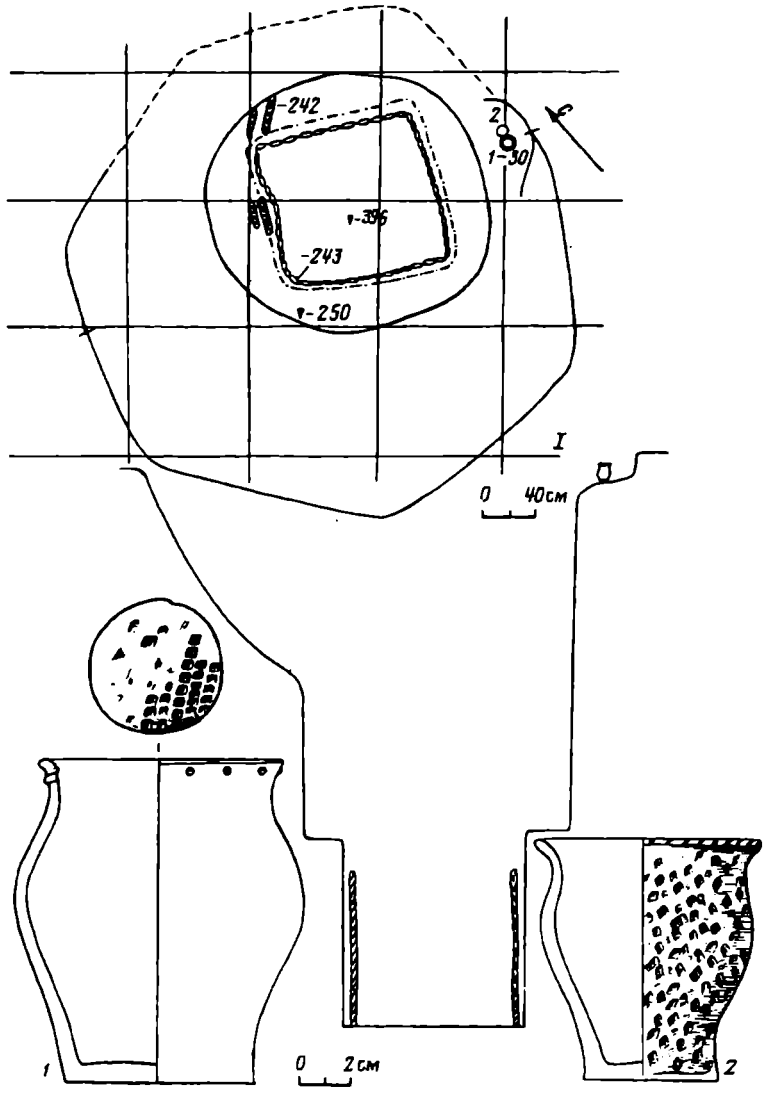


Рис. 6. Постройка № 8 стоянки Студеновка 3. I — план и разрез постройки; *1*, *2* — сосуды из постройки

Постройка № 8 в плане имела необычную семиугольную форму со сторонами от 1,8 до 2 м (рис. 6, *1*). Ее стенки круто спускались вниз до глубины 2,36—2,43 м от уровня материка. Ниже сооружение имело круглую в плане форму. Затем с отметки 2,5 м по всему его периметру зафиксирован материковый уступ. С этого уровня сооружение приобретало форму четырехугольного колодца, стенки которого были облицованы вертикальными деревянными плахами. Его дно обнаружено на глубине —3,96 м.

Исследованный объект необычен, сколько-нибудь близкие аналогии ему неизвестны. Однако находки позволяют уверенно отнести его к началу железного века. В восточном углу обнаружены два лепных сосуда, специально поставленные на небольшом уступе у самого края сооружения. Первый сосуд представляет собой невысокий горшок с раздутым в средней части туловом и отогнутым наружу венчиком со сквозными проколами (рис. 6, *1*). Сосуд гладкостенный, однако изнутри на его дне имеются оттиски крупноячеистого штампа. Второй небольшой горшок имеет тюльпановидную форму, его венчик украшен косыми насечками (рис. 6, *2*). Вся поверхность сосуда покрыта неглубокими оттисками крупноячеистого штампа. В верхней части заполнения постройки встречались фрагменты гладкостенной и «рогожной» керамики. Такой же состав керамического комплекса характерен и для построек № 10 и 11.

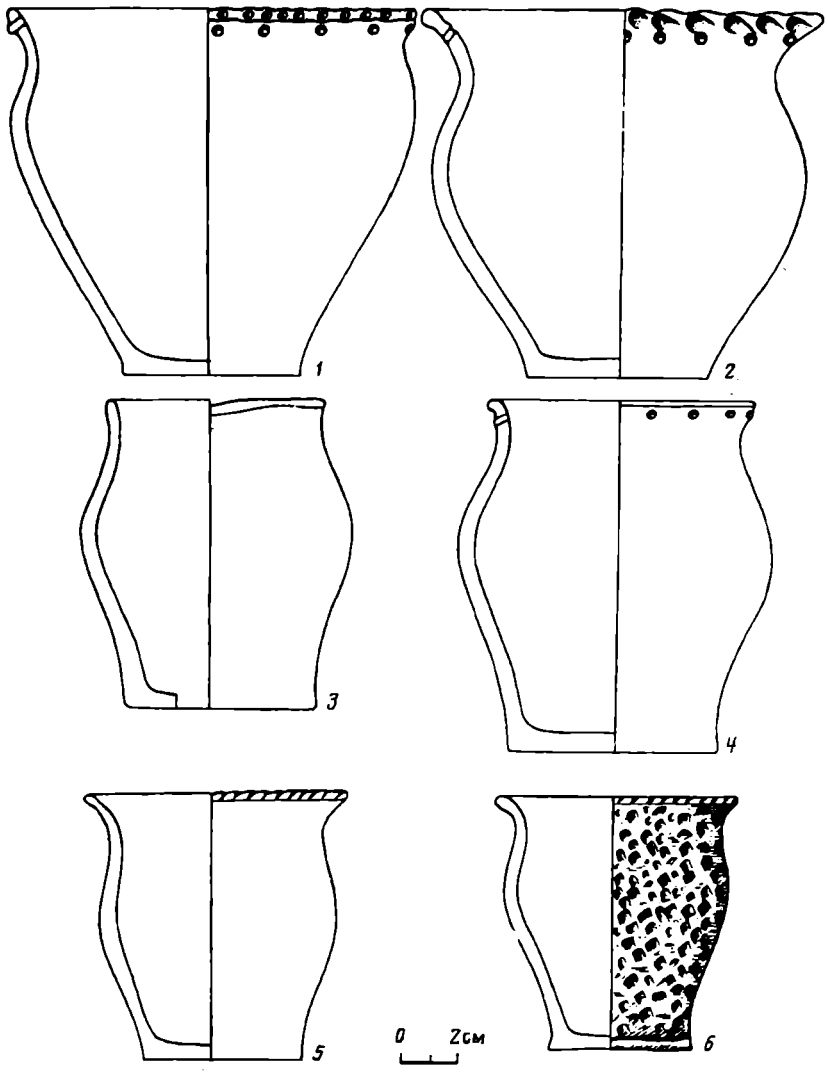


Рис. 7. Целые сосуды со стоянки Студеновка 3 и их лесостепные аналогии. *1* — Марица; *3* — Пекшево, средний слой; *5* — Нартово; *2*, *4*, *6* — Студеновка 3

Для датировки и культурной атрибуции памятника основную массу данных дает керамика. Принадлежность «рогожной» посуды к городецкой культуре, казалось бы, столь очевидна, что не требует особой аргументации. Кроме характерной поверхности на это указывают некоторые весьма распространенные в этой культуре формы сосудов (рис. 4, *3—5*), обнаруживающие аналогии на городецких городищах [13, с. 201, рис. 3, *II*, *III*]. Технологические особенности этой группы керамики, в частности преобладание в тесте примеси дресвы и песка, также находят полное соответствие в традициях городецкой культуры [13, с. 202; 18, с. 86].

Стоянка Студеновка 3 выделяется высокой долей гладкостенной керамики. Если на собственно городецких поселениях ее насчитывается менее 20% [18, с. 114], то на Студеновке 3 последняя составляет свыше 45% керамического комплекса. Среди гладкостенной посуды есть формы, близкие к городецким. Но они немногочисленны. Большинство гладкостенной керамики по форме и орнаментации близко, если не тождественно скифоидной посуде. К последней, несомненно, относятся горшки из построек 7 (рис. 5, *1*) и 8 (рис. 6, *1*). Они находят точные аналогии среди керамики лесостепных городищ Посеймья и Подонья VI—V вв. до н. э. (рис. 7). От городецкой посуды их отличает не только форма и орнаментация, но и состав теста. В нем почти всегда присутствует шамот — характерный технологический признак лесостепной скифоидной посуды.

Оценивая в целом керамический комплекс Студеновки 3, следует признать

его смешанный характер. Генетически он восходит к двум разнокультурным традициям — лесной раннегородецкой и лесостепной скифоидной. На этом памятнике мы фиксируем результат их взаимодействия, что особенно ярко проявилось, с одной стороны, в появлении скифоидных по форме, орнаментации и составу теста горшков, иногда помеченных оттисками крупноячеистого штампа, а с другой — в преобладании среди «рогожной» посуды с дресвой форм, явно заимствованных у лесостепных племен. Сосуществование на одном поселении и даже в одних и тех же жилищах носителей двух разных культурных традиций с их последующим слиянием отражает сложные этнические процессы в глубинных районах Подонья в начале железного века.

В VIII—VI вв. до н. э. из более северных районов на Дон и Воронеж начинают проникать племена раннегородецкой культуры. Возможно, этому способствовали природно-климатические изменения, связанные с наступившим похолоданием и увлажнением, вызвавшими в свою очередь смещение границы леса к югу [19, с. 263]. Имеющиеся сейчас данные позволяют выделить не менее двух последовательных волн их распространения. Первая волна носителей текстильной и тычковой керамики лучше всего зафиксирована на поселении, оставившем нижний слой Пекшевского городища VIII—VII вв. до н. э. Вторая волна уже собственно городецких племен с псевдорогожной керамикой распространяется на Верхнем Дону вряд ли ранее VI в. до н. э. Причем я хотел бы еще раз обратить внимание на чистоту обоих комплексов. В нижнем слое Пекшевского городища, не считая гладкостенной, встречалась только текстильная керамика, в Студеновке 3 — преимущественно псевдорогожная. Возможно, это обстоятельство указывает не только на хронологические, но и на некоторые племенные различия среди древнейшего финно-угорского населения, осваивавшего Верхнее Подонье в начале железного века.

Не позднее первой половины VI в. до н. э. в этот регион с запада из бассейнов Сейма и Верхней Оки начинают проникать группы лесостепного скифоидного населения. Их следы сейчас фиксируются в нижних слоях городищ по всему Верхнему Подонью (Дубики, Сырское, Пекшево, Животинное, Чертовицкое III). Видимо, они вместе с переселенцами из бассейна Северского Донца составили основное этническое ядро донских будинов [17, с. 85]. В этом историческом контексте материалы Пекшевского городища и поселения Студеновка 3 отражают встречи двух разноэтнических групп населения, имевшие различные результаты. В южной части Верхнего Подонья раннегородецкое население было частично вытеснено, частично ассимилировано и подчинено пришельцами. В более северных, глубинных районах произошло их смешение. В VI—V вв. до н. э. здесь возникло этнокультурное новообразование, в котором органически соединялись элементы лесостепной скифоидной и лесной городецкой культур.

Следует подчеркнуть, что изначально эти группы принадлежали не только к различным этносам, но и к разным хозяйственно-культурным типам. Скифоидные племена представляли ХКТ лесостепных скотоводов и земледельцев. Не исключено, что именно с последними связана находка обугленных злаков на полу постройки 7, тогда как в хозяйстве раннегородецких племен очень большую роль продолжали играть традиции присваивающего хозяйства. Скорее всего на поселениях типа Студеновка 3 осуществлялся этнолингвистический контакт, оставивший заметный след в культурной лексике западноволжских финно-угров. В ней выделялся целый ряд иранских заимствований, связанных со скотоводством, земледелием, военным делом раннего железного века [20, с. 87, 88].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Либеров П. Д.* Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных//МИА. 1969. № 151.
2. *Нейхард А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: Наука, 1982.
3. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: Изд-во МГУ, 1971.

4. *Шрамко Б. А.* Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон//Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
5. *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* К вопросу об «отложившихся скифах»//ВДИ. 1989. № 1.
6. *Медведев А. П.* К вопросу об идентификации реки Танаис по данным Птолемея//Историческая география Черноземного центра России. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.
7. *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Городецкая культура//САИ. 1965. Вып. Д1-14.
8. *Левенок В. П., Миронов В. Г.* К вопросу о новом районе городецкой культуры//СА. 1976. № 2.
9. *Разуваев Ю. Д.* Памятники городецкой культуры в Верхнем Подонье//Археологические исследования в Центральном Черноземье в 12-й пятилетке: Тезисы докладов и сообщений II Межвузовской научной конференции. Белгород, 1990.
10. *Фоломеев Б. А.* Жилища стоянки Фефелов Бор I//Археология Рязанской земли. М., 1974.
11. *Фоломеев Б. А.* Тюков городок//СА. 1975. № 1.
12. *Алихова А. Е.* Некоторые древние городища Мордовской АССР//Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959.
13. *Вихляев В. И.* Керамика Новопшеневского городища в Мордовии//СА. 1986. № 1.
14. *Пузикова А. И.* Отчет о работах скифского отряда Курской экспедиции в 1979 году//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 7531.
15. *Пузикова А. И.* Отчет о работе скифского отряда Курской экспедиции в 1981 году//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 8381.
16. *Буйнов Ю. В.* Бондарихинская культура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев: ИА АН УССР, 1981.
17. *Медведев А. П.* К предыстории среднедонской культуры скифского времени//Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тезисы докладов конференции. Запорожье, 1989.
18. *Миронов В. Г.* Памятники городецкой культуры и проблема ее локальных вариантов: Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1976.
19. *Шнитников А. В.* Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария//Зап. геогр. о-ва СССР. Нов. серия. Т. 16. М.; Л., 1957.
20. *Абаев В. И.* Доистория индо-иранцев в свете арио-уральских языковых контактов//Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.

Воронежский государственный
университет

A. P. MEDVEDEV

ON ETHNIC-CULTURAL SITUATION IN THE UPPER DON IN THE BEGINNING OF THE IRON AGE

Summary

The Upper Don area in the early Iron Age is one of the least explorated districts of Eastern Europe. In the article materials of two settlements excavated with wide area are first published (fortified settlement near village Pekshevo (the lower layer) and site 3 near village Studenovka). The both sites contain materials of Gorodets culture dated to the beginning of the Iron Age. This materials bear witness of infiltration in the region of the Upper Don and Voronezh river of two waves of tribes of Gorodets culture. The bearers of the textile pottery migrated here from the northern woodland in the 8th-7th centuries B. C. Them remained the lower layer of Pekshevo settlement. The properly population of Gorodets culture with characteristic «matware» pottery appeared in the Upper Don region in the 6th-5th centuries B. C. In the first half of the 6th century B. C. the both groups began to contact with the migrated here scythoidic woodysteppe tribes. In the 6th century B. C. in the northern part of this district the ethniccultural neoformation was composing. The features of scythoidic woodysteppe trides and silvan ones of Gorodets culture were organically united.

А. П. АБРАМОВ

КЛАССИФИКАЦИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ АМФОР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ V В. ДО Н. Э.

Рано или поздно изучение амфорного материала позволит сделать выводы о соотношении поступления товаров в керамической таре из различных центров в один пункт в ограниченный промежуток времени, а также о динамике импорта в один пункт или район из одного центра. Настоящая работа является одним из начальных этапов исследования данной проблемы на основании учета фрагментов керамической тары, а не амфорных клейм [1].

Центры-экспортеры, вероятно, отправляли свои товары в амфорах собственного производства [1, с. 26, ссылка 1; 2, с. 183], которые имели стандартные объемы [1, с. 92 сл.; 3, с. 175—189; 4], стоили достаточно дешево [5, с. 15], перевозились [6, с. 189] и хранились [7, с. 99] крупными партиями. Отдельные амфоры могли использоваться в хозяйстве достаточно долго, однако попадали они из центра производства к потребителю, как правило, в строго определенный хронологический период. Во всех комплексах, содержащих серии амфор различных центров, неизвестна керамическая тара, отделенная друг от друга сколько-нибудь значительным хронологическим интервалом.

Необходимо отметить еще одно существенное обстоятельство: при исследовании керамики античных памятников от Днестра до Геленджика обращает на себя внимание достаточно стандартный набор амфор архаического времени. Большую часть находок составляют фрагменты хиосских амфор, амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне и с усеченно-конусовидным дном. Реже встречаются фрагменты амфор Клазомен, Коринфа и Самоса [8—11]. Данное положение значительно отличается от ситуации в Афинах [12], Клазоменах [13] и на Хиосе [14].

Первоначально необходимо уточнить существующую в настоящее время хронологию фрагментов амфор второй половины VI — первой половины V в. до н. э. Решение данного вопроса представляется возможным, так как в результате многочисленных исследований выявилась достаточно быстрая эволюция форм керамической тары о-ва Хиоса [15, рис. 44, 45; 16, с. 96 сл.], о-ва Лесбоса [17, с. 248 сл.], г. Коринфа [18, с. 449], Самоса [19, с. 52 сл.] — основных центров производства рассматриваемого периода.

Вторая задача, которую необходимо решить в настоящее время,— создание формальной классификации фрагментов амфор различных центров производства. Признаки, лежащие в основе классификации, должны легко поддаваться фиксации в полевых условиях. Из них необходимо выделить группу хронологических признаков. Данный подход должен обеспечить возможность сравнения выборок фрагментов амфор, происходящих с различных памятников.

Параллельно нужно отработать методику сопоставления фрагментов амфор с профильными частями целых сосудов. Ввиду того что сопоставление фрагментов венчиков и ручек амфор с типами целых сосудов в настоящее время значительно затруднено, разработка детальной хронологии верхних частей архаических амфор может быть целью последующего самостоятельного исследования.

Методика обработки материала строилась следующим образом. Используя

© А. П. Абрамов, 1993 г.

Таблица 1

Тип	Количество, шт.	Н, мм	Д, мм	М, 0, . . .	Нн, мм	Дн, мм	Публикация
IБ-1	14	700—720	350—368	490—510	30—60	59—68	[1, прил. 1, № 9—19; 22, № 2—7; 23, № 5/99]
IВ-1	5	700—710	345—385	521—541	60	—	[1, прил. 1, № 31—34; 22, № 8; 12, № 419, 420]
IВ-2	12	630—680	330—365	510—570	35—45	56	[1, прил. 1, № 21—30; 24, 1^{Ta}]
IГ-1	31	610—765	290—340	379—540	25—90	58—60	[1, прил. 1, № 20, 35—51, 53—56; 22, № 9—17; 8, табл. III, *11а*; 25, рис. 46, *1*, *2*; 26, № 150]
IГ-2	3	600—627	250—277	413—442	30	—	[8, табл. IV, *11е*; 24, 1^{Ga}, 1^{Gi}]

Примечание. Н — высота амфоры; Д — максимальный диаметр амфоры; М — отношение максимального диаметра к высоте амфоры; Нн — разность высоты и глубины амфоры; Дн — максимальный диаметр ножки амфоры (те же обозначения для табл. 2—6).

морфологические и метрические признаки для каждой отдельной группы ножек амфор, применялась отдельная система классификации. Использование единой системы для всех нижних частей амфор VI—V вв. до н. э., а тем более для материалов последующего времени представляется нецелесообразным ввиду громоздкости подобной схемы, наличия специфических признаков в каждой отдельной группе и отсутствия возможности учесть варианты, которые могут появиться в будущем.

Далее, используя весь имеющийся в нашем распоряжении материал по целым амфорам того или иного центра производства, строилась типология целых форм сосудов. Основными типообразующими признаками являлись объем и пропорции сосудов и в один тип включались все амфоры, составляющее эволюционный ряд до появления новых морфологических признаков, резко отличающих одну группу сосудов от другой. Эволюция архаических амфор заключалась, как правило, в удлинении горла, уменьшении максимального диаметра при увеличении высоты сосуда, смещении места наибольшего диаметра корпуса вверх, исчезновении четкого разделения отдельных частей сосуда, уменьшении диаметра ножки и, вероятно, что наиболее важно, уменьшении стандарта [1, с. 92—105]. Далее, исходя из закрытых комплексов, выяснялась датировка каждого типа целых сосудов.

Среди керамической тары второй половины VI — первой половины V в. до н. э. можно выделить в настоящее время следующие группы: 1) хиосские амфоры; 2) амфоры с усеченно-конусовидным дном; 3) амфоры на сложнопрофилированном кольцевом поддоне, связывать которые с самосским производством нет, на наш взгляд, достаточных оснований. Изготовлялись они, по-видимому, в полисах Северной Греции [8, с. 80], возможно в Абдерах [20] или Тероне, по сходству с амфорами, изображенными на монетах конца VI — начала V в. до н. э. [21, рис. 3, *5*, *9*]; 4) клазоменские амфоры; 5) аттические амфоры; 6) самосские амфоры; 7) коринфские амфоры; 8) амфоры неизвестных центров производства с ножками в виде поддонов различных модификаций.

Хронология хиосских амфор разработана в настоящее время наиболее надежно, а их типология наиболее полно представлена в работе И. Б. Брашинского [1, с. 95—98]. Метрические параметры некоторых типов можно дополнить новыми и не учтенными автором экземплярами (табл. 1).

Тип IБ-1 датируется третьей четвертью VI в. до н. э. по комплексам погребе-

Таблица 2

Тип	Количество, шт.	Н, мм	Д, мм	М, 0, . . .	Нн, мм	Дн, мм	Публикация
I	1	580	430	745	15	120	[22, № 72]
II	5	550—645	390—460	649—747	40—46	80—90	[13, рис. 13; 19, рис. 15, *1*; 22, № 59, 61, 69]
III	1	610	358	586	26	91	[23, № 4/93]
IV	3	570—603	337—340	592—596	25—35	75—77	[10, табл. 1, *1*; 13, рис. 7; 23, № 11/132]
V	3	525—542	310—312	575	30	58—66	[13, рис. 8; 23, № 6/100; 33, рис. 57]
VI	2	634	338—345	544	—	—	[12, № 421—422]

ния 13 — 1909 г. некрополя Ольвии [27, с. 91; 28, с. 44, 45] и ямы 7 — 1953 г. из Пантикапея [8, табл. II, *6а*, *в*; 29, с. 118, 119, рис. 53, *1*], а также материалами поселения Чертоватое II [16, с. 100, 101] и типологическим анализом Т. Н. Книпович [30, с. 96]. Кроме того, данный тип хиосской керамической тары отсутствует в комплексах более позднего времени.

Тип IВ-1 по комплексу Q 12 : 3 Афинской Агоры датируется 520—480 гг. до н. э. [12, № 419, 420]. Тип IВ-2 по комплексу кургана 1 у с. Яблоновка относится к концу VI — началу V в. до н. э. [31, с. 58—61].

Исходя из данных комплекса кургана Д2 — 1976 г. некрополя Нимфея, тип IГ-1 появляется еще в начале V в. до н. э. [1, с. 131], но основная масса находок происходит из закрытых комплексов второй четверти V в. до н. э.: курган 401 у с. Журовка [31, с. 61], курган 15 — 1966 г. Елизаветовского могильника [32, с. 114—116, рис. 44, *1*, *2*]. Конечную дату типа определяет комплекс № 7 : 3 Афинской Агоры — середина V в. до н. э. [26, табл. 39, № 150, табл. 40, № 152].

Фракционные сосуды типа IГ-2 происходят из кургана I^{G} Марицинского могильника, где они найдены с чернолаковым киликом второй четверти V в. до н. э. [24, рис. 9].

Типология клазоменских амфор может быть представлена в настоящее время следующим образом (табл. 2).

В настоящее время неизвестны комплексы, содержащие клазоменские амфоры типов I—III. Тип IV по пантикапейскому комплексу 1953 г. синхронен типу IБ-1 хиосских амфор и должен датироваться третьей четвертью VI в. до н. э. [8, табл. II, *6а*, *в*; 29, с. 118, 119, рис. 53, *1*]. К этому же типу принадлежит, вероятно, и клазоменская амфора из ольвийского комплекса 1949 г. [34, с. 176; 35, с. 103, рис. 5; 23, № 11/132]. Возможно, к типу IV относится клазоменская амфора из комплекса, найденного в Истрии, который по обнаруженному в нем воронкообразному горлу хиосской амфоры также должен быть отнесен к третьей четверти VI в. до н. э. [36, рис. 3, с. 179]. Хронологию пятого типа в настоящее время установить не удается, а тип VI на основании комплекса Q12 : 3 Афинской Агоры датируется 520—480 гг. до н. э. [12, № 421, 422].

Амфоры с усеченно-конусовидным дном представляется возможным разделить на следующие типы, представленные в табл. 3.

Тип I по комплексу из Антисы датируется еще первой половиной VI в. до н. э. [17, с. 266, рис. 15, *А*, *В*]. К типу III или IV принадлежат две амфоры из ольвийского комплекса 1949 г., который по наличию в нем клазоменской амфоры типа IV и, по мнению авторов, раскопок датируется серединой — третьей четвертью VI в. до н. э. [23, № 11/132; 27, рис. 34, *9*, *10*, с. 100; 34, с. 176; 35, с. 103, рис. 5]. Наиболее надежна хронологическая привязка типа VI, который по комплексу Q12 : 3 Афинской Агоры и кургану Д2 — 1976 г. некрополя Нимфея

Таблица 3

Тип	Количество, шт.	Н, мм	Д, мм	М, 0, . . .	Нн, мм	Дн, мм	Публикация
I	3	450—565	351—370	663—780	—	65—115	[8, с. 53; 11, с. 53, рис. 4, *1*; 17, с. 266, табл. 69*а*, *в*]
II	2	670—720	390	541—580	45	70—94	[22, № 85, 90]
III	18	610—680	360—410	550—650	20—40	25—50	[1, прил. 1, табл. 4, № 2; 22, № 73, 75—84, 86—89; 37, рис. 2, *1*]
IV	2	640	350	540	25	—	[8, табл. III, *9а*; 22, № 74]
V	3	640—650	320—325	500	40—50	30	[1, табл. 4, *1*; 8, табл. III, *9б*; 38, с. 151, рис. 3, *3*]
VI	5	570—650	287—302	464—490	45	34	[1, табл. 4, *3*; 12, № 408—411; 17, рис. 70, 71, *4*]
VII	2	465—470	260	559	—	—	[24, 1^{Nt}; 39, с. 3, 4]

Таблица 4

Тип	Количество, шт.	Н, мм	Д, мм	М, 0, . . .	Нн, мм	Дн, мм	Публикация
I	4	546—565	352—366	644	15—20	65	[12, № 442; 23, № 7/101]
II	13	400—500	230—290	460—627	20—60	43—53	[19, табл. 15, *2*; 20, с. 496, рис. 13; 8, с. 80; 23, 2/66; 39, с. 2, 3; 40, № 162; 41, с. 33, 34, рис. 15; 42, с. 16, рис. 52; 43, с. 23, 30, рис. 93; 44, с. 142, рис. 16]

датируется концом VI — началом V в. до н. э. [1, с. 131, прил. 1, табл. 4, *3*; 12, № 408—411]. Хронология типов II и V пока не поддается уточнению из-за недостатка материала.

Амфоры на сложнопрофилированном кольцевом поддоне по характеру и цвету глины делятся на две группы: группа А — глина, как правило мелкозернистая, цвет варьирует от светло-розового до кирпично-красного, всегда присутствуют включения слюды, иногда имеется светло-желтый ангоб различной плотности; группа Б — крупнозернистая, светло-коричневая или желтая глина с серым запалом в центре черепка. Заметны включения слюды и примесь песка. Поверхность фрагментов шероховатая. Амфоры на сложнопрофилированном кольцевом поддоне группы А делятся на два типа (табл. 4).

К типу I принадлежит амфора из погребения 38 — 1909 г. некрополя Ольвии, которое датируется последней четвертью VI в. до н. э. [27, с. 97; 28, с. 48], а также амфоры, обнаруженные в комплексах конца VI — начала V в. до н. э. в Нимфее [8, табл. I, *3*, с. 70], Ольвии [45, с. 3, 4] и на Афинской Агоре [12, № 442].

Амфоры второго типа происходят из комплексов начиная с последней трети VI в. до н. э.: погребение 9 — 1953 г. у пос. Пятиколодезное [8, с. 80; 46, с. 123], погребение 374 — 1966 г. некрополя Кеп, где найден чернофигурный

Таблица 5

Тип	Количество, шт.	Н, мм	Д, мм	М, 0, . . .	Дн, мм	Нн, мм	Публикация
I	1	590	420	712	90	—	[57, с. 53, рис. 27, *1*]
II	1	545	350	642	65	20	[23, № 13/188]
III	2	497—518	302—329	583—662	55—64	23—27	[23, № 1/1, 3/69]
IV	3	450—492	248—264	535—551	41—50	24—42	[23, № 8/105, 9/113, 10/115]

Таблица 6

Тип	Количество, шт.	Н, мм	Д, мм	М, 0, . . .	Нн, мм	Дн, мм	Публикация
I	7	540—570	376—390	643—722	20—25	70—93	[12, № 412, 413; 19, рис. 2, 4, табл. 13, *3*; 22, № 65, 67; 58, с. 157, рис. 8]
II	1	450	285	633	25	60	[22, № 68]
III	4	675—690	328—373	415—518	—	60	[1, прил. 1, табл. 3, *3*; 13, рис. 14, *5в*; 59, № 1; 60, рис. 2, с. 22, 23]

Таблица 7

Характерный признак	Расширенные, $P < 0{,}897$	Слаборасширенные, $P > 0{,}897$
Резкий переход между внешней и нижней образующими	I	II
Без резкого перехода между внешней и нижней образующими	III	IV

лекиф 540—530 гг. до н. э. [47, с. 37, 38, рис. 178]. Не позднее второй четверти V в. до н. э. по чернолаковым киликам типа С [48, рис. 19, *3*, № 413, с. 246] датируются следующие погребения некрополя Кеп с амфорами типа II: 63 — 1961 г., 140 — 1961 г., 155 — 1962 г. [49, с. 7, 8, 29, 30; 50, с. 33; рис. 1; 51, с. 135, 136, рис. 6, *8*, *9*]. Кроме того, амфора типа II найдена в одном из погребений Мирмекия с чернофигурным лекифом начала V в. до н. э. [8, табл. VI, *15г*; 44, с. 142, рис. 15, 16]; в погребении 65 — 1972 г. у хут. Рассвет с ионийской амфорой второй половины VI в. до н. э. [43, с. 23, 30, рис. 93]. Верхняя хронологическая граница типа определяется датой погребения 4 — 1955 г. некрополя Гермонассы, где найден чернолаковый килик, датируемый Н. П. Сорокиной 480—460 гг. до н. э. [41, с. 33—34, рис. 12, 15].

В. Ф. Гайдукевич определяет время существования архаического здания в Тиритаке, рядом с которым обнаружена амфора рассматриваемого типа, 540—470 гг. до н. э. [52, с. 79—83, рис. 104]. В значительном количестве ножки амфор рассматриваемого типа найдены в верхних слоях Торика. Время гибели здания определяется Н. А. Онайко несколько ранее середины V в. до н. э., по отсутствию чернолаковой керамики, украшенной штампованным орнаментом [10, с. 94].

В амфорных складах, найденных в Ольвии [53, с. 139, 157, сн. 27], и Фанагории [54, с. 297, 298; 55, с. 5, рис. 3, 4; 8, с. 74, 80], тип II амфор на сложно-

профилированном кольцевом поддоне найден вместе с хиосскими амфорами типа IГ-1, датировка которого ограничена серединой V в. до н. э.

Необходимо указать на существование еще одного типа амфор, с ножками достоверно неотличимыми в настоящее время от ножек амфор типов I и II, однако не представленного в Северном Причерноморье ни одним целым экземпляром [12, № 440, 441; 56, рис. 15*а*, *б*].

Амфоры на сложнопрофилированном кольцевом поддоне группы Б разделяются на четыре типа (табл. 5).

Только амфора типа I из этой группы может датироваться в пределах VI в. до н. э. [57, с. 53, рис. 27, 28].

Самосские амфоры второй половины VI — первой половины V в. до н. э. можно разделить на три типа (табл. 6).

Тип I по комплексу Q12 : 3 датируется концом VI — началом V в. до н. э. [12, № 412, 413], его нижнюю дату, по всей видимости, удревняет комплекс погребения 8 кургана 7 у с. Новоалександровка [58, с. 157, рис. 8]. Тип II, вероятно, является фракцией типа I и должен датироваться этим же временем. Наиболее ранний экземпляр типа III найден в погребении начала V в. до н. э. в Клазоменах [13, рис. 15*в*], а его верхняя хронологическая граница выходит за рамки данной работы [19, рис. 3].

Типология коринфских амфор разработана недавно К. Кёлер [18], а афинские (халкидские) амфоры второй половины VI в. до н. э. представлены пока единичными экземплярами [12, № 418].

В ходе дальнейшего исследования на основании морфологических и метрических признаков проводилось сопоставление вариантов ножек, выделенных на основании формальных признаков, с ножками целых сосудов и фрагментами, происходящими из комплексов, а когда это было невозможно, с типами целых сосудов.

Результаты сравнивались с данными, полученными при раскопках Западно-Патрейского городища и поселения на мысе Зюк. К настоящему времени Б. Г. Петерс выделяет на Западно-Патрейском городище три основных слоя [61, с. 34—36; 62, с. 140].

Слой Iа. Включает материал, перекрытый остатками сырцовых сооружений наиболее раннего строительного периода, найденный непосредственно на материке. Дата: 550—525 гг. до н. э., на основании находок в слое многочисленных фрагментов керамики стиля Фикеллура [63, рис. 10*A*, *2*, *7*] и фрагментов хиосских амфор с воронкообразным горлом [8, табл. II, *6а*; 29, с. 118, 119, рис. 51, *3*].

Слой Iб. Материал, происходящий из двух ям — время бытования сооружений первого строительного периода (Р. I, кв. 11, яма 1, раск. 1987/88 г.; Р. I, кв. 22, яма 1, раск. 1988 г.). Дата: 535—520 гг. до н. э., на основании находок в ямах фрагментов хиосских амфор типа найденной в Ташлы-Яре [8, табл. III, 10*а*] и горла аттической амфоры, датирующегося временем ок. 535 г. до н. э. [12, № 418].

Слой Iв. Зольная прослойка мощностью до 20 см, перекрывающая на всей площади раскопа I (площадь ~300 м^2) остатки сырцовых сооружений первого строительного периода. Дата: ок. 510 г. до н. э., по фрагментам киликов Кассельской группы [64, № 26, с. 45] и чернофигурным лекифам группы Ватикан G. 52 [64, № 99, с. 133] и присутствию фрагментов хиосских амфор типа найденной в Ташлы-Яре [8, табл. III, 10*а*] и пухлогорлых амфор раннего типа.

Слои II—III. Остатки сырцовых сооружений второго и третьего строительных периодов. По многочисленным фрагментам хиосских пухлогорлых амфор датируются рубежом VI—V вв. до н. э.— первой половиной V в. до н. э. Хронологически разделить их материал пока не удается.

Дополнительную информацию для уточнения датировки отдельных фрагментов дает материал поселения на мысе Зюк. В юго-восточной части мыса около берегового обрыва найден слой мощностью до 1,5 м, образовавшийся в результате

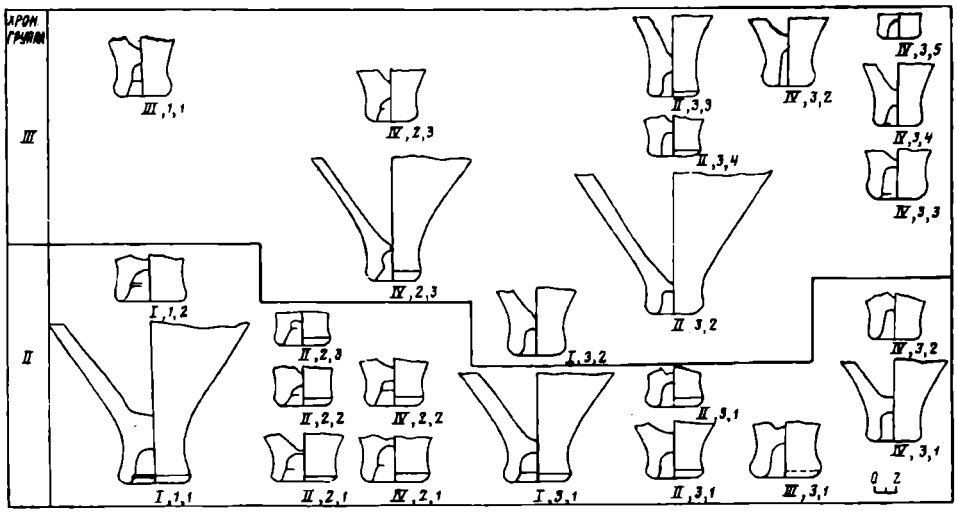


Рис. 1. Варианты ножек хиосских амфор

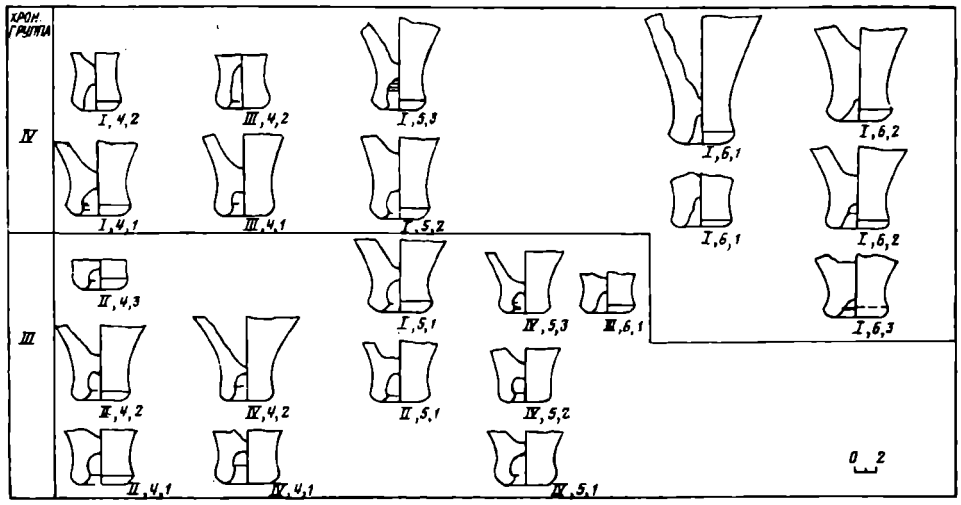


Рис. 2. Варианты ножек хиосских амфор

долговременного сброса мусора. Нижняя его хронологическая граница определяется в пределах второй четверти V в. до н. э. по наличию фрагментов хиосских амфор типов IГ-1 и IГ-2 и отсутствию фрагментов амфор с ножками в виде сложнопрофилированного кольцевого поддона и амфор с усеченно-конусовидным дном.

При сопоставлении всех данных по хронологии отдельных фрагментов представляется целесообразным разделить материал на четыре хронологические группы: 1) вторая четверть — середины VI в. до н. э. (575—550 гг. до н. э.); 2) третья — начало четвертой четверти VI в. до н. э. (550—520 гг. до н. э.); 3) конец VI — начало V в. до н. э. (520—480 гг. до н. э.); 4) конец первой — вторая четверть V в. до н. э. (480—460 гг. до н. э.).

Материал, послуживший основой для данной статьи, происходит из Патрея (439 экз.), поселения «Саратовское» (4 экз.), поселения Чокракский мыс (9 экз.), поселения на мысе Зюк (24 экз.) [1].

Ножки хиосских амфор первоначально были разделены на две группы, исходя из соотношения диаметра перехвата ножки и максимального диаметра ножки: расширенные — коэффициент расширения (P) менее 0,897 (принят условно) и слаборасширенные — коэффициент расширения более 0,897. Далее все ножки

[1] Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность авторам раскопок А. А. Масленникову и Б. Г. Петерсу за предоставленную возможность обработки материала.

делились на две группы еще по одному признаку — наличию или отсутствию резкого перехода между внешней и нижней образующими. Полученные в результате четыре группы обозначались следующим образом (табл. 7).

Дальнейшая классификация проводилась по форме выемки: трапециевидная — 1; бифигурная — 2; цилиндрическая — 3; грибовидная — 4; усеченно-сферическая — 5; конусовидная — 6.

Таким образом, в выражении Х-I, 3, 2 первый знак обозначает сокращенное название о-ва Хиос; первая цифра показывает, что данная ножка относится к группе расширенных с резким переходом между внешней и нижней образующими; вторая цифра говорит о наличии на подошве выемки цилиндрической формы, а третья цифра обозначает вариант, выделенный на основании метрических признаков.

В табл. 8 против каждого выделенного варианта приводятся его основные размеры: Нн — высота ножки (Нн = Н—Но, т. е. разность высоты и глубины амфоры) и Дн — максимальный диаметр ножки.

Далее приводятся данные в годах до н. э., если удается привязка данного варианта к датированному комплексу или к материалам однослойного или надежно стратифицированного памятника, хронологические границы которых определялись авторами раскопок. Затем следует сопоставление, если возможно, с приведенными выше типами целых сосудов и дается обозначение слоя Западно-Патрейского городища, в котором найдены ножки рассматриваемого варианта. На основании всех данных каждый вариант связывается с той или иной хронологической группой и дается ссылка на литературу, которая использовалась для аналогии. Рисунки 1 и 2, а также табл. 8 иллюстрируют все рассматриваемые варианты ножек хиосских амфор.

Классификация ножек амфор с усеченно-конусовидным дном учитывает первоначально два основных признака: наличие или отсутствие выемки на подошве и форму подошвы. На основании этих признаков выделяются четыре группы по следующей схеме, представленной табл. 9.

Далее ножки разделяются с использованием коэффициента расширения, т. е. по соотношению диаметра подошвы и диаметра ножки на высоте 4 см от подошвы — первое цифровое обозначение на табл. 10; I — сильнорасширенные, $P = 471—588$; II — расширенные: $P = 600—681$; III — слаборасширенные, $P = 704—820$. Вторая цифра учитывает высоту ножек амфор — разницу между высотой сосуда и его глубиной, мм: 1 — 1—19; 2 — 20—29; 3 — 30—39; 4 — 40—49; 5 — 50—59; 6 — 60—69.

Третьей цифрой обозначается вариант, выделяемый на оснований измерения диаметра подошвы (рис. 3, 4, а также табл. 10).

При систематизации ножки амфор в виде сложнопрофилированного кольцевого поддона, как и целые сосуды, исходя из характера глины, были разделены на две группы: А и Б. Далее ножки классифицировались по наличию или отсутствию грани на месте соединения ножки с нижней частью корпуса сосуда и форме выемки по следующей схеме (рис. 5, 6 и табл. 11).

Таким образом, выражение А—6,2 означает, что рассматриваемая ножка амфоры в виде сложнопрофилированного кольцевого поддона изготовлена из красной или светло-розовой глины с блестками слюды, имеет плавное соединение с нижней частью корпуса амфоры. Второй характерный морфологический признак — наличие на подошве выемки конусовидной формы. Последняя цифра означает вариант, выделенный на основании метрических признаков.

Ножки самосских амфор (рис. 7) получили индекс С; для ножек в виде четкопрофилированного кольцевого поддона без дополнительной профилировки типа Агора Р—24860 — С—I; для ножек, имеющих опоясывающую часть типа Агора Р—21984,— С—II. Далее они классифицировались по форме выемки и метрическим признакам по той же схеме, что и ножки амфор в виде сложнопрофилированного кольцевого поддона (табл. 12).

Для табл. 13 (и рис. 7) ножки клазоменских — К, коринфских — Кор и

Таблица 8

Вариант Х—...	Нн, мм	Дн, мм	Дата комплекса, тт. до н. э.	Тип	Слой	Хронологическая группа	Публикация
I,1,1	70	71		IБ—1	I	II	
I,1,2	43—45	68—71		IБ—1		II	
I,3,1	42	67		IБ—1	Iв	II	
I,3,2	38—45	58—63		IВ—1	II—III	III	
I,4,1	42—60	61—67		IГ—1	III	IV	[8, табл. III, *11а*]
I,4,2	42	46		IГ—2		IV	
I,5,1	32—57	61—66	475—450	IГ—1	IV—V	IV	[10, табл. IV, *33*; 59, табл. VII, *2*]
I,5,2	64	58		IГ—1		IV	
I,5,3	30—44	52—56	ок. 450	IГ—2		IV	[65, рис. 38, *7*]
I,6,1	40—49	59—62		IГ—1		IV	
I,6,2	55—68	61—65	550—460	IГ—1		IV	[10, табл. IV, *24*]
I,6,3	56	60—62	550—460	IГ—1		IV	[10, табл. IV, *23*]
II,2,1	31	63		IБ—1	I	II	
II,2,2	33	58		IБ—1	I	II	
II,2,3	—	55		IБ—1		II	
II,3,1	33—47	57—58		IБ—1		II	
II,3,2	30—37	54—57		IВ—2		III	
II,3,3	25—42	48—52		IГ—1	II—III	III	
II,3,4	31—33	50—51		IГ—1		III	
II,4,1	46—47	59—61	535—475	IГ—1		IV	[66, табл. I, *15*]
II,4,2	31—54	54—56		IВ—2		III	[8, табл. III, *11б*]
II,4,3	—	46—52		IГ—1		III	
II,5,1	32—43	54—58	535—475	IГ—1	IV	III—IV	[66, табл. I, *11*]
III,1,1	46	56					
III,3,1	50	70	ок. 550	IБ—1		II	[8, табл. II, *6а*]
III,3,2	50	52		IВ—2	II—III	III	
III,4,1	40—48	54—58	550—460	IВ—2		III	[10, табл. IV, *32*]
III,4,2	—	51		IГ—1		IV	
III,6,1	35	53		IГ—1		III	
IV,2,1	44—45	67—69		IБ—1	I	II	
IV,2,2	40	59		IБ—1	Iб	II	
IV,2,3	38—40	51—53	535—475	IВ—2	II—III	III	[66, табл. I, *13*]
IV,3,1	38—45	55—58	535—475	IВ—1		II—III	[66, табл. I, *12*]
IV,3,2	43	52	550—460	IГ—1		III	[10, табл. VI, *31*]
IV,3,3	36—47	55—60		IВ—2	II—III	III	
IV,3,4	30—36	47		IГ—1		III	
IV,3,5	34	42—43	550—460	IГ—1	III	III	[10, табл. VI, *37*]
IV,4,1	34—47	58—61	550—460	IВ—2	II	III	[10, табл. IV, *34*]
IV,4,2	33—47	47—52		IГ—1		III	
IV,5,1	43—50	61—65		IВ—1	IV	III	
IV,5,2	38	52—53		IГ—1		III	
IV,5,3	30	49		IД—1		V	

Таблица 9

Характерный признак	Выемка	Без выемки
Плоская подошва	А	В
Полукруглая или скошенная подошва	Б	Г

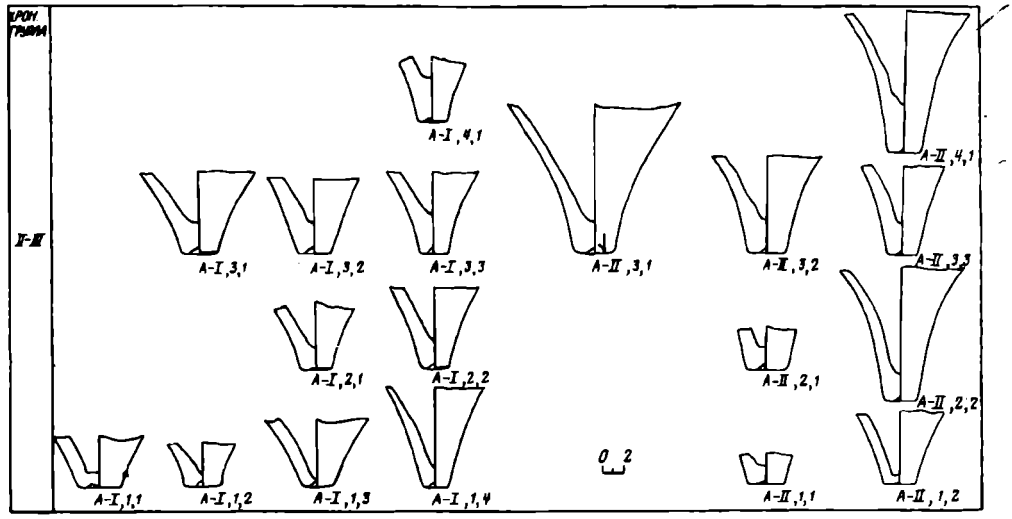


Рис. 3. Варианты ножек амфор с усеченно-конусовидным дном. Группа А

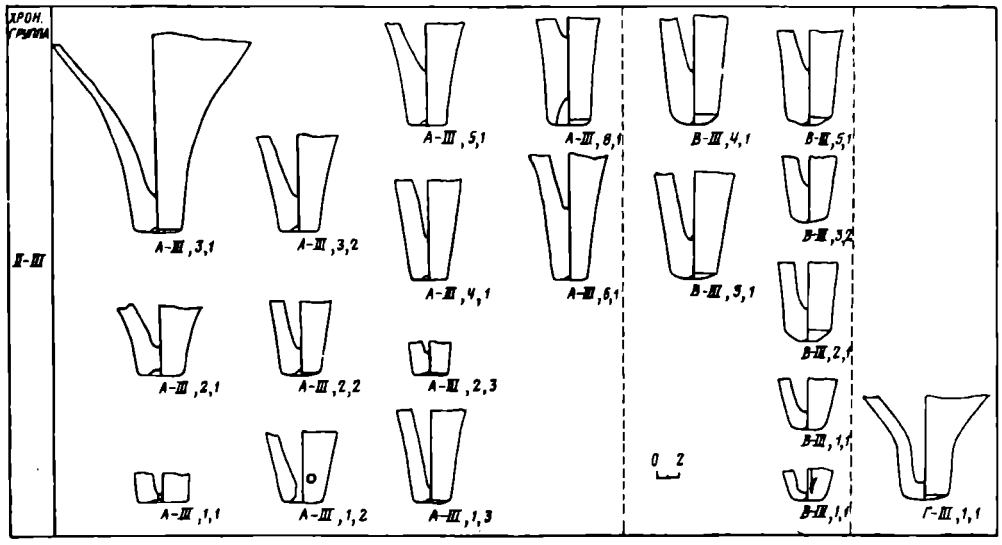


Рис. 4. Варианты ножек амфор с усеченно-конусовидным дном. Группы А, В, Г

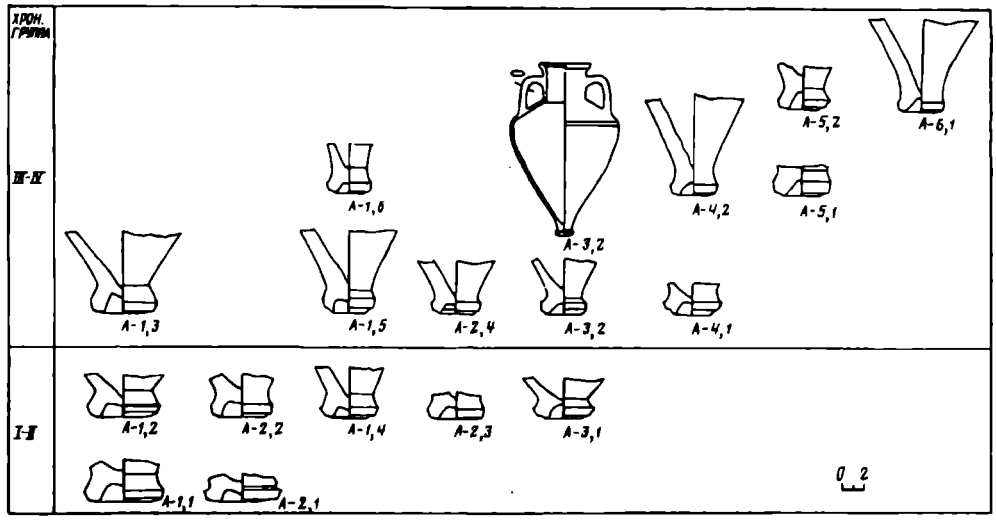


Рис. 5. Варианты ножек амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне. Группа А

Таблица 10

Вариант	Нн, мм	Дн, мм	Дата комплекса, гг. до н. э.	Тип	Слой	Хронологическая группа	Публикация
А—I,1,1	16	41		III		II—III	
А—I,1,2	12	36		III	I	II—III	
А—I,1,3	7	31	550—460	III		II—III	[10, табл. VII, *58*]
А—I,1,4	19	25		VI		II—III	
А—I,2,1	20—29	28—32		III	Ia	II	[8, табл. III, *9а*]
А—I,2,2	22—28	25—27	550—460	VI		II—III	[10, табл. VII, *56*]
А—I,3,1	31	35		III		II—III	
А—I,3,2	30—33	28—32		IV	Ia	II	
А—I,3,3	32—38	26	550—460	VI	II	III	[10, табл. VII, *57*]
А—I,4,1	43	28		IV	II	III	[8, табл. III, *9б*]
А—II,1,1	19	36				IV	
А—II,1,2	10—19	28—34		III	I	II	
А—II,2,1	24—25	36—38				IV	
А—II,2,2	21—29	29—33		III	Ia	II	
А—II,3,1	30—36	37—43				IV	[22, № 77, 78]
А—II,3,2	32—35	34—35		III	II	III	[22, № 79, 80, 82]
А—II,3,3	30—38	29—32	550—460 530—475	IV	I	II	[10, табл. VII, *60*; 66, рис. 1, *16*]
А—II,4,1	40—47	30—32		IV	II	III	
А—III,1,1	8	45	600—550	III		I	[67, рис. 2, 3]
А—III,1,2	—	38		III	Ia	II	
А—III,1,3	14	34		V		III	
А—III,2,1	27	43				IV	
А—III,2,2	20—28	34—37		III	II—III	III	
А—III,2,3	21—23	31—32	510—450	IV		III	[68, рис. 25]
А—III,3,1	34	44		III		IV	[22, № 81, 83]
А—III,3,2	34—36	31—35		V	IIa	III	
А—III,4,1	40—48	28—35		V	II	III	
А—III,5,1	50—55	28—34	520—480	V	II	III	[17, рис. 70, 71, *4*]
А—III,6,1	69	31	550—460	V		III	[10, табл. V, *54*]
А—III,8,1	83	40					
Б—II,1,1	11—12	81—85	560—510 ок. 500 535—475	—	Ia Iб	I—II	[17, рис. 70, 71, *2*; 66, табл. I, *17*; 69, рис. 53, *440*]
Б—II,1,2	12	55	550—460	—		III—IV	[10, табл. VII, *63*]
В—III,1,1	17	33	525—475	—	II—III	III	[70, рис. 4, *21*]
В—III,2,1	21—29	40—42				IV	
В—III,3,1	38	42				IV	
В—III,3,2	34	33				IV	
В—III,4,1	49	42				IV	
В—III,5,1	51	40				IV	

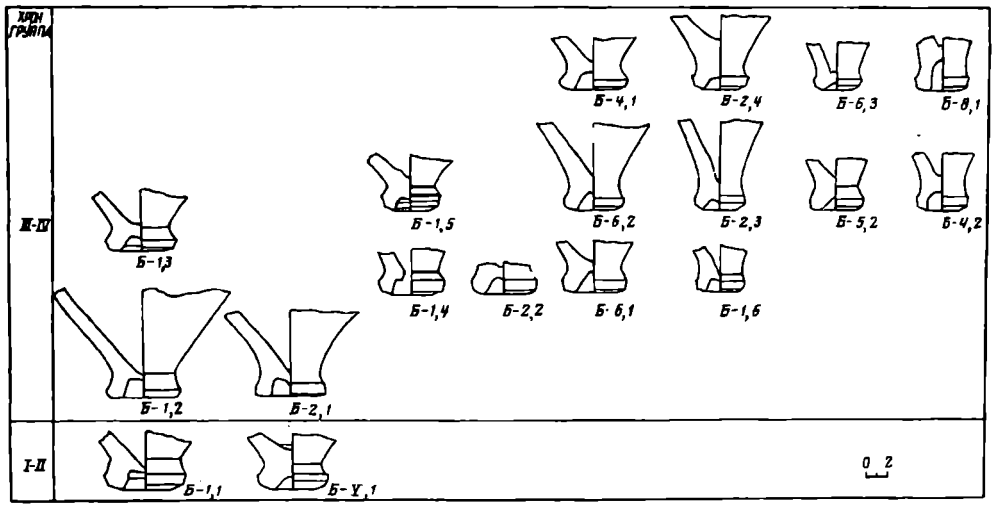


Рис. 6. Варианты ножек амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне. Группа Б

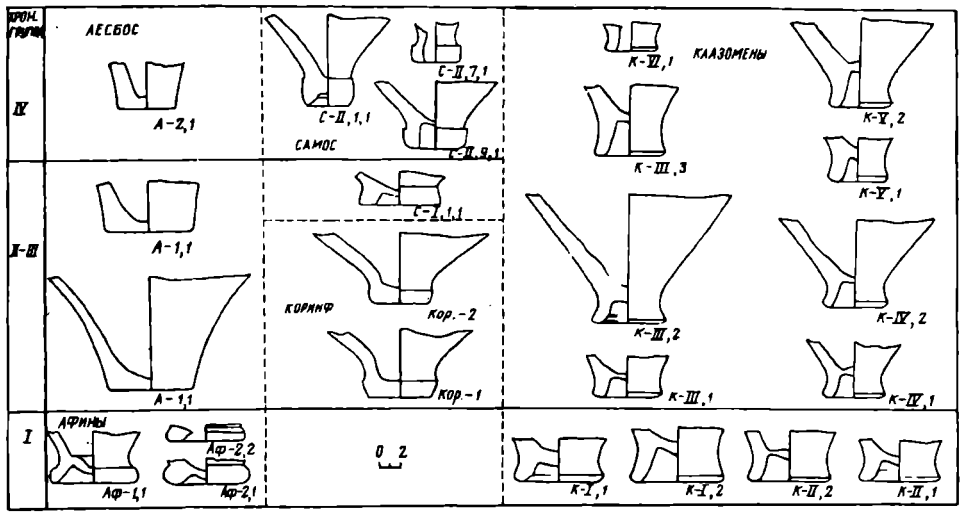
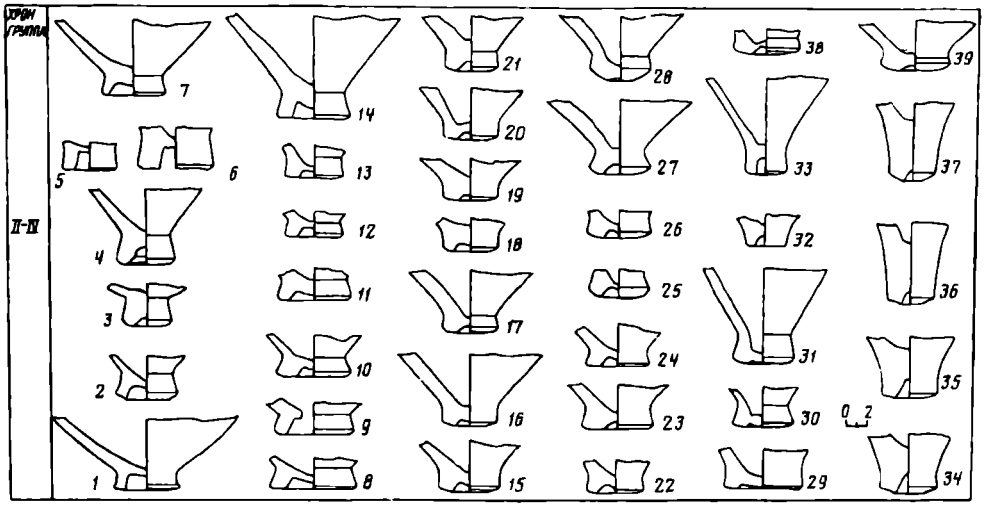


Рис. 7. Варианты ножек лесбосских, афинских (халкидских), самосских, коринфских и клазоменских амфор



Г ис. 8. Варианты ножек амфор неизвестных центров производства

Таблица 11

Форма выемки	Грань	Без грани
Трапециевидная	1	2
Полусферическая	3	4
Конусовидная	5	6
Грибовидная	7	8
Цилиндрическая	9	10

Таблица 12

Вариант	Нн, мм	Дн, мм	Дата комплекса, гг. до н. э.	Тип	Слой	Хронологическая группа	Публикация
А—I,1	27—30	72—74	590—560	I	Ia	I—II	[69, рис. 53, *424—427*]
А—I,2	15—33	65—69	525—500	I	Ia, б	II—III	[8, табл. I, *3*]
А—I,3	14—30	58—63	550—460	II		III	[10, табл. IV, *41*]
А—I,4	10—43	52—56		II	II—III	III	
А—I,5	15—40	46—50		II		III—IV	[8, табл. XXV, *56б*]
А—1,6	15—40	41,5		II		III—IV	
А—2,1	20	71		I		II—III	
А—2,2	17—27	56—60	500—460	II		IV	[10, табл. IX, *72*]
А—2,3	30	53—54		II		III—IV	
А—2,4	14—31	46—50	500—460	II		III—IV	[10, табл. IX, *71*]
А—3,1	18	56		II		III	
А—3,2	25	43—47		II		III—IV	
А—4,1	16—19	54		II		III	[8, табл. VI, *15в*]
А—4,2	19—25	43—48	500—475	II		III	[8, табл. VI, *15г*]
А—5,1	—	54		II		III	
А—5,2	32	48		II		III—IV	
А—6,1	19—31	43—50	500—460	II		IV	[10, табл. IX, *70*]
Б—1,1	22	78	550—500	I	Ia	II	[57, рис. 27, *1*, рис. 28]
Б—1,2	23—29	71—74	550—460	II		III	[10, табл. IV, *42*]
Б—1,3	15—26	67—68		II	Iв	II	
Б—1,4	22—27	61—62		II		III—IV	
Б—1,5	22—32	56—58		III	II	III—IV	
Б—1,6	16	47		IV		IV	[23, № 9/113]
Б—2,1	24	67		II	Ia	II	
Б—2,2	26	62		II		III—IV	
Б—2,3	13—29	44—54		IV	IVб	IV	[23, № 10/115]
Б—2,4	48	51		IV		IV	
Б—4,1	26	63		II		III	
Б—4,2	22—34	45—51		IV		IV	
Б—5,1	40	67		II	Iб	II	
Б—5,2	32	51		IV	II	III	
Б—6,1	26—30	60—61		III		III—IV	
Б—6,2	28—34	53—56		III		III—IV	
Б—6,3	18	46		IV		IV	
Б—8,1	30—43	49—50		IV		IV	
С—I,1,1	14	77	ок. 500	I		III	[12, № 412, 413]
С—II,1,1	27	49		III		IV	
С—II,7,1	—	46		III		IV	
С—II,9,1	26	61	460—440	III		IV	[26, № 167]

Таблица 13

Вариант	Нн, мм	Дн, мм	Дата комплекса, гг. до н. э.	Тип	Слой	Хронологическая группа	Публикация
К—I,1	30	88	600—550	III		I	[23, № 4/93; 71, рис. 2, *б*]
К—I,2	40—46	92—94	560—550	II		I	[22, № 69; 72, табл. 85, XX, *7*, *8*]
К—II,1	25	79	550—460	IV		II	[10, табл. II, *13*]
К—II,2	30	82	560—500	III		II	[69, рис. 57, *850*]
К—II,3	40	82		IV		II	[22, № 70, 71]
К—III,1	22	68		V	II	II	
К—III,2	33—37	68—73	ок. 550 535—475	IV	Iв	II	[23, № 11/132; 66, табл. I, *14*]
К—III,3	43	67		V		II	
К—IV,1	27—28	62	550—460	V—VI		II—III	[10, табл. II, *16*]
К—IV,2	30	64	550—460	V—VI		II—III	[10, табл. II, *15*, *17*; 23, № 6/106]
К—V,1	34	58	550—525	V—VI		II—III	[8, табл. II, *6в*]
К—V,2	44	59		V—VI		II—III	
К—VI,1	—	50		?		III?	
Кор. 1	15	71					
Кор. 2	16	61					
Кор. 3	31	72	530—475			II—III	[66, табл. I, *19*]
Аф. 1,1	12	82	600—550			I	[73, табл. CI, *31*]
Аф. 2,1	12	82	600—550			I	[73, табл. CI, *32*]
Аф. 2,2	15	76—78	ок. 535			III	[12, № 418]

Таблица 14

Тип амфоры и центр производства	Количество, экз.	Время импорта, гг. до н. э.
1. О-в Хиос	142	550—450
2. Амфоры с усеченно-конусовидным дном		
А	110	550—ок. 490 г.?
Б	4	550—450
В	8	?
Г	2	?
3. Амфоры на сложнопрофилированном кольцевом поддоне		
А	94	550—460
Б	47	550—460
4. Клазомены	19	550—ок. 490 г.?
5. Самос	4	550—450
6. Коринф	3	550—450
7. Аттика	4	560—535?

афинских — Аф амфор разделены на варианты, только исходя из метрических признаков.

По типам, центрам производства и продолжительности импорта материал распределяется следующим образом (табл. 14).

Кроме того, имеется еще 39 ножек амфор, изготовленных в виде кольцевого поддона различных модификаций (рис. 8).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брашинский И. Б.* Методы исследования античной торговли. Л.: Наука, 1984.
2. *Граков Б. Н.* Клейменая тара эпохи эллинизма, как источник для истории производства и торговли//Архив ИА АН СССР. Р—2, № 538.
3. *Grace V. R.* Standart Pottery Containers of the ancient Greek world//Hesperia. 1949. Suppl. VIII.
4. *Wallace Matheson P. M., Wallace M. B.* Same Rhodian amphora capacities//Hesperia. 1982. V. 51. N 2.
5. *Lany M.* Numerical notation on Greek vases//Hesperia. 1956. V. XXV. N 1.
6. *Жарнак П.* Потънали в морето селища и кораби. София: Наука и изкуство, 1983.
7. *Ельницкий Л. А.* Из истории древнегреческой виноторговли и керамического производства//ВДИ. 1969. № 3.
8. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора//МИА. 1960. № 83.
9. *Охотников С. Б.* Из истории торговых связей архаических поселений Нижнего Поднестровья//Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
10. *Онайко Н. А.* Архаический Торик. Античный город на Северо-Востоке Понта. М.: Наука, 1980.
11. *Лейпунская Н. А.* Керамическая тара из Ольвии. Киев: Наук. думка, 1981.
12. *Roberts S. R.* The stoa gutter well. A late archaic deposit in the Athenian Agora//Hesperia. 1985. V. 55. N 1.
13. *Doger E.* Premieres remarques sur les amphores de Clazomenes//BCH. 1986. Suppl. XIII.
14. *Anderson J. K.* Excavation on the Kofina ridge. Chios//BSA. 1954. XLIX.
15. *Grace V. R.* Amphoras and the ancient wine trade//Excavation of the Athenian Agora. Princeton; New Jersey, 1961.
16. *Рубан В. В.* О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана//Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
17. *Clinkenbeard B. B.* Lesbian wine and storage amphoras. A progress report on identification//Hesperia. 1982. V. 51. N 2.
18. *Koehler C. G.* Corinthian developments in the study of trade in the fifth century//Hesperia. 1981. V. 50. N 4.
19. *Grace V. R.* Samian amphoras//Hesperia. 1971. V. 40. N 1.
20. *Peristeri Otatzi C.* Amphores et timbres amphoriques d'Abdere//BCH. 1986. Suppl. XIII.
21. *Манцевич А. П.* Об амфорах из кургана Солоха//СГЭ. 1968. Вып. XXIX.
22. *Лазаров М.* Антични амфори (VI—I в. пр. н. е.) от Българското Черноморие//ИНМВ. 1973. Т. IX (XXIV).
23. *Лейпунська Н. О.* Классифікація амфор архаічного часу з Ольвії//Археологія. 1973. № 8.
24. *Ebert M.* Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. Couv. Cherson (sud-Russland)//Präehistorische Zeitschrift. 1913. V. V.
25. *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы Никопольщины//Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1973.
26. *Boulter C.* Pottery of the mid-fifth century from a well in the Athenian Agora//Hesperia. 1953. V. 22. N 2.
27. *Лейпунская Н. А.* Амфоры//Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев: Наук. думка, 1987.
28. *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л.: Искусство, 1988.
29. *Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея в 1953 году//КСИИМК. 1956. Вып. 63.
30. *Книпович Т. Н.* Некрополь северо-восточной части Ольвийского городища//СА. 1940. Т. VI.
31. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.//САИ. 1966. Вып. Д1-27.
32. *Брашинский И. Б., Демченко А. И.* Исследования Елизаветовского могильника в 1966 году//КСИА. 1969. Вып. 116.
33. Одесский археологический музей. Киев: Наук. думка, 1983.
34. *Леви Е. И.* Итоги работ ольвийской экспедиции//КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII.
35. *Славін Л. М.* Розкопки Ольвії в 1949—1951 рр.//АП УРСР. 1955. Т. V.
36. Condurahi si colub. Santierul arheologie Historia//MCA. 1970. V. IX.
37. *Охотников С. Б., Пасхина Е. И.* Находки амфор в Черном море//Новые археологические исследования на Одесчине. Киев: Наук. думка, 1984.
38. *Серова Н. Л.* Греческая керамическая тара из скифских курганов Молдавии//Археологические исследования в Молдавии в 1984 г. Кишинев: Штиинца, 1989.
39. *Коровина А. К.* Отчет о раскопках некрополя Тирамбы в 1967 г.//Архив ИА АН СССР. Р—1, № 3569.
40. Сокровища курганов Адыгеи. М.: Искусство, 1985.
41. *Сорокина Н. Н.* Отчет о работе в 1955 году отряда Таманской археологической экспедиции в районе некрополя//Архив ИА АН СССР. Р—1, № 1209.
42. *Крушкол Ю. С.* Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе (х. Рассвет) в 1969 году МОПИ им. Н. К. Крупской//Архив ИА АН СССР. Р—1, № 4254.
43. *Крушкол Ю. С.* Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе (х. Рассвет) в 1972 году//Архив ИА АН СССР. Р—1, № 4859.
44. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг.//МИА. 1952. № 25.

45. *Козуб Ю. І.* Предмістя Ольвії//Археологія. 1979. № 29.
46. *Блаватский В. Д.* Четвертый год раскопок в Синдике//КСИИМК. 1957. Вып. 70.
47. *Сорокина Н. П., Сокольский Н. И.* Грунтовый некрополь. Отчет о работах Таманской экспедиции Института археологии в 1966 году//Архив ИА АН СССР. Р—1, № 3262.
48. *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C.//The Athenian Agora. 1970. V. XII.
49. *Сорокина Н. П., Сокольский Н. И.* Отчет об археологических работах Таманской экспедиции. Раскопки некрополя Кеп.//Архив ИА АН СССР. Р—1, № 2291.
50. *Сокольский Н. И., Сорокина Н. П.* Раскопки города Кеп и его некрополя в 1957—1963 гг. //Ежегодник ГИМ 1963—1964 гг. М., 1966.
51. *Сокольский Н. И., Сорокина Н. П.* Отчет о раскопках грунтового некрополя Кеп в 1962 г.//Архив ИА АН СССР. Р—1, № 2524.
52. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.//МИА. 1952. № 25.
53. *Козуб Ю. И.* Древнейшее святилище в Ольвии//Ольвия. Киев: Наук. думка, 1975.
54. *Блаватский В. Д.* Раскопки Фанагории в 1938—1939 гг.//ВДИ. 1940. № 3—4.
55. *Зеест И. Б.* Раскопки ГМИИ до Великой Отечественной войны//Бюл. ГМИИ им. А. С. Пушкина. 1947. № 2.
56. *Nicolaou I., Empereur J. Y.* Amphores Rhodiennes dumúsec de Nicosie//BCH. 1986. Suppl. XIII.
57. *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов//Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
58. *Кореняко В. А., Лукьяшко С. И.* Новые материалы раннескифского времени на Левобережье Нижнего Дона//СА. 1982. № 3.
59. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980.
60. *Брашинский И. Б.* Новые данные о торговле Ольвии с Самосом//КСИА. 1967. Вып. 109.
61. *Петерс Б. Г.* Раскопки Патрея//Древности Кубани. Тезисы. Краснодар, 1987.
62. *Петерс Б. Г.* Раскопки Патрея//АО — 1986. М., 1987.
63. *Сидорова Н. И.* Архаическая керамика Пантикапея//МИА. 1962. № 103.
64. *Горбунова К. С.* Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л.: Искусство, 1983.
65. *Гайдукевич В. Ф.* Античные города Боспора. Мирмекий. Л.: Наука, 1987.
66. *Марченко К. К., Доманский Я. В.* Комплекс вещественных находок на античном поселении Старая Богдановка II//АСГЭ. 1983. № 24.
67. *Рубан В. В.* О датировке Ягорлыцкого поселения//Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1980.
68. *Гайдукевич В. Ф.* Мирмекий. Варшава, 1959.
69. *Dimitriu S.* Cartierul de locuinte din zone de vest ectătii in epoca archaica (Săpăturí 1955—1960)//Histria, 1966. T. II.
70. *Рубан В. В.* Литейная форма с поселения Козырка XV//СА. 1979. № 3.
71. *Рубан В. В.* Керамика Ягорлыцкого поселения из собрания Херсонского музея//СА. 1983. № 1.
72. *Alexandrescu P.* Necropola tumulară (săpături 1955—1961)//Histria. 1966. T. II.
73. *Slaska M.* Gravisca: Le ceramiche comuni di Producione Greco-Orientale//Les ceramiques de la Greece de l'Est et lenr diffusion en Occident//Paris — Napoles, 1978.

Институт археологии РАН,
Москва

A. P. ABRAMOV

CLASSIFICATION AND PERIODISATION OF THE AMPHORAE OF LATE 6th AND EARLY 5th CENTURIES B. C.

Summary

The article is a result of studies of 151 amphorae and 476 amphorae' feet of late 6th — early 5th centuries B. C. They are dated to the archaic period and originated from Bosporan settlements. The study of some closed assemblages permitted the author to suggest more precise dating for protothasian type of vessels with complicated ring-footstand and for the amphorae with conical (glass-formed) bottoms. The amphorae are divided into a number of types. The amphorae' feet classification and periodisation is based on the comparison with complete vessels of late 6th — early 5th centuries B. C. It is correlated with the data of closed assemblages and some new materials from the West Patrea fortified settlement (excavated by B. G. Peters) and the settlement on Ziuk cape (excavated by A. A. Maslennikov).

Л. А. ГОЛУБЕВА, А. Б. ВАРЕНОВ

НОВОЕ ОБ ОГНИВАХ С БРОНЗОВЫМИ РУКОЯТЯМИ

Огнива с бронзовыми рукоятями принадлежат к числу археологических памятников, бытовавших сравнительно недолгое время (с конца IX до середины XI в.), но оставивших заметный след в международных связях обширных территорий от Приобья до Прибалтики, Финляндии и Скандинавии на западе до Болгарии на юге.

Впервые сводку огнив и их классификацию предложил в 1929 г. Н. Клеве [1, с. 51—60]. Вопросов происхождения, датировки и распространения огнив с бронзовыми рукоятями касались затем Э. Кивикоски [2, с. 224; 3, с. 28] и Я. Петерсен [4, с. 441, 432]. По рисунку рукоятей Н. Клеве разделил огнива на пять типов (а — е). В 1964 г. Л. А. Голубева опубликовала более полную сводку огнив и предложила их классификацию. Она обосновала хронологию огнив и наметила их ареалы [5, с. 115—132].

Со времени выхода в свет упомянутой статьи прошло более четверти века. В результате новых археологических исследований накоплен обширный материал, нуждающийся в научной обработке. Появилась необходимость внести коррективы и дополнения в классификацию огнив, вернуться еще раз к вопросу об их происхождении и семантике. В настоящей статье классификация огнив, предложенная Л. А. Голубевой, в основном сохранена, но увеличено количество их групп, типов и вариантов. По рисунку рукоятей огнива разделены на шесть групп: I — изображения животного или части его тела; II — два или три противостоящих животных; III — человек между двумя птицами; IV — два всадника; V — коньковая подвеска (или подражание ей); VI — геометрический рисунок.

К моменту написания статьи мы располагаем сведениями о 193 огнивах с бронзовыми рукоятями, 35 из которых найдены на Западе (Финляндия, Швеция, Норвегия, ФРГ). Как и в предыдущих сводках — это огнива типа в и с по Н. Клеве или огнива пятого типа II группы и огнива IV группы нашей классификации. Огнива происходят из раскопок поселений, погребений, святилищ, жертвенных комплексов; их находят преимущественно в погребениях мужчин (воинов и купцов). В женских захоронениях они редки. Значительная часть огнив — случайные находки (рис. 1, 2).

Классификация и хронология огнив с бронзовыми рукоятями

Переходим к описанию огнив по группам, типам и вариантам.

I группа (32 экз.). Изображение животного или части его тела.

Тип 1 (10 экз.). Изображение коня. Представлено тремя вариантами.

Первый вариант (1 экз.). Тулово коня орнаментировано выпуклыми прямоугольниками. Голова соединена с основанием огнива дугообразной перемычкой. Вместо хвоста — петля (рис. 3, *1*). Найдено в погр. 778 Танкеевского могильника в Среднем Поволжье [6, с. 164, табл. XX]. Датируется концом IX — началом X в.

Второй вариант (4 экз.) Тулово коня заменено круглым стержнем, на одном

© Л. А. Голубева, А. Б. Варенов, 1993 г.

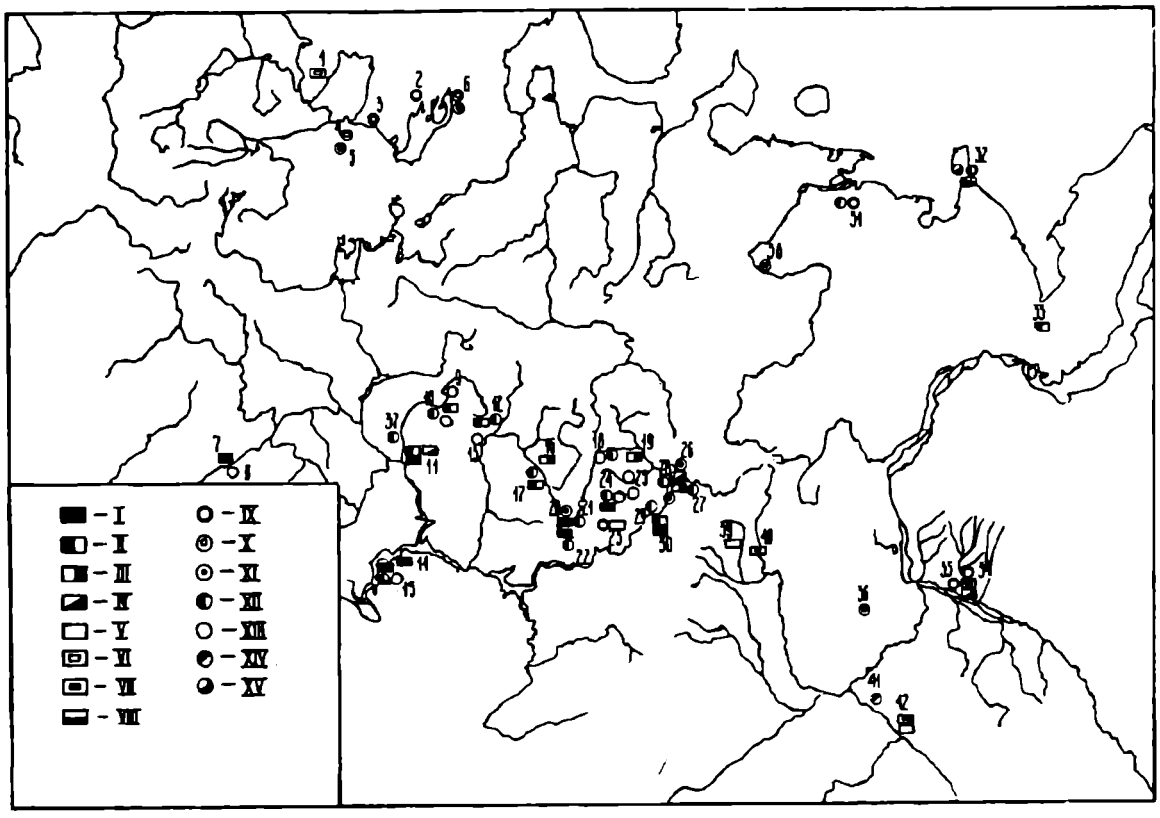


Рис. 1. Распространение огнив с бронзовыми рукоятями в конце IX — начале XI в.
Огнива первой группы: *I* — тип 1; *II* — тип 2; *III* — тип 3; *IV* — тип 4; *V* — тип 5; *VI* — тип 6; *VII* — тип 7; *VIII* — тип 8. Огнива второй группы: *IX* — тип 1; *X* — тип 2; *XI* — тип 3; *XII* — тип 4; *XIII* — тип 5, вариант 1; *XIV* — тип 8; *XV* — тип 9. *1* — Тиверск; *2* — р. Суна; *3* — Подъяндебское; *4* — Валданица; *5* — Вахрушево; *6* — Чёлмужи; *7* — Крюково-Кужновский могильник; *8* — Елизавет-Михайловский могильник; *9* — «Черемисское кладбище»; *10* — Веселовский могильник; *11* — Дубовский могильник; *12* — Юмский могильник; *13* — Кочергинский могильник; *14* — Булгар; *15* — Танкеевский могильник; *16* — Донды-Карское городище; *17* — Омутницкий могильник; *18* — II Агафоновский могильник, *19* — Харинский могильник; *20* — Поломский могильник; *21* — Варнинский могильник; *22* — Рождественское городище; *23* — Загарьский могильник; *24* — Омелинский могильник; *25* — Кашевский могильник; *26* — Мало-Аниковский могильник; *27* — б. Чердынский уезд; *28* — Мелехинский могильник; *29* — Феодоровщина; *30* — Пермь; *31* — святилище Хэйбидя-Пэдар; *32* — Болванский нос; *33* — р. Щучья; *34* — Кучиминское городище-святилище; *35* — Барсов городок; *36* — Ус-Толт; *37* — Нижняя Стрелка; *38* — городище Поганый нос; *39* — Шайтанская пещера; *40* — Ликинский могильник; *41* — Малая Бича; *42* — Новоникольское

конце которого — конская голова, на противоположном — петля. Основание рукояти трапециевидной формы, как и шея коня, орнаментировано выпуклыми прямоугольниками или треугольниками. Два огнива найдены на р. Чепце, в Поломском (погр. 134; рис. 3, *2*) и Варнинском (погр. 56) могильниках [5, рис. 3, *1*; 7, с. 51, табл. XXVII, *18*]. Погребения относятся к позднему этапу поломской культуры и датируются концом IX в. Такое же огниво происходит из погр. 262 Крюково-Кужновского могильника мордвы [8, табл. XXVII, *3*.] Огниво без орнамента из б. Кочевской волости находится в собрании Пермского музея [5, рис. 2, *2*].

Третий вариант (5 экз.). Тулово коня заменено полым цилиндром, на одном конце которого — утолщение, на противоположном — две петли. О связи с предыдущими вариантами напоминает только трапециевидная рукоять. Цилиндры орнаментированы различно (рис. 3, *3*, *4*). Два огнива из погр. 24 и 63 Дубовского могильника в Среднем Поволжье датируются серединой X — началом XI в. [9, рис. 23, *1*, *2*; 10, с. 160—166]. К X в. относятся огнива из Загарьского могильника в Прикамье (рис. 3, *5*) и погр. 160 Крюково-Кужновского могильника [5, с. 120, 130] (рис. 2, *3*). У огнива из Булгар (случайная находка) петли помещены на

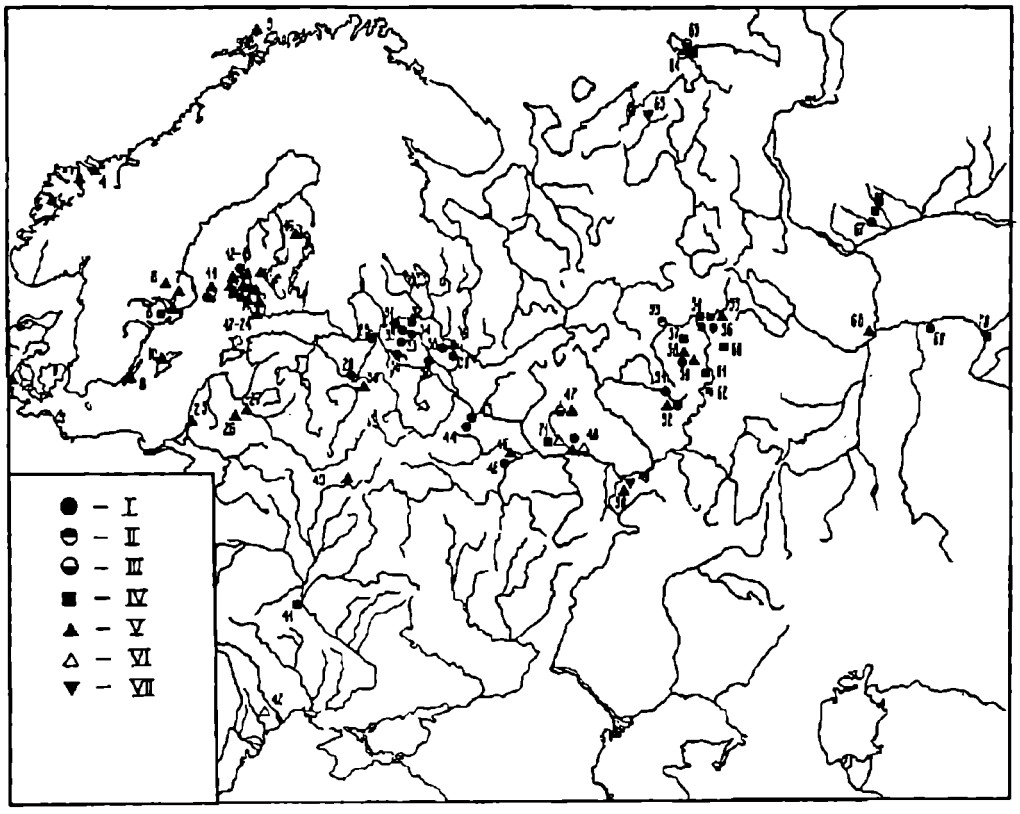


Рис. 2. Распространение огнив с бронзовыми рукоятями в X — первой половине XI в.
Огнива второй группы: *1* — тип 5, вариант 2; *II* — тип 6; *III* — тип 7; огнива третьей группы — *IV*; огнива четвертой группы — *V*; огнива пятой группы — *VI*; огнива шестой группы — *VII*; *1* — Хэдэбю; *2* — Филингс на Согне-Фиорде; *3* — Флемма; *4* — Хансет (Ромсдаль); *5* — Аазе (Нордланд); *6* — Эке; *7* — Туна; *8* — Бирка; *9* — Эланд; *10* — Готланд, *11* — Салтвик (Аландские острова); *12* — Каланти-Кальмумяки; *13* — Эура-Нуоране; *14* — Луистари; *15* — Кокемяки-Лейкимяки; *16* — Саарийярви-Тарваала; *17* — Лайтила-Кансакоулмяки; *18* — Райсио-Папиланмяки; *19* — Кокемяки-Киериканиеми; *20* — Иляне-Аливехмаамяки; *21* — Лието-Мерола; *22* — Сауво-Кюлянпяа; *23* — Карья-Этеркилен; *24* — Хуйтинен-Хйуккайнвайпионмяки; *25* — Клайпеда; *26* — Межотне, *27* — Даугмале; *28* — Ладога; *29* — Новгород; *30* — Рюриково городище; *31* — Карлуха; *32* — Валданица; *33* — Мергино; *34* — Яровщина; *35* — Вахрушево; *36* — Тихвин; *37* — Никольское; *38* — Белоозеро; *39* — Крутик; *40* — Гнездово; *41* — Киев; *42* — Кэпрэрия (Ханск); *43* — Тимерево; *44* — Сарское городище; *45* — Ярополч Залесский; *46* — Подболотьевский могильник; *47* — Веселовский могильник; *48* — Дубовский могильник; *49* — Булгар; *50* — Танкеевский могильник; *51* — Салдырьский могильник; *52* — Качкашурский могильник; *53* — Мысы; *54* — Радикорский могильник; *55* — Чердынский могильник; *56* — Мало-Аниковский могильник; *57* — Омелинский могильник; *58* — Кудымкарское городище; *59* — Рождественское городище; *60* — Плеховский могильник; *61* — Пожвинский могильник; *62* — Пермь; *63* — Хэйбидя-Пэдар; *64* — Сиирт-Сале (о. Вайгач); *65* — Болванский нос (о-в Вайгач); *66* — Сайгатинский могильник; *67* — Кучиминское городище-святилище; *68* — Савина; *69* — Кип; *70* — Окунево; *71* — Нижняя Стрелка

широком конце цилиндра, а противоположный конец сужен [11, № 775]. Все рукояти этого типа отлиты по восковой модели.

Тип 2 (7 экз.) Крылатый конь (?) или грифон. Представлен двумя вариантами.

Первый вариант (2 экз.). На рукояти огнива из погр. 12 Веселовского могильника на р. Ветлуге у лежащего животного отчетливо выражено крыло [12, рис. 39, *6*]. А. Х. Халиков и Е. А. Безухова увидели в этом изображении крылатого грифона. Погребение датировано X — началом XI в. [12, с. 48, 56]. Однако по закинутому на спину длинному хвосту и ногам, более похожим на лапы, это существо скорее напоминает хищника из семейства кошачьих. На огниве из погр. 51 Дубовского могильника (рис. 3, *11*) крыло и хвост отсутствуют. Дата — X в. [9, с. 129, рис. 23].

Второй вариант (5 экз.). Тулово зверя гладкое, голова приподнята и опирается на подставку. Хвост закинут на спину и заканчивается кисточкой. На тулове

солярные знаки. Крыло едва заметно. Лапы с когтями напоминают кошачьи (рис. 3, *12*). Два огнива происходят из погр. 4 Юмского могильника [13, с. 54, рис. 70, *11*] и Омутницкого могильника (2 экз.) на р. Чепце [14, рис. 10, *2*]. Могильники датируются X в. Одно огниво известно из собрания Пермского университета [5, рис. 2, *4*]. Пятое огниво найдено на берегу р. Щучьей, притока Оби [15, рис. 28, *1*]. Рукояти огнив этого типа отлиты по восковым моделям.

Тип 3 (4 экз.). На рукояти изображен горный козел, обернувшийся назад (тип d по Н. Клеве). Тулово орнаментировано выпуклыми прямоугольниками, вместо хвоста две петли (рис. 3, *10*). Два огнива найдены в Мало-Аниковском могильнике [16, с, 210, рис. 31, *2*; 17, рис. 24] и одно в Харинском [18, табл. XVIII, *2*]; такое же в Донды-Карском городище X в. [19, табл. 19]. Все рукояти отлиты по восковой модели.

Тип 4 (3 экз.). Барс (?), обернувшийся назад. На рукоятях огнив из погр. 69 могильника Барсов городок на нижней Оби [20, рис. 136] и Мало-Аниковского могильника [18, рис. 23] зверь держит в пасти кончик закинутого на спину хвоста. На огниве из погр. 55 Дубовского могильника (рис. 3, *13*) хвост в виде жгута, закинут на спину, но не касается головы [9, рис. 23, *3*]. Все рукояти отлиты по восковой модели. Дата огнив — конец IX (Барсов городок) — X в.

Тип 5. Заяц (3 экз.). На огниве из могильника у с. Новоникольского (Голая сопка) на р. Иртыш реалистическое изображение животного, припавшего на передние лапы (рис. 3, 8). На тулове следы орнамента из прямоугольников. Основание рукояти обломано [21, табл. LXXXI, *2*]. Вероятно, поэтому первый издатель огнива В. Н. Чернецов назвал его бронзовой пластиной [22, табл. XXXVII]. Датировав находку IX в., он указал, что тождественный предмет найден в Шайтанской пещере — жертвенном месте в верховьях р. Тавды, притока р. Тобол. В. А. Могильников усмотрел в фигуре зайца из Новоникольского могильника рукоять огнива и отнес ее к Усть-Ишимской культуре, ранняя дата которой — IX — X вв. [21, с. 200]. Сходное изображение зайца (голова и хвост отбиты) — на огниве из городища у с. Рождественского в Прикамье [5, рис. 3], датирующегося по орнаменту и реалистическому изображению животного концом IX—X в. Рукояти этого типа отлиты по восковой модели.

Тип 6. Собака (1 экз.). Огниво найдено вне комплекса при раскопках Тиверского городка в Карелии. Т. Швиндт определил находку как «кресало с собачкой» и отметил, что рукоять его бронзовая [23, табл. 54, № 501]. С. И. Кочкуркина воспроизвела рисунок огнива и отнесла его к кресалам «индивидуальных форм» [24, рис. 23, *5*]. Реалистическая передача животного позволяет предположительно датировать огниво концом IX—X в. Рукоять отлита по восковой модели (рис. 3, *6*).

Тип 7 (3 экз.). Конь в рост. Фигура коня литая, полая. Над ногами — солярные знаки. Два одинаковых по рисунку и размерам огнива найдены в могильниках Ликинском и Новоникольском. Первая издательница Ликинского могильника В. Д. Викторова отнесла изделие к пронизкам [25, с. 158, табл. XI, *12*]. Однако у него, так же как у скульптуры из Новоникольского, нет отверстия на спине [21, табл. LXXXI, *1*]. В. Н. Чернецов указал на тождественное изделие из погр. 20 могильника Барсов городок [22, с. 215]. В. А. Могильников впервые назвал эти изделия рукоятями огнив [21, табл. LXX, 25; табл. LXXXI, *1*]. Учитывая дату могильника Барсов городок, огнива седьмого типа можно отнести к концу IX — началу X в. Рукояти отлиты по восковой модели.

Тип 8 (1 экз.). Хищник (?). На рукояти изображен зверек с длинным хвостом и трехпалыми лапами. Огниво найдено Л. П. Хлобыстиным в 1985 г. при раскопках ненецкого святилища Болванский нос I на о-ве Вайгач [26, рис. 12, *6*]. Рукоять отлита по восковой модели.

II группа (89 экз.). Два или три противостоящих друг другу животных.

Тип 1 (6 экз.). Два зверька, обращенных друг к другу, в рост. Между мордами — перемычка, образующая вверху петлю. Ниже перемычка раздваивается, и с двух сторон ее охватывают трехпалые лапы зверьков. С основанием рукояти

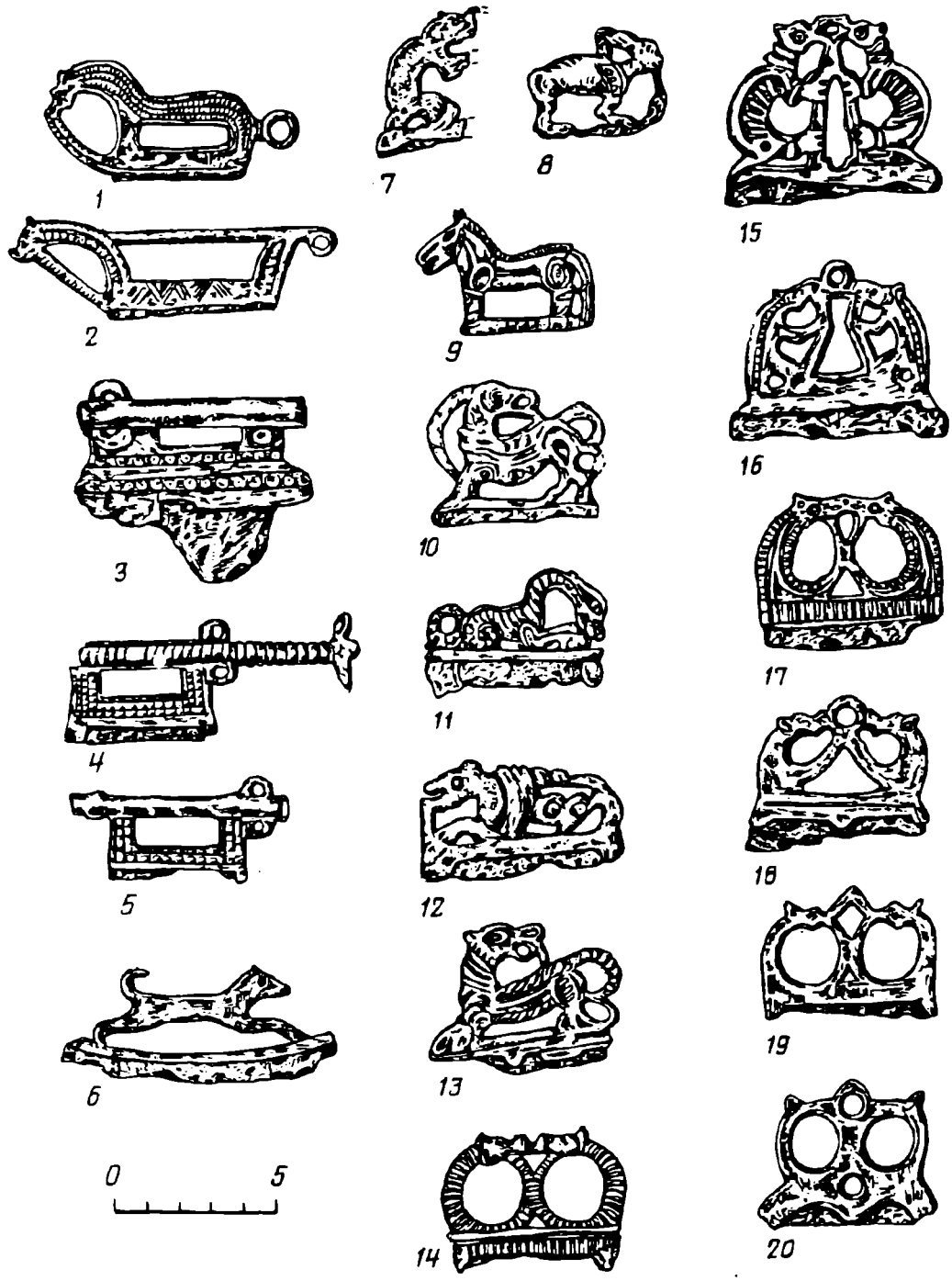


Рис. 3. Огнива I и II группы. *1* — Танкеевский могильник, погр. 778; *2* — Поломский могильник, погр. 134; *3,4,11,13* — Дубовский могильник, погр. 24, 51, 55, 63; *5* — Загарьский могильник; *6* — Тиверск; *7* — Болванский нос (о-в Вайгач); *8, 9* — Новоникольское; *10,18,19* — Мало-Аниковский могильник; *12* — Юмский могильник, погр. 4; *14* — б. Чердынский уезд; *15* — Хэйбидя-Пэдар; *16* — Подъяндебское; *17* — Феодоровщина; *20* — Мысы

фигурки соединяют длинные пушистые хвосты; головы круглые с маленькими ушками. Два сходных огнива найдены в могильнике Барсов городок [20, рис. 31] и при раскопках ненецкого святилища Хэйбидя-Пэдар [27, с. 22, рис. 5, *2*]. Шеи и туловища зверьков покрыты рельефными линиями (рис. 3, *15*). Третье огниво найдено в 1983 г. Л. М. Тереховой в Курчиминском святилище на нижней Оби [1]. Тулова зверьков гладкие, на мордочках по четыре глаза [28, рис. 57, *4*].

[1] Благодарим Л. М. Терехову за разрешение использовать неопубликованные материалы ее раскопок.

В 1986 г. Л. П. Хлобыстин обнаружил половину рукояти огнива (рис. 3, *7*) при раскопках ненецкого святилища Болванский нос I на о-ве Вайгач [2]. Пятое огниво — половина рукояти — происходит из с. Рождественского. Сохранилась верхняя часть корпуса одного зверя и обломок перемычки, которую захватывает его трехпалая лапа. А. А. Спицын, датировавший огниво IX—X вв., издал его в горизонтальном положении [18, табл. XXXIX, *7*], вследствие чего Н. Клеве усмотрел в рисунке «пасущиеся звериные фигуры» и выделил в особый тип е. Рукояти отлиты по восковой модели. Еще одно огниво можно предположительно отнести к данному типу. Верхняя часть его обломана. Сохранились изображения задних лап двух противостоящих хвостатых зверьков. Огниво найдено на стоянке Суна VI в Карелии [29, рис. 8, *8*].

В статье Л. А. Голубевой зверьки на рукояти ошибочно названы медведями. В 1964 г. было известно только одно огниво из Барсова городка. Такая характерная для видового определения животного деталь, как хвост, не была угадана, а рассматривалась как опора для тулова зверька. В настоящее время, когда имеется возможность сопоставить рисунки пяти рукоятей, очевидно, что на них изображен зверек с длинным пушистым хвостом из породы куньих. В беседе с нами В. А. Могильников предположил, что это соболь. Что касается хронологии огнив, то находки из святилищ не дают ответа на этот вопрос. Очевидно, дата определяется временем могильника Барсов городок — концом IX — началом X в.

Тип 2 (3 экз.). Схематическое изображение двух противостоящих зверей в рост. Расположение фигур, количество и размер прорезей сходны с первым типом, но нижняя часть сливается с основанием рукояти. Изображение плоское, что говорит об отливке в жестких односторонних формах. В литературе за этим изображением зверей прочно закрепилось название «борющихся медведей». Все огнива найдены более чем в 2 тыс. км к западу от огнив первого типа. Разница во времени между ними около 100 лет. Два огнива найдены в Приладожье — одно в кург. Подъяндебское на р. Свири (рис. 3, 16) [30, с. 222, рис. 85, *9*]. Второе — в кург. Валданица I на р. Оять [31, № 1115]. Дата погребений — X — начало XI в. Третье огниво происходит из мужского погребения в кург. 2 с коллективными захоронениями у д. Челмужи в Обонежье [32, с. 112]. Курган датируется началом XI в. [30, с. 251—252.]

Тип 3 (9 экз.). Условно переданные фигуры двух зверей (медведей?) в полкорпуса. Передние лапы подняты и соединены. Туловища орнаментированы выпуклыми прямоугольниками, кругами («жемчужинами») или штрихами (рис. 3, *18*). Четыре огнива происходят из Прикамья: два из могильников X в. Мало-Аниковского [33, рис. 6, *5*] и Мелехинского [34, рис. 54, *2*]; место находки двух других не уточнено [3]. Еще одно огниво найдено в погр. 54 Поломского могильника [4]. Огнива этого типа проникали далеко на восток. В 1965 г. В. Е. Лузгин нашел такое огниво на городище Поганый нос на р. Печоре [35, рис. 30, *2*]. Самая восточная находка сделана в Нижнем Приобье, возле с. Карым, на городище Ус-Толт [5] [36, с. 140]. Самые западные огнива происходят из Обонежья (уже упоминавшийся кург. 2 у д. Чёлмужи) [30, рис. 35, *11*; 32, с. 113; 37, с. 108] и Приладожья — кург. CXVII у д. Вахрушева на р. Паша. Погребения датируются началом XI в. [30, с. 180]. Рукояти отлиты в односторонних формах.

Тип 4 (23 экз.). Две звериные (медвежьи?) головы на длинных шеях, по сторонам двух круглых прорезей. Представлен четырьмя вариантами.

Первый вариант (12 экз.). Пасти зверей широко раскрыты, уши торчащие, глаза показаны точечными углублениями. Рельефами подчеркнута густая шерсть

---

[2] ГИМ. Отдел археологических памятников. Инв. № 108263. Опись 2639. № 126.

[3] Коллекция Зеликмана в Пермском университете. Инв. № 3641, п. 3643.

[4] Гос. Эрмитаж. ОПК. Секция Северо-Востока, колл. № 606/512.

[5] Зарисовка Л. А. Голубевой на докладе Л. П. Хлобыстина на V Уральском археологическом совещании в 1967 г. в Сыктывкаре.

на шее. Нижняя часть рукояти орнаментирована выпуклыми прямоугольниками, «жемчужинами», иногда гладкая. Реалистической передачей головы зверя и художественной выразительностью отмечены огнива Верхнего Прикамья из сел. Нижнее Мошево [5, рис. 2, *9*] и Феодоровщина (рис. 3, *17*). Предположительно они датируются первой половиной X в. Остальные огнива не так нарядны (два огнива из погр. 4 и 6 Юмского могильника [38]). У некоторых экземпляров шеи зверей или центральная часть рукояти имеют поперечные насечки, напоминающие обмотку веревочкой. Это два огнива из Чердынского уезда (рис. 3, *14*), из погр. 203 Агафоновского II [39, с. 46] и Мало-Аниковского [16, рис. 4, *3*] могильников; из погр. 165 и 173 Варнинского могильника [7, табл. XXVII, *20*] начала X в. Рукояти огнив из погр. 96 и 146 Танкеевского могильника отмечает заметная схематизация. Дата их — первая половина X в. [40, табл. VIII, *1*, *2*].

Второй вариант (7 экз.). Реалистические черты звериных голов почти исчезли. Это огнива из Загарья[6], из погр. 4 и 5 Веселовского [12, рис. 24, *8*] и Омутницкого [14, рис. 10, *1*] могильников. Такое же огниво найдено в погр. 21 Танкеевского могильника [40, табл. VIII, *3*]. Два огнива обнаружены в 1987 г. Т. Б. Шикаевой в жертвенном комплексе № 10 могильника Нижняя Стрелка [41, рис. 54, 104].

Третий вариант (3 экз.). Контуры звериных голов едва различимы. Вокруг больших прорезей рельефные ободки. Два огнива найдены в бассейне р. Чепцы: в погр. 18 Поломского [5, рис. 2, *10*] и погр. 89 Варнинского [7, табл. XXVII, 19] могильников. Такое же огниво обнаружено на жертвенном месте Хэйбидя-Пэдар в Большеземельской тундре [42, табл. V, *3*].

Четвертый вариант (1 экз.). Основание рукояти имеет глубокий вырез в виде двух полукружий, орнаментированных выпуклыми прямоугольниками [5, рис. 4, *1*]. Место находки неизвестно. Рукоять отлита по восковой модели.

Тип 5 (41 экз.). Схематическое изображение двух звериных голов, прорезь между которыми имеет форму ромба. Известны два варианта.

Первый вариант (12 экз.). Форма прорези неустойчива: от круглой (или двух круглых) до неправильной ромбовидной. В Прикамье огнива найдены в Каневском [43, погр. 17, табл. 30], Кочергинском (погр. 5) [44, с. 30, табл. V]. Загарьском [5, рис. 2, *10*]. Омелинском [13, с. 54], Агафоновском II (погр. 12, 35) могильниках X в. [45, рис. 84, *9*, 96, *12*]. На Ветлуге огнива известны из погр. XII могильника Черемисское кладбище [5, рис. 2, *11*] и погр. 20 Веселовского могильника [13, рис. 70, *5*]. В Поволжье огнива найдены в погр. 300, 901, 947 Танкеевского могильника [6, табл. XI, *9*; 46, рис. 64, *2*]. Такое же огниво происходит из погр. 130 Елизавет-Михайловского могильника мордвы [8, с. 75; рис. 4, *6*, *10*].

Второй вариант (24 экз.). Раскрытые пасти зверей образуют прорезь в форме ромба. В отличие от всех рассмотренных выше типов, огнива отличает стандартность, обусловленная, видимо, массовостью изготовления в жестких односторонних формах.

Производство огнив в Прикамье доказано находкой незавершенной отливки на Рождественском городище [5, рис. 5; 47, с. 160]. Там же найдено и сломанное огниво этого варианта [5, рис. 4, *4*]. Такое же обнаружено в Мало-Аниковском могильнике[7] (рис. 3, *19*). На Чепце два огнива найдены в могильниках Салдырьском[8] и Качкашурском [48, с. 74].

Огнива этого варианта имели широкий ареал. На востоке они достигали бассейна р. Оби, где известны три находки: две — на Кучиминском городище-святилище [28, рис. 45, *4*, *5*] и одна в Прииртышье, в курганной группе Кип [21, табл. LXXXI, *4*]. В. А. Могильников датирует сибирские находки X—XI вв.

---

[6] Пермский музей. Инв. № 467.

[7] Гос. Эрмитаж, ОПК. Секция Северо-востока. Инв. № 571/117.

[8] ГИМ. Отдел археологических памятников. Инв. № 2360/2.

и полагает, что они изготовлены местными мастерами по привозным образцам [21, с. 197]. Однако, судя по стандартности форм и размеров, эти огнива представляют собой прикамский импорт.

Основной же поток огнив обращен на запад. Топография находок совпадает с трассой Волжско-Балтийского Великого торгового пути, по которому шли пушнина и восточное серебро. В бассейне Средней Волги это — Сарское городище [9]; погр. 268 Тимеревского могильника [49, с. 51]; Подболотьевский могильник [10]; Дубовский могильник, погр. 77 [9, рис. 23, *4*]. Огнива из погребальных комплексов датируются второй половиной X в. Следующая серия огнив — в бассейне Шексны. Два огнива обнаружены Л. А. Голубевой при раскопках поселений веси — Крутика, в слое последней трети X в. [50, табл. XVIII, *15*] и Белоозера, в горизонте конца X — начала XI в. [33, рис. 6, *13*]. На притоке Шексны, р. Суде, А. Н. Башенкин нашел обломанное огниво пятого типа (вариант неясен) в кургане с трупосожжением у с. Никольское [51, с. 6; 52, рис. 10, *5*]. Дата погребений — середина X в.

Река Суда истоком сближается с р. Оять. В X в. приобретает особое значение путь с Шексны на Оять и далее по Ладожскому озеру к устью Невы. Именно на Ояти найдено четыре огнива с ромбовидной прорезью: Мергино, кург. 10б [53, с. 79, рис. 34, *20*]; Карлуха, кург. 17 [54, с. 34, табл. XII, *5*]; Яровщина, кург. 7 [54, с. 23, табл. VIII, *10*], Валданица 1 [34, табл. III, *115*]. Пятое огниво найдено в кург. 116 на р. Паше, впадающей в Ладожское озеро южнее Ояти [30, с. 180]. Все огнива происходят из погребений второй половины X — начала XI в.

Н. Клеве упоминал о находке подобного огнива в районе г. Тихвина. Два огнива найдены в Новгороде при раскопках 1953 и 1954 гг. в ярусах начала XI в. [5, с. 126]. В Старой Ладоге огниво обнаружено в горизонте X в. [55, с. 86, 87, рис. 2, *9*]. Пять таких же огнив найдены в собственно Финляндии и на Аландских островах [1, рис. 7, 8; 56, табл. 1010, *112*] и одно в Швеции, в погр. 644 Бирки [57, с. 226, рис. 183; 58, с. 158, 159, рис. 183]. Датируются они второй половиной X — началом XI в.

Тип 6 (3 экз.). В рисунке рукояти полностью утрачены зооморфные черты. Два огнива происходят из Прикамья: Рождественское городище [5, рис. 4, *3*] и д. Мысы (рис. 3, *20*). Третье найдено Л. П. Хлобыстиным в 1985 г. на ненецком святилище Сиирт-Сале (Утиный мыс) на о-ве Вайгач [11]. Рукояти отлиты в односторонних формах.

Тип 7 (2 экз.). Две птицы по сторонам столбика.

Первый вариант (1 экз.). Рукоять полукруглая, сплошная; птицы и столбик выпуклые. Огниво найдено в погр. 14 Веселовского могильника (рис. 4, *5*). Дата — первая половина XI в. [12, с. 58, табл. 45, *8*].

Второй вариант (1 экз.). Рукоять ажурная. Огниво найдено Л. П. Хлобыстиным в 1985 г. при раскопках святилища Болванский нос I на о-ве Вайгач [26, рис. 71, *1*]. Рукояти отлиты по восковой модели.

Тип 8 (1 экз.). Два зверя и птица. В центре рукояти неопределенное животное. Спереди в него вцепился зверек с пушистым хвостом. Спину клюет птица с длинной шеей (рис. 4, *4*). Рукоять отлита по восковой модели. Огниво найдено Б. И. Конниковым в погр. 3 кург. 3 у пос. Малая Бича IV, Усть-Ишимского р-на Омской обл. Б. И. Конников видит в птице лебедя, а в нападающем зверьке барсука. Отливка местной работы прекрасно передает напряжение борьбы животных и свидетельствует о высоком мастерстве «прииртышских торевтов» [59, с. 208; 60, с. 129]. Б. И. Конников датирует огниво X—XII вв., однако в XII в. огнива с зооморфными навершиями уже не производились. Более вероятная дата — конец X — первая половина XI в.

---

[9] Ростовский музей-заповедник, инв. № 1236.

[10] Муромский краеведческий музей, инв. № 10261.

[11] ГИМ. Отдел археологических памятников. Инв. № 108263. Опись 2633. № 33.

Рис. 4. Оплива II—VI групп и бронзовый идол. *1* — Пермь; *2* — Мало-Аниковский могильник; *3* — б. Чердынский уезд; *4* — Малая Бича, кург. 3, погр. 3; *5,12* — Веселовский могильник, погр. 3,14; *6* — Булгар; *7* — Богородское; *8* — Хэйбидя-Пэдар; *9* — Дубовский могильник, погр. 38; *10* — Якимово; *11* — Сатакунта-Кокемяки; *13* — Рождественское

Тип 9 (1 экз.). Две лосиные головы, повернутые в противоположные стороны и соединенные рогами. Низ рукояти обломан. Огниво найдено Л. П. Хлобыстиным в 1985 г. при раскопках святилища Болванский нос на о-ве Вайгач [26, рис. 78, *2*].

III группа (16 экз.). Человек между двумя птицами. Птицы орлиноголовые, со сложенными крыльями, крупными клювами, которыми они касаются головы человека, и когтистыми лапами. Основание рукояти орнаментировано выпуклыми прямоугольниками, «жемчужинами» или кругами с точками. Отлиты по восковой модели. В группе выделено три варианта.

Первый вариант (2 экз.). Человек изображен в спокойной позе, в рост,

с опущенными руками (рис. 4, *1*). Огнива найдены в Мало-Аниковском могильнике [5, с. 128, рис. 6, *2*] и в районе Перми [1, рис. *3*].

Второй вариант (10 экз.). Человек изображен в полкорпуса, опущенные руки касаются основания рукояти. На некоторых огнивах отчетливо передано мужское лицо с усами, бородой, пальцы рук, одежда с длинными рукавами (рис. 4, 2). На других огнивах фигура схематична. Семь огнив происходят из могильников Прикамья: Мало-Аниковского [61, с. 23, рис. 21], Плёховского [62, с. 200, 201, рис. 62, *2*], Пожвинского [11, рис. 54], Редикорского [18, табл. XXII, *3*], Салдырьского [5, с. 128]. Омелинского [13, с. 54] и б. Чердынского уезда [12]. На Ветлуге огниво найдено в погр. VI могильника Черемисское кладбище [13, рис. 70, *9*]; на Средней Волге в погр. 22 могильника Нижняя Стрелка (раскопки Т. Б. Шикаевой в 1987 г.) [41, рис. 84, *16*]. Самой восточной находкой является огниво из разрушенного погребения кург. 1 у д. Окунево на р. Тавде [13]. Самая южная находка отмечена в Киеве, в большом дружинном кургане с трупоположением X в. [63, с. 193, рис. 39, *1, 2*]. Дата огнив первых двух вариантов — вторая половина X — начало XI в.

Третий вариант (3 экз.). Средняя фигура в рукояти полностью утратила сходство с человеком. В Прикамье представлен огнивом из б. Чердынского уезда (рис. 4, *3*). На Нижней Оби такое огниво найдено в погр. 30 Сайгатинского могильника (раскопки Л. М. Тереховой в 1988 г.) [64, рис. 100]. Еще одно обнаружено в 1987 г. Л. П. Хлобыстиным при раскопках ненецкого святилища Болванский нос I на о-ве Вайгач [14].

IV группа (50 экз.). Два всадника. Большинство огнив найдено на Западе: в Финляндии — 19, Швеции — 5, Норвегии — 4, ФРГ — 1 [65, с. 74]. На территории России и Балтии известна 21 находка. Финляндская исследовательница П.-Л. Лехтосало-Хиландер разделила огнива этой группы на три варианта и предложила карту их распространения [66, с. 88, рис. 6]. К сожалению, карта немая; количество находок по вариантам также не указано.

Первый вариант. Четкие изображения всадников, повернутых в противоположные стороны и соприкасающихся затылками. Головы крупные со вздернутыми бородами. У коней (жеребцов) широкая грудь, по тулову иногда точечный или глазковый орнамент. Нижний край рукояти огнив орнаментирован валиками или кругами с точками.

На карте П.-Л. Лехтосало-Хиландер [66, рис. 6] отмечено семь пунктов находок огнив первого варианта в Финляндии, причем в могильнике Луистари найдено два огнива. По инвентарю и монетам автор датирует погр. 90 и 348 из Луистари первой половиной X в., остальные огнива этого варианта относит ко второй половине X в. В Норвегии известны два огнива (Аазе-Дерберге и Филингс на Согне Фиорде) [67, с. 446]. На территории России П.-Л. Лехтосало-Хиландер относит к первому варианту огниво из Гнездова [68, табл. VIII, *15*] и предполагает, что оно могло быть отлито в одной мастерской с огнивом из погр. 348 могильника Луистари [15]. Сюда же она причисляет огниво из Даугмале (Латвия). Полагаем, что к первому варианту можно отнести огниво X в. из Рюрикова городища под Новгородом [69, рис. на с. 162], а также огниво без паспорта из Таллиннского музея.

Второй вариант. Фигуры всадников переданы упрощенно. В Финляндии П.-Л. Лехтосало-Хиландер указывает одну находку, в Швеции — две (№ XI Эке, Туна), в ФРГ — одну (Хэдэбю). На территории Балтии она называет огниво из Клайпеды. Полагаем, что к этому же варианту относится латвийское огниво из Межотне [70, рис. 29] и огниво из погр. 3 Веселовского могильника [12,

---

[12] Фотоархив ЛОИА, Q 66229.

[13] Благодарим Могильникова В. А. за ознакомление с неизданным материалом его раскопок.

[14] ГИМ. Отдел археологических памятников, инв. № 108263. Опись 2640.

[15] Утверждение спорно. Верхняя часть рукояти гнездовского огнива утрачена, само изображение схематично. Огниво издано вне комплекса, так что судить о дате невозможно.

рис. 21, *13*]. В 1988 г. при раскопках Ольшанской группы Гнездовских курганов было найдено еще одно огниво этого варианта [16]. Все огнива второго варианта датируются второй половиной X в.

Третий вариант. Фигуры всадников превращены в орнаментальную схему. В Финляндии огнива найдены в шести пунктах. В Швеции известно одно огниво из погр. 766 Бирки; в Норвегии — два (Флемма и Ромсдаль). Особым знаком П.-Л. Лехтосало-Хиландер отмечает на своей карте фрагменты огнив. В Западной Финляндии и на Аландских островах таких пунктов пять, в Швеции — два (острова Эланд и Готланд). На территории России П.-Л. Лехтосало-Хиландер относит к третьему варианту огнива из Кудым-Кара и Рождественского городища [18, табл. XVIII, *1*, XXXIX, *22*], из Пермской области [5, 2, *15*] и б. Чердынского уезда [5, с. 130].

Полагаем, что к ним можно присоединить и огнива из д. Савино Губдорской волости [17], Качкашурского могильника [48, рис. на с. 75] и погр. 16 Веселовского могильника [13, рис. 70, *6*]. Огнива из погребальных комплексов относятся ко второй половине X — началу XI в.

Огниво из Ярополча Залесского на Клязьме обнаружено при раскопках ювелирной мастерской XI в. [71, табл. 2, *18*]. Фрагмент огнива из Белоозера найден в горизонте конца X — начала XI в. [33, рис. 6, *3*].

Огнива из могильников Среднего Поволжья: погр. 38 и 52 Дубовского [9, рис. 23, *5*] и погр. 144 и 408 Танкеевского могильника [6, табл. XXXVII, *11*, *12*] датируются X в. Всего огнив третьего варианта на территории России известно 13. Вероятно, значительная часть их производилась на месте.

П.-Л. Лехтосало-Хиландер предполагает, что производство огнив IV группы возникло в Западной Финляндии самостоятельно в начале X в. Численное превосходство западных находок и тот факт, что распространение огнив первого и второго вариантов на территории России происходило с запада на восток, заставляет согласиться с ее мнением. Западные огнива двух первых вариантов найдены, как правило, в богатейших погребениях воинов-купцов. Проникновение этих огнив на Русь можно, по мнению П.-Л. Лехтосало-Хиландер, связывать с участием финнов в походах скандинавских викингов на Восток. В качестве одного из доказательств она указывает на типично финляндские копья из горизонта Е Старой Ладоги [66, рис. 8, *1*]. На Белоозере, в слое X в., найден железный наконечник стрелы, очень похожий на наконечники финляндских копий [72, рис. 1, *7*]. Там же, а также на поселении Луковец под Череповцом на р. Шексне обнаружены бронзовые булавки с навершием в виде птички [72, рис. 1, *1*, *2*], сходные с финляндскими булавками, изданными Э. Кивикоски [2, рис. V, *2*, *3*]. Финляндские бронзовые подковообразные фибулы X в. с шипами и головками в виде опрокинутых пирамид [66, рис. 9], служившие застежками мужских плащей [66, с. 90, рис. 7], найдены в Приладожье, а также на поселении Крутик близ Шексны.

V группа (4 экз.). Рукоятью огнива служит коньковая подвеска или подражания ей. В двух случаях в основании подвесок удалены петли для цепочек с шумящими украшениями, а вместо них сделана прорезь для лезвия стальной пластины. Рукоять огнива из погр. 38 Дубовского могильника (рис. 4, *9*) представляет собой коньковую подвеску, близкую прикамским подвескам типа V [9, рис. 23, *7*; 73, с. 92—94, рис. 7]. Рукоятью огнива из погр. 2 могильника Нижняя Стрелка (раскопки Т. Б. Шикаевой в 1987 г.) [41, рис. 55, *11а*] послужила коньковая подвеска второго варианта типа VI из Прикамья [73, с. 94, 95, рис. 7, *20*], дата его — X в. Коньковые подвески, изготовлявшиеся в Верхнем Прикамье

[16] Огниво найдено в мужском погребении в срубной гробнице. Там же находились останки женщины и трех лошадей, богатый бытовой инвентарь скандинавского облика и саманидские дирхемы второй половины X в. Благодарим Д. А. Авдусина и Т. А. Пушкину за ознакомление с неизданным материалом их раскопок.

[17] Архив ЛОИА. Ф. 5. Д. 364. Л. 410.

в качестве женских украшений [73, с. 92—94], находили на Оби, в Юго-Восточном Приладожье и даже в Швеции [73, с. 92—94]. Нередко за пределы Прикамья вывозились только отливки основ коньковых подвесок, а шумящие привески к ним изготовлялись в традициях местного женского убора [9, рис. 26, *1*, *4*]. Т. А. Хлебникова допускала, что в Волжско-Камской Булгарии существовало производство коньковых подвесок по прикамским образцам [74, с. 124]. Как видим, в Среднем Поволжье производились и огнива с рукоятями из переделанных прикамских коньковых подвесок.

Известны и отливки — подражания прикамским образцам. Таково огниво из погр. 22 могильника Кэпрэрия близ Ханска Котовского р-на Молдавии [75, с. 12—14, рис. 8, *1*]. Оно воспроизведено также в работе С. А. Плетневой [76, рис. 53, *31*]. Упомянутый могильник относится к балкано-дунайской культуре, верхняя дата которой совпадает с гибелью первого Болгарского царства (начало XI в.) [76]. Второе огниво — случайная находка в поле близ с. Якимово Михайловоградского округа Болгарии (рис. 4, *10*). В прошлом — это западная зона территории балкано-дунайской культуры [18]. Как молдавское, так и болгарское огниво свидетельствуют о связях этих регионов с Волжской Булгарией в X в.

VI группа (2 экз.). Огнива с геометрическим рисунком. Одно огниво — случайная находка из Булгар (рис. 4, *6*) [19]. Второе огниво (рис. 4, *8*) найдено на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте Большеземельской тундры [27, рис. 5, *4*]. Обе рукояти отлиты в двухсторонних формах. Дату их определить затруднительно.

Происхождение огнив с бронзовыми рукоятями и семантика изображений

Н. Клеве, Я. Петерсен, а также Э. Кивикоски в своих ранних работах признавали приоритет Прикамья в изготовлении огнив с бронзовыми рукоятями с конца IX — начала X в. Численное преобладание на Западе огнив IV группы (два всадника) объяснялось деятельностью варяжских колоний (?) на Ладожском озере. Позднее Э. Кивикоски предположила, что распространению этих огнив якобы способствовала Бирка, а изготовлялись они в Западной Финляндии. П. Кэкс поддержал эту точку зрения [77, с. 55]. Погребения с огнивами в Луистари позволили П.-Л. Лехтосало-Хиландер утверждать, что уже в первой половине X в. в Финляндии существовало собственное производство огнив этой группы. С ней согласен и У. Сало [78, с. 56, 57]. Очевидно, Прикамье не было монополистом в изготовлении огнив с бронзовыми рукоятями в X — начале XI в. Но и в более раннее время оно не было единственным центром их производства. В 1964 г. Л. А. Голубева писала, что в конце IX — начале X в. огнива с бронзовыми рукоятями изготовлялись в Среднем Зауралье, что было связано с развитием местного бронзолитейного дела [5, с. 118]. Археологическими исследованиями последних десятилетий в Западной Сибири доказано существование мощного центра производства огнив. Очевидно и существование подобного центра в Среднем Поволжье, где обнаружены новые типы и группы огнив.

В сказках многих европейских народов огнива наряду с практическими функциями наделены и магическими свойствами. Они защищают человека от злых сил. В Скандинавии эпохи викингов и на территории Восточной Европы во второй половине IX—X в. бытовали миниатюрные привески — амулеты из серебра, бронзы, реже — железа, копировавшие форму широко распространенных железных калачевидных кресал. Они найдены в женских погребениях и кладах и выполняли, очевидно, магическую охранительную функцию [79, с. 38]. В Латвии, в женских погребениях XIII—XV вв. встречены подвески, воспроиз-

[18] Огниво было найдено в 1979 или 1980 г. Рисунок прислан в Институт археологии РАН студентом из Софии Станиславом Станиславовым.

[19] ГИМ. Инв. № 58456. Коллекция Синклера № 2336.

водящие рисунок огнива с двумя всадниками. Их языческое, ритуальное предназначение очевидно [80, с. 254—256].

Зооморфные и антропоморфные изображения на рукоятях огнив несомненно имели глубокий смысл и важное функциональное назначение. Рассмотрим огнива западносибирского происхождения с изображениями соболя, зайца, лебедя, коня, барса. Полагаем, что большеземельское огниво с головами лосей и тиверское огниво с фигурой собаки также были изготовлены в Западной Сибири.

В хозяйстве местного населения огромное значение имела охота. Это нашло прямое отражение в образах металлических зооморфных украшений и вотивных предметов, где преобладают представители дикой местной фауны. Встречаются также изображения коня, но значительно реже. Характерная черта рисунка рукоятей сибирских огнив — «реализм зооморфных изображений в сочетании со схематизмом». Эту особенность прикладного искусства и вотивной пластики угорских народов нижнего и среднего Приобья и Прииртышья отметил В. А. Могильников [21, с. 74].

Зооморфные образы рукоятей огнив, несомненно, играли роль оберегов. Они отражали тотемические представления о родственной связи между человеком и природой, сложившиеся в период родового строя. Так, у обских угров фратрия Мось (Мощ) имела тотемную группу, в которую входили заяц и соболь. Тотемом угров, живших у устья р. Оби, был лебедь [21, с. 43, 47]. Лось — таежное животное, в тундре он не обитал. Отмечено существование тотемической группы (фратрии) лося в Предуралье и Зауралье в I тыс. н. э. [82, с. 70]. Появление на рукояти огнива фигуры собаки объясняется ее активным участием в охоте. По верованиям хантов и манси собака способна вступать в связь с миром духов и мертвых. Убийство собаки приравнивалось к убийству человека [82, с. 85].

На рассматриваемой территории имел место культ коня, возникший, вероятно, под воздействием степных культур. Что касается образа барса (?) или какого-то другого хищника кошачьей породы, то, очевидно, он заимствован из искусства скифо-сарматских культур.

То же можно сказать относительно образов горного козла [19, с. 55, 56], крылатого коня или грифона на прикамских огнивах. Как у хантов и манси, так и у коми-пермяков и удмуртов особо почитался медведь — хозяин леса. Отсюда изображение медведя на огнивах прикамского происхождения.

Внимание исследователей привлекали и сложные сюжетные изображения на рукоятях огнив. Так, фигуры двух птиц по сторонам столбика рассматривались как отражение всемирно известного мифа «птицы и древо жизни». Особенно много предположений высказано по поводу сюжета «человек между двух птиц». Я. Аппельгрен-Кивало и Н. Клеве выводили его из буддийских изображений [5, с. 129]. Т. Арне предполагал происхождение сюжета с Арабского Востока [5, с. 129]. П. Лундстрем сопоставил этот образ с легендой о вознесении Александра Македонского на небо [83, с. 190—195]. Г. Ф. Корзухина подвергла критике эти версии и высказала мнение, что в рисунке воспроизведен скандинавский миф о боге Одине и двух воронах. Согласно ему, птицы облетали весь свет и сообщали Одину о событиях в мире [84, с. 158—162]. Однако ни одного огнива с Одином в Скандинавии, Финляндии или Прибалтике не найдено.

По мнению Е. И. Оятевой, пара птиц на рукояти огнива образует как бы защитную рамку вокруг человека. Птицы выступают в качестве его защитника, помощника, что предполагает тотемическое происхождение сюжета [20].

Вероятно, следовало бы обратиться к местному бронзовому вотивному литью, что, насколько нам известно, не делалось. В качестве примера приведем изображение бронзового идола из с. Богородского на Ветлуге (рис. 4, *7*). На плечи человека опущены две птичьи головы [16, с. 94, табл. XXI, *1*]. Здесь также присутствует пара «защитников», хотя образ птиц передан условно — только частью туловища. Дата изображения — первая половина I тыс. н. э.

[20] Письмо Е. И. Оятевой Л. А. Голубевой от 6.VI.1991 г.

Сюжетом двух всадников впервые заинтересовался У. Сало [78, с. 54—57]. Он увидел в нем отражение двойного божества греческой и римской мифологии — Кастора и Поллукса, сыновей бога грома и молнии Зевса. Однако финская мифология не дает какого-либо подтверждения в этом плане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Cleve N.* Finlandska fornsaker. 2. Eldstal med bronsfaster/Finskt Museum. XXXIV. K. F. Puromies Boktryckeri. A.-B. 1929.
2. *Kivikoski E.* Die Eisenzeit im Auraflussgebeit//SMA. XLIII. 1939. K. F. Puromies Boktryckeri. A.-B.
3. *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finlands. Helsinki, 1951.
4. *Petersen J.* Vilkingetidens Redskaper. Oslo, 1951.
5. *Голубева Л. А.* Огнива с бронзовыми рукоятями//СА. 1964. № 3.
6. *Khalikova E. A., Kozakov E. P.* Le cimetiere de Tankeevka. Les anciens Honorois et les voisines a l'est.
7. *Семенов В. А.* Варнинский могильник//Новый памятник поломской культуры. Ижевск: НИИ при совете министров Удмуртской АССР, 1980.
8. *Иванов П. П.* Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952.
9. *Архипов Г. А.* Дубовский могильник//Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола: Марийский НИИ, 1984.
10. *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты из Дубовского могильника//Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984.
11. *Aspelin J. K.* Antikvites du Nord Finno-Ougrien. V. II/Ed. G. W. Edlund. Helsingfors, 1877.
12. *Халиков А. Х., Безухова Е. А.* Матёриалы к древней истории Поветлужья. Горький: Горьковский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, 1960.
13. *Архипов Г. А.* Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола; Мар. кн. изд-во, 1973.
14. *Семенов В. А.* Омутницкий могильник//Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов: НИИ при совете министров Удмуртской АССР, 1985.
15. *Чернов Г. А.* Археологические находки на р. Щучьей//КСИИМК. 1951. Вып. XL.
16. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья//МИА. 1952. № 28.
17. *Спицын А. А.* Археологический альбом//ЗОРСА. 1915. Т. XII.
18. *Спицын А. А.* Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых//МАР. 1902. № 26.
19. *Смирнов А. П.* Донды-Карское городище//Тр. науч. о-ва по изучению Вятского края. М., 1928.
20. *Arne T.* Barsoff Gorodok. Stockholm, 1935.
21. *Могильников В. А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1987.
22. *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э.//МИА. 1957. № 58.
23. *Schwindt T.* Tietoja karjalan rautakaudesta//SMYA. 1893. Suomalai sen Kirjallisuuden seuran Kirjapainossa.
24. *Кочкуркина С. И.* Древняя Корела. Л.: Наука, 1982.
25. *Викторова В. Д.* Ликинский могильник X—XIII вв.//Вопросы археологии Урала. Вып. 12. Свердловск, 1973.
26. *Хлобыстин Л. П.* Отчет о работе Архангельской комплексной арктической экспедиции в Архангельской области. 1985 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 10694[а].
27. *Мурыгин А. М.* Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Сыктывкар, 1984.
28. *Терехова Л. М.* Отчет об археологических исследованиях в Тюменской области, 1983 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 10024.
29. *Косменко М. Г.* Двуслойное поселение в устье р. Щучьей//Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978.
30. *Кочкуркина С. И.* Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья X—XIII вв. Петрозаводск: Карелия, 1989.
31. *Aspelin J. K.* Antikvites du Nord Finno-Qugrien. V. III/Ed. G. W. Edlund. Helsingfors, 1878.
32. *Гроздилов Г. П.* Курганы у деревни Чёлмужи//Археологический сборник. НИИ культуры Карело-Финской ССР. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР. 1947.
33. *Голубева Л. А.* Археологические памятники веси на Белом Озере//СА. 1962. № 3.
34. *Оборин В. А.* Отчет об археологических разведках и раскопках на территории Пермской области//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 2477.
35. *Лузгин В. Е.* Отчет о работах Печорского отряда в зоне затопления Усть-Ижемской ГЭС в 1965 г. //Архив ИА АН СССР. Р-1, № 3037, 3037а.
36. *Хлобыстин Л. П.* Археологические исследования в окрестностях с. Салиярова на Оби и в бассейне р. Конды в 1966 г.//V уральское археологическое совещание. Тез. докл. и сообщ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967.
37. *Кочкуркина С. И.* Курганы северного побережья Онежского озера//Археологические исследования в Карелии. Л.: Наука, 1972.
38. *Халиков А. Х.* Отчет о полевых работах Марийской экспедиции в 1957 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1470.

39. *Голдина Р. Д.* Отчет об исследованиях Камско-Вятской археологической экспедиции. 1973 г.// Архив ИА АН СССР. Р-1, № 5199[а].
40. *Казаков В. П.* Погребальный инвентарь Танкеевского могильника//Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
41. *Шикаева Т. Б.* Отчет о работе Третьего отряда Марийской археологической экспедиции в 1987 г. //Архив ИА АН СССР. Р-1, № 12582.
42. *Чернов Г. А.* Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре//СА. 1955. Т. XXIII.
43. *Генинг В. Ф.* Отчет об археологических раскопках Важгортского и Каневского могильников в 1953 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 964.
44. *Талицкий М. В.* Кочергинский могильник//МИА, 1940. № 1.
45. *Голдина Р. Д.* Отчет от исследованиях Агафоновского могильника Пермской области. 1971 г.// Архив ИА АН СССР. Р-1, № 4395.
46. *Казаков В. П.* Отчет об исследованиях Танкеевского могильника в 1973 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 5014.
47. *Оборин В. Д.* Рождественское городище и могильник. Труды Камской археологической экспедиции//Уч. зап. Пермского ун-та. 1953. Т. IX.
48. *Иванова М. Г.* Чепецкие древности. Устинов: Удмуртия, 1985.
49. *Недошивина Н. Г.* Предметы бытового назначения//Ярославское Поволжье в X—XI вв. М., 1963.
50. *Голубева Л. А.* Весь//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1987.
51. *Башенкин А. И.* Исследования в юго-западном Белозерье//АО-1983. М., Наука. 1984.
52. *Башенкин А. Н.* Отчет о работе археологической экспедиции Череповецкого краеведческого музея в Вологодской области//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 10318[а].
53. *Кочкуркина С. И., Линевский А. Н.* Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985.
54. *Равдоникас В. И.* Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье//ИГАИМК. 1934. Вып. 94.
55. *Петренко В. П.* Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладоги//Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука, 1984.
56. *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finlands. Bildwerk und Text. Helsinki. OY Weilin-Goods A. B. 1973.
57. *Arbman H.* Birka. I. Die Graben. Text. 1943.
58. Birka II: 1 Stokholm. 1984. Hardh B. Feuerstahle.
59. *Конников Б. А.* Раскопки в лесном Прииртышье//АО-1983. М.: Наука, 1984.
60. *Конников Б. А.* Тайны древних курганов. Омск: Кн. изд-во, 1990.
61. ОАК за 1894 г. СПб., 1896.
62. *Оборин В. А.* Плеховский могильник на Каме//КСИИМК. 1951. Вып. 36.
63. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958.
64. *Терехова Л. М.* Отчет об археологических исследованиях в Тюменской области в 1983 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 9763.
65. *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Luistari. II. The artefacts/SMYA 82 Helsinki.
66. *Лехтосало-Хиландер П.-Л.* Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов//Финно-угры и славяне. Докл. первого сов.-фин. симпоз. по вопросам археологии 15—17 ноября 1976 г. Л.: Наука, 1979.
67. *Thorleif Sjovold.* The iron age settlement of arctic Norway. Tron II. 1974.
68. *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. Вып. 1//МАР. 1902. № 28.
69. *Авдусина Г. А.* Раскопки в Новгороде//АО-1965. М., 1966.
70. *Cinters V.* Sene Mezotne Senatne in Maskula. IV. Riga, 1939.
71. *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978.
72. *Голубева Л. А.* Белозерская весь и ее западные соседи в X — начале XI в.//Скандинавский сборник. VIII. Таллин: Ээсти Раамат, 1964.
73. *Голубева Л. А.* Коньковые подвески Верхнего Прикамья//СА. 1966. № 3.
74. *Хлебникова Т. А.* Основные производства Волжских Болгар X — начала XII в.: Дис. ... канд. ист. наук. 1963. Рукопись//Архив ИА АН СССР, Р-2, № 1918.
75. *Хынку И. Г.* Кэпрэрия — памятник культуры X—XII вв. Кишинев: Штиинца, 1973.
76. *Плетнева С. А.* Восточноевропейские степи во второй половине VIII—X в.//Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
77. *Kåks P.* Ett ryttareldstala Nordsvensk forntid. Skyytteanska Samfundets handlinngar. 6. Umeä. 1969.
78. *Salo Unto.* Fire-striking implements of iron and Finisch myths relating to berth of fire. Suomen muinaismuistoyhdistys. Finska fornminnesförenigen. ISKOS. 9. Helsinki: Vammala, 1990.
79. *Новикова Г. Л.* Языческая символика кресаловидных привесок//Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч. конф. «Древнерусское язычество и его традиции». Псков, 1988.
80. *Зариня А.* Могильный инвентарь с зооморфными привесками в некоторых погребениях на кладбище острова Мартинсала//Archeologija un etnografija. IX. Riga: Zinatne, 1979.
81. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990.
82. *Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль. М.: Наука, 1975.
83. *Lundström P.* The man with captive berds//AA. XXXI. København, 1960.
84. *Корзухина Г. Ф.* Об Одине и кресалах Прикамья//Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977.

L. A. GOLUBEVA, A. B. VARENOV

NEW FACTS ABOUT FIRE-STEELS WITH BRONZE HANDLES

Summary

The authors evolve and correct the main ideas of L. A. Golubeva's work „Fire-steels with bronze handles" (SA, 3, 1964). Modern archaeological discoveries show that the centres of fire-steels with bronze handles industry from the end of the 9th century were not only Kama region, but Western Siberia too, and from the first half of the 10th century — alzo the Middle Volga region and Western Finland. The penetration of Finnish steels to the Russian territory is connected with expeditions of Scandinavian vikings to the East, in which Finns evidently took part. The Kama region remained the largest centre of fire-steel industry. Here in the 10th — the middle of the 11th centuries the lot mass production of steels in one-sided moulds arised. The area of their distribution stretched from the Ob' region to Finland and Scandinavia. The topography of the finds coincides with the direction of the Great Volga-Baltic trade route and is connected for the most part with the burials of warriors-merchants. The steels from the Middle Volga region rearched Bolgarian kingdom. Zoo- and antropomorphous images of steels handles had preservative functions. The majority of them reflected totemic conceptions appeared completely in the period of the tribal order. The most clearly it is expressed by the images on fire-steels from Western Siberia.

Б. А. ТИМОЩУК

ЯЗЫЧЕСКОЕ ЖРЕЧЕСТВО ДРЕВНЕЙ РУСИ

(по материалам городищ-святилищ)

В исторической науке нет единого мнения о языческом жречестве в Древней Руси. Многие историки утверждали, что языческая религия восточных славян не принадлежала к числу развитых культов и не нуждалась в профессиональных жрецах. Известный исследователь истории и культуры славян Л. Нидерле полагал, что на Руси «существовал круг богов, но без касты жрецов, без крупных культовых центров» [1, с. 281]. С подобными утверждениями встречаемся и в работах М. С. Грушевского, который писал, что у восточных славян «о существовании храмов мы не имеем никаких достоверных известий. Их, очевидно, и не было, как не было специальных жрецов; общественные жертвы приносят князь или представители общины, бояре и старцы; от себя и от своей семьи молитвы и жертвы приносил каждый глава семейства. Это вполне понятно при слабо развитых формах религии и культа» [2, с. 29].

В то же время существует противоположная точка зрения о жречестве у восточных славян. Ее сторонники утверждают, что накануне принятия христианства древнерусское язычество находилось на довольно высоком уровне развития, располагало общественной группой профессиональных жрецов. Для доказательства исследователи обычно опираются на упоминаемых в летописях «волхвов». Наиболее обстоятельно это положение отстаивает Б. А. Рыбаков. «В Киевской Руси IX—X вв.,— пишет он,— сложилось влиятельное сословие жрецов („волхвов"), руководившее обрядами, сохранявшее давнюю мифологию и разрабатывавшее продуманную аграрно-заклинательную символику» [3, с. 5]. «Волхвы,— далее утверждает исследователь,— общее название языческих жрецов как местных, славянских, так и иных» [3, с. 359].

В летописях упоминаются лишь некоторые функции волхвов: они занимались предсказаниями (предсказали смерть князю Олегу), возглавляли восстания в Суздале (1024 г.) и Ростовской земле (1071 г.), боролись с христианской религией. Но нет письменных свидетельств о том, пользовались ли волхвы правом богослужения в языческих святилищах, исполняя в них главный обряд — жертвоприношения (слово «жрец» происходит от «жрать», т. е. приносить жертвы). Поэтому для решения проблемы древнерусского жречества нужно находить и привлекать новые данные, которые может дать прежде всего археология.

В данной статье предпринимается попытка привлечь для решения интересующей нас проблемы материалы, полученные при исследовании городищ-святилищ. Интерес к последним вызван прежде всего двумя обстоятельствами.

Во-первых, памятники такого типа известны не только на территории восточных, но и на землях западных славян, где, по сведениям хроник Титмара Мерзебургского, Саксона Грамматика, Гельмольда, святилища обслуживались жрецами. По их данным, жрецы наблюдали за священными кочями, содержавшимися при храмах, заботились о сохранении храмовых сокровищ, о чистоте внутри храма, назначали дни празднеств, закалывали жертвы и вдохновлялись жертвенной кровью, которую пили, вопрошали богов, предвещали народу будущее, гадали, возглашали молитвы, давали советы и делали поучения [4, с. 51]. По Гель-

© Б. А. Тимощук, 1993 г.

мольду поморские славяне жреца самого известного святилища «почитают больше, чем короля. Войско свое они направляют, куда гадание покажет, а одерживая победу, золото и серебро относят в казну бога своего...» [5, с. 100]. Для городищ-святилищ в славянских землях характерны одинаковые признаки: наличие символической защиты в виде культовых валов и рвов, где разжигали ритуальные огни, капищ, на которых стояли идолы, длинных домов, в которых происходили собрания и пиры, хранилось имущество святилищ [6]. Среди городищ-святилищ выделяется несколько типов: одни из них имели маленькую круглую площадку-капище, окруженную валами и рвами, другие отличались сложной структурой — их огромная площадь, имевшая ограждение, была разделена дополнительными валами и рвами на несколько разных по значению частей, на них часто находилось по нескольку капищ, располагались храмы, жертвенные постройки, жертвенники, длинные дома, сохранялись остатки жертвоприношений [7, с. 58—63].

Во-вторых, интерес к восточнославянским городищам-святилищам вызван тем, что на них, но за пределами главной сакральной части, на которой располагались изображения богов, находились не совсем обычные жилища. Эти своеобразные постройки могли принадлежать жрецам. Вторая часть святилищ, где стояли эти дома, может быть названа общественной.

Примером святилища, где хорошо выделяются сакральная и общественная части, может служить городище у с. Ржавинцы на Буковине [8, с. 172, рис. 10]. Оно окружено двумя концентрическими валами и рвами, которые ограничивали две части городища — центральную сакральную площадку и располагавшуюся кругом общественную зону, предназначавшуюся для тех, кто приходил на святилище исполнять языческие ритуалы. Центральная круглая площадка городища диаметром 22—24 м была свободной от каких-либо построек, а в период функционирования святилища на ней, вероятно, стоял вертикально каменный четырехгранный столб (высотой 2,5 м, толщиной 0,9 × 0,6 м), служивший объектом поклонения [9, с. 85—88, рис. 42]. Сакральная площадка, где находилось изображение божества, является той частью святилища, которая в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона (XI в.) и в других источниках упоминается как «капище» (от древнеславянского слова капь — изваяние, идол). Это наиболее священная часть, куда, по утверждению немецкого хрониста Гельмольда, вход разрешался «только жрецу и желающим принести жертву или тем, кому угрожала смертельная опасность» [5, с. 185].

Вторая часть Ржавинского городища-святилища — общественная располагалась между двумя валами, имела ширину 6—10 м и была застроена наземными длинными домами, примыкающими к внешнему валу. На горизонтальной поверхности пола длинных домов отложился культурный слой, насыщенный углем, остатками дерева, расколотыми костями животных и обломками глиняной посуды IX в. Б. А. Рыбаков, предложивший реконструкцию Ржавинского святилища, обоснованно назвал эту часть святилища требищем [3, с. 225]. По-видимому, в длинных домах на требище происходили общественные пиршества — важная составная часть языческих обрядов. Именно на этой части святилища во время праздников и молитв находились верующие. Здесь же могли стоять жилища жрецов, что подтверждается материалами других городищ-святилищ.

Характерна конструкция окружающих Ржавинское святилище валов и рвов, которые не были приспособлены для обороны, а служили лишь символической защитой священного места от нечистой силы. Об этом свидетельствует, во-первых, то, что перед насыпкой внутреннего вала поверхность земли была специально очищена ритуальным огнем (сохранился зольно-угольный слой толщиной до 10 см); во-вторых, на вершине этого вала была устроена площадка из камней, на которой в свое время горели ритуальные огни; в-третьих, к этому валу с обеих сторон примыкают неглубокие рвы с плоским дном, что характерно для культовых памятников; в-четвертых, с наружной стороны в насыпи внешнего вала была

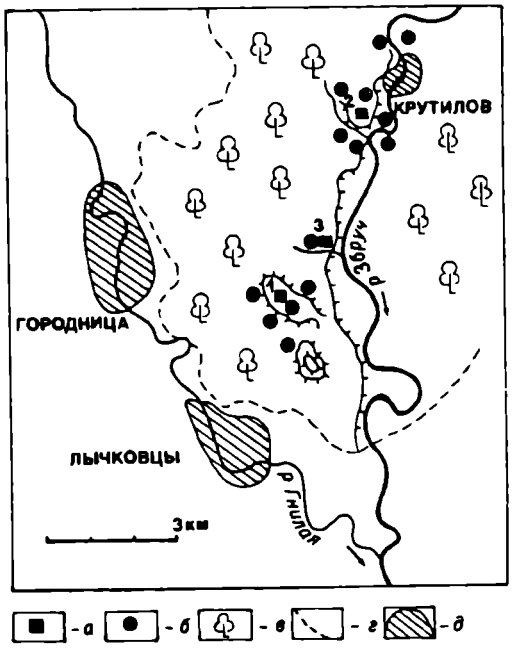


Рис. 1

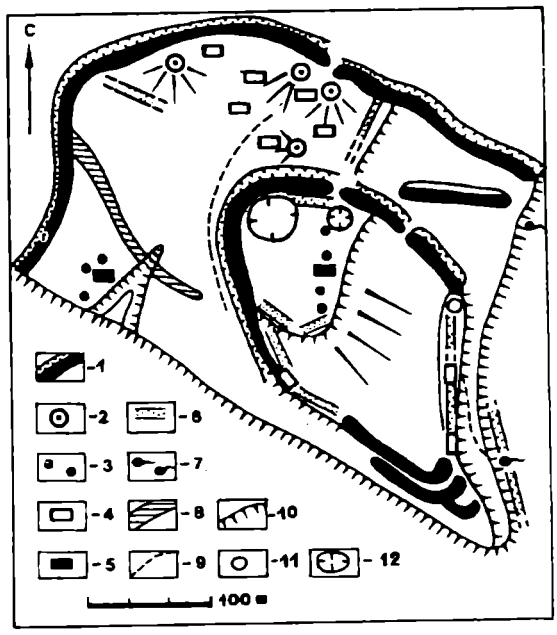


Рис. 2

Рис. 1. Памятники Збручского культового центра: *а* — городища-святилища; *б* — древнерусские селища; *в* — лес; *г* — граница леса; *д* — современное село; *1* — святилище Богит; *2* — святилище Звенигород; *3* — святилище Говда

Рис. 2. Городище-святилище Звенигород: *1* — каменный вал с внешним рвом; *2* — капище; *3* — западины-жилища; *4* — жертвенная камера; *5* — раскопанное жилище; *6* — длинный дом; *7* — источники воды; *8* — земляной вал; *9* — древняя дорога; *10* — обрыв; *11* — колодец, *12* — карьер

вырезана горизонтальная ступенька, покрытая каменными плитками, на которой также разжигался огонь.

Сакральная граница — главный признак любого языческого святилища. О ее значении можно судить по описанию Ибн-Фадланом (X в.) культового места русов на Волге. Здесь деревянные идолы были окружены «высокими деревяшками, воткнутыми в землю», на которые вешали головы рогатого скота или овец [10, с. 79—80], т. е. сакральной границей святилища служил частокол, на который возлагали жертвы. На археологически исследованных святилищах остатки жертвоприношений обычно концентрируются также кругом капищ.

Городища-святилища сложной конструкции в разной степени исследованы на землях западных славян (Аркона на о-ве Рюген, в Силезии, горах Свентокжицких в Польше) и наиболее полно изучены у восточных славян на р. Збруч (Тернопольская обл. Украины). Збручские городища являются самыми крупными и уникальными по своей сохранности святилищами на территории Древней Руси. Их значение подчеркивается еще и тем, что рядом с ними в 1848 г. был найден знаменитый Збручский идол.

Каждое городище этого типа обычно располагалось на высоком изолированном холме, но часто городища группировались вместе на небольшом расстоянии одно от другого, входя в состав крупного культового центра. Так, на Збруче в местности, называемой Медоборы, на холмах, покрытых лесом и расположенных на расстоянии 2,5—3 км между собой, сохранилось три городища-сьятилища X—XIII вв.: Звенигород, Богит и Говда, к которым примыкало около десяти поселений, возникших одновременно с древнерусскими святилищами и прекративших свое существование вместе с ними (рис. 1). Аналогичный языческий комплекс находился в Силезии и также состоял из трех городищ-святилищ, расположенных на соседних горах Шлонжа (Собутка), Радуня и Костюшко [11;

12, с. 51—97]. Площадки городищ Збручского и Силезского культовых центров не пригодны для постоянной жизнедеятельности из-за своей неровной поверхности, покрытой камнями и выступами скальной породы. На них нет сплошного культурного слоя, разнообразные предметы X—XIII вв. встречаются только на местах жертвоприношений, в частности на площадках, устроенных на вершинах валов (Звенигород, Шлонжа). Совпадают хронологические рамки функционирования святилищ в обоих культовых центрах. Славянские святилища возникли на месте более древних городищ середины I тыс. до н. э., и славяне использовали древние валы, сложенные из рваного камня без связующего материала.

Самым крупным в Збручском культовом центре оказалось городище-святилище Звенигород (рис. 2). Оно расположено на крутом склоне высокого холма, окружено системой валов и разделено внутренним валом на две части, имевшие разное назначение: одну из них можно назвать сакральной, другую — общественной. Сакральная площадка занимает самую верхнюю часть городища (ее размеры 80—100 × 150 м), с трех сторон ограничена каменными валами скифского времени. На вершине этих валов славянами были устроены ровные площадки-алтари (шириной до 3 м), поверхность которых сильно обожжена, и в некоторых местах были оставлены жертвы: обожженные кости животных, фрагмент детского черепа, железный цилиндрический замок, копье, обломки медного котла, обломки посуды XI—XIII вв. Чтобы оградить сакральную площадку со всех сторон, на ее юго-западном склоне в древнерусское время насыпали земляной вал (рис. 2, *8*). С наружной стороны в насыпи этого вала была спланирована горизонтальная ступенька шириной 3,6 м. На ней многократно разжигался ритуальный огонь и образовался толстый слой обожженной глины с прослойками угля и золы. Таким образом, сакральная площадка Звенигорода со всех сторон была ограждена от злых сил. Ее защита усиливалась огненными «крадами» (жертвенными огнями), горевшими на валу и плоском дне внешнего рва.

На сакральной площадке Звенигорода находились разные культовые объекты. В ее самой возвышенной части расположены четыре капища (два из них раскопаны полностью), представлявшие собой обычные круглые площадки с местом для идола в центре. Капища выложены камнями и окружены жертвенным поясом, содержащим многочисленные вещи, кости животных и человека. Около капищ и по склону сакральной площадки обнаружены жертвенные камеры (от них на поверхности видны углубления-западины, 6 из них раскопаны) с таким же набором находок. В нескольких местах исследованы помещения с печами для выпечки ритуального хлеба, небольшой храм с каменным идолом и жертвенными подношениями, в том числе с большим количеством зерен разных возделываемых культур. На сакральной площадке стояло несколько наземных длинных домов, служивших для хранения имущества святилища (сохранились дорогие вещи — серебряная гривна киевского типа, зерненные трехбусинные височные кольца). Ни жилых, ни хозяйственных построек на этой части городища не обнаружено.

Другой характер имела общественная часть городища-святилища Звенигород. Она также занимала крутой склон мыса, не пригодный для повседневной жизни, но не имела такой всесторонней защиты, как сакральная площадка. Ее ограничивали крутые склоны глубокого оврага и долины Збруча, лишь с севера проходил внутренний каменный вал, деливший городище на две части. На искусственно созданных узких террасах крутого склона стояли длинные дома, предназначенные для собраний и общественных пиров, о чем свидетельствуют находки на полу — раздробленные кости домашних животных и обломки глиняной посуды [13, с. 78—91]. Здесь же располагались опущенные в материк камеры для жертвоприношений (находки в них беднее, чем на сакральной площадке городища) помещения для выпечки хлеба и проходили дороги для ритуальных процессий, поднимавшихся на сакральную часть городища (рис. 2, *9*).

Особый интерес вызывают жилища, находившиеся на общественной части Звенигорода. Их следы в виде углублений-западин сохранились на двух участках. На одном из них, расположенном в центре общественной площади около вала,

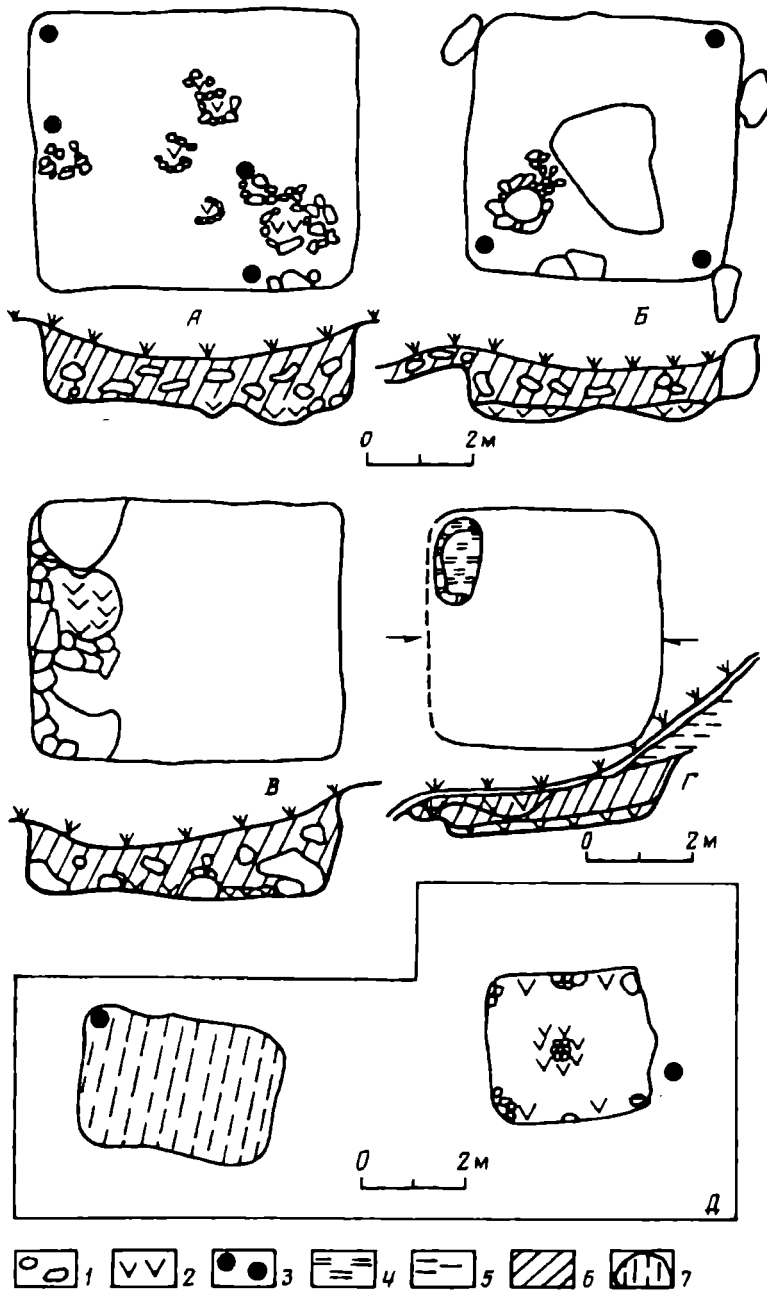


Рис. 3. Жилища служителей языческого культа: *А*, *Б* — городище-святилище Богит; *В*, *Д* — городище-святилище Звенигород; *Г* — городище-святилище Илиев; *1* — камни; *2* — угли; *3* — столбовые ямы; *4* — обожженная глина; *5* — глина; *6* — серая земля; *7* — наземная постройка

отделявшего сакральную площадку, видны пять западин, вытянутых в ряд с севера на юг вдоль крутого склона площадки. В исследованной западине обнаружен котлован жилища (размерами 3 × 2,8 м), выбитый в скалистом материке на глубину 1,2 м. Сохранились остатки сгоревших бревенчатых стен, имевших столбовую конструкцию, следы деревянного пола и примитивная печь-каменка, для устройства которой был использован выступ материковой скалы. В жилище найдены зерна ржи, целый горшок и обломки посуды первой половины XII в., железный ключ, стеклянный браслет, кости домашних животных, кремневая пластинка для кресала (рис. 3, *В*).

В отличие от обычных жилых домов, в большом количестве известных на окружающих поселениях, это жилище было менее благоустроенным и холодным из-за углубленности в каменистый материк. Кроме того, оно находилось на неудобном для жизни крутом склоне, около него нет культурных напластований

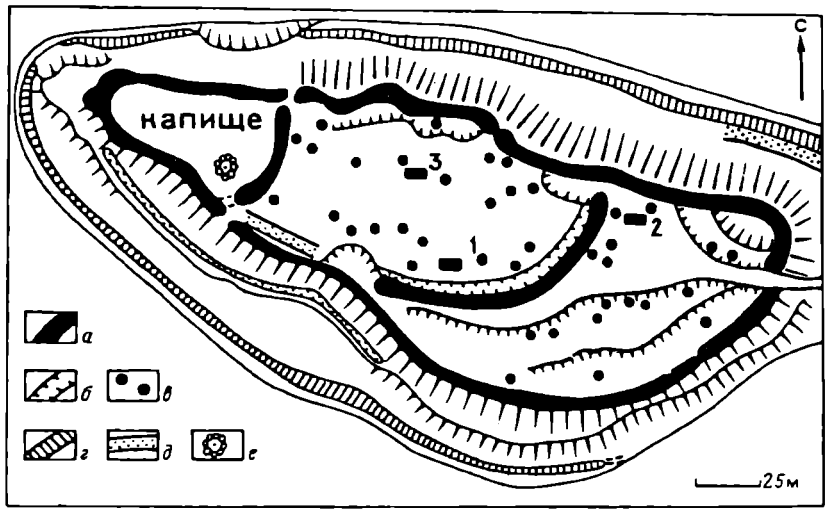


Рис. 4. Городище-святилище Богит: *а* — каменный вал; *б* — ров; *в* — западины-жилища; *г* — культовый ров; *д* — длинный дом; *е* — пьедестал для идола; *1*, *2*, *3* — раскопанные жилища

и никаких следов хозяйственно-производственных построек, тогда как жилища на поселениях входили в состав усадеб и возле них располагались наземные и углубленные хозяйственные постройки и ремесленные мастерские. По-видимому, обитатели жилищ, расположенных на общественной площадке святилища, не занимались хозяйством и их деятельность была связана с обслуживанием святилища, они являлись служителями культа — жрецами.

Необычен целый стеклянный браслет, найденный в жилище. Он настолько мал — его диаметр 4 см, что не мог служить украшением даже детской руки. Скорее всего это был специальный культовый предмет — круг, служивший символом солнца. Так, круг, возможно, браслет изображен в правой руке богини, помещенной на одной из граней Збручского идола. Обломки стеклянных браслетов в огромном количестве находятся на капищах Звенигорода. Вероятно, служитель культа, живший на святилище, был поклонником бога солнца (Дажьбога или Хорса).

Вторая группа жилищ расположена в западной части общественной площадки Звенигорода и отделена от сакральной земляным валом. Здесь также на неудобном крутом склоне видны четыре западины и рядом с ними небольшие прямоугольные площадки с горизонтальной поверхностью — остатки наземных построек. На месте одной из западин расчищен котлован (2,7 × 2,45 м) дома, имевшего деревянные стены (рис. 3, *Д*). В центре на земляном полу находился небольшой очаг, выложенный камнями, возле него лежали челюсти свиньи и коровы, обломки посуды XII—XIII вв. В 7 м от жилища стояла наземная постройка (3,2 × 2,6 м) со стенами столбовой конструкции. В тонком культурном слое (10 см) на ее полу найдены обломки посуды того же времени, что и в жилище. Можно предположить, что это помещение служило кладовкой для обитателей этого места. По-видимому, и на этом участке в довольно примитивных домах с очагами постоянно жили служители культового центра.

В 5 км от святилища Звенигород на самой высокой в Медоборах горе Богит расположено второе городище-святилище Збручского культового центра (рис. 4). При его устройстве также были использованы валы скифского времени, сложенные из камней, его площадь также разделена на несколько частей, имевших разные функции: сакральную, где стоял идол, общественную, площадь для собраний молящихся и могильник. На общественной части Богита также располагались жилища, которые могли принадлежать жрецам [14, с. 90—99].

Сакральная часть городища Богит занимала самую вершину холма, была со всех сторон окружена валами скифского времени, приспособленными славянами

для своего святилища. На вершине внешнего вала, дугообразно окружающего сакральную часть, как и в Звенигороде, была спланирована площадка, выложенная камнями, на которой горели огни (ее поверхность сильно обожжена) и возлагались жертвы (найдены кости животных и обломки посуды). Дополнительный вал, отделяющий сакральную площадку от общественной, также был перестроен, и вдоль него была устроена площадка шириной 1,8—2 м, вымощенная мелкими камнями. На ней находились черепки посуды XI в. и уголь.

В сакральной части святилища Богит не обнаружено следов жилых и хозяйственных построек. Здесь находился пьедестал идола — круглая площадка диаметром 9 м, сложенная из камней, среди которых сохранялась яма от стоявшего изваяния. Площадка окружена восемью симметрично расположенными жертвенными ямами (в двух из них находились погребения пожилых мужчин, в двух — скелеты малолетних детей — и во всех лежали кости животных и обломки посуды). Вторым объектом на этой части святилища был жертвенник, сложенный из больших каменных плит, поставленных на ребро и окружавших квадратную яму (ее размеры 2 × 2 м, глубина 0,7 м). Яма заполнена слоями углистой земли и камней, среди которых найдены обломки посуды X—XIII вв., кости животных, глиняное пряслице, фрагмент стеклянного браслета и обломок точила.

Общественная часть святилища Богит также была ограничена древним каменным валом, но его поверхность неровная, с выступающими большими камнями и на ней нет следов огня. Кроме того, эта часть городища вместе с сакральной была окружена культовым рвом, вырытым в древнерусское время. Ров проходил по склону холма и отделял священное место от окружающего мира (рис. 4, *г*). Ров шириной 2,5 м был неглубоким, и его плоское дно выложено камнями, на которых лежали обломки посуды XI в. и угли.

На общественной части святилища находились длинные дома и более 40 западин-жилищ (рис. 4, *д*, *в*). Первый длинный дом стоял вдоль вала около сакральной зоны. Судя по сохранившейся от него горизонтальной площадке, дом имел размеры 35 × 12 м. На его раскопанной части, свободной от деревьев, обнаружены ямы от столбов, поддерживавших деревянные стены, и каменная вымостка пола, на которой в большом количестве находились обломки посуды XI—XIII вв., расколотые кости свиней, мелкого и крупного рогатого скота. Второй длинный дом, имевший такую же конструкцию, был расположен у въезда на городище около культового рва. Рядом с этим домом в глинистом склоне была вырезана нишеобразная печь, служившая для выпечки хлеба. Хлеб мог употребляться во время общественных пиршеств, происходивших в длинных домах.

Жилища-западины на общественной части Богита располагались ближе к каменным валам, оставляя в центре довольно широкий проход, ведущий к сакральной зоне. Жилища были построены на неровной поверхности, покрытой глубокими впадинами и углублениями, усеянной камнями и большими каменными глыбами, выступами материковой скалы. Эта местность, лишенная источников воды, была неудобна для повседневной жизни и хозяйственной деятельности. Здесь не обнаружено никаких следов хозяйственных построек, и культурный слой между жилищами полностью отсутствует.

В разных пунктах общественной площадки Богита раскопано три западины-жилища. Жилище № 1 (2,8 × 2,8 м) было опущено в котлован, выбитый в каменистом материке до глубины 1,2 м. На его каменистом дне, покрытом слоем угля, находилось четыре очажка, часто совсем миниатюрных, обставленных камнями. На полу лежали обломки посуды XI в. и каменное биконическое пряслице. Жилище № 2 (3,2 × 3,2 м), его глубина в каменном грунте 0,7 м, имело деревянные стены столбовой конструкции, на его каменистом полу помещался очаг, обложенный со всех сторон и вымощенный камнями (его диаметр 0,6 м). Рядом с очагом выступала материковая скала с тщательно сглаженной поверхностью. Жилище № 3 (3,2 × 3,7 м, глубина 0,9 м) было такой же конструкции, а его небольшой очаг находился в углублении пола (рис. 3, *А*, *Б*). Керамика этих жилищ также датируется XI в. Все раскопанные на

общественной площади Богита жилища, как и в Звенигороде, были плохо обустроены, для отопления и приготовления пищи в них использовались примитивные очаги, каменный пол делал их холодными.

Обитатели домов, расположенных на Богите рядом с сакральной его частью, но в пределах самого святилища, отгороженного от окружающего мира, не вели своего хозяйства (около их домов нет никаких подсобных помещений, хлевов, амбаров, погребов). Их деятельность, вероятно, была связана с обслуживанием нужд святилища. Вместе с тем количество жилищ на общественной части святилища Богит (их более 40, пусть и разновременных) кажется слишком большим. Такое скопление жрецов, вероятно, не было необходимым для обслуживания святилища с одним капищем, ведь на святилище Звенигород, где находилось четыре капища и более десяти длинных домов общего пользования, домов служителей культа было значительно меньше. Возможно, это связано с несколькими обстоятельствами.

Збручский культовый центр возник в конце X в., когда на Руси в связи с принятием христианства в качестве государственной религии началось разрушение языческих святилищ (Владимир «храмы идольские и требища всюду раскопа и посече и идолы сокруши» [15, с. 5]), гонения на язычников, прежде всего на служителей языческого культа. Они были вынуждены или принять христианство, или бежать в «дебри, пустыни и леса» [16, с. 264]. Одним из прибежищ для язычников явились малодоступные леса Медоборы в средней части р. Збруч. Эти места с высокими каменистыми холмами, поднимающимися скалами, из-под которых вытекают целебные источники, почитаемые населением до сих пор, издавна были освоены язычниками. На плато рядом с городищем Звенигород в начале I тыс. до н. э. находилось убежище высоцкой культуры, валы городищ Богит и Звенигород в скифское время также ограничивали убежища или святилища.

Не исключено, что Збручский культовый центр в конце X в. взял на себя функции ликвидированных языческих святилищ Киева и других мест, стал своеобразным языческим заповедником. Здесь могли находить приют преследуемые служители языческих богов. Возможно, небольшая часть жрецов высокого ранга обосновалась на святилище Звенигород, которое активно посещалось молящимися, приносившими жертвы. Многие жрецы поселились на Богите, в наиболее уединенном и отдаленном месте, где мог стоять Збручский идол.

Может быть, жрецы жили и на поселении около третьего городища-святилища Говда, входившего в состав Збручского центра (рис. 1, *3*). Кольцевой вал городища Говда ограждает овальную площадку размерами 40 × 20 м, расположенную на крутом склоне и непригодную для жилья. На культовый характер городища указывают следующие факты: на плоской вершине вала были устроены каменные площадки-алтари, на которых найдены кости животных, обломки посуды XI—XII вв.; во внутреннем рве, имевшем горизонтальное дно, периодически разжигался огонь и приносились жертвы (найдены кости животных, наконечники железных стрел, нож, перстень, обломки посуды); в насыпи вала была вырезана нишеобразная хлебная печь такого же типа, как и на других святилищах Збруча; во рву был выкопан культовый колодец и перед ним устроена жертвенная площадка. Сухие колодцы, не доходившие до воды и служившие для жертвоприношений, известны на многих святилищах [8, с. 166—167; 14, с. 96].

Рядом со святилищем Говда на крутом склоне мыса расположено поселение, на поверхности которого хорошо видны западины жилищ и горизонтальные площадки длинных домов (рис. 5, *3*, *4*). Раскопками на месте одного из длинных домов обнаружены остатки плетневых стен, обмазанных глиной, тонкий культурный слой и обычные для домов такого типа находки — раздробленные кости животных и обломки посуды XI в. Других хозяйственных построек на этом поселении не обнаружено. Наличие длинных общественных домов и древней каменоломни на этом поселении позволяет сделать предположение, что местные

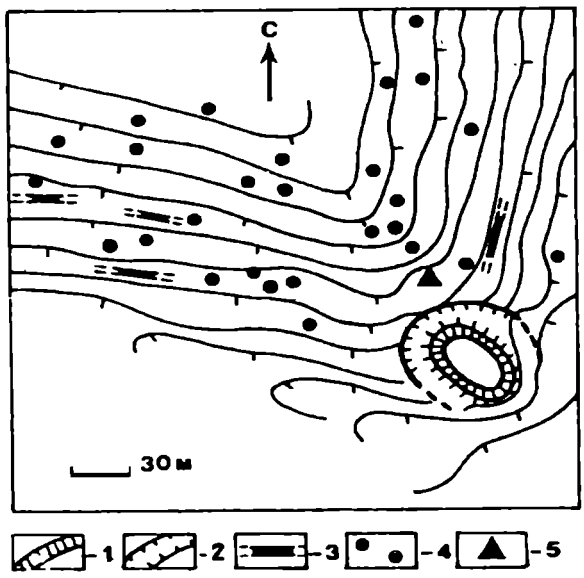


Рис. 5. Поселение и городище-святилище Говда: *1* — культовый вал; *2* — культовый ров; *3* — площадка—длинный дом; *4* — западины-жилища; *5* — древний каменный карьер

жители вели не обычный для земледельцев образ жизни, а обслуживали культовый центр.

Одновременно с устройством святилищ на Богите и Звенигороде в конце X — начале XI в. вокруг них возникли поселения рядовых язычников, ушедших в леса и создавших здесь свою колонию. Поселения явно тяготели к городищам-святилищам, занимали их непосредственные окрестности, мало удобные для жизни — склоны холмов, удаленные от источников питьевой воды. Так, поселение Замчище примыкало к святилищу Звенигород, было расположено на высоком плато, и его жителям приходилось ходить за водой по крутому склону горы. На поселении раскопана целая усадьба земледельца, в состав которой входили обычные для сельских памятников полуземлянки с печами-каменками (одна из них датируется первой половиной XI в., вторая — концом XI в.), две наземные постройки со стенами столбовой конструкции, которые могли использоваться для содержания скота, и большая наземная постройка с двумя хозяйственными ямами в середине (кладовка?). На усадьбе найдены жернова и железный серп. Рядом с поселением находилось пахотное поле, границы которого определяются по скоплениям камней, убранных с его поверхности. Помимо жилищ на поселении исследовано еще две ремесленные мастерские.

По основным признакам (расположению на высоком плато рядом с городищем, наличию пахотного поля и усадеб земледельцев и ремесленников) поселение Замчище, согласно социальной типологии [17, с. 61—62], относится к селищам — спутникам городищ. В данном случае оно являлось составной частью святилища и обитатели поселения, по-видимому, обязаны были снабжать свой культовый центр и живших на нем жрецов всем необходимым (продуктами питания, ремесленными изделиями, выполнять другие повинности).

Второе поселение Бабина долина расположено у подножия городища-святилища Звенигород и занимает северный склон сырого оврага Слепой яр [18, с. 441, 442]. Неудобное местоположение поселения было, вероятно, связано со стремлением приблизиться к самому святилищу и к источникам чистой воды, вытекающим из-под горы. На поселении раскопаны обычные жилища с печами-каменками, более 10 ремесленных мастерских с каменными рабочими площадками и целая усадьба ремесленника. В состав усадьбы входил жилой дом, две ремесленные мастерские и шесть наземных хозяйственных построек.

Таким образом, Збручский культовый центр, отделенный от окружающего

мира холмами и лесами, вполне мог производить все необходимое для жизни и существовать самостоятельно. В то же время вещи, принесенные в жертву богам и оставленные на святилищах,— стеклянные браслеты, золотые и серебряные ювелирные украшения, оружие, орудия труда, бытовые предметы — принадлежали к изделиям не только сельских, но и городских ремесленников. По-видимому, во время праздников на святилища приходили жители с широкой округи, в том числе и горожане, приверженные языческой религии. То же самое происходило на святилище Аркона, расположенном на о-ве Рюген в Балтийском море, где «собирались жители всего острова перед храмом, приносили жертвы и праздновали именем веры общественный пир» [19, с. 97]. На Збручских святилищах молящиеся могли собираться в их общественной части, возможно для массы пришедшего народа была приспособлена площадь перед входом на городище Богит, объединенная со святилищем общим культовым рвом.

Жизнь огромного культового центра на Збруче, состоявшего из трех святилищ, могильника и окружающих поселений, требовала специальных руководителей, которыми могли быть только жрецы. Святилища находились в глухом и мало освоенном Галицком Понизье, были удалены от больших городов и торговых путей. Эти земли входили в состав Теребовльского, а затем Галицкого и Галицко-Волынского княжеств, но во время существования святилищ, в конце X — XIII вв., князья уже не могли стоять во главе языческой общины и совершать языческие обряды. Без служителей культа было невозможно создать большие святилища со сложной планировкой и разнообразными культовыми сооружениями, выполнявшими разные функции. Жрецы должны были проводить общие богослужения и жертвоприношения, следить за соблюдением обрядов, руководить празднествами и организовывать пиры.

Профессиональные служители культа составляли особое сословие, отделенное от основной массы язычников. Они жили обособленно в специальных домах, расположенных рядом с сакральной частью святилищ, не занимались хозяйственной деятельностью, вели аскетический образ жизни. Это согласуется со сведениями немецких хронистов о жрецах западных славян, которые вели уединенную и целомудренную жизнь, а за нарушение обычаев их сжигали [4, с. 111].

Материалы Збручских городищ-святилищ не дают ответа на вопрос, когда же сформировалось жреческое сословие у восточных славян. Для ответа на этот вопрос следует обратиться к материалам более раннего времени и определить, когда общество достигло такого уровня развития, что могло сооружать городища-святилища и содержать профессиональных служителей языческого культа. Сплошное обследование территории Украинского Прикарпатья показало, что в VI—VII вв. городищ-святилищ у восточных славян еще не было [17, с. 79—85]. В это время наиболее развитые общины сооружали лишь городища-убежища, где в специальных длинных домах язычники имели возможность молиться и устраивать «трапезы Роду и рожаницам». Культовыми местами для большинства общин служили священные деревья, рощи и другие природные объекты, а также могилы, жертвенные ямы и жертвенные площадки. Жреческие функции, вероятно, выполняли представители отдельных семей.

Наиболее древние городища-святилища, известные к настоящему времени, появляются у восточных славян не ранее IX в. Так, в центре Маморницкого гнезда поселений-общины сохранилось два городища, расположенных на расстоянии 800 м одно от другого. Первое из них (Маморницкое) оказалось административно-хозяйственным центром, а второе (Горбовское) — святилищем. Последнее находится на невысоком мысу, и его центральная площадка диаметром 30 м со всех сторон ограждена невысоким валом, с внешней и внутренней стороны которого проходят рвы. На плоской вершине вала выложена из камней площадка, и на ней находятся угли и кости животных. К святилищу примыкает большое поселение с жилищами-полуземлянками и печами-каменками, в которых содержится материал поздней фазы развития культуры типа Луки Райковецкой (IX в.). С этого времени функционировало и святилище [17, с. 156, 157].

В Добрыновском гнезде поселений-общине также обнаружено два городища. На одном из них (Добрыновском) находился административно-хозяйственный центр, второе (Ржавинское) являлось святилищем. В длинном доме на святилище находились материалы IX в., а на расположенном рядом поселении керамика относится к IX—X вв. [17, с. 166, 167].

Горбовское и Ржавинское святилища расположены отдельно от административно-хозяйственных центров, где жила общинная знать, и вероятнее всего, охрана и обслуживание этих святилищ возлагались на специальных служителей культа. По-видимому, накануне образования Киевского государства, когда начался новый этап развития восточнославянского общества [17, с. 95—108], в наиболее развитых общинах шел процесс обособления служителей языческого культа, который привел к формированию профессионального жречества.

Более уверенно можно говорить о существовании языческого жречества при надобщинных («племенных») центрах, которые собирали дани с рядовых общин в форме полюдья, располагали необходимыми материальными средствами для содержания профессиональных служителей культа. Примером может служить «племенной» центр новгородских словен — Рюриково городище, в 2 км от которого на противоположном берегу Ильменя располагалось «племенное» святилище Перынь, в состав которого входило по крайней мере три капища [20, с. 105—109]. Управлять религиозной жизнью святилища такой сложной структуры могли только профессиональные жрецы. Они не только служили богам, но поддерживали и возвеличивали славу и мощь надобщинного («племенного») центра. Поэтому племенная знать в свою очередь была заинтересована в развитии жреческого сословия, поддерживала его материально.

Таким образом, исследование восточнославянских городищ показывает постепенное изменение языческой религии и обрядности в процессе социально-экономического развития общества. Усложнялись верования и религиозные культы, наряду с поклонением природным объектам распространялось богослужение в специальных культовых сооружениях, структура которых становилась все более сложной (появлялись городища-святилища со многими капищами, храмами, разными по значению площадями). Новый уровень развития языческой религии, а вместе с ним и культовых мест и святилищ, начинается у восточных славян в переходный период от первобытности к сословно-классовому обществу. В этот период складывается сословие профессиональных служителей культа — жрецов. Упоминаемые в летописях волхвы — это общее название служителей языческого культа, в которое входили и профессиональные жрецы.

В период гонения на язычников, после объявления христианства государственной религией, жречество на Руси не исчезает. В глухих лесах и среди гор жрецы основывали культовые центры, строили святилища, к которым стекались сторонники старой языческой веры. В XI—XIII вв. жрецы еще сохраняли сильное влияние, как это было в 1071 г. в Новгороде, когда «людье вси идоша за волхва» [21, с. 120] и как это видно по материалам Збручского культового центра. Судя по сложной структуре и разнообразным функциям этого центра, значение жрецов у восточных славян было столь же велико, как и в западнославянских землях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.
2. *Грушевский М. С.* Очерки истории украинского народа. Киев, 1990.
3. *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М., 1987.
4. *Фаминцын А. С.* Божества древних славян. СПб., 1884.
5. *Гельмольд.* Славянская хроника. М., 1963.
6. *Тимощук Б. А.* Об археологических признаках восточнославянских городищ-святилищ//Древности славян и Киевской Руси. Киев, 1989.
7. *Русанова И. П.* Культовые места и языческие святилища славян VI—XIII вв.//РА. 1992. № 4.

8. *Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Славянские святилища на Среднем Днестре и в бассейне Прута//СА. 1983. № 4.
9. *Тимощук Б. О.* Слов''яни Північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976.
10. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М., 1939.
11. *Cehak-Hołubowiczowa H.* Ślęża i jej okolica w 10-leccu polskich badań archeologicznych//Ślęża. T. 1. Wrocław, 1958.
12. *Cehak-Hołubowiczowa H.* Kamiene kręgi kultowe na Raduni i Ślęży//Archeologia Polski. T. 3. Z. 1. Warszawa; Kraków, 1959.
13. *Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Второе Збручское (Крутиловское) святилище//Древности славян и Руси. М., 1988.
14. *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Збручское святилище (предварительное сообщение)//СА. 1986. № 4.
15. Память и похвала кн. Владимиру и его жития//Записки АН по историко-филологическому отделению. Т. 1. № 6. СПб., 1897.
16. *Аничков Е. В.* Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.
17. *Тимощук Б. А.* Восточнославянская община VI—X вв. н. э. М., 1990.
18. *Ягодинская М. А.* Исследование древнерусского поселения в Западной Подолии//АО. 1985. М., 1987.
19. *Срезневский И. И.* Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям. Харьков, 1846.
20. *Седов В. В.* Новые данные о языческом святилище Перуна//КСИИМК. 1954. Вып. 53.
21. Повесть временных лет. Ч. 1. М., 1950.

Институт археологии РАН,
Москва

B. A. TIMOSHCHUK

PAGAN PRISTHOOD IN ANCIENT RUSSIA

Summary

There is no solidarity in the opinions on the existance of pagan pristhood in Ancient Russia. Some scholars state that pagan religions of Eastern Slavic tribes was not developed enough and did not need the institution of prists, the other ones underline the developed character of Russian paganism which included professional prists. The latter opinion is supported by the archaeological materials obtained from fortified settlements-sanctuaries forming large cultic centres. One of them is Zbruch cente dated to late 10th-13th centuries situated in a hilly forested region of Medobory, where the famous Zbruch idol was found. This centre consisted of three fortified settlements-sanctuaries, a cemetery and ten open settlements. Such a complicated structure could be created for a workship practiced by professional prists. This social estate was being formed during the transitional period from primitive society to class one. After the official cristianisation of Russia pagan pristhood was keeping their importance and influence on the people for several centuries.

Т. А. БОБРОВСКИЙ

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ И ДАТИРОВКЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ПЕЩЕРНЫХ МОНАСТЫРЕЙ

Среди многочисленных археологических памятников Древней Руси и позднего средневековья Восточной Европы обособленную группу составляют подземные сооружения культового, фортификационного и инженерно-хозяйственного назначения, создававшиеся на протяжении целого тысячелетия и распространенные на всей территории современной Украины и за ее пределами. Обособленность этих памятников, вызванная таинственным покровом неизученности и ошибочным мнением насчет малой информативности пещер при огромном риске и трудоемкости их исследований, отчуждение тем самым целого разряда артефактов неизбежно влечет за собой образование пробелов в познании прошлого. Кроме того, в отличие от законсервированных естественным путем культурных напластований поселений и могильников подземные комплексы подвержены многочисленным разрушениям не только вследствие человеческого вмешательства, но и в процессе элементарного природного старения и износа под воздействием окружающей среды. Следует отметить, что рукотворные пещерные памятники неплохо изучены в других регионах Евразии: в Крыму (Мангуп и Чуфут-Кале), на Кавказе (Вардзиа и Гегард), в Болгарии, Турции, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Влияние их на древнерусские комплексы весьма проблематично и нуждается в отдельном исследовании [1—4].

История изучения собственно русской подземной старины насчитывает немногим более 100 лет и связана с развитием церковной археологии. Отношение к пещерным монастырям и другим подземным комплексам как к выдающимся христианским святыням способствовало зарождению на рубеже XIX—XX вв. целого направления в археологической науке [5, с. 10—12]. Исследования этого периода, как правило, ограничивались тщательным осмотром памятника, сбором подъемного материала, опросами местных старожилов, реже производились шурфовки и расчистки завалов [6, с. 244—261]. Уникальными и по сей день на этом фоне были крупномасштабные раскопки, произведенные в киевских пещерах на Зверинце в 1912—1914 гг. [7, 8]. Несмотря на довольно примитивный характер работ, сохранившиеся результаты разведок и раскопок дореволюционного периода остаются одним из важнейших источников для современных исследований [9, с. 44—59, 400]. В первые годы советской власти интерес к подземным комплексам не ослабевает, однако, постепенно публикации по данной теме перекочевывают со страниц исторических изданий на полосы популярных газет и журналов, превращаясь, таким образом, в заурядные сенсации светских хроник [10, 11]. Некоторое подобие Ренессанса в исследовании искусственных пещер наблюдается с середины 60-х годов в связи с любительскими работами неформальных объединений и небольшими реставрационными раскопками крупных ансамблей Киево-Печерской лавры, Черниговского Троице-Ильинского монастыря, комплексов в Путивле, Славяногорске, Почаеве и Зимно. Материалы этих изысканий (за период более 20 лет) практически не публиковались [2, 13], а разработка комплексной программы изучения пещерных сооружений, начатая киевским археологом А. Б. Авагяном, к сожалению, была прервана трагической гибелью

© Т. А. Бобровский, 1993 г.

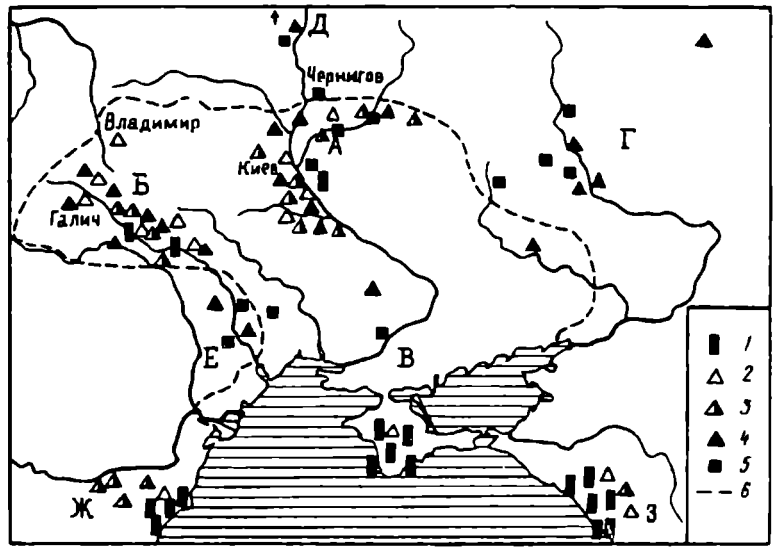


Рис. 1. Схема расположения культовых пещерных памятников Восточной Европы. Регионы: *А* — Центральный; *Б* — Западный; *В* — Южный; *Г* — Восточный; *Д* — Северный; *Е* — Молдавия; *Ж* — Болгария; *З* — Кавказ. Памятники: *1* — VIII—X вв.; *2* — XI—XII вв.; *3* — XIII—XIV вв.; *4* — XVI—XVII вв.; *5* — XVIII—XIX вв.; *6* — современные границы Украины

ученого. Таким образом, автором предпринимается одна из первых попыток систематизации накопленного материала в отношении интерпретаций и датировок наиболее интересной категории подземных памятников, а именно пещер культового назначения.

В настоящее время на территории Украины зафиксировано более 70 культовых комплексов, вырытых в лессовидных суглинках или высеченных в скальных породах. Все они сосредоточены в трех достаточно локальных географических регионах: Центральном (Среднее Поднепровье и Подесенье), Западном (Верхнее и Среднее Поднестровье) и Южном (Северное Причерноморье). Памятники Южного региона, представленные монастырями византийского «иконоборчества» (VIII—X вв.) в Крыму и поздними скитами (XVIII—XIX вв.) в низовьях Днепра, в общем количестве не учитывались и привлекаются только в качестве аналогий [1; 8, с. 73; 14; 15, с. 456]. Концентрация памятников XI—XIII вв. в двух остальных регионах отражает, очевидно, закономерную их связь с крупнейшими центрами Южной Руси — Киевской, Черниговской и Галицко-Волынской землями. Для XV—XVIII вв. ареал пещерных монастырей заметно увеличивается, в это время осваиваются новые регионы (уже за пределами Украины): Северный (Псково-Печорский), Восточный (Волго-Донский) и Юго-Западный (Молдавский) [14; 16, с. 93—115; 17, с. 429—439] (рис. 1).

В целях систематизации и датировки культовых пещерных памятников были предприняты попытки распределения подземных сооружений по типологическим признакам различного характера.

Разработанная еще А. Б. Авагяном «архитектурная» типология предполагала выделение семи самостоятельных групп, или типов полостей, рассматривая составляющие пещерного комплекса в отдельности (рис. 2). I тип представлен подквадратной в сечении нишей, горизонтально уходящей на 1,65—2,0 м в глубь стены пещерного коридора; II—IV типы — прямоугольными камерами размерами около 2,5×2,0×1,5 м соответственно с одним, двумя или тремя выступами-«лежанками», расположенными вдоль стен; V тип — прямоугольной камерой несколько больших размеров с четырьмя попарно смежными «лежанками» вдоль боковых стен; VI тип — прямоугольной камерой обычных размеров с двумя «лежанками», профилированными нишами-углублениями в изголовье; VII тип

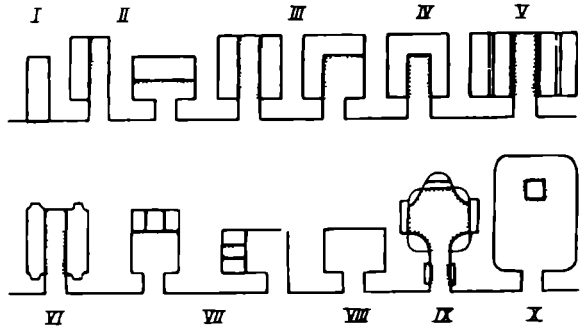


Рис. 2. Основные «архитектурные» типы подземных сооружений (по А. Б. Авагяну)

представлен прямоугольной камерой с выступом-«синтроном» у противоположной входу стены [18, с. 128].

Исследования последних лет в Среднем Поднепровье позволяют существенно дополнить эту типологию: тип VIII представлен невысокой прямоугольной камерой без «лежанок»; тип IX — небольшой камерой с крестообразно расположенными арочными нишами в стенах; тип X — обширным прямоугольным помещением с кубовидным выступом-«престолом» по центру (ближе к восточной стене) (рис. 2).

Неизвестные прежде типы и модификации подземных сооружений выявляются с каждым новым полевым сезоном, поэтому говорить о завершенности и универсальности данной типологии не приходится. Кроме того, очевидная, на первый взгляд, преемственность вышеперечисленных типов, составляющих как бы единую генетическую цепь, археологически не подтверждается, как, впрочем, не подтверждается и предположение А. Б. Авагяна о разновременности возникновения подземных помещений различных типов [18, с. 129]. Большинство из них сосуществует на многих памятниках во всех упомянутых регионах и датируется при этом как XI—XII, так и XVI—XVII вв. Очевидно, формы подземных сооружений были традиционными и практически не изменялись с течением времени, а их происхождение скорее всего восходит к раннехристианским катакомбам Средиземноморья [4, с. 18, 19; 19, с. 23—25; 20, с. 57, 58]. Следует отметить, что серьезным недостатком вышеописанной типологии, повлекшим преждевременные и ошибочные заключения, явилось объединение полостей различного функционального назначения и содержания, определение которых, впрочем, и поныне достаточно затруднено. По немногочисленным источникам (летописи и археологические разведки) установлено, что в комплексы пещерных монастырей входили следующие составляющие: подземные коридоры, храмы, трапезные, жилые келии, погребальные камеры и ниши, хозяйственные сооружения, очаги, колодцы, нишки для светильников и икон, пазы для деревянных загородок, прочее [21, с. 96, 115—119, 128, 129; 22, с. 139, 140, 163—165]. «Архитектурная» типология (в нынешнем ее виде) может быть применена ко многим из этих элементов, при этом оказывается, что некоторые идентичные по устройству, но разновременные подземные сооружения зачастую обладают различными функциями. Например, однотипные (типы III—IV) камеры в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры, датированных XII — началом XIII в., являются погребальными, а аналогичные помещения в Китаевских пещерах XVI—XVII вв. предназначались для жилья. К функционально смешанным следует также отнести полости типа II и VIII. Несомненно погребальным сооружениям соответствуют полости типа I, V, VI; помещения же типа VII, IX, X могут быть, скорее всего, интерпретированы как пещерные храмы. Впрочем, совершенно

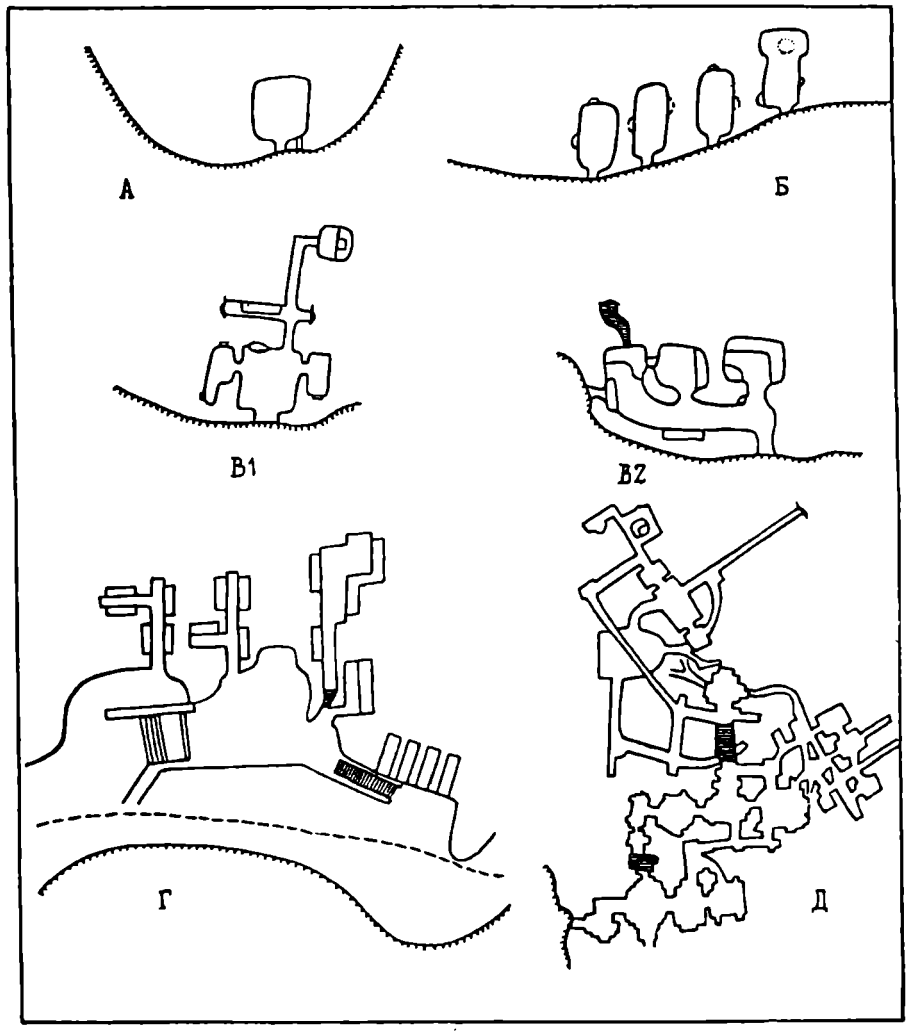


Рис. 3. Основные типы планировки пещерных монастырей (на примере памятников Украины). *А* — с. Илов Львовской обл.; *Б* — с. Бобрица Черкасской обл.; *В-1* — урочище Церковщина Киевской обл.; *В-2* — пгт Сатанов Хмельницкой обл.; *Г* — с. Бакота Хмельницкой обл.; *Д* — Троице-Ильинский монастырь, г. Чернигов

очевидно, что для периодизации пещерных культовых комплексов одной «архитектурной» типологии недостаточно.

Следующим этапом работы стала оценка планировочных структур и соответствующих им функций подземного памятника в целом, позволившая выделить пять основных планировочных типов (рис. 3). Тип А — «простой единичный» — представлен однокамерной пещерой с выходом непосредственно на дневную поверхность; этому типу соответствуют языческие святилища, христианские храмы, а также обособленные жилища монахов-отшельников; тип Б — «простой групповой» представлен пещерами предыдущего типа, расположенными локальной группой (например, на одном склоне горы), но не соединенными друг с другом; этому типу соответствуют пещерные монастыри и скиты с явными чертами «келиотства» (отшельничества), сосредоточенные в основном в Западном регионе (в Центральном регионе подземелья данного типа, соседствующие с поверхностью, могли не сохраниться ввиду рыхлости лессовых грунтов); тип В — «кустовой единичный» — представлен подземным комплексом, состоящим из отдельных полостей, объединенных коридором, с единственным для всех выходом на поверхность. Этот тип возникает в результате развития планировки типа А (разрастание комплекса в глубь склона горы), что характерно для Центрального региона. Интересен вариант этой планировки, продолжающий традиции типа Б

(разрастание комплекса вдоль склона, под поверхностью, с несколькими выходами) и распространенный в Западном регионе (вариации данного типа, вероятнее всего, также связаны с прочностью залегающих близко к поверхности пород). Типу В соответствуют некоторые сложные ансамбли монастырей и скитов «киновиотского» (общежительного) толка; тип Г — «кустовой групповой» или «комбинированный» — представлен изолированными пещерами типов А — В, расположенными локальной группой, и возникает в результате развития прежних планировок. Тип Д — «лабиринтовый» представлен комплексом подземных сооружений, объединенных многочисленными переходами; соответствует высшей стадии формирования пещерного памятника на основе предыдущих типов. К последним двум типам относятся крупнейшие монастыри и скиты, развивавшиеся на протяжении значительного отрезка времени, вплоть до создания ансамбля наземных сооружений.

Таким образом, различные типы планировки, очевидно, отражают разные стадии эволюции пещерного памятника: соответственно, на первом этапе (типы А, Б) — появление отшельнических келий (летописная «печерка мала двусажена» [2, с. 95]), в дальнейшем (типы В — Д) — формирование монастырского комплекса, конечную стадию которого знаменует сложная лабиринтовая планировка. Впрочем, согласно результатам археологических исследований, и эта типология, даже во взаимодействии с «архитектурной» и «функциональной», не позволяет достоверно датировать пещерные памятники. Во-первых, традиции формирования планировки, равно как и архитектурные, сохраняются на протяжении всего рассматриваемого периода (XI—XVII вв.), а незначительные отклонения от них вызваны не столько историческими процессами, сколько природными условиями (например, использование и доработка карстовых полостей). Во-вторых, формирование многих комплексов происходило в течение нескольких столетий и сопровождалось изменениями функций не только отдельных компонентов, но и всего ансамбля в целом. Так, например, возникнув как жилище отшельника, Лаврские пещеры в Киеве, минуя стадии общежительного монастыря, а затем — монастырского некрополя, на рубеже XVI—XVII вв. превратились в музеефицированное место паломничества, причем планировка комплекса изменялась на каждом этапе [23, с. 34—36]. И наконец, в-третьих, изменения в архитектуре и планировке пещерного памятника (увеличение объемов, усложнение конфигурации и пр.) со временем неизбежно приводили к уничтожению первоначальных интерьеров (в отличие от наземной архитектуры, где позднейшие пристройки не разрушали, а лишь скрывали древнее ядро сооружения), что уже само по себе предельно усложняет реконструкцию этапов развития подземного комплекса.

Поэтому помимо типологических изысканий на основании тщательного анализа летописных и архивных материалов, сохранивших сведения более чем по 25 памятникам [22, 24, 25], а также археологических источников была предпринята попытка периодизации в целом исторического процесса формирования пещерных монастырей на Руси. Археологические находки из пещерных комплексов относительно немногочисленны, хотя и представлены различными категориями. Большинство из них связано с погребениями: это костный материал и мумифицированные останки, доступные антропологическому изучению, остатки монашеской одежды и обуви и всевозможные культовые аксессуары (кожаные пояски, плетеные из ремешков «параманды», кипарисовые кресты, в редких случаях — металлические образки и панагии). Довольно часто встречается керамика, датирующаяся как древнерусским, так и позднесредневековым периодом. На стенах некоторых пещерных сооружений зафиксированы фресковые росписи и надписи-граффити, наиболее ранние из которых датируются первой половиной XII в., а также следы разнообразных орудий, при помощи которых вырабатывались подземные полости. В некоторых памятниках выявлены кирпичные кладки с использованием плинфы и «литовки». Хорошие условия консервации органики сохранили в ряде пещерных некрополей остатки деревянных конструкций, в частности, дощатых гробов и погребальных дубовых колод [7, с. 46; 8, с. 94—108;

12, с. 53—55, 60—63; 13, с. 137—138; 26; 27, с. 62]. В большинстве своем весь этот материал, фиксируемый, как правило, в переотложенном состоянии, маловыразителен и не поддается узкой датировке — зачастую можно судить только о принадлежности его к древнерусскому, послемонгольскому или позднесредневековому периодам. Но и этих данных оказалось достаточно, чтобы выделить несколько хронологических реперов в образовании пещерных культовых памятников. Для Центрального региона это XI—XII, XIII—XIV и XVI—XVII вв.; для Западного — XII—XIII, XIV—XV и XVII вв. Даже беглый обзор истории русского православия (с целью расшифровки указанных дат в отношении монашества) позволил выявить исторически обусловленные предпосылки возникновения пещерных монастырей в разных регионах и предположить несколько «мотивационных периодов» этого процесса [28].

Первый, наиболее ранний период, очевидно, связан с возникновением на рубеже X—XI вв. пещерных храмов в местах древних языческих святилищ. Аналогичный процесс, достаточно хорошо изученный, происходил и в наземном строительстве, где в то же время на местах разоренных капищ возводились православные церкви. Языческие подземные святилища, представленные небольшими естественными гротами, приспособленными для культовых целей, в соответствующий период были «доработаны» и преобразованы в монастырские комплексы с планировками типа А — В. До сих пор они встречены только в Западном регионе (Лядова, Нагоряны, Межигорье-Западное и Бубнище). Некоторые лессовые пещеры Центрального региона, подвергшиеся бесчисленным перепланировкам и изменившие до неузнаваемости свой первоначальный облик, вероятно, также возникают в местах языческих святынь, о чем косвенно свидетельствуют легендарные топонимы (например, Змиева и Варяжская пещеры в Киеве [29, с. 24, 25; 30, с. 28—29]).

Следующий, второй, период формирования пещерных монастырей, охватывающий вторую половину XI—XII в., по-видимому, связан с миссионерской деятельностью низших монашеских чинов и представлен многочисленными памятниками Центрального и Западного регионов; причем для западных земель наблюдается некоторое запаздывание данного процесса, вызванное, вероятно, особенностями распространения православия в древнерусском государстве [31, с. 35—47]. Характерно, что монахи-миссионеры, создававшие эти пещерные комплексы, были выходцами из различных слоев именно древнерусского общества и составляли своеобразную оппозицию официальному греческому духовенству, всецело зависившему от княжеской власти [32, с. 44—46, 51—53]. Активное вмешательство в политическую жизнь государства обеспечивало многим монастырям этого периода значительные привилегии и пожертвования (а некоторым наоборот — гонения и немилость). Такие комплексы, как правило, соседствовали с крупными населенными пунктами и отличались сложностью планировки, многофункциональностью отдельных структур, а впоследствии превращались в мощные ансамбли с наземными постройками (Киево-Печерская лавра, Троице-Ильинский монастырь в Чернигове, монастыри в Межигорье-Киевском, Церковщине, Монастырьке, Бакоте, Зимно и Василеве).

Третий период, датирующийся второй половиной XIII — концом XIV в., непосредственно связан с монголо-татарским нашествием и установлением на Руси золотоордынского ига. Для этого периода характерно массовое возникновение пещерных монастырей — своеобразных убежищ, в особенности широко распространившихся в Центральном регионе (Зверинецкие и Пироговские пещеры в Киеве, Васильков, Брилевка, Козин, Бучак). Веротерпимость монголов, их лояльность и даже покровительство по отношению к служителям культа, освобождение духовных лиц от податей и повинностей в какой-то мере, вероятно, способствовали этому процессу, затронувшему преимущественно бедствующие слои населения [32, с. 69]. Укрытие в монастырях талантливых мастеров прикладного искусства, просвещенных и просто грамотных людей во многом, возможно, и предопределило наметившийся тогда расцвет монастырской культуры.

В то же время, с начала XIV в., на территории Западного региона возникает совершенно новая категория пещерных монастырей, связанная с проникновением из Юго-Западной Европы и распространением далее, на северо-восток, «исихазма» — аскетического христианского течения, позже оформившегося в центральных районах России в виде ереси «нестяжателей» [31, с. 11—14; 33, с. 105]. Этот процесс, охвативший несколько столетий (для Западного региона — XIV—XVII вв., для Центрального — конец XV — начало XVII в.), знаменует особый период образования небольших пещерножительных и наземных скитов, представленных практически полным набором планировочных и архитектурных типов со строгим распределением функций (жилых, служебных, погребальных) отдельных структур (Николаев, Березова, Бубнище, Страдч, Почаев, Сатанов, Березки-Бершадские — Западный регион, урочище Курган, Китаевские и Щекавицкие пещеры в Киеве, Межигорье-Киевское, Староселье, Мельники — Центральный).

К XVII в., вероятно, следует также отнести многочисленные скиты и монастыри Северного, Восточного и Юго-западного регионов, а также монастыри-крепости скального типа в русско-татарском пограничье на юге Украины (Славяногорский и Григорие-Бизюков монастыри) [14; 16; 25, т. 4, с. 131]. Несколько позже, в XVIII — начале XIX в., во всех регионах при крупных наземных ансамблях монастырей формируются целые системы потайных служебно-хозяйственных и фортификационных подземелий (например, Молчанские пещеры в Путивле, Софийские и Михайловские — в Киеве, Елецкие — в Чернигове), а также отшельнические скиты рубежа XIX—XX вв. (Балта, хутор Преображения в Киеве, Алимпиевы пещеры в Чернигове, Антониевы в Любече) [10; 34, с. 73—76; 35; 36]. Эти памятники появляются практически одновременно, в большом количестве и на всей территории европейской части России, однако мотивация их возникновения пока не ясна.

С момента возникновения судьбы пещерных монастырей складываются по-разному. Часть из них развивается в течение многих столетий, при этом заметно усложняя свою планировку; некоторые в процессе эволюции даже преображаются в наземные комплексы; большинство же, как правило, существует практически в неизменном виде только в пределах одного-двух «мотивационных периодов», впоследствии приходя в запустение. И хотя ввиду малочисленности источников и разработок данной проблемы трудно пока судить об «экологической нише» пещерного монашества (да и монашества в целом) в структуре древнерусского государства, несомненно одно — эти монастыри играли определенную роль не только в становлении и развитии русского православия, но и в жизни средневековой Руси в целом. «Подвижничество» и в известной степени демократичность старцев-монахов, их проповеди нестяжательства, противоречивые, на первый взгляд, следования византийским богословским традициям и отстаивание философии славянского мессианства, образованность и ученость во многом предопределили, с одной стороны, популярность этих монастырей в самых широких слоях общества, с другой,— отчуждение, а местами и откровенную враждебность к ним официального духовенства и властей [37, с. 37—44]. Неоднократные вмешательства некоторых монастырей во внутреннюю и внешнюю политику государства, несомненно, характеризуют их как активных персонажей русской истории. И наконец, монашеское «стяжание Святого Духа» (исихазм), основанное на философии раннехристианского аскетизма, бережно перенесенное на русскую почву, привитое и давшее здесь обильные всходы, оставило глубокий след в духовной культуре восточноевропейских народов [31, с. 4; 38, с. 9]. Разнообразие обозначенных факторов в совокупности с интереснейшими археологическими находками и самобытными архитектурными формами пещерных комплексов (монастырей и скитов) позволяет поместить их в ряду выдающихся памятников отечественной археологии, истории и культуры.

Предложенные в настоящей работе типологии («архитектурная», «планировочная» и «функциональная») культовых пещерных сооружений в соответствии

с намеченой периодизацией возникновения монастырей на Руси, в совокупности с археологическим и архивным материалом, позволяют не только датировать подземные комплексы, но и прослеживать этапы формирования их отдельных структур, определять изменения функций в процессе эволюции. Автор намерен продолжить начатую работу в дальнейшем с целью уточнения и обобщения полученных данных и введения новой категории археологических памятников в научный оборот.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Якушева Е. М., Нижура А. М.* «Пещерные» города Крыма. Симферополь: Таврия, 1972.
2. *Гаприндашвили Г. М.* Вардзиа. Тбилиси, 1976.
3. *Ханджийский А.* Обители в скалите. София, 1985.
4. *Бадень А.* Пещеры и подземелья. Спб., 1869.
5. *Ладинский А.* Церковная археология. Спб., 1873.
6. *Антонович В. Б.* Археологические находки в Киеве и Киевской губернии в течение 1876 г. // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Кн. 1. Киев, 1879.
7. *Эртель А. Д.* Древние пещеры в Киеве на Зверинце. Киев, 1913.
8. *Каманин И.* Зверинецкие пещеры в Киеве (их древность и святость). Киев, 1914.
9. *Гульдман В. К.* Памятники старины в Подолии. Каменец-Подольский, 1901.
10. *Щербина І.* Преображенський скит у Києві. Киев, 1920.
11. *Самойловський І. М.* Київські печери та підземні ходи // Соціалістична культура. 1935. № $^{7}/_{8}$.
12. *Толочко П. П.* Таемниці київських підземель. Киев, 1969.
13. *Руденок В. Я.* Новые данные об Антониевых пещерах в г. Чернигове // Проблемы археологии Южной Руси. Киев: Наук. думка, 1990.
14. «Святые горы» на Северском Донце. М., 1912.
15. *Веймарн Є. В.* Пам"ятки південно-західного Криму // Археологія УРСР. Т. 3. Киев: Наук. думка, 1975.
16. *Плужников В. И.* Пещерные монастыри на Дону и Осколе // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М.: Наука, 1985.
17. Памятники искусства Советского Союза. Украина и Молдавия. М.: Искусство, 1982.
18. *Авагян А. Б.* К вопросу о датировке Киевских пещер // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. респ. конф. молодых ученых. Киев: Наук. думка, 1981.
19. *Смышляев Д.* Синай и Палестина. Спб., 1879.
20. *Сидорова Н. А., Стародуб Т. Х.* Города Сирии. М.: Наука, 1979.
21. «Літопись руський» за Іпатським списком. Киев: Наук. думка, 1989.
22. *Абрамович Дм.* Киево-Печерський Патерик. Киев, 1931.
23. *Килессо С. К.* Киево-Печерская лавра: памятники архитектуры и искусства. М.: Искусство, 1975.
24. *Похилевич Л.* Сказание о населенных местностях Киевской губернии. Киев, 1864.
25. Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. В 4 т. Киев: Будівельник, 1983—1986.
26. *Мовчан И. И.* Отчет о раскопках в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры в 1978—1979 гг. // Архив Ин-та археологии АН УССР. Ф. № 1978—79/16 «г».
27. *Высоцкий С. А.* Киевские граффити XI—XVII вв. Киев: Наук. думка, 1985.
28. *Никольский Н. М.* История русской церкви. М.: Политиздат, 1985.
29. *Малышевский И.* Варяги в начальной истории христианства в Киеве. Киев, 1887.
30. *Писаренко Ю.* «Зміїна» гора // Пам"ятки України. 1988. № 2.
31. *Концевич И. М.* Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. Киев: ИЗД. Экзарха всей Украины, митрополита Киевского и Галицкого, 1990.
32. *Щапов Я. Н.* Церковь в Древней Руси (до конца XIII в.) // Русское православие: вехи истории. М.: Наука, 1989.
33. *Сахаров А. М.* Церковь в обществе развитого феодализма (XIV—XVI вв.) // Русское православие: вехи истории. М.: Наука, 1989.
34. *Ефимов А.* Елецкие пещеры при монастыре того же имени // Тр. XIV археологического съезда. Т. II. Чернигов, 1911.
35. *Ляскоронський В.* Розкопки в подвір"і Софійського собору в Києві. Осінь 1925 р. Киев, 1925.
36. *Гомін Л.* Голгофа. Киев: Дніпро, 1990.
37. *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М.: Изд-во МГУ, 1986.
38. *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л.: Наука, 1978.

Музей истории Киева

T. A. BOBROVSKY

ON THE TYPOLOGY AND DATING OF ANCIENT RUSSIAN CAVE MONASTERIES

Summary

The article is devoted to the rather wide-spread but not enough investigated category of Ancient Russian archaeological monuments — cave monasteries and underground cult constructions in Eastern Europe. By data of more than 70 monuments on the territory of Ukraine and many analogies the author proposes schemes of universal (architectural, planning and functional) classification of cave complexes and periods in the process of their origin in the 10th-18th centuries. In the whole the article has a problem-theoretical character, includes illustrations and a large bibliography.

Дискуссии

Г. Е. АФАНАСЬЕВ

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-МАРКИРУЮЩИХ ПРЕДМЕТОВ В МУЖСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ ДОНСКИХ АЛАН

Хотя идея о социальном неравенстве в обществе носителей салтово-маяцкой культуры (а точнее аланской культуры у населения Придонья на ее салтово-маяцком хронологическом этапе) возникла одновременно с открытием этих памятников на Северском Донце и на Дону, работы практического характера по археологическому анализу имеющихся материалов составляют очень небольшой список. Подавляющее большинство исследователей освещало этот вопрос, используя информацию нарративных источников о Хазарском каганате в целом. При этом на оседлое земледельческое ираноязычное алано-ассо-буртасское население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона часто некритически переносились характеристики, данные средневековыми авторами хазарам или каким-либо другим кочевническим или полукочевническим тюркоязычным народам оногуро-булгаро-хазарского круга. С методической стороны такой подход не может быть оправдан, и, вероятно, следует согласиться с недавно прозвучавшим упреком в адрес некоторых специалистов в области салтовской археологии в том, что недостаточно глубокое знание письменных источников приводит их порой к ошибочным историческим выводам [1, с. 3].

Нарративные материалы дают нам довольно скупые сведения о социальной дифференциации и воинской стратификации в обществе донских алан-буртасов. Исследуя информацию арабо- и персоязычных средневековых авторов об административном устройстве у буртасов, Б. Н. Заходер обращает внимание на то обстоятельство, что восточных наблюдателей поражала примитивная ступень развития буртасского общества, в котором нет князей (начальников), но в каждом округе существовали один-два старца (шейха), чтобы вершить суд и разбирать распри [2, с. 247, 248; 3]. Однако нельзя не заметить, что существует и другая группа восточных источников, где прямо говорится о буртасских царях. Так, персидский автор XII в. Ахмед Туси в сочинении «Аджа'иб ал-Мухлукат» упоминает о бытовании у буртасов обряда удушения своего царя при его избрании на царство [4, с. 420] (как известно, аналогичный обряд существовал и у хазар). В X в.— сообщается в анонимном сочинении XII в. «Моджмал ат-таварих» — у буртасов был правитель с местным титулом «т-и-в» [1, с. 144]. В каком же соответствии находится эта информация средневековых письменных источников с археологическими данными?

Впервые реальная попытка дифференцировать мужские погребения по признаку их принадлежности к определенной социальной группе была предпринята С. А. Плетневой [5, с. 168—170]. Основываясь на различных сочетаниях в могилах предметов вооружения и конской сбруи, она выделила 10 групп мужских погребений, которые отражали, по ее мнению, иерархическую структуру общества, в которой главными были два класса. Один из них составляли земледельцы,

© Г. Е. Афанасьев, 1993 г.

ремесленники и беднейшие кочевники, а второй — всадники, представлявшие собой родовую аристократию, которая превратилась уже в аристократию феодальную. С. А. Плетнева считает, что археологическим индикатором элитарного класса было наличие в погребении поясного набора. Проблема социальной стратификации и воинской организации у алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона отчасти затрагивалась исследовательницей и в контексте «амазонок» в европейской лесостепи [6, с. 13—18]. Эта же концепция получила дальнейшее развитие в работе С. А. Плетневой «На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс)» [7].

Реконструкция социальной структуры общества носителей салтово-маяцкой культуры была недавно предпринята В. К. Михеевым в его диссертационном исследовании [8, с. 21—26]. Проанализировав материалы Верхнесалтовского катакомбного могильника, он пришел к выводу о возможности выделения трех общественных групп — бедняки, земледельцы-ремесленники, военнослужилая аристократия. Второй вывод В. К. Михеева состоял в том, что для значительной части населения социальное положение индивидуума определялось уже в момент его рождения наследственной принадлежностью к определенной общественной группе. И, наконец, третий вывод исследователя фиксировал ограниченную социальную подвижность внутри иерархической структуры изучаемого салтовского общества.

Поискам путей анализа социальной стратификации маяцкой общины была посвящена специальная статья В. С. Флерова [9]. Он обращает внимание на неразработанность археологической аргументации и противоречивость использования С. А. Плетневой таких понятий, как «феодализм», «классы» применительно к обществу носителей салтово-маяцкой культуры. Основываясь на материалах Маяцкого могильника [10, 11], автор отрицает точку зрения этой исследовательницы о поясных наборах как социально-маркирующих признаках элиты, полагая, что наличие или отсутствие в могилах поясных наборов объясняется исключительно возрастом умерших. В итоге В. С. Флеров приходит к выводу, что население, оставившее Маяцкий могильник, представляется в имущественном отношении социально однородным.

Итак, можно говорить о существовании в нашей науке диаметрально противоположных точек зрения на общественную стратификацию мужской половины салтовского общества. Состояние изученности проблемы социально-политической организации алано-ассо-буртасских племен лесостепной зоны бассейна Среднего Дона делает актуальным рассмотрение этого вопроса на базе всего имеющегося материала по салтовской катакомбной погребальной обрядности (около 1500 погребений), накопленного за последние 90 лет. Большая часть этих источников была включена автором настоящей статьи в созданную для микро-ЭВМ MERA-660 информационно-поисковую систему «BURTAS», которая и использовалась в качестве банка данных для анализа имеющейся в нем информации в социологическом аспекте.

Для чистоты эксперимента в практической работе над поставленной темой мною был использован материал, состоящий из 130 салтовских катакомб, где были найдены только одиночные мужские погребения (43,08%) или совместные захоронения одного мужчины и одной женщины (56,92%). Эта выборка является обобщенной, так как она охватывает материалы нескольких некрополей: Нижнелубянского, Верхнесалтовского, Дмитриевского, Ютановского, Подгоровского могильников и катакомбы Маяцкого селища. Исключение на данном этапе из анализа усыпальниц с многоактными мужскими погребениями позволяет более корректно исследовать проблему определения социального статуса индивидуумов. Ведь известно, что при рассмотрении материалов из склепов, где находилось более одного мужского погребения, довольно часто возникает проблема определения принадлежности того или иного вещевого комплекса тому или иному умершему, которая часто не находит однозначного разрешения. Поэтому и степень достоверности полученных результатов будет соответственно мала.

В процессе исследования объектов (после изучения всех категорий погребаль-

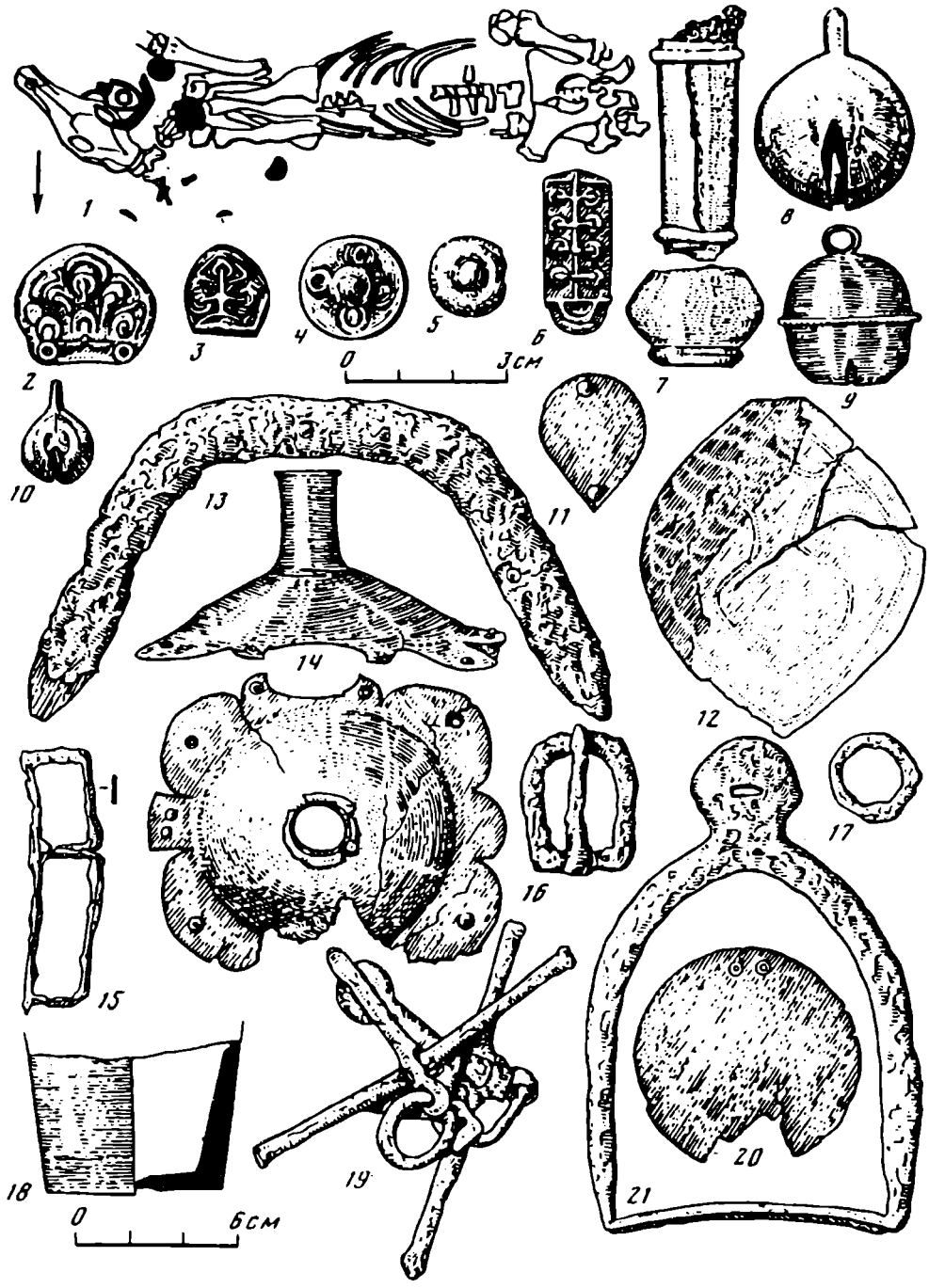


Рис. 1. Вещевой комплекс из захоронения коня в Ютановском могильнике: *1* — план погребения коня; *2—6, 11, 12, 20* — бляшки оголовья; *7* — рукоятка плети; *8—10* — бубенчики от оголовья; *13* — обкладка луки седла; *14* — начельник; *15* — скоба от крепления подпруги; *16* — подпружная пряжка; *17* — кольцо; *18* — стакан; *19* — удила; *21* — стремя

ного инвентаря на предмет их информативности и после соответствующего отсева второстепенных признаков) были отобраны восемь основных переменных — предметов из мужских вещевых наборов, встречающихся во всех без исключения салтовских катакомбных могильниках и таким образом лишенных специфики локальной обрядности той или иной общины, а следовательно, имеющих как бы всеобъемлющий общесалтовский характер: конские начельники, найденные в 1,54% погребений (рис. 1, *14*); остатки конского оголовья, найденные в 9,23% погребений (рис. 1, *2—6, 8, 9, 11, 12, 20*); стремена, найденные в 10,77% погребений (рис. 1, *21*); наконечники стрел, найденные в 10,77% погребений;

Рис. 2. Комплекс катакомбы 2-II Ютановского могильника с одиночным мужским погребением: *1* — план катакомбы; *2—7* — детали поясного набора; *8* — нож, *9* — кувшин; *10* — тесло; *11* — топорик

сабли (мечи, палаши), найденные в 10,77% погребений; боевые топоры, найденные в 43,85% погребений (рис. 2, *11*; 3, *8*; 4, *17*); тесла-мотыжки, найденные в 40,00% погребений (рис. 2, *10*; 3, *7*; 4, *19*); фурнитура поясных наборов, найденная в 53,08% погребений (рис. 2, *2—7*; 3, *2—4*; 4, *2—6*).

Уже простой взгляд на частоты или гистограммы распространения этих предметов в погребениях позволяет говорить о значительной вероятности наличия в данной выборке какой-то структуры, за которой могут скрываться различные подходы к формированию вещевых комплексов, сопровождавших захоронения лиц с различным социальным статусом.

Приступая к сравнительному анализу мужских погребений в социологическом аспекте, я буду исходить из общепринятого допущения, что захоронение индивидуума более высокого ранга должно сопровождаться расширенным набором специфических мужских вещей. Соответственно в могилах индивидуумов низшего ранга набор вещей должен быть более скромным. Но прежде всего нам необходимо определить: что связывает восемь перечисленных признаков-предметов в группы взаимозависимых переменных, что заставляет их объединяться в какие-то вещевые комплексы, которые соответствуют тому или иному социальному статусу умершего. Иными словами задача состоит в проведении анализа главных компонент [12, с. 56—62] или факторного анализа [13, с. 174—180] намеченных признаков в выборке из 130 усыпальниц.

Эта исследовательская процедура проводилась на микро-ЭВМ MERA-660 с

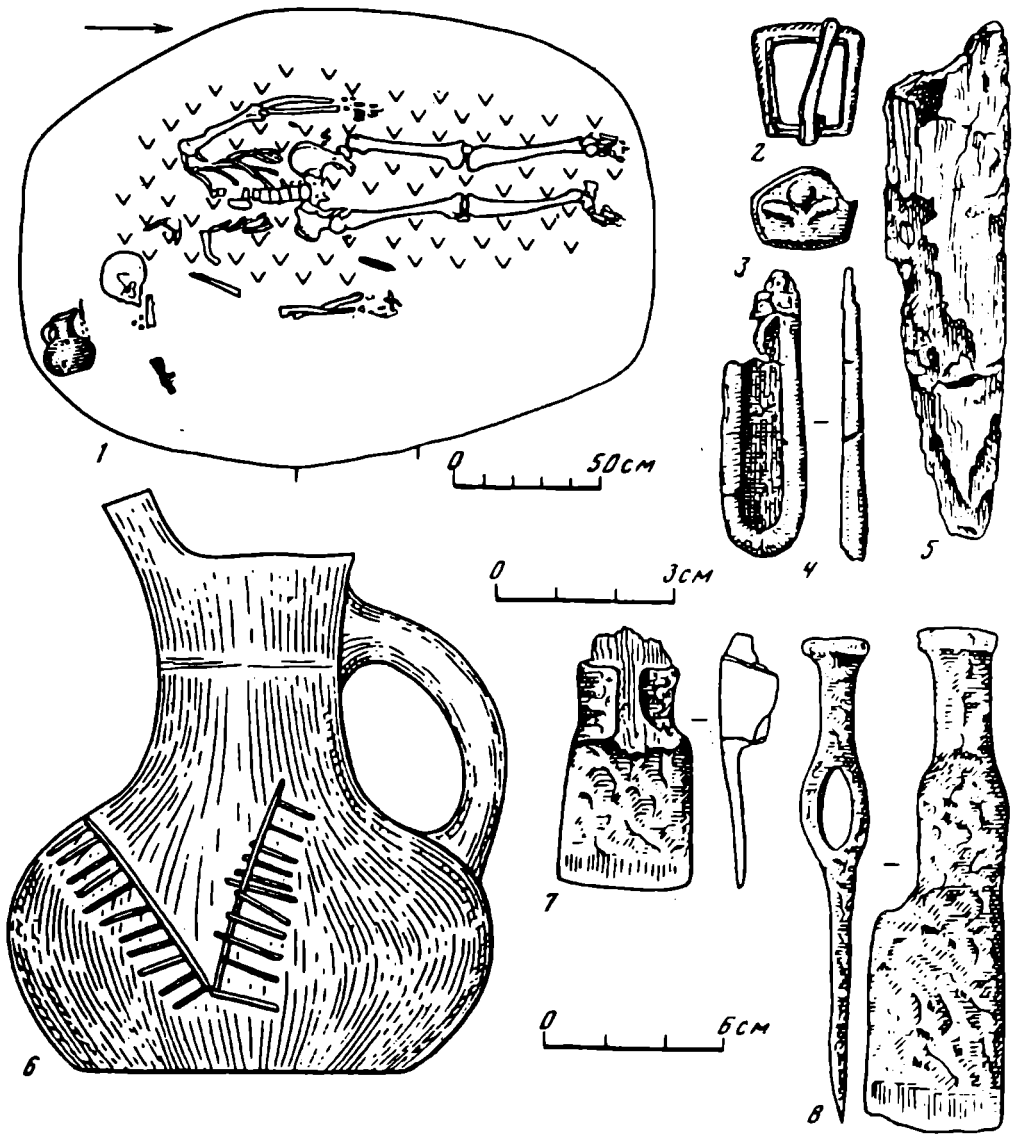


Рис. 3. Комплекс катакомбы 1 Ютановского могильника с одиночным мужским погребением: *1* — план катакомбы; *2—4* — детали поясного набора; *5* — нож, *6* — кувшин; *7* — тесло; *8* — топорик

использованием разработанного в отделе охранных раскопок Института археологии РАН пакета прикладных статистических программ «STARCH» и на персональном компьютере IBM AT с применением двух пакетов прикладных программ «STATGRAPHICS» и «SIGAMD». После построения квадратной матрицы размером 8×8 коэффициентов корреляции между каждой парой признаков и осуществления всех необходимых процедур над этими коэффициентами была получена новая матрица — факторная, где выделяются три фактора — так называемые главные компоненты (табл. 1).

Приведенные данные показывают, что первый фактор нагружают такие признаки, как оголовье, стремена, наконечники стрел и сабля (меч, палаш). Второй фактор включает топорик и тесло-мотыжку. Третий же фактор состоит из начельника и поясного набора. Гипотеза о правомерности выделения трех факторов именно с таким составом признаков была проверена путем вращения факторной матрицы методом варимакс, целью которого является получение более простой факторной структуры. Полученная после вращения факторная матрица подтверждает первоначальное предположение о наличии в этой выборке факторной структуры (табл. 2). Однако в сочетаниях элементов, формирующих выделенные главные компоненты, произошли некоторые изменения.

Таблица 1

Факторная матрица с выделенными признаками (до вращения)

Признак	Фактор		
	1	2	3
Начельник	0,31564	−0,47697	0,64413
Оголовье	0,79998	−0,44282	0,10615
Стремена	0,83653	−0,27116	−0,13911
Стрелы	0,59615	0,25272	−0,51533
Сабля	0,65685	−0,12297	−0,25098
Топор	0,52987	0,68001	0,20152
Тесло	0,43137	0,60383	0,33786
Поясной набор	0,16157	0,25354	0,29514

Таблица 2

Факторная матрица с выделенными признаками (после вращения)

Признак	Фактор		
	1	2	3
Начельник	0,14316	0,07242	0,84634
Оголовье	0,77563	0,04518	0,49364
Стремена	0,86281	0,07578	0,20651
Стрелы	0.67020	0,19918	−0,44270
Сабля	0,71121	0,06116	−0,00227
Топор	0,22769	0,84352	−0,14294
Тесло	0,10520	0,80851	−0,00927
Поясной набор	−0,03320	0,40451	0,11299

Загруженность первого фактора осталась прежней — оголовье, стремена, наконечники стрел и сабля (меч, палаш). Второй фактор расширился. В дополнение к топору и теслу-мотыжке в него вошел поясной набор. Из состава третьего фактора вышел поясной набор, и теперь он характеризуется только наличием начельника. Итак, с помощью факторного анализа максимально расширенного специфического мужского вещевого набора в погребениях анализируемой выборки удалось установить факт существования в салтовской погребальной обрядности практики дифференцированного подхода в обществе донских алан к формированию комплекса вещей, сопровождавших мужские захоронения, подхода, основанного, как правило, на иерархической социальной градации умерших взрослых индивидуумов.

Как же практически воплощалась эта традиция в жизнь? Ответ на поставленный вопрос дают результаты исследования данной выборки (табл. 3) методом кластерного анализа, в задачу которого входит автоматическое разбиение группировки погребений на классы по степени связи между ними. Первым этапом в этом направлении было построение матрицы сходства размером 130×130 объектов (мужских погребений). Затем осуществлялась процедура последовательного разбиения кластеров на группы схожих объектов до тех пор, пока они не достигнут 100%-ного сходства.

В итоге была построена дендрограмма (рис. 5), отражающая взаимосвязь анализируемых погребальных комплексов по выделенным переменным. Она наглядно показывает, что на уровне отметки шкалы в 2,8 исследуемая выборка

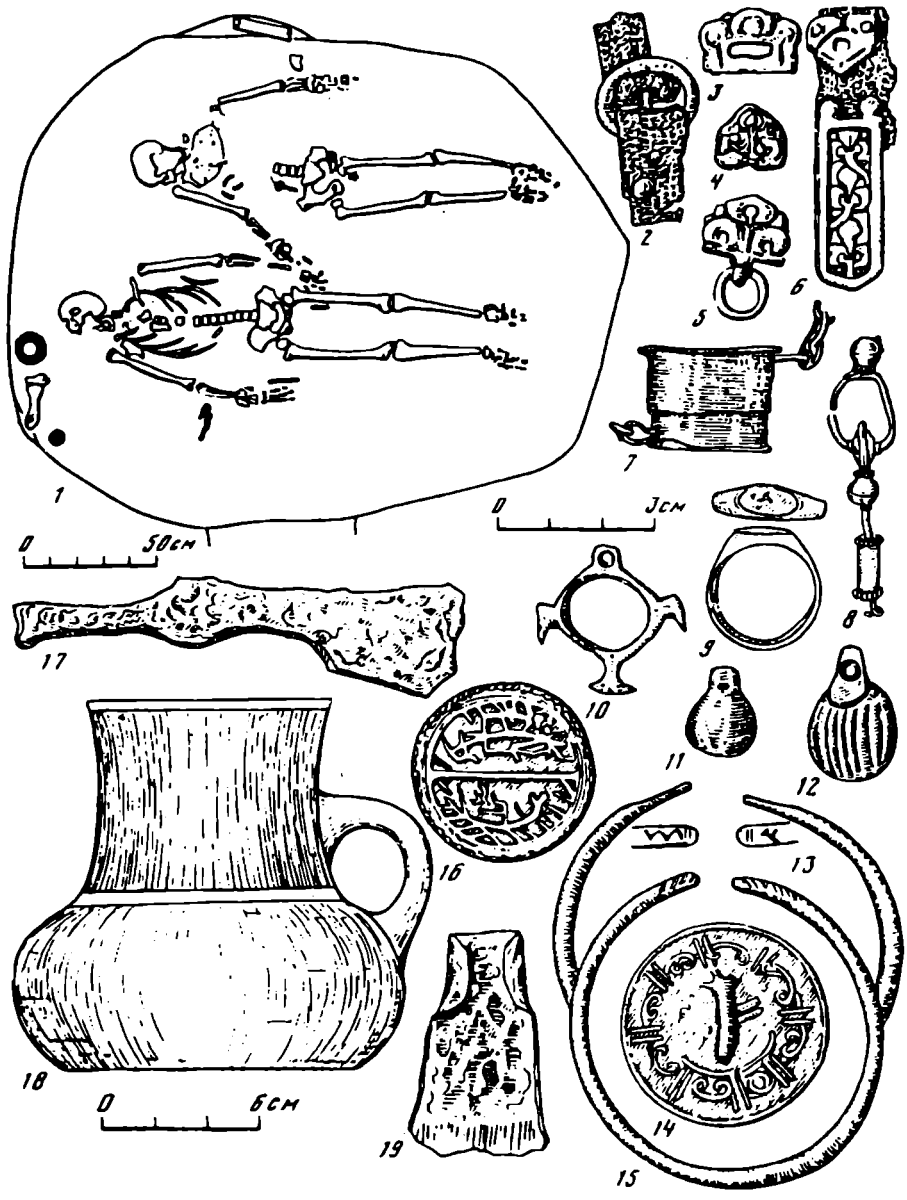


Рис. 4. Комплекс катакомбы 7 Ютановского могильника с совместным погребением мужчины и женщины: *1* — план катакомбы; *2—6* — детали поясного набора; *7* — коробочка-дарохранительница; *8* — височная подвеска; *9* — перстень; *10* — амулет с соколиными головками; *11, 12* — бубенчики; *13, 15* — браслеты; *14, 16* — зеркала; *17* — топорик; *18* — кружка; *19* — тесло

распадается на два кластера, каждый из которых характеризуется присутствием или отсутствием того или иного из выделенных ранее трех факторов — специфических мужских вещевых наборов.

Если в соответствии с принятой в многомерной статистике методикой кластеризации материала отбросить те объекты, которые создают «шумы» (а они включают 15 комплексов), то оставшаяся выборка из 115 катакомб четко распределится на две основные группы. Кластер 1 содержит 11 погребений, составляющих 9,57% всей выборки и являющихся захоронениями представителей первого социального ранга. Для него характерно сильное влияние фактора 1 (оголовье, стремена, стрелы, сабля). Центром этой группы, т. е. наиболее типичным для нее погребением, является катакомба 12 из раскопок В. А. Бабенко Верхнесалтовского могильника в 1911 г.

Кластер 2 включает 104 погребения, составляющих 90,43% анализируемой

Таблица 3

Отсортированная выборка салтовских мужских погребений с анализируемыми признаками

Катакомба	Погребальный инвентарь								
	начельник	оголовье	удила	стремена	стрелы	сабля	топор	тесло	пояс
ПГ 5	1	1	1	1		1	1	1	
ВС 1912 1Б	1	1							1
МС ХЯ 18		1	1	1	1	1	1	1	1
ДМ 52		1	1	1	1	1	1	1	
ДМ 45		1	1	1	1		1	1	
НЛ 6		1	1	1	1		1		1
ВС 1912 12Б		1	1	1		1	1	1	1
МС П2		1	1	1		1			1
ПГ 1		1	1	1		1			
ВС 1909 6Б		1	1	1			1	1	1
ВС 1910 4Б		1	1	1			1	1	1
ВС 1910 1Б		1	1	1					1
ДМ 5			1	1	1	1	1		1
ДМ 23			1	1	1		1	1	
ДМ 94			1	1			1	1	
НЛ 25					1	1	1	1	1
МС 1					1	1	1	1	1
ВС 1906 16Б					1	1	1		1
ВС 1901 33П					1		1	1	1
ДМ 96 К2					1		1	1	
ДМ 55					1		1		1
МС ХЯ П28					1		1		
ВС 1908 21Б						1	1	1	
ВС 1901 22П						1		1	1
НЛ 29						1		1	
ВС 1911 16						1			1
ЮТ 2Н							1	1	1
МС ХЯ 25							1	1	1
НЛ 32							1	1	1
НЛ 33							1	1	1
ЮТ 1							1	1	1
ДМ 148							1	1	1
АФ 1							1	1	1
ВС 1910 18Б							1	1	1
ВС 1905 9М							1	1	1
ВС 1911 18Б							1	1	1
НЛ 34							1	1	1
ЮТ 7							1	1	1
ДМ 21							1	1	1
ВС 1906 1Б							1	1	1
ДМ 80							1	1	1
ДМ 121							1	1	1
ДМ 171							1	1	1
НЛ 30							1	1	
НЛ 58							1	1	
НЛ 54							1	1	
ВС 1912 7Б							1	1	
ВС 1910 21Б							1	1	
ДМ 33							1	1	
ДМ 73							1	1	
НЛ 39							1	1	

Таблица 3 (продолжение)

Катакомба	Погребальный инвентарь								
	начельник	оголовье	удила	стремена	стрелы	сабля	топор	тесло	пояс
ДМ 150							1	1	
МС ХЯ 24							1		1
НЛ 22							1		1
ВС 1905 6М							1		1
МС РЗ КЗ МЛ							1		1
ВС 1911 33Б							1		1
ЮТ 8							1		1
ДМ 72							1		1
ДМ 79							1		1
ВС 1908 13Б							1		1
ДМ 102							1		1
НЛ 7							1		
ЮТ 6							1		
ВС 1906 10Б								1	1
ВС 1912 12Б								1	1
НЛ 18								1	1
НЛ 19								1	1
ВС 1911 45Б								1	
НЛ 38								1	
НЛ 51								1	
ДМ 48								1	
МС ХЯ 29								1	
ДМ 142									1
ВС 1911 9Ф									1
ВС 1911 10Ф									1
ВС 1901 40П									1
ВС 1908 12Б									1
ВС 1911 39Б									1
ВС 1911 23Б									1
ВС 1908 7Б									1
ВС 1905 14Б									1
НЛ 31									1
ВС 1910 16Б									1
ВС 1910 20Б									1
ВС 1911 11Б									1
ВС 1905 5М									1
ВС 1911 25Б									1
ВС 1905 7М									1
ВС 1908 1Б									1
ВС 1911 41Б									1
ВС 1910 7Б									1
ДМ 83									1
ВС 1908 4Б									1
ВС 1912 5Б									1
ВС 1912 10Б									1

Примечание: Остальные мужские погребения не содержат анализируемых вещей. В таблице использованы следующие обозначения: ВС — Верхнесалтовский могильник, ДМ — Дмитриевский могильник, НЛ — Нижнелубянский могильник, ЮТ — Ютановский могильник, ПГ — Подгоровский могильник, МС — катакомбы Маяцкого селища, АФ — Афоньевский могильник, Б — из раскопок В. А. Бабенко, Ф — из раскопок А. С. Федоровского, М — из раскопок Н. Е. Макаренко, П — из раскопок В. Н. Покровского, Н — из раскопок А. Г. Николаенко, МЛ — из раскопок А. И. Милютина.

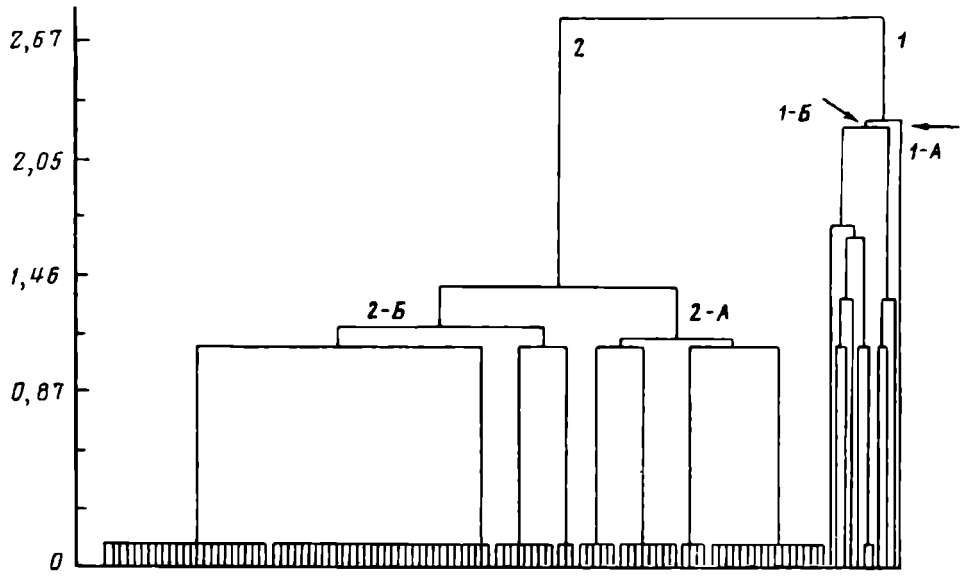


Рис. 5. Древовидная классификация мужских погребений салтово-маяцкой культуры: *1* — погребения лиц первого социального ранга; *2* — погребения лиц второго социального ранга; *1А* — захоронение сотника; *1Б* — захоронения десятников; *2А* — погребения воинов высшей группы второго социального ранга; *2Б* — погребения воинов низшей группы второго социального ранга

группы мужских погребений и характеризующих захоронения представителей второго социального ранга общества. Здесь наблюдается влияние в той или иной степени только фактора 2 (топор, тесло-мотыжка, поясной набор). Центром второй группы является катакомба хя-29, раскопанная на территории Маяцкого селища. Наглядное представление о роли того или иного признака в процессе деления выборки на два класса дает таблица нагрузок используемых переменных. Как видим, при разделении анализируемой выборки на две группы ведущее значение принадлежит таким предметам, как оголовье, стремена, стрелы и сабли, т. е. фактору 1 (табл. 4). Итак, интуитивная догадка С. А. Плетневой о социальной дифференциации общества донских алан на две группы, выдвинутая ею еще в 1967 г. на основании изучения нескольких десятков погребений Дмитриевского могильника, сейчас полностью подтверждается путем многомерного статистического анализа значительно большей по объему выборки.

Вместе с тем возникает естественный вопрос: если на формирование кластера 1 решающее влияние оказывает фактор 1, а в формировании кластера 2 ведущую роль (как будет показано ниже) играет фактор 2, то каково же место фактора 3 (начельник) в общей системе социальной стратификации мужчин изучаемого общества? Для ответа на этот вопрос повторим процедуру кластеризации комплексов, но уже на несколько более высоком уровне связи. Выясняется, что на уровне отметки шкалы в 2,2 кластер 1 разделяется на два подкластера, один из которых (А) характеризуется влиянием и фактора 1, и фактора 3, а второй (Б) — только влиянием фактора 1. Соответственно меняется и соотношение погребений, входящих в ту или иную группу: подкластер 1А содержит 1 погребение, что составляет 0,87% всей выборки; подкластер 1Б состоит из 10 погребений, что составляет 8,69% анализируемого материала. Совершенно очевидно, что роль фактора 3 в системе социально-маркирующих признаков в погребальных комплексах состоит в том, что эта главная компонента выделяет элитарную верхушку внутри высшего общественного ранга. Маркирующим символом этой верхушки в погребальных вещевых комплексах и является конский начельник.

Не приходится говорить о полном социальном единстве и в среде представителей второго социального ранга, чьи погребения объединились в кластер 2. Дендрограмма наглядно показывает, что на уровне отметки шкалы в 1,43 этот кластер

Таблица 4

Нагрузка признаков при разделении выборки на два класса

Признак	Нагрузка	Признак	Нагрузка
Начельник	0,0829	Сабля	0,5204
Оголовье	1,0000	Топор	0,0472
Стремена	1,0000	Тесло	0,0311
Стрелы	0,3407	Поясной набор	0,0048

Таблица 5

Нагрузка признаков при разделении выборки на три класса — 1, 2-А, 2-Б

Признак	Нагрузка	Признак	Нагрузка
Начельник	0,0829	Сабля	0,5204
Оголовье	1,0000	Топор	0,3012
Стремена	1,0000	Тесло	0,9054
Стрелы	0,3407	Поясной набор	0,0127

распадается на два подкластера. Один из них (2А) объединяет 36 погребений, составляющих 31,30% анализируемого материала, для которых характерно очень сильное влияние фактора 2. Центром этой группы, наиболее типичным для нее объектом, является катакомба 2, исследованная А. Г. Николаенко в Ютановском могильнике. Второй подкластер (2Б) состоит из 68 погребений — 59,13% всей изучаемой выборки. Специфика данной группы вещевых комплексов заключается в очень слабом влиянии фактора 2 или в его полном отсутствии. Центральным погребением в подкластере 2Б предстает катакомба 5 из раскопок В. А. Бабенко Верхнесалтовского могильника в 1910 г.

Произошли некоторые изменения и в нагрузках признаков, влияющих на формирование данной группировки. Они заключаются в том, что при разделении второго класса на два подкластера значительно усиливается роль топора и мотыжки (табл. 5). Что же касается поясного набора, то его значение в системе социальной стратификации мужской части общества остается самым низким. Иными словами можно говорить о том, что поясной набор является характерным элементом костюма взрослых мужчин независимо от их социального статуса. Последний вывод со всей очевидностью подкрепляет обоснованность критики В. С. Флеровым точки зрения С. А. Плетневой о том, что поясной набор в мужских вещевых погребальных комплексах являлся признаком элитарной части салтовского населения.

Предложенная дифференциация салтовских мужских погребений на основе выделенных выше социально-маркирующих вещевых комплексов была проверена с помощью дискриминантного анализа [14, с. 78—138], в задачу которого входит статистическое изучение степени различия между двумя и более группами (кластерами) объектов по нескольким признакам-переменным одновременно. Его результаты полностью подтвердили вывод о существенных различиях между группами объектов, выделенных с помощью кластерного анализа.

Таким образом, в результате комплексного использования факторного, кластерного и дискриминатного анализов при изучении группы салтовских мужских погребений в социологическом аспекте удалось установить следующее соотношение мужских групп в системе воинской иерархии алано-ассо-буртасского населения VIII—X вв. лесостепной зоны бассейна Среднего Дона.

Ранг 1

Предводитель воинов первого и второго рангов (сотник)	1
Группа воинов первого ранга (десятники)	10

Ранг 2

Высшая группа воинов второго ранга	36
Низшая группа воинов второго ранга	68

Любопытно, что эта структура находит близость в северокавказском обществе носителей позднекобанской культуры. Ранжирование материалов 140 мужских погребений VII—VI вв. до н. э., проделанное В. Б. Ковалевской, показало, что представители первого ранга, для которых характерно наличие в могилах уздечки, лука, акинака, топора-секиры или боевого ножа, составляют от 5 до 13% [15, с. 56—57]. Реконструированная воинская иерархия имеет прямые параллели и в средневековом алано-осетинском обществе, известном по знаменитому нартскому эпосу. Так, исследования А. Р. Чочиева [16, с. 135] говорят о том, что хотя численность отряда зависела от многих причин, но, как правило, группа состояла из 12—40 воинов. Выводы, полученные в результате анализа погребальных комплексов, сопровождавших мужские погребения в салтовских катакомбах, как будто соответствуют той отрывочной информации о вооружении буртасов и их социальной маркировке, которую можно извлечь из сочинения Абу Саида Абд ал-Хайя бен Зохака Гардизи «Украшение известий», написанного в кратковременное царствование газневидского султана Абд ар-Рашида (1050—1052 гг.). Их оружие, — пишет Гардизи,— два дротика, топор и лук; панциря и кольчуги у них нет; лошадь имеет не всякий, а только очень богатые [17, с. 121].

Но, пожалуй, для данной темы наиболее важно то обстоятельство, что результаты проведенного археологического анализа находят прямые параллели и в исследованиях алано-осетинского общества языковедами. По мнению В. И. Абаева, свидетельства языка о социально-политической структуре осетин в древности показывают два социальных статуса у мужчин. Наивысший общественный ранг обозначается термином алдар, который имел первоначальное значение как «военный предводитель», а в позднейшее время стал применяться к феодальной знати и нередко переводился словом «князь» [18, с. 63—65]. Остальная же масса свободных членов общества называлась афсад — «войско, масса». Исследователь считает, что исторические и фольклорные источники не дают никаких указаний на какое-то особенное обособление военного сословия. Общее правило заключалось в том, что каждый, способный носить оружие, был воином (в афсад не входили пленные и рабы). Глубокое впечатление, которое производила на соседей военная структура и организация алано-асского общества, способствовало даже проникновению в XII—XIV вв. аланского термина алдар в венгерский и монгольский языки [19, с. 126—128]. В свою очередь Ж. Дюмезиль полагает, что, скорее всего, люди «массы» все-таки не были равны [20, с. 154], но в общем он согласен с предложенной В. И. Абаевым системой двухсословного деления дневнеосетинского общества [21, с. 155].

Итак, мы можем говорить о том, что выделенные на археологическом материале два социальных ранга в среде мужской части алано-ассо-буртасского населения лесостепной зоны бассейна Среднего Дона практически тождественны результатам исследования этого вопроса языковедами. Одновременно нельзя не признать справедливость замечания Ж. Дюмезиля, что свободные общинники не были одинаково равны. В пользу этого предположения говорит существование двух подкластеров внутри ветви дендрограммы, объединяющей погребения ранга афсад, что уже было выявлено мною ранее как при анализе отдельно материалов Дмитриевского могильника, так и при изучении Верхнесалтовских погребений [22]. Намечающаяся дифференциация внутри ранга афсад, возможно, отражает

процесс дальнейшего общественного расслоения, заключительную стадию которого зафиксировали российские историки-этнографы в конце XVIII в. В то время осетинское общество состояло из алдаров (баделят, уазданлаг) — князей, благородных; фарсаглагов (адамихат) — свободных общинников; кавдасардов (кумаяг) — людей, рожденных от наложниц (номылус). Но исследование этого вопроса выходит за рамки данной темы, так как требует привлечения для анализа материалов переходного времени, прежде всего X—XIII вв.

Надо сказать, что некоторые шаги в этом направлении уже сделаны. Интересная попытка реконструировать социальную структуру общества северокавказских алан X—XII вв. была недавно предпринята С. Н. Савенко [23]. В среде мужской части населения он выделил шесть социальных рангов, погребения представителей которых маркировались специфическими наборами вещей. И здесь важно обратить внимание на то обстоятельство, что три высшие социальные группы северокавказских алан в той или иной степени имели тот же вещевой набор, что и представители донских алдаров в VIII—X вв. Захоронения представителей трех низших северокавказских аланских социальных групп также маркировались вещевыми наборами, характерными и для донских афсад. Если такая дробная стратификация общества северокавказских алан не является следствием использованных С. Н. Савенко традиционных аналитических процедур, то, вероятно, можно говорить об отражении в погребальной обрядности более глубоко зашедшего процесса социального расслоения в обществе северокавказских алан в X—XII вв. (в период формирования у них раннефеодального государственного образования [24]) по сравнению с обществом донских алан VIII—X вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990.
2. *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.: Изд-во вост. лит., 1962.
3. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. СПб., 1869.
4. *Сенковский О. И.* Буртасы//Энциклопедический лексикон. Т. 7. СПб., 1836.
5. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам//МИА. 1967. № 142.
6. *Плетнева С. А.* Средневековые «амазонки» в европейских степях//Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983.
7. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989.
8. *Михеев В. К.* Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья — Приазовья (середина VIII — середина X вв.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1986.
9. *Флеров В. С.* К вопросу о социальной дифференциации в Хазарском каганате//Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Пенза, 1990.
10. *Флеров В. С.* Маяцкий могильник//Маяцкое городище. М.: Наука, 1984.
11. *Флеров В. С.* Маяцкий могильник (раскопки 1979 г.)//Маяцкий археологический комплекс. М.: Наука, 1990.
12. *Orton C.* Mathematics in archaeology. Cambridge, 1980.
13. *Федоров-Давыдов Г. А.* Статистические методы в археологии. М.: Высш. шк., 1987.
14. *Клекка У. Р.* Дискриминантный анализ//Факторный, дискриминантный и кластерный анализ. М.: Финансы и статистика, 1989.
15. *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. М.: Наука, 1984.
16. *Чочиев А. Р.* Очерки истории социальной культуры осетин (традиции кочевничества и оседлости в социальной культуре осетин). Цхинвали: Ирыстон, 1985.
17. *Бартольд В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг.//ЗИАН. 1897. Сер. VIII. Т. 1. № 4.
18. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
19. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
20. *Дюмезиль Ж.* Осетинский язык и мифология. М.: Наука, 1976.
21. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М.: Наука, 1990.
22. *Афанасьев Г. Е.* Донские аланы (социальные структуры алано-асского населения бассейна Среднего Дона в составе Хазарского каганата): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1991.
23. *Савенко С. Н.* Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X—XII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.
24. *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984.

Институт археологии РАН,
Москва

G. E. AFANASYEV

THE SYSTEM OF SOCIALLY SIGNING ARTEFACTS IN MALE BURIAL DEPOSITS OF ALANS OF DON

Summary

The article is devoted to the male burials of Don's Alans from the catacomb cemeteries dated to the 8th—10th centuries in the Middle Don basin. Here at first in the home science complex using of the methods of the multimeasured statistics (factor, cluster and discriminant analyses) is conducted in study of the social aspects. After the previous treatment and discording of poorly informative subjects the author investigates the exept of 130 burials containing the main categories of specific male artefacts. As a result the author composed tree-like hierarhy of individuums. In this hierarchy the two main ranks were distinguished, both differing with the characteristic assemblage of the artefacts. The results of the archeological analysis have analogies in studies of linguists and ethnologists, dividing the alanian society of the early Middle Ages into two social groupes: aldar and afsad.

Г. Ф. НИКИТИНА

ТИПОЛОГИЯ ТРУПОПОЛОЖЕНИЙ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Работа по систематизации погребального обряда черняховской культуры была завершена еще в 1976 г. [1]. В ней были собраны и суммированы все известные к тому времени данные по погребательному обряду культуры: 1) выделены признаки, которыми описываются захоронения, совершенные по обряду трупоположения (вместе с вариациями более 300) и по обряду сожжения (более 230 признаков и их вариаций); 2) признаки рассмотрены на содержательном уровне; 3) исследованы тенденции проявлений признаков как на отдельных памятниках, так и во всей совокупности могильников черняховской культуры. В результате получена суммарная характеристика погребального обряда.

Следующим шагом в познании закономерностей в погребальном обряде культуры, естественно, являлся процесс выделения типов. Методически эта задача решается путем последовательного сопоставления каждого погребения с каждым как одного могильника, так и каждого погребения со всеми погребениями других могильников. И если к тому времени в нашем распоряжении были данные на 3 тыс. погребений, то понятно, какой объем вычислений предстоял и что вручную выполнение их было нереально, т. е. отсутствие технических средств не позволило выполнить эту задачу тогда. Такая возможность возникла только в 1989 г., когда появился доступ к ЭВМ, на которой и была выполнена эта задача.

Прежде чем приступить к описанию результатов, следует ответить на вопрос: а зачем нужно выделять типы? Мы опирались на гипотезу, что в обществе, оставившем черняховские памятники, захоронения производились не спонтанно, а был выработан погребальный ритуал, и, если это так, в общем множестве известных нам погребений должны выделиться устойчивые группы. Это позволит познать структуру погребальной обрядности, которая может лечь в основу социальных, хронологических и прочих исследований изучаемого общества.

Итак, мы поставили перед собой задачу — выделить в общей массе погребений такие группы, которые были бы связаны устойчивым сочетанием признаков и выражали бы общие, существенные для каждой группы черты. Для выполнения этой работы были применены методы многомерной статистики [2]. В археологии с предубеждением относятся к применению формальных методов, поэтому необходимо пояснение, почему автор их использует. Кроме большого количества сопоставлений, которые заставляют прибегать к помощи ЭВМ, при исследовании на содержательном уровне мы, во-первых, непроизвольно вносим субъективизм, зависящий от знаний и опытности исследователя, субъективизм в оценке признаков с точки зрения достаточности, значимости, весомости и информативности. Во-вторых, при таком исследовании невозможно охватить многофакторность явлений, заложенных в исследуемом материале, тогда как стандартные статистические методы позволяют выявить при помощи корреляции согласованное изменение сочетаний признаков, что невозможно учесть на качественном уровне. Эти методы позволяют выявить скрытые или не явно выраженные, хотя и реально существующие явления и закономерности в исследуемом материале.

Отработка типологического метода была проверена на погребениях, совершен-

© Г. Ф. Никитина, 1993 г.

ных по обряду трупоположений. Известно, что трупоположения черняховской культуры в древности вторично разрушались (возможно, это был ритуальный акт). Для чистоты процесса, направленного на выявление погребальных регламентаций, из общего количества известных нам трупоположений (1528) были отобраны не разрушенные в древности погребения. Таких оказалось 428 из 28 могильников со всей территории культуры. Исследуемые погребения были рассмотрены на основе 208 вариаций признаков, включающих данные: по форме, профилю, размерам, конструкциям и глубинам ям; сохранность захоронения, положение и ориентация скелета; пол и возраст; положение рук и ног; символы огня в погребении; виды и местоположение костей животных и различных органических и неорганических включений; категория, количество и местоположение сосудов и сопровождающих вещей [1, с. 18—21].

Примененный метод многомерной статистики здесь будет изложен лишь последовательностью осуществляемых шагов, более подробно он описан в специальной статье [3, с. 192—195].

Шаг 1. Из списка признаков исключаются имеющие нулевые дисперсии, т. е. признаки, равные единице или только нулю. Отбрасываются также признаки, отражающие неопределенность сведений, например «возраст не определен». После этой процедуры получаем уже 157 значимых признаков.

Шаг 2. Проводится факторный анализ корреляционной матрицы, в результате которого осуществляется переход от прежних переменных к главным компонентам (ГК). В результате размерность признакового пространства снизилась более чем в 5 раз: со 157 до 30 сложных переменных, являющихся линейной комбинацией исходных (наблюдаемых) переменных. При большом числе исходных переменных, входящих в линейную комбинацию, равенство нулю одного-двух из них слабо изменяет величину соответствующего ГК. Таким образом, положение объекта в признаковом пространстве ГК не сможет резко измениться, и следовательно, невозможны резкие изменения классовой принадлежности объекта из-за изменения только одного-двух исходных признаков.

Шаг 3. Проводится автоматическое взвешивание признаков через долю объясненной дисперсии (от меры корреляционной связи с другими признаками).

Шаг 4. Проводится кластерный анализ.

Шаг 5. Дискриминантный анализ. Проверка — правильно ли каждое погребение отнесено к данной группе.

Шаг 6. Вывод в печать частостей (процентное выражение) признаков по группам.

В результате проделанных операций мы получили проекцию распределения погребений в многомерном признаковом пространстве (рис. 1) [1]. На рисунке видим четыре компактные, четко разделенные группы — это при поверхностном взгляде. На самом деле группа в нижнем левом углу поля неоднородна: она состоит из точек, обозначенных разными литерами — D и E, т. е. две самостоятельные, не смешивающиеся группы памятников. Дело в том, что ЭВМ, производя кластерный анализ, рассматривает сочетания признаков не в двухмерном пространстве, а в многомерном и, следовательно, точки, получившие неодинаковые обозначения, находятся в разных совокупностях, расположенных в разных плоскостях, а при выводе на печать, где может быть только одноплоскостное изображение, точки из разных совокупностей спроецировались вперемешку. Для уточнения картины машине было предложено группу D + E разбить на три класса. В результате мы получили проекцию, где группа D + E достаточно определенно разделилась на три класса A, B, C, причем области распространения точек каждой группы ни в одном случае не пересекаются (рис. 2). В дальнейшем при детальном анализе выделенных групп мы будем рассматривать не

[1] На рис. 1 и 2 важно знать не только, какие погребения объединены в группах, но и индентификацию каждой точки в группах. Лимит журнального листажа не позволяет дать эту информацию в статье, но заинтересованные читатели могут получить ксероксы таблиц у автора.

пять, а шесть групп: A, B, C, D, E, F. Но прежде обратимся к рис. 1. Здесь мы наблюдаем полярно разнесенные скопления точек. Группы A и C, занимающие верхнюю часть поля, содержат погребения, ориентированные головой на запад, а группы B, D, E, занимающие нижнюю часть поля, объединяют погребения северной ориентировки. Группы A и B, занимающие правую часть поля, содержат погребения без вещей, а группы C, D, E, занимающие левую часть поля, содержат погребения обязательно сопровождаемые вещевым инвентарем.

Итак, мы имеем визуальную картину группировки погребений по мере сходства. Характеристику каждой группы на содержательном уровне можно получить, анализируя таблицу частостей признаков трупоположений. Такой анализ убеждает нас, что основными типообразующими признаками являются: ориентировка погребений, наличие или отсутствие вещей и признак наличия или отсутствия сопровождающей посуды, которые четко разделяют массив на группы либо полным наличием, либо полным отсутствием этих признаков. Остальные признаки в том или ином количественном выражении встречаются во всех группах, но по ним можно проследить тенденции увеличения или уменьшения встречаемости, характерные для каждой группы.

Группа A. Погребения, входящие в эту группу в количестве 125, характеризуются по главным критериям: западной ориентировкой в 100% погребений, полным отсутствием сопровождающих вещей и сосудов. По другим признакам, которые можно рассматривать как определяющие, следует выделить: 1) ямы с углублением для костяка, которые доминируют среди погребений с прослеженными ямами — 98%; 2) полное отсутствие следов огня; 3) полное отсутствие органических и неорганических включений; 4) практическое отсутствие костей животных, из 125 погребений этой группы только в 1 погребении были отмечены кости животных. Следующая группа признаков является как бы общекультурной, т. е. признаки в большем или меньшем количестве проявляются во всех группах: 1) по глубинам преобладают ямы от 1 м до 1,80 м (43,7%); более мелкие ямы (28,9%) и более глубокие — до 3 м (24,7%) составляют относительно большой процент (на последнее следует обратить особое внимание); 2) по наличию каких-либо дополнительных конструкций в могильной яме (из камня — 10,7%, дерева — 9,9% либо земли — 11,5%) они встречаются в этой группе в единичных погребениях, подавляющее большинство не имеет никаких дополнительных конструкций — 73,5%; 3) во всех без исключения погребениях покойник расположен на дне ямы; 4) в подавляющем большинстве покойник вытянут на спине — 95,8%, на правом боку зафиксировано лишь одно захоронение; 5) в положении рук преобладают вытянутые вдоль тела — 63,6%, но тем не менее представлены в группе и все другие разновидности [2] — 21,3%, в том числе и редкие — 4,1%; 6) в положении ног значительно преобладают ноги вытянутые — 71,9%; но в единичных случаях встречаются все известные положения [3] — 17%.

Чистоту данной группировки по главным критериям нарушает наличие сосудов в шести погребениях (в пяти погребениях по одному, в одном погребении — два сосуда).

Группа C включает 44 погребения, по главным критериям характеризуется: западной ориентировкой — 100%, наличием сопровождающих вещей в 100% погребений и отсутствием сосудов в 84% погребений. По определяющим признакам: 1) ямы с углублением для костяка доминируют среди погребений с прослеженными ямами — 43,1%; 2) практическое отсутствие следов огня в погребениях, по всей группе зафиксировано лишь два погребения с наличием

[2] Здесь и во всех остальных группах фиксировались положения: одна рука вытянута, другая согнута, кисть положена на таз; обе руки положены на таз; одна вытянута, другая согнута и лежит на поясе.

[3] Здесь и в других группах фиксировалось: обе ноги подогнуты; одна нога подогнута; ноги скрещены; ступни скрещены (видимо, связаны).

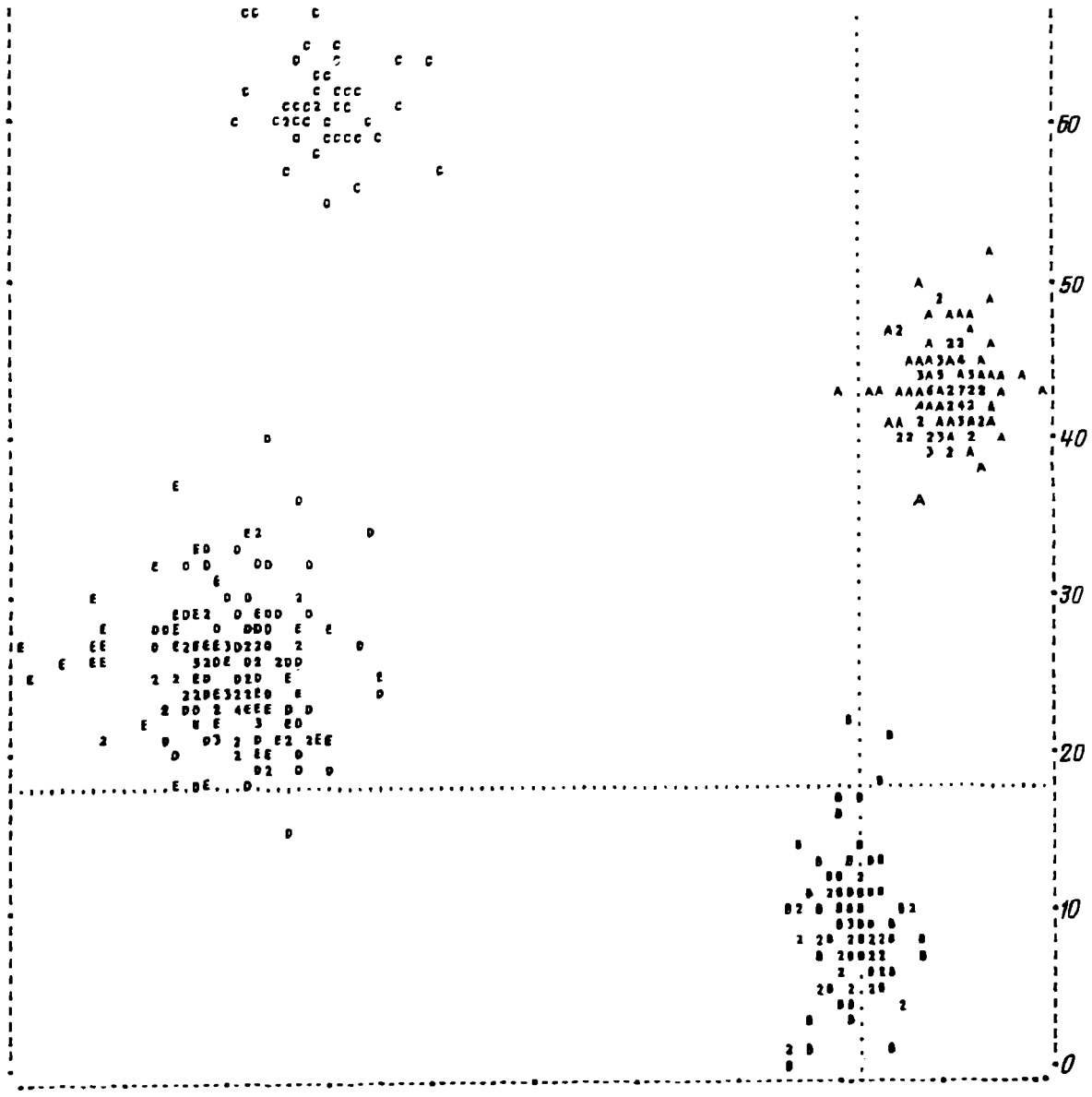


Рис. 1. Проекция распределения погребений в многомерном признаковом пространстве.
Группа А. Будешты — погр. 3, 164, 224, 264, 266, 275, 280, 283, 285, 330, 344, 345, 350; Викторовка — 1, 3; Гавриловка — 19, 23, 24, 38, 39, 46, 48, 49, 60, 82, 84, 85, 89, 90—94, 102, 103, 105; Данилова Балка — 1/1949 г., 4/1949 г.; Деревянное — 6; Журавка — 13, 23, 41, 51—56, 57/1, 57/2, 58, 60, 62, 65, 67—71, 73, 74, 77—81, 83, 85—87, 89, 91, 92, 96—100, 103, 104, 107, 109, 111, 113, 115—118, 121, 124; Заячивка — 10, 15; Коблево — 14, 27, 30, 35, 39, 55; Косаново — 35; Малаешты — 10; Ранжевое — 13, 18; Романковцы — 85, 89, 100; Ружичанка — 14, 16, 31; Холмское — 1, 18, 20, 21, 26, 31, 37, 39, 43, 45 — 48, 51, 55; Черняхов — 263, 267.
Группа В. Балцаты II — 21/1963 г., 22/1963 г., 50/1963 г., А/1973 г., 59/1963 г.; Будешты — 81, 107, 111, 117, 149, 185, 186, 215, 234, 257, 259, 291, 298, 341, 348, 356, 362; Викторовка — 10; Гавриловка — 55, 73, 83; Данилова Балка — 1/1913 г.; Данчены — 18, 23, 37, 317, 336, 355, 357; Деревянное — 8/3; Журавка — 16, 20; Заячивка — 11, 13; Каборга — 15, 19, 25; Коблево — 47, 52; Косаново — 4, 6, 10, 12, 14, 16; Лохвицы — 4, 7, 8, 11; Малаешты — А, Б, 6, 8, 9, 12, 19, 26, 29; Маслово — 80, 86, 91; Оселивка — 55; Переяслав-Хмельницкий — 10/1954 г.; Привольное — 2, 7, 9; Раковец-Чесновский — 5; Ружичанка — 6, 15, 49; Рыжавка — 4, 27, 42, 44; Холмское — 10—13, 15, 22, 24, 27, 57, 58; Черняхов — 273.

углей на дне ямы; 3) почти полное отсутствие органических и неорганических включений, всего в одном погребении зафиксированы камешки у головы; 4) не характерно для данной группы помещение, в захоронение мясной пищи, всего в одном погребении зафиксированы кости животного. Общекультурные признаки: 1) по глубинам — преобладают ямы глубиной до 0,70 м, которые преимущественно содержат детские захоронения (25%), среди взрослых погребений преобладают ямы глубиной 1,41—1,80 м (20,4%) и так же, как в группе А, относительно большой процент погребений с глубинами 1,80—3,00 м (20,3%); 2) дополнительные конструкции в могильной яме из камня — 6,8%, дерева — 9% либо земляные — 9% представлены в этой группе в единичных погребениях, доминируют погребения без дополнительных конструкций — 81,8%; 3) в подавляющем большинстве (95%) погребений покойник лежит на дне ямы, в подбоях захоронения зафиксированы лишь в двух случаях; 4) во всех без исключения случаях покойник лежит вытянуто на спине; 5) положение рук: преобладают вытянутые вдоль тела — 56,8%, остальные разновидности представлены единичными случаями; 6) положение ног: значительно преобладают вытянутые — 70,4%, заметный процент захоронений с подогнутыми ногами — 11,3%, «редкие» положения встречаются в единичных случаях — 4,5%.

По главным критериям чистоту данной группы нарушает наличие в 16% погребений одного-двух сосудов, по одному в четырех погребениях, с двумя сосудами в трех погребениях.

Группа В включает 90 погребений, характеризуемых по главным критериям: северная ориентировка 74,4%, в 100% погребений отсутствие сопровождающего вещевого инвентаря и в 72% — отсутствие сопровождающей посуды. Определяющие признаки: 1) лишь в единичных случаях использование ям с углублением для костяка (6,6%), с подбоями (2,2%) или уступами по длинным сторонам могильной ямы (1,1%); 2) в основном для данной группы не характерно наличие следов огня в погребении, лишь в единичных случаях встречены угли, не вызывающие сомнения в их намеренном помещении в могилу, где они прослежены на дне ямы, в сосудах или даже на скелете (всего 9,9%); 3) лишь в исключительных случаях отмечены включения в виде намеренного положения в могилу камешков (2,2%); 4) не характерно помещение в могилу мясной пищи, кости животных встречены лишь в 9% погребений. Общекультурные признаки: 1) по глубинам преобладают ямы до 1 м (71%), что естественно при большом проценте детских погребений, которые составляют в группе 42,2%, среди остальных доминируют погребения с глубиной от 1,40 до 1,80 м (23,2%), более глубокие погребения встречаются единично (4,4%); 2) дополнительные конструкции из камня (6,6%), дерева (1,1%) встречаются в единичных захоронениях; 3) в подавляющем большинстве погребений покойник расположен на дне ямы (86,6%) и буквально в единичных случаях на уступе (3,3%), в подбое (1,1%) или на сосудах (1,1%); 4) в подавляющем большинстве покойник вытянут на

Группа С. Будешты — 181, 203, 212, 235, 271, 333, 340; Викторовка — 6, 9; Гавриловка — 18, 25, 37, 61; Данилова Балка — 3/1949 г. Данчены — 138; Деревянное — 5; Журавка — 12, 72, 90, 106, 112, 119; Коблево — 29, 57; Косаново — 34, 36—39; Кринички — 2; Ранжевое — 2, 14; Романковцы — 48, 90, 91б, 106, 107; Холмское — 32—34, 50, 52, 53; Черняхов — 256.

Группа D. Балцаты II — 52/1963 г.; Бережанка — 1, 2; Будешты — 11, 43, 66, 89, 96, 106, 140, 166, 176, 187, 200, 204, 206, 249, 252, 253, 267, 279, 288, 293, 346, 358; Гавриловка — 2, 14, 47, 57, 59, 72, 88, 106; Данилова Балка — 2/1913 г.; Данчены — 36, 62, 141, 187, 212, 241, 263, 265, 344, 361, 364; Деревянное — 7, $^{8}/_{1}$, $^{8}/_{2}$; Журавка — 11, 31, 34, 37, 88; Заячивка — 5, 6; Каборга — 2, 13, 26, $^{8}/_{2}$; Косаново — 1, 5, 8, 11; Кринички — 4, 5; Лохвицы — 12, 20; Малаешты — 2, 22, 23, 25, 33; Маслово — 63, 65, 74, 75, 90; Оселивка — 16, 18; Переяслав-Хмельницкий — 19/1954 г.; Привольное — 1, 8, 10; Раковец-Чесновский — 1, 2, 8, 11, 13; Ружичанка — 1, 4, 9, 13, 28, 55, 57; Рыжавка — 1, 36; Холмское — 2, 6, 25; Черняхов — 269, 275.

Группа Е. Балцаты II — 3/1973 г., 14/1973 г.; Бережанка — 4, 5, 8; Будешты — 52, 112, 228, 243; Викторовка — 5; Вилы Яругские — 2, 3; Гавриловка — 5, 12, 26, 33, 45, 68; Данилова Балка — 5/1949 г.; Данчены — 1, 161, 177, 352, 356, 363, 366, 371; Журавка — 14, 18, 21, 29, 43, 76, 102, 105; Заячивка — 3, 9; Каборга — $^{8}/_{1}$; 21, 23; Косаново — 2, 3, 7, 9, 13, 15; Малаешты — 4, 7, 11; Маслово — 71, 72, 81, 84, 85, 87, 89; Привольное — 3—6; Раковец — 14; Романковцы — 7; Холмское — 8, 14; Черняхов — 264

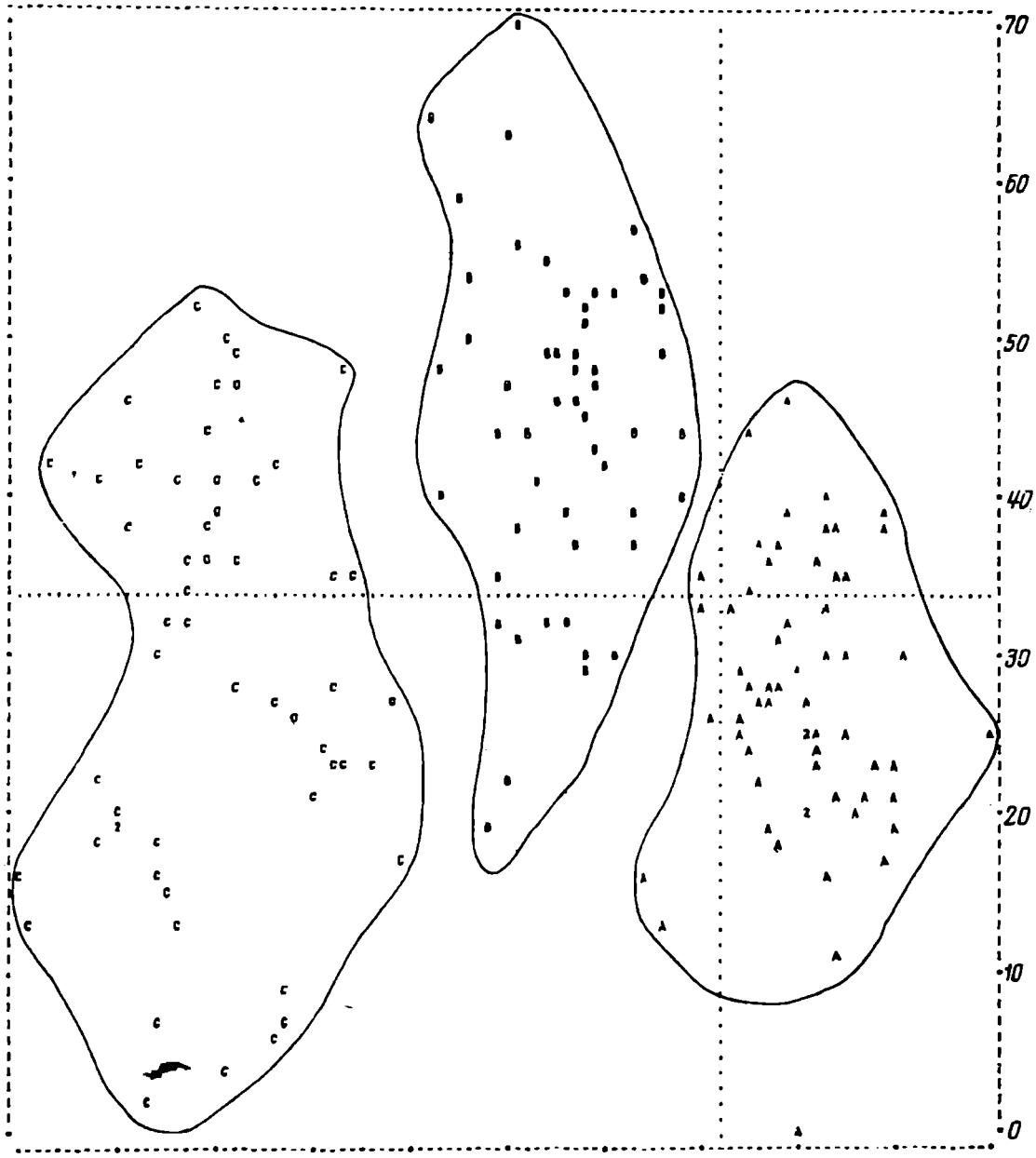


Рис. 2. Проекция распределения погребений после разбивки групп D + E на три класса.
Группа А. Балцаты II — 52/1963 г.; Бережанка — 1, 2; Будешты — 11, 43, 89, 96, 106, 166, 176, 187, 200, 204, 206, 249, 252, 267, 279, 288, 358; Вилы Яругские — 2; Данилова Балка — 2/1913 г.; Гавриловка — 59; Данчены — 36, 141, 212, 241, 364; Деревянное — 7, $^{8}/_{1}$, $^{8}/_{2}$; Журавка — 11, 88; Заячивка — 5, 6; Косаново — 1; Кринички — 4; Малаешты — 2, 22, 23, 25; Маслово — 74, 75, 90; Оселивка — 16, 18; Привольное — 1,8; Раковец-Чесновский — 1, 2, 8, 13; Ружичанка — 1, 4, 9, 13, 55; Рыжавка — 1, 36; Холмское — 25; Черняхов — 269.
Группа В. Балцаты II — 3, *38*, *45*; Будешты — 66, 112, 140, 253, 293, 346; Гавриловка — 2, 14, 47, 57, 72, 88, 106; Данчены — 161, 187, 263, 285, 344, 352, 361; Журавка — 31, 37, 105; Каборга — 2, 12, 13, 23, 26; Косаново — 2, 5, 8, 11; Кринички — 5; Малаешты — 11, 19; Маслово — 63, 65, 72, 85; Лохвицы — 12, 20; Переяслав-Хмельницкий — 18; Привольное — 3—6, 10; Раковец — 11; Ружичанка — 28; Холмское — 2, 6.
Группа С. Бережанка — 4, 5, 8; Будешты — 57, 228, 243; Вилы Яругские — 3; Викторовка — 5; Гавриловка — 5, 12, 26, 33, 45, 68; Данилова Балка — 5/1949 г.; Данчены — 10, 62, 177, 356, 363, 366, 371; Журавка — 14, 18, 21, 29, 34, 43, 76, 102; Заячивка — 3, 9; Каборга — $^{8}/_{1}$, *21*; Косаново — *3*, *7*, *9*, *13*, *15*; Малаешты — *4*, *7*, *33*; Маслово — 71, 81, 84, 87, 89; Раковец — 14; Романковцы — 7; Ружичанка — 44, 57; Холмское — 8, 14; Черняхов — 264, 275

спине (65,5%), но в группе В, как ни в одной из других, заметен процент захоронений, уложенных на правом боку (12,2%), в единичных случаях на левом боку (6,6%) и на животе (1,1%); 5) в положении рук доминируют вытянутые вдоль тела (26,6%), но велик также процент «редких» положений (20%), что в общем согласуется с количеством захоронений на боку и животе, остальные разновидности в положении рук встречаются в единичных случаях (в общей сложности 22%); 6) то же самое и в положении ног: доминирует положение вытянутых ног (40%), значителен процент захоронений с подогнутыми ногами (25,5%), остальные разновидности представлены единичными случаями (13,2%).

Чистоту этой группировки нарушают два положения. Во-первых, отклонения в ориентировках погребений — это 12 погребений северо-западной ориентировки, 4 погребения северо-восточной, 3 — восточной и 2 — южной. С северо-западной и северо-восточной ориентировками понятно — это нечисто выполненная в древности или зафиксированная в поле северная ориентировка [1, с. 33—37]. Попадание восточной и южной ориентировок в группу северных и никогда в группы западных говорит о том, что выполнены они по обряду, аналогичному северному, и удается это выявить только последовательной корреляцией признаков, которую вручную выполнить невозможно, зато на ЭВМ эта задача решается быстро. Во-вторых, положение, при котором при подавляющем большинстве погребений в группе без сопровождающей посуды есть погребения, которые по корреляции признаков вошли в эту группу и тем не менее имеют 1—2 сосуда в 12 случаях, 3—4 сосуда в 6 случаях и 5 и более сосудов в 4 случаях.

Следующую группу обозначим литерой D, но соответствует она не группе D на рис. 1, а группе А на рис. 2. Группы D и Е (рис. 1) при детализирующем разбиении на три класса распределились следующим образом: из 102 погребений группы D 60 погребений вошли в группу А (рис. 2), 37 — в группу В и 5 — в группу С; из 67 погребений группы Е 1 погребение вошло в группу А, 16 — в группу В, 58 — в группу С.

Группа D включает 61 погребение, характеризуемое следующими главными критериями: северная ориентировка захоронений — 86,8%; в 100% погребения сопровождались вещами и в 60,6% погребений отсутствует сопровождающая посуда. Определяющие признаки: 1) ямы с углублениями для костяка не характерны для погребений этой группы, отмечены только в единичных случаях (1,6%); 2) следы огня зафиксированы в единичных случаях (1,6%); 3) полное отсутствие каких-либо включений; 4) отсутствие в подавляющем большинстве погребений (90%) следов мясной пищи, кости животных встречены всего в четырех погребениях. Общекультурные признаки: 1) по глубинам доминируют отметки до 1 м (62,2%), хотя детских захоронений в эту группу вошло всего 29,9%; глубины от 1 до 1,80 м достаточно часты (34,3%), более глубокие могильные ямы исключительно редки (3,2%); 2) для этой группы не характерны дополнительные конструкции из камня, дерева и земли, лишь в двух случаях имеются конструкции из камня; 3) в подавляющем большинстве погребений покойник лежал на дне ямы, других местоположений не зафиксировано; 4) в подавляющем большинстве покойник вытянут на спине (80,3%); другие положения на боку (6,5%) или на животе (1,6%) представлены в единичных случаях; 5) в положении рук доминирует положение вытянутые вдоль тела (52,4%), хотя единично представлены все известные разнообразия положений; 6) в положении ног доминируют вытянутые (62,2%), заметен процент захоронений с подогнутыми ногами (11,4%), представлены также все известные разнообразия в положении ног, но в единичных случаях (11,3%).

Чистоту группировки нарушают два положения. Во-первых, наличие других ориентировок: пять погребений северо-западной и северо-восточной и одно погребение восточной ориентировки. Это положение уже объяснялось, они скорее всего выполнялись по обряду северной ориентировки. Во-вторых, при подавляющем большинстве погребений без сопровождающей посуды попадание в эту же группу

погребений с 1—2 сосудами, а таких 16 погребений, с 3—4 сосудами — 6 погребений и более 10 сосудов — 2 погребения.

Группа E (соответствует группе B на рис. 2). Включает 53 погребения, характеризуемые по главным критериям: северная ориентировка (81,1%), наличие вещей в 100% погребений, и 81% погребений сопровождается посудой, преимущественно 2—4 сосудами (37,6%), реже 5 и более (20,6%) и в исключительных случаях 1 сосудом (7,5%). Определяющие признаки: 1) о форме ям в профиле говорить трудно, так как в 77,3% погребений ямы не прослежены, но ямы с углублениями, по-видимому, не характерны — всего 5,6%; 2) следы огня представлены лишь в единичных погребениях — 9,4%; 3) лишь в единичных случаях в захоронения помещены органические и неорганические включения — 5,5%; 4) помещение мясной пищи в могилу зафиксировано в значительно большем количестве погребений, чем во всех рассмотренных выше группах — 20,7%. Общекультурные признаки: 1) по глубинам преобладают ямы глубиной до 1 м (49%), чуть меньше ям от 1 до 1,80 м (41,5%), зато более глубокие ямы единичны (3,7%); 2) погребения с дополнительными конструкциями из камня (9,4%) и земли (1,8%) представлены единичными случаями; 3) в подавляющем большинстве погребений покойник был расположен на дне ямы (83%) на спине (81,1%), вытянуто, лишь в единичных случаях покойники помещены на уступе (1,8%) или в подбое (3,7%), а также в положении на правом (3,7%) или левом боку (1,8%); 4) в положении рук доминируют вытянутые вдоль тела (52,8%), но сравнительно высок процент погребений, где у покойника одна рука вытянута, а другая согнута в локте, кисть уложена на низ живота (26,4%), другие разновидности встречаются в единичных погребениях (5,5%); 5) доминирует вытянутое положение ног (75,4%), но в группе представлены и все другие известные положения, однако в незначительном количестве (12%).

Чистоту этой группировки нарушают: 1) наличие других, кроме северной, ориентировок, правда, в очень небольших количествах (всего 10 погребений на 53 в группе); 2) наличие в группе погребений без сопровождающих сосудов (тоже 10 погребений).

Группа F (соответствует группе C на рис. 2). Всего 55 погребений, характеризуемых по главным критериям: северная ориентировка захоронений (81,8%), в 100% погребений наличие сопровождающего инвентаря и в 100% погребений наличие сопровождающих сосудов, причем в 74,5% погребений количество их 5 и более. Определяющие признаки: 1) 39% погребений в этой группе имеют следы огня, среди них доминируют погребения с углем и золой на дне могильной ямы, но отдельные погребения имели угли в сосудах, на скелете и следы красной краски, т. е. все разнообразие зафиксированных в черняховской культуре следов огня; 2) почти треть погребений этой группы (29%) имеют включения; 3) 69% погребений было снабжено мясной пищей. Как видим, этот блок признаков существенно выделяет эту группу из рассмотренных ранее. Общекультурные признаки: 1) по глубинам более 58% погребений имеют глубину от 0,70 до 1,40, ямы более глубокие (21,7%) или менее глубокие (10,9%) значительно уступают в количественном отношении; 2) преобладают погребения без каких-либо дополнительных конструкций в яме (81,9%), но единично представлены конструкции из камня (9%), дерева (9%) и земляные (3,6%); 3) в подавляющем большинстве погребений покойник расположен на дне ямы (89%) на спине (92,7%), размещение покойника на уступе (1,8%) или в подбое (1,8%) встречается редко; следует отметить сравнительно большее количество, чем в других группах погребений, где скелет положен на сосудах (7,2%), и лишь два погребения на всю группу, где покойник был уложен на боку; 4) в положении рук доминируют вытянутые вдоль тела (54,5%), относительно велик процент положения, при котором одна рука вытянута, другая согнута и кисть ее лежит на животе (20%), остальные разновидности положений рук единичны (14,4%); 5) в положении ног доминируют

вытянутые (60%), заметен процент погребений, где покойник уложен с подогнутыми ногами (12,7%), остальные разновидности представлены единично.

Чистоту этой группировки нарушает лишь одно положение — это наличие в данной группе погребений, сопровождаемых одним или тремя-четырьмя сосудами (с одним сосудом — одно погребение, с тремя-четырьмя — восемь погребений). Строго говоря, есть в этой группе погребения северо-западной и северо-восточной ориентировок, которые теперь можно рассматривать как северные с бо́льшим основанием, поскольку весь остальной набор признаков укладывает эти погребения в группу северных. Это, пожалуй, самая «чистая» группа из всех выделившихся.

Полученная группировка выявляет устойчивые различия между группами, с одной стороны, а с другой — сгруппированные погребения связаны между собой устойчивым сочетанием признаков, следовательно, с полным основанием данные группы можно назвать т и п а м и погребального обряда черняховской культуры, причем типами не по названию, а научно обоснованными.

Примененные методы многомерной статистики выявили иерархию в системе использованных нами признаков: выделились признаки, четко разделяющие рассматриваемое множество погребений на группы,— это признаки, названные *главными критериями*; выявились признаки, не характерные для одних групп, а в других проявляющиеся устойчиво, названные *определяющими*; и определены признаки, присутствующие во всех типах, в большем или меньшем количестве — *общекультурные* признаки. Определение веса или значимости признаков в процедуре типологизации момент важный, но не являющийся явно выраженным. Археологи при взвешивании признаков чаще всего прибегают к экспертным оценкам, что, безусловно, вносит нежелательный субъективизм в процедуру. Факторный анализ корреляционной матрицы признаков позволяет в автоматическом режиме определить и вес признака, и меру его информативности.

Некоторое понимание закономерностей дает нам сопоставление колонок частостей выделенных типов по определяющим признакам. По признаку наличия специального углубления в яме для покойника прослеживается совершенно определенная тенденция увеличенного проявления этого признака в типах A и C и незначительное его проявление в типах B, D, E и F. Отсюда закономерен вывод, что для типов A и C устройство такой конструкции ям было регламентировано (табл. 1).

Если рассматривать наличие следов огня в сумме всех разновидностей (кроме углей в засыпке ямы как недостаточно достоверного явления), то совершенно определенно прослеживается тенденция увеличения этого признака от типа к типу и значительное возрастание количества погребений со следами огня в типе F (табл. 2).

Напрямую связывать символы огня с наиболее полно оснащенными или «богатыми» захоронениями нельзя, так как только одна треть могил этой группы содержит рассматриваемый символ. Можно проверить это предположение другим способом. В группе F вычленить «богатые» погребения, содержащие не только большое количество разнообразных сосудов (более 5 и даже более 10), но содержащие ценные вещи (из ценных материалов и представляющие художественную ценность), а также импорт, и проанализировать, в скольких из них прослеживаются следы огня. Таких погребений в группе F 26, символы огня зафиксированы только в 10 (38,5%), тоже чуть больше трети. Следовательно, наличие символов огня в захоронении связано не с «богатством», а с какими-то другими причинами, которые следует еще устанавливать.

Такую же тенденцию мы наблюдаем и с помещением в могилу каких-либо органических или неорганических включений (табл. 3).

Если во всех группах, кроме F, включения прослежены только в единичных случаях, то в ней 29% погребений содержат включения разного рода, и в группе наиболее «богатых», которых всего 8 из 26, или 30,7%, по-видимому, к регламентированным явлениям этот признак отнести никак нельзя. Появление его обусловлено какими-то другими причинами.

Таблица 1

№ признака	Содержание признака	К рис. 1			К рис. 2		
		A	B	C	D – A	E – B	F – C
9	Яма с отвесными стенками	0	0	0	0,016	0,037	0,018
10	с углублением	0,545	0,066	0,431	0,016	0,056	0,127
11	с уступом	0	0,011	0	0	0,018	0,036
12	с подбоем	0,016	0,022	0,022	0	0,037	0,036
14	Не определено	0,429	0,822	0,431	0,901	0,773	0,745
	Всего погребений	125	90	44	61	53	55

Таблица 2

№ признака	Содержание признака	К рис. 1			К рис. 2		
		A	B	C	D – A	E – B	F – C
90	Угли на дне ямы	0	0,066	0,045	0,016	0,094	0,145
92	« в сосуде	0	0,022	0	0	0	0,072
93	» на скелете	0	0,011	0	0	0	0,090
94	Красная краска	0	0	0	0	0	0,018
95	Обгорелая плаха	0,008	0	0	0	0,018	0
	Всего, %	0,8	9,9	4,5	1,6	11,2	31,5

Несколько иная картина наблюдается по признаку наличия мясной пищи в захоронении (табл. 4).

В типах A, B, C, D кости животных зафиксированы в единичных захоронениях, в типе E таких погребений уже заметный процент (20,7%), а в типе F уже подавляющее большинство (69,1%), причем в группе максимально «обеспеченных» погребений (с импортом и ценными вещами) 16 погребений из 26 содержат кости животных (61,5%). Опираясь на эти данные с учетом возможности помещения в могилу мяса без костей, можно предполагать, что обеспечение покойника мясной пищей в определенных слоях населения было регламентировано.

Прослеживается еще одна закономерность: погребения с западной ориентировкой значительно чаще, чем с северной, имели глубокие ямы, причем как правило эти захоронения принадлежали мужчинам (табл. 5).

Итак, методы многомерной статистики позволили выделить в совокупности признаков типообразующие, но механизм формирования главных компонентов таков, что невозможны резкие изменения классовой принадлежности объекта из-за изменения только одного-двух исходных признаков. В результате в группу погребений, которая характеризуется, например, отсутствием сосудов в погребении, включаются погребения с сосудами. Чтобы устранить эти противоречия, можно при формировании типов опираться только на типообразующие признаки, тогда типов станет больше, но они станут полностью дискретными. Опираясь только на типообразующие признаки, можно сформулировать следующие типы.

Тип 1. Западная ориентировка, 100%-ное отсутствие вещей и сосудов. В тип входят погребения группы A (здесь и далее мы опираемся на группировку рис. 1), кроме тех, которые выделены в тип 2. Всего 119 погребений.

Тип 2. Западная ориентировка, 100%-ное отсутствие вещей при наличии одного-двух сосудов в погребении. Всего шесть погребений.

Тип 3. Западная ориентировка, 100%-ное присутствие вещей при 100%-ном отсутствии сосудов. В тип входят погребения группы C, кроме погребений типа 4. Всего 37 погребений.

Тип 4. Западная ориентировка, 100%-ное присутствие вещей при наличии одного-двух сосудов. Всего семь погребений.

Таблица 3

№ признака	Содержание признака	К рис. 1			К рис. 2		
		A	B	C	D – A	E – B	F – C
96	Смолистые вещества	0	0	0	0	0	0,054
97	Камешки	0	0,022	0,027	0,016	0,037	0,200
98	Отщепы кремня	0	0	0	0	0	0,036
99	Другие	0	0	0	0	0,018	0

Таблица 4

№ признака	Содержание признака	К рис. 1			К рис. 2		
		A	B	C	D – A	E – B	F – C
109	Кости животных	0,024	0,088	0,022	0,065	0,207	0,691
111	Мелкий рогатый скот	0	0,011	0	0	0,056	0,218
112	Птица, скорлупа	0,008	0,011	0	0,016	0,056	0,163
113	Крупный рогатый скот	0	0,011	0	0	0	0,072
114	Другие домашние животные	0	0	0	0	0,037	0,054
115	Дикие животные	0	0,011	0	0	0	0,018
116	Не определено	0,008	0,011	0	0,049	0,037	0,236

Таблица 5

№ признака	Содержание признака	К рис. 1			К рис. 2		
		A	B	C	D – A	E – B	F – C
27	Глубина 1,81—2,10 м	0,206	0,022	0,113	0,016	0,037	0,054
28	» 2,11—3,00 м	0,041	0,022	0,090	0,016	0	0,054
	Всего, %	24,7	4,4	20,3	3,2	3,7	10,8

Тип 5. Северная ориентировка, 100%-ное отсутствие вещей, 100%-ное отсутствие сосудов. В тип входят погребения группы B, кроме тех, которые входят в типы 6—8. Всего 65 погребений.

Тип 6. Северная ориентировка, 100%-ное отсутствие вещей при наличии 1—2 сосудов. Всего 14 погребений.

Тип 7. Северная ориентировка, 100%-ное отсутствие вещей при наличии трех-четырех сосудов. Всего шесть погребений.

Тип 8. Северная ориентировка, 100%-ное отсутствие вещей при наличии пяти и более сосудов. Всего пять погребений.

Тип 9. Северная ориентировка, 100%-ное присутствие вещей при 100%-ном отсутствии сосудов. В тип входят погребения группы D, кроме тех, которые входят в типы 10—12. Всего 47 погребений.

Тип 10. Северная ориентировка, 100%-ное присутствие вещей при наличии 1—2 сосудов. В тип входят погребения групп D и E, кроме тех, которые входят в типы 9, 11 и 12. Всего 30 погребений.

Тип 11. Северная ориентировка, 100%-ное присутствие вещей при наличии 3—4 сосудов. В тип входят погребения групп D и E, кроме тех, которые входят в типы 9, 10, 12. Всего 33 погребения.

Тип 12. Северная ориентировка, 100%-ное присутствие вещей при наличии 5 и более сосудов. В тип входят погребения групп D и E, кроме тех, которые входят в типы 9—11. Всего 59 погребений (рис. 3).

Типы, полученные на материале наиболее достоверных объектов черняховской культуры, облегчат процедуру рассмотрения более многочисленного массива погре-

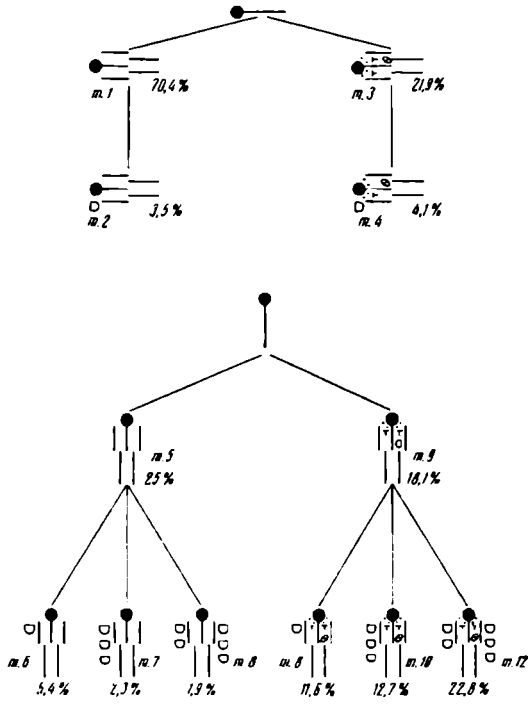


Рис. 3. Дискретные типы по трупоположениям черняховской культуры.

Тип 1. Будешты — 3, 164, 224, 263, 264, 266, 275, 280, 283, 285, 330, 344, 345, 350; Викторовка — 3; Гавриловка — 19, 23, 24, 38, 39, 46, 48, 49, 60, 82, 84, 85, 89—94, 102, 103, 105; Данилова Балка — 4, 7; Деревянное — 6; Журавка — 13, 23, 41, 51—56, 57/1, 57/2, 58, 60, 62, 65, 67—71, 73, 74, 77—81, 83, 85—87, 89, 91, 92, 96—100, 103, 104, 107, 109, 111, 113, 115—118, 121, 124; Заячивка — 10, 15; Коблево — 14, 30, 39; Косаново — 35; Малаешты — 10; Ранжевое — 13; Романковцы — 85, 89, 100; Ружичанка — 14, 16, 31; Холмское — 1, 18, 20, 21, 26, 31, 37, 39, 43, 45—48, 55; Черня- хов — 267.

Тип 2 — Викторовка — 1; Коблево — 27, 35, 55; Ранжевое — 18; Холмское — 51.

Тип 3. Будешты — 181, 203, 212, 233, 235, 340; Викторовка — 6, 9; Гавриловка — 18, 25, 37, 61; Данилова Балка — 6; Данчены — 138; Журавка — 12, 72, 90, 106, 112, 119; Коблево — 29, 57; Косаново — 34, 36; Кринички — 2; Романковцы — 48, 90, 91б, 106, 107; Холмское — 32—34, 50, 52, 53; Черняхов — 256.

Тип 4. Будешты — 271; Деревянное — 5; Косаново — 37—39; Ранжевое — 2, 14.

Тип 5. Балцаты II — 21, 22, 50 (все 1963 г.); Будешты — 81, 117, 149, 185, 186, 215, 257, 259, 291, 298, 341, 348, 356, 362; Гавриловка — 55, 83; Данилова Балка — 1; Данчены — 18, 37, 317, 336, 355, 357; Деревянное — $^{8}/_{3}$; Журавка — 16; Заячивка — 11, 13; Каборга — 15, 19, 25; Коблево — 47, 52; Косаново — 6, 10, 12, 16; Лохвицы — 7, 11; Малаешты — 6, 8, 9, 12, 19, 26, 29; Маслово — 80; Оселивка — 55; Переяслав-Хмельницкий — 12; Привольное — 7, 9; Раковец — 5; Ружичанка — 6, 49; Холмское — 10—12, 15, 22, 24, 27, 57, 58.

Тип 6. Балцаты II — 59/1963 г., А/1973 г.; Будешты — 111, 234; Данчены — 23; Косаново — 4; Лохвицы — 4, 8; Привольное — 2; Рыжавка — 4, 42, 44; Черняхов — 273.

Тип 7. Гавриловка — 73; Косаново — 14; Малаешты — 39; Маслово — 86, 91; Рыжавка — 27.

Тип 8. Будешты — 107; Викторовка — 10; Журавка — 20; Малаешты — 38; Ружичанка — 15.

Тип. 9. Балцаты II — 52; Будешты — 11, 43, 96, 106, 187, 200, 204, 206, 249, 252, 293, 346, 358; Гавриловка — 2, 59, 72; Данилова Балка — 2; Данчены — 141, 352, 364; Деревянное — 7, $^{8}/_{1}$, $^{8}/_{2}$; Журавка — 11, 88; Заячивка — 5; Каборга — 13, 82; Кринички — 4; Малаешты — 2, 22, 23, 25; Маслово — 74, 90; Оселивка — 18; Раковец — 8, 13; Ружичанка — 9, 13, 28, 55; Рыжавка — 36; Холмское — 2, 6, 25.

Тип 10. Будешты — 140, 166, 176, 267, 279, 288; Гавриловка — 14, 47; Данчены — 36, 212, 241, 263; Журавка — 31; Каборга — 2, 23; Косаново — 8; Кринички — 5; Лохвицы — 12; Маслово — 75, 85; Переяслав-Хмельницкий — 18; Привольное — 1; Осселивка — 16; Раковец — 1, 2; Ружичанка — 1, 4, 19, 57; Черняхов — 269.

Тип 11. Балцаты II — 3/1973 г.; Бережанка — 1, 2; Будешты — 66, 89, 112; Гавриловка — 33, 57, 88, 106; Данчены — 62, 344; Журавка — 37, 76, 105, Заячивка — 6; Каборга — 8, 21, 26; Косаново — 2, 5; Лохвицы — 20; Малаешты — 11; Маслово — 72, 84; Привольное — 4—6, 8, 10; Романковцы — 7; Ружичанка — 44; Рыжавка — 1.

Тип 12. Балцаты II — 14/1973 г.; Бережанка — 4, 5, 8; Будешты — 52, 228, 243, 253; Викторовка — 6; Вилы Яругские — 2, 3; Гавриловка — 5, 12, 26, 45, 68; Данилова Балка — 8; Данчены — 1, 161, 177, 187, 285, 356, 361, 363, 366, 371; Журавка — 14, 18, 21, 29, 34, 43, 102; Заячивка — 3, 9; Косаново — 1, 3, 7, 9, 11, 13, 15; Малаешты — 4, 7, 33; Маслово — 63, 65, 71, 81, 87, 89; Привольное — 3; Раковицы — 11, 14; Холмское — 8,14; Черняхов — 264, 275

бального обряда культуры — погребений, разрушенных в древности, утративших значительную часть информации.

Следует констатировать, что типология подтвердила давно известное исследователям явление — различие в мировоззрении носителей культуры, выразившееся в том, что одних представителей следовало похоронить головой на север, других — на запад. То, что это явление относится к разряду мировоззренческих, вытекает из особенностей тех регламентаций, которыми характеризуются выделенные типы.

Для той части населения, которую полагалось хоронить головой на запад, в ритуальную регламентацию входило: поместить покойника как бы в земляной гроб, специальное углубление на дне могильной ямы, в вытянутом положении, с вытянутыми ногами и вытянутыми вдоль тела руками. Иное положение рук и ног, видимо, не является общей регламентацией и зависит от каких-то частных причин, которые еще следует устанавливать различными методами.

Часть этой группы населения положено было хоронить без какого-либо сопровождающего инвентаря — без посуды и без индивидуальных вещей, в том числе без украшений и предметов личного обихода (фибул-застежек, пряжек), что позволяет сделать вывод — покойник хоронился без одежды, возможно, завернутым в саван. По такой регламентации хоронились люди всех возрастов. К сожалению, трудно делать заключения о соответствии данной регламентации с половой принадлежностью покойников, поскольку достоверных определений по полу мало, но если учитывать тенденции в этом вопросе по всем выделенным группам, то можно предполагать, что в основном по этой регламентации хоронились преимущественно мужчины. Описанная регламентация соответствует типу 1, и по ней совершено было наибольшее количество захоронений, ориентированных на запад: 119 из 169, т. е. 70,4%.

Напрашивается вывод — у этой группы населения мировоззрение опиралось на представление, что после смерти покойник уже не нуждался ни в чем, чем он пользовался при жизни. Но были и отклонения от этой регламентации, а именно помещение сосуда в захоронение (тип 2). В двух случаях это стеклянные сосуды у головы (Холмское 51 и Ранжевое 18), в двух случаях горшок или кувшин у головы (Коблево 25 и 35), в одном случае светильник в ногах (Коблево 27) и в одном случае миска и амфора в головах (Викторовка 1). Все перечисленные памятники расположены в Причерноморье — южной периферийной зоне черняховского ареала. Но не это в данный момент важно, важно обратить внимание на то, что почти во всех случаях это сосуды для воды и расположены обязательно у головы. Запомним это наблюдение и вернемся к нему ниже.

Другая часть населения, использовавшая западную ориентировку, хоронила своих покойников в одежде, но без посуды, о чем свидетельствуют находки фибул вместе с бусами в 5 погребениях; бус в 16 погребениях; пряжек вместе с бусами в 1 погребении; либо хоронила с вещами личного туалета: булавка в 1 погребении, пинцеты в 5 погребениях. В отдельных погребениях были положены только орудия труда: шило в 1 погребении, пряслице в 1 погребении, кресало в 1 погребении и 1 погребение имело целый набор вещей — одежда, предметы личного туалета и орудия труда, что уже совсем не свойственно погребениям западной ориентировки. Это скорее всего рецидив носителей другого мировоззрения, хотя и следует иметь в виду, что покойница, захороненная в погребении, имела свои особенности [4, с. 18]. Данная группа погребений соответствует типу 3 и составляет значительную массу 37 погребений — 21,9%. По рассмотренной регламентации хоронились представители всех возрастов и обоих полов, но преимущественно женщины.

К описываемому мировоззренческому кругу относится и еще одна группа погребений, соответствующих типу 4, в которых хоронились покойники в одежде и с одним-двумя сосудами. О наличии одежды свидетельствуют следующие находки: фибулы вместе с бусами — три погребения из семи этой группы; только бусы — два погребения; фибулы, пряжка и бусы — одно погребение; пряжки и игольник — одно погребение. Ну а что же с сосудами? Из семи погребений в

пяти — это сосуды для жидкости, помещенные у головы: кувшин и кубок в двух погребениях, кувшин в одном погребении, кубок в одном погребении, горшок и кружка в одном погребении. Только два погребения выбиваются из этой линии: в одном случае миска у ног, в другом — кубок у туловища. Группа составляет 4,1% западных погребений.

Выделение в двух случаях из строго регламентированных обрядов небольших по численности групп погребений с наличием посуды там, где ее, казалось бы, не должно быть, явление явно не случайное. Очевидна тенденция к помещению сосудов только для жидкостей и только у головы, вероятно, свидетельствует об исполнении определенного ритуала, связанного с какими-то возлияниями. А то, что таких погребений не много и распределяются они по могильникам по одиночке, говорит за то, что обряд этот связан с какой-то определенной особенностью покойника.

У другой части населения черняховской культуры, которая хоронила головой на север, были совсем иные представления о смерти. Вещи и посуда, сопровождающие покойника, свидетельствуют, что человек после смерти в ином мире продолжал «жизнь» и потому нуждался во всем, чем пользовался на земле. Полагалось снабдить покойника личными вещами, украшениями и орудиями труда, пищей, питьем и посудой для их хранения и принятия, но степень оснащенности захоронений была разной.

Одна часть населения хоронилась без какого-либо сопровождающего инвентаря, в том числе без предметов одежды, т. е., видимо, и здесь покойник заворачивался в саван и укладывался на дно могильной ямы. Устройство земляного гроба не характерно для погребений северной ориентировки. По такой регламентации хоронились покойники всех возрастов, чаще всего дети (42%), и, судя по общей тенденции, чаще мужчины, чем женщины. Описанная регламентация соответствует типу 5, содержащему 65 погребений, или 25% всех северных погребений.

Наряду с описанным обрядом на могильниках буквально единицами встречаются погребения без вещей, но с посудой: по один-два сосуда (тип 6), по три-четыре сосуда (тип 7) и даже пять и более сосудов в погребении (тип 8). Назначение сосудов и их местоположение в погребениях свидетельствует о совершенно ином их использовании, нежели в погребениях западной ориентировки. Анализ этих данных в типах 6—8 показывает, что здесь отсутствует закономерность помещения сосудов для жидкостей только в головах покойного. Кувшины, кружки и кубки помещались у туловища и ног покойного и положение их в головах не является преобладающими. Естествен вывод, что в северных захоронениях посуда знаменовала свое прямое назначение как емкость для пищи и питья. Здесь следует сделать одно замечание. Выделение типов 6—8 сделано произвольно по количеству сосудов. В дальнейшем следует уточнить, имело ли количество сосудов какое-либо смысловое значение в погребальном обряде.

Довольно значительная часть погребенных (18,1% всех погребений, ориентированных головой на север) хоронилась в одежде, о чем свидетельствуют фибулы, пряжки, бусы, подвески и прочие детали одежды, но без посуды, хотя следы мясной пищи в таких погребениях встречаются (Раковец 8, Маслово 88, Гавриловка 2, Рыжавка 36, Данчены 352). Встречаются в таких погребениях и орудия труда: ножи, пряслица, пинцеты, гвозди, иглы и игольники. По такой регламентации хоронились люди всех возрастов, но в этой группе довольно значителен процент детских захоронений (22,9%), а среди небольшого количества достоверно определенных по половой принадлежности погребений преобладают мужские захоронения.

Почти половина захоронений северной ориентировки (122 из 259, или 47%) хоронилась в одежде, с вещами индивидуального пользования и орудиями труда (последние редки, вероятно, не были обязательными) и в сопровождении посуды, но оснащенность ею была разная. Было ли какое-либо смысловое значение в количестве сосудов, помещенных в могилу, пока не ясно, но достаточно большое количество погребений, в которых помещены только 1—2 сосуда (тип 10 включает

30 погребений — 24,6% из 122 с вещами и посудой), не меньшее количество погребений с 3—4 сосудами (тип 11, 33 погребения — 27%) и еще большее количество погребений с 5 и более сосудами (тип 12, 59 погребений — 48,3%) позволяет полагать, что какой-то смысл в этом был и помещение в могилу того или иного количества сосудов явление не случайное. Чтобы уловить этот смысл, нужно проделать особую работу, поскольку однозначное объяснение как отражение материального достатка, выявляющего социальный статус погребенного, не выдерживает критики уже потому, что погребения, наиболее оснащенные посудой, в процентном отношении преобладают.

Итак, в процессе типологизации удалось обобщить некоторые регламентации погребального обряда, которые оставили материальные следы, улавливаемые археологами. Но типология — это один из начальных этапов исследования, этапов всестороннего изучения и организации исходного материала. Далее типы становятся инструментом в решении вопросов хронологии, образа жизни и хозяйствования, в решении социальных, экономических и других проблем. Но это уже работа другого уровня.

В заключение следует отметить, что применение многомерной статистики позволяет выявить не явно выраженные закономерности: 1) подтвердить наличие регламентированности в погребальном ритуале носителей черняховской культуры; 2) выявить иерархию признаков — выделить признаки типообразующие, определяющие и общекультурные; 3) выявить тенденции в проявлениях признаков; 4) установить, что погребения, совершенные с отклонениями от северной или западной ориентировок, выполнены по регламенту северных; 5) установить назначение посуды в погребениях западной ориентировки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Никитина Г. Ф.* Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М., 1986.
2. *Енюков И. С.* Методы, алгоритмы, программы многомерного статистического анализа: пакет ППСА. М.: Финансы и статистика, 1986.
3. *Малов Ю. В., Никитина Г. Ф.* Методы многомерной статистики при типизации погребений черняховской культуры.//ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях. Вып. 2. М., 1992.
4. *Сымонович Э. А.* Новые работы в селе Черняхове.//МИА. 1967. № 139.

Институт археологии РАН,
Москва

G. F. NIKITINA

A TYPOLOGY OF INHUMATIONS IN THE BURIAL CUSTOM OF CHERNYAKHOVO CULTURE

Summary

428 inhumation burials unbroken in antiquity from 28 cemeteries of Chernyakhovo culture were investigated by typological method. All these burials were examined on the base of 208 variants of indications, including such facts as a form, profile, dimentions, construction and depth of graves; preservation of burials; position and orientation of skeletons; sex and age; position of arms and legs; presence of fire symbols; species and position of animal bones; presence of different organic and inorganic inclusions; quantity, categories and position of grave goods. As a result the examined number of burials was precise divided into groups by picked out typeforming indications: orientation of an inhumation; presence of grave goods and vessels. There are determining features typical for one groups and untypical for other ones: fire symbols, presence of organic and inorganic inclusions, presence of animal bones. Most common cultural indications existing in all types in some quantity were difined: dimentions of pits, situation and pose of the corpse, position of arms and legs. By the methods of multimeasured statistics 6 populations were distinguished in the whole sum of the interments. They are characterised by the quantative expression of some indications. 12 completly discrete types were distinguished by typeforming indications. The typology confirmed existence of the differences in the conception of the world among the bearers of Chernyakhovo culture and permitted to distinguish the regulations of the burial customs of the different groups of population

С. А. ПЛЕТНЕВА

ВОЗМОЖНОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Каждый археолог, раскапывающий могильник и затем исследовавший полученные материалы, неизбежно сталкивался с вопросами, связанными с определением экономического и общественного статуса погребенных. Для решения их обычно привлекался сопровождающий инвентарь, реже — сложность и величина погребальной конструкции (могилы, кургана), в исключительных случаях учитывались захоронения с основным покойником животных и рабов.

Рассмотрим, насколько убедительны определяющие «признаки богатства» и правомерность их использования при делении погребальных комплексов на социальные категории по материалам одного памятника, а именно — могильника у с. Дмитриевка Белгородской обл., относящегося к лесостепному (аланскому) варианту салтово-маяцкой культуры — культуры Хазарского каганата. Могильник был полностью издан мной в книге, посвященной Дмитриевскому археологическому комплексу [1]. Сведения о 152 катакомбных захоронениях пришлось, согласно требованиям издательства, предельно сократить, втиснув их в разнообразные таблицы. Тем не менее каждое погребение получило достаточно полное освещение, что позволяет опираться на данные, спрессованные в книге, как на фундированный археологический источник. В книге представлен не только источник, но сделаны соответствующие выводы из него, в частности, были, конечно, затронуты вопросы социальной интерпретации погребенных. Я возвращаюсь к ним в этой статье потому, что в опубликованной работе эта проблематика не развернута и отражена фактически только (как и материал) в нескольких сводных таблицах.

При определении «признаков богатства» мной традиционно учитывались, во-первых, данные, относящиеся к обнаруженному в погребениях инвентарю, во-вторых, к особенностям погребального обряда, в-третьих, к устройству погребального сооружения — катакомбам [1, с. 273—276].

Остановимся на характеристике привлекаемых мной «признаков богатства» вещевого комплекса. Первый комплекс признаков включает прежде всего набор оружия (сабли, топоры, кинжалы, стрелы, луки), накладки воинских поясов, остатки конской сбруи (удила, стремена), сбруйные украшения.

Не менее значимы и предметы, сопровождавшие, как правило, женские погребения: золотые и серебряные серьги, зеркала (нередко привозные), разнообразные амулеты и, наконец, бусы, служившие не только дорогим украшением в виде ожерелий, но и мелкой разменной монетой. Функциональное их название предположительно определяется по местоположению их при погребенном: на шейных позвонках, в грудной клетке — ожерелья, на поясе в кольчужных или матерчатых кошельках — монеты.

Второй комплекс признаков относится к особенностям погребальной обрядности. Помещение в дромосах катакомб останков животных: коней, собак, коз, коров — является, по существу, так же, как и помещение в могилу дорогих вещей, вложением в погребальный ритуал «предметов», имевших безусловную ценность при жизни. Таким образом, идеологическая основа обряда сопровождения умерших

© С. А. Плетнева, 1993 г.

людей животными, несомненно, отражает и материальное положение этих людей при жизни: только наиболее обеспеченные семьи могли позволить себе пожертвовать дорогих животных (коней, собак) на похоронах родича.

Еще более выразительным в этом отношении представляется обряд, многократно прослеженный в раскопанных на могильнике катакомбах. Это — захоронения на угольной подстилке, покрывавшей пол погребальной камеры. Судя по встречавшимся иногда в камерах «оплавленным» предметам (обычно бусам), уголь был горячим. На подстилках укладывались, как правило, мужчина и женщина; мужчина, женщина, ребенок. Я уже писала об идеологическом значении этого обряда [1, с. 202, 273; 2, с. 79 и сл.]. Подсыпка угля играла роль «связующего» посмертного обряда: мужчины с посмертной женой и даже иногда ребенком. Полагаю, что женщины и дети в этих случаях убивались так же, как убивались при погребении конь и собака. Они принадлежали к имуществу умершего, являясь, видимо, домашними рабами. О неравноправности женщин, похороненных на угле, об их несоответствии мужчинам свидетельствует резкая разница возрастов: старые и зрелые мужчины хоронились с юными женщинами или даже девочками 10—12 лет. Интересно, что при подсчетах мужских и женских скелетов на могильнике оказалось явное количественное превышение (более чем на треть) последних. Этот факт может быть косвенным свидетельством насильственного умерщвления части женского населения — так называемых «посмертных жен». Хоронили обоих покойников одновременно — уголь нередко не только подстилал скелеты, но и перекрывал их единым тонким слоем, т. е. был насыпан на обоих. Представить, что по непонятной причине вместе с пожилым воином обязательно естественной смертью умирала молодая женщина, абсолютно невозможно. Это соображение кажется мне решающим при интерпретации синхронных захоронений на угольной подстилке. Еще труднее, чем убийство женщины, допустить в наши дни умерщвление на похоронах мужчины ребенка. Однако и это следует, видимо, признать доказанным фактом, так как косточки ребенка чаще всего находились между взрослых скелетов и были обильно засыпаны углем. Обычно дети были маленькие — не более 3—4 лет.

Таким образом, захоронения мужчин с женщиной и иногда — с ребенком на единой угольной подстилке являются мужскими погребениями с богатым «инвентарем», в который входят разные неодушевленные и одушевленные «предметы», в том числе и убитые рабыни с детьми.

Третий комплекс признаков относится к характеристике могильного сооружения. Два из них отражают размеры основных частей катакомбы: длину дромоса и площадь камеры. Определения «длинный дромос» и «большая камера» означают, что величина этих частей превышает среднюю. Средняя же величина устанавливалась мной отдельно для каждой группы катакомб, разделенных по количеству погребенных на одиночные, двойные (парные), тройные и семейные [1, с. 177, 180]. Третий признак в равной степени относится к конструкции катакомбы и к соблюдению одного из правил обрядности, заключавшегося в заполнении погребальной камеры глиняной материковой забивкой. Нижняя часть забивки буквально заливалась в камеру, т. е. представляла собой более или менее жидкий глиняный раствор, заполнявший камеру до верха порога, отделявшего ее от дромоса. Выше камера набивалась кусками материковой глины. Обряд забивки камер широко распространен на могильниках лесостепных алан. Объяснять существование его можно тем же, чем археологи объясняют обряд разрушения многих скелетов, а именно — желанием предельно защититься от злых чар, исходивших от покойников. Мне представляется более вероятным прагматичное и простое толкование этого обряда: родные погребенного в камере всеми возможными силами пытались защитить его от разграбления. Действительно, «зацементированное» и забитое плотной глиной захоронение было почти недоступно грабителям. Для «отвода глаз» иногда на слой глины, перекрывавшей основное погребение, помещали дополнительное захоронение, бедность которого также была средством убеждения грабителей в бесполезности «раскопок» данной могилы.

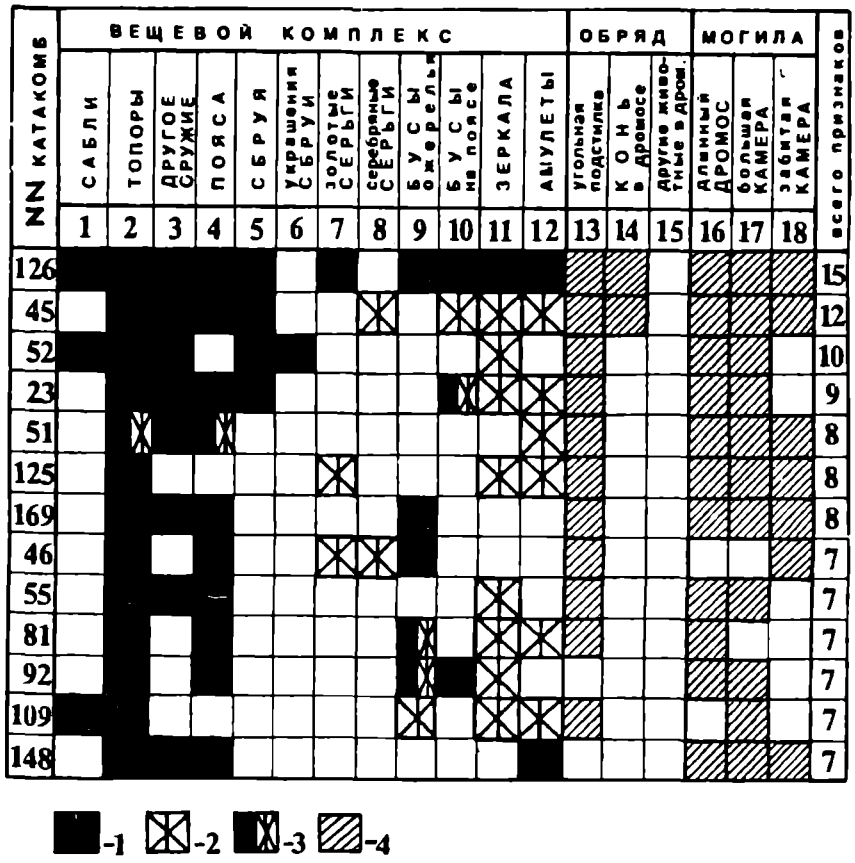


Рис. 1. Корреляция погребений первой категории с признаками. *1* — наличие признака при мужском погребении; *2* — наличие признака при женском погребении; *3* — наличие признака при мужском и женском погребениях; *4* — наличие признака в катакомбе

В таких «лжепогребениях» использовались обычно дети, что подтверждает гипотезу о малой ценности жизни ребенка-раба в то жестокое время и возможность широко пользоваться домашними рабами в качестве «сопровождающего инвентаря» мужчины.

Итак, в конечном счете величина катакомбы и забитость камеры также в значительной степени зависят от экономического положения покойного и его семьи. Катакомба — сложное и трудоемкое сооружение, выдалбливаемое в очень твердом глинистом замелованном материке. Большая катакомба требовала большего количества труда, а значит была дороже.

Впрочем, следует отметить, что этот комплекс признаков — самый неустойчивый, поскольку большие катакомбы и даже забивка камер встречались иногда и в «бедных» (безынвентарных) погребениях. Однако общая закономерность соответствия богатого разнообразным инвентарем погребения с большой забитой камерой наблюдается постоянно и потому, учитывая некоторую условность «признаков богатства» третьего комплекса, я считаю возможным использовать их при анализе материалов Дмитриевского могильника.

Таким образом, всего «работающих» признаков на этом памятнике выделено 18. В каждой катакомбе даже самые богатые захоронения характеризуются не всеми признаками, а лишь определенным их сочетанием, которое и дает нам основание считать похороненного стоявшим на той или иной экономической и иерархической ступени.

Количество «признаков богатства» в мужских погребениях могильника позволяет разделить их на три категории.

Первая категория представлена катакомбами с 7—15 признаками (рис. 1). Мужчины похоронены с оружием, причем нередко с разнообразным его набором:

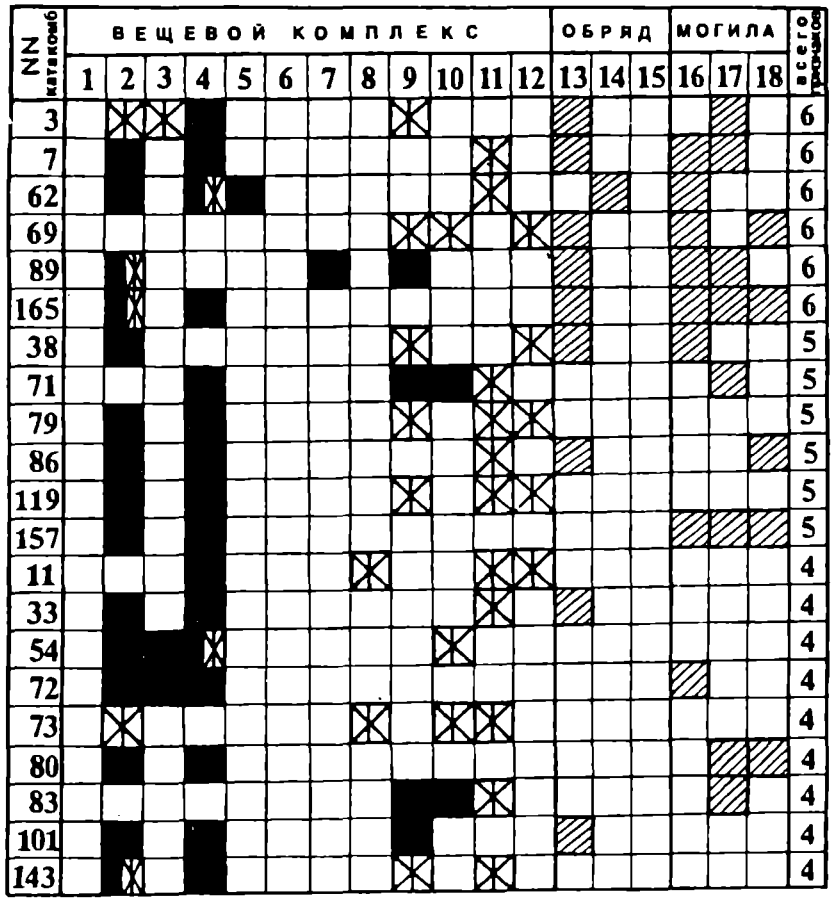


Рис. 2. Корреляция погребений второй категории с признаками (условные обозначения те же, что на рис. 1)

саблями, кинжалами, топорами, стрелами и луками, воинскими поясами, конской сбруей,дорогими украшениями, зеркалами, амулетами, сопровождавшими обычно погребенных рядом с мужчиной женщин. Дважды в дромосах были захоронены кони. Одиннадцать из тринадцати погребений совершены на угольной подстилке, т. е. мужчины положены с убитыми женщинами (126, 45, 52, 23, 51, 55) [1] или женщинами с детьми. Только в двух камерах подстилка отсутствует. Одна из них — большая забитая камера с длинным дромосом (148). В ней захоронен мужчина с оружием, поясом и амулетом. Во второй катакомбе произведено погребение юноши, девушки и девочки 10—12 лет (92). Все вещи в камере, кроме амулетов, положены юноше. Видимо, это захоронение молодого воина в обычной семейной усыпальнице.

Сопровождавшее всех мужчин этой категории оружие свидетельствует о принадлежности их к сословию воинов, а количество «признаков богатства» дает, очевидно, право считать их самой обеспеченной частью этого сословия.

Вторая категория мужских захоронений воинов характеризуется четырьмя — шестью признаками (рис. 2). Абсолютное большинство мужчин этой категории погребено с оружием и поясами. Одиночных захоронений нет, только половина мужчин была захоронена с посмертными женами и детьми на угольной подстилке. В двух случаях парное захоронение воина с женой было помещено в общей семейной усыпальнице, причем уголь был насыпан только под этой парой (38, 89). Другая половина мужчин в этой категории похоронена фактически в обыкновенных семейных усыпальницах вместе с родственниками и женами (11, 33, 72, 73, 79, 80, 83, 157). Как правило, это пожилые люди зрелого и старческого

[1] Здесь и далее в скобках даны номера катакомб на соответствующих рисунках.

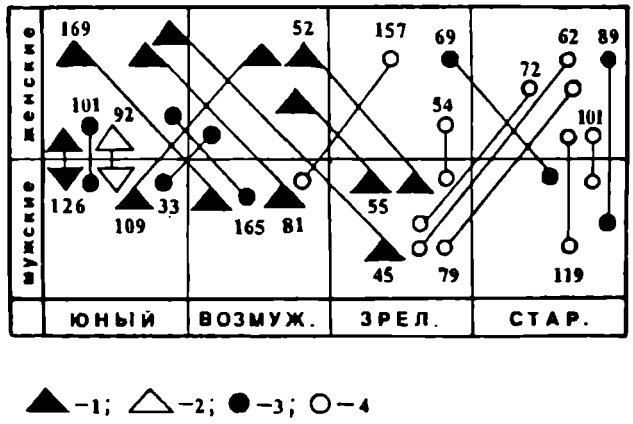


Рис. 3. Корреляция пола и возраста покойников в парных захоронениях. *1* — погребения первой категории с угольной подсыпкой; *2* — погребения первой категории без угольной подсыпки; *3* — погребения второй категории с угольной подсыпкой; *4* — погребения второй категории без угольной подсыпки

возраста (рис. 3). Иногда женщина даже старше мужчины и похоронена она бывает ближе ко входу. Такие захоронения были, вероятно, не одновременны: к умершему главе семьи просто положили пережившую его жену (79, 157). Часто повторяющейся особенностью этой категории погребений является помещение рядом с женщинами некоторых предметов сугубо, казалось бы, мужского пользования, а именно топоров и воинских поясов (62, 89, 143, 165). Конь в дромосе обнаружен всего 1 раз (62). Над ним сооружен глинобитный помост, на котором стояла кружка и были положены части коровы — череп мордой ко входу в камеру и кости ног, отчлененные по второй сустав. Рядом с помостом, параллельно ему, был выдолблен небольшой подбойчик с захоронением семивосьмилетнего ребенка. Это ритуальный комплекс с убитым на похоронах маленьким рабом. Близкое к нему ритуальное захоронение юноши-раба в простой довольно мелкой могиле, «прирезанной» к дромосу, также относится к этой категории мужских погребений (165). Оба захоронения, безусловно, являются дополнительными «признаками богатства» похороненных в семейных больших катакомбах мужчин-воинов (глав семей?).

Таким образом, вторая категория представлена достаточно убедительными признаками воинской принадлежности мужских погребений, хотя экономически они, видимо, стояли ниже воинов первой категории: реже в их могилы помещали убитых посмертных жен, вещи из драгоценных металлов, реже их хоронили в больших забитых камерах.

В третью категорию входят мужские захоронения с двумя-тремя признаками (рис. 4). Несмотря на малое количество признаков в каждом захоронении, в целом эта категория также, вероятно, относится к военизированной части населения. Семь мужчин с топорами, шесть — с поясами. Нет ни одного погребения без этих определяющих воинское сословие признаков, а в одной из катакомб топоры сопровождали не только мужчину, но и похороненную рядом с ним женщину. Катакомба семейная, в ее дромосе был уложен конь, что выделяет это погребение из остальных захоронений третьей категории, сближая его с захоронениями предыдущей (второй).

Существенным отличием от двух первых категорий является отсутствие совместных погребений мужчины и женщины на угольной подстилке. Второе отличие — сравнительно большой процент одиночных захоронений (88, 102, 111, 142). Три из них положены только с поясами (мальчик и два старика) и только один воин с топором, но без пояса (102). Следует сказать, что при определении статуса одиночных погребений нужно учитывать их специфику. В них, естественно, меньше признаков, чем в групповых захоронениях, в которых

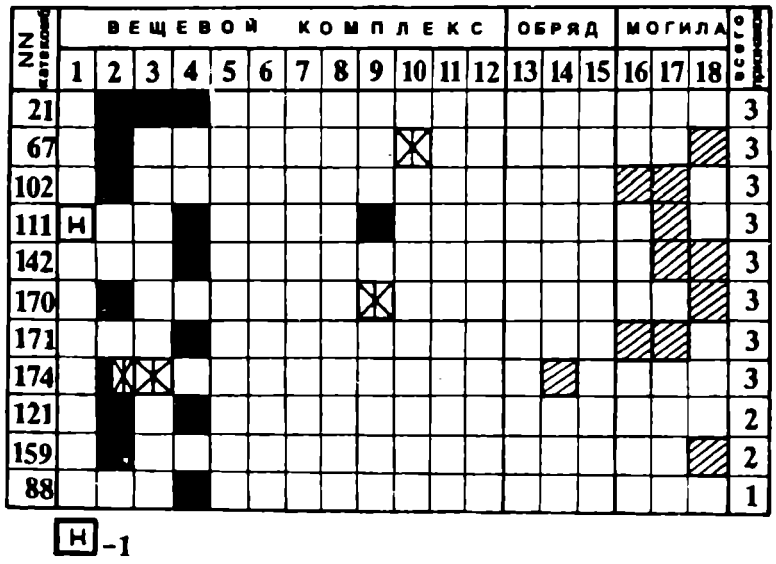


Рис. 4. Корреляция погребений третьей категории с признаками. *1* — ножны сабли. (Все остальные условные обозначения те же, что на рис. 1)

мужчина похоронен с посмертными женой и ребенком, сопровождаемыми нередко дорогими вещами, дающими погребению дополнительные признаки. Тем выразительнее, как мне представляется, те немногочисленные «признаки богатства», которые удалось зафиксировать в одиночных погребениях третьей категории (топоры, пояса, большие и даже забитые камеры). Это бóльшая значимость признаков одиночных захоронений позволяет включить в категорию мальчика с поясом (всего один признак), поскольку наличие этой воинской регалии дает основание относить его к сословию воинов.

Помимо трех категорий воинов (вооруженных мужчин) на могильнике были обнаружены погребения мужчин без вещей или с отдельными бытовыми — рабочими предметами, в частности, мотыжками и ножиками. Как правило, такие погребения помещались в семейных захоронениях, хотя около трети безынвентарных мужских погребений — одиночные. Существенно, что многие одиночные погребения принадлежали мальчикам-подросткам, не имевшим еще своей семьи.

Так же, как и мужские захоронения, в основном по вещевому комплексу признаков, разделены мной женские погребения. В классификацию включены только собственно женские погребения, т. е. одиночные погребения женщин в отдельных камерах или коллективные женские захоронения: женщин с женщинами (обычно двойные) и женщин с детьми (рис. 5).

Основным признаком для выделения первой категории, несомненно, являются топоры, обнаруженные в могилах. Очевидно, это были «презентативные» или «престижные» предметы [3, с. 383], свидетельствующие о принадлежности женщин к «военному сословию». Именно к этой группе относятся погребения с наибольшим количеством признаков (6—13). Помимо топоров женщины этой категории снабжались довольно разнообразным набором другого оружия, конской сбруей, украшениями. В дромосах у них помещали коней и собак, а самих укладывали на угольную подстилку. Какое значение имела подстилка в этих захоронениях — неясно. Возможно, что и здесь имел место обряд насильственного «включения» чужого ребенка в семью умершей свободной женщины-хозяйки. Большинство погребений произведено в больших забитых катакомбах.

Следует остановиться на характеристике двух одиночных захоронений вооруженных и опоясанных женщин. Оба совершены в больших катакомбах, оба принадлежали юным женщинам. Первое, более скромное, с топором, символическим поясом, представленным всего одной бляшкой, не вызывало сомнений

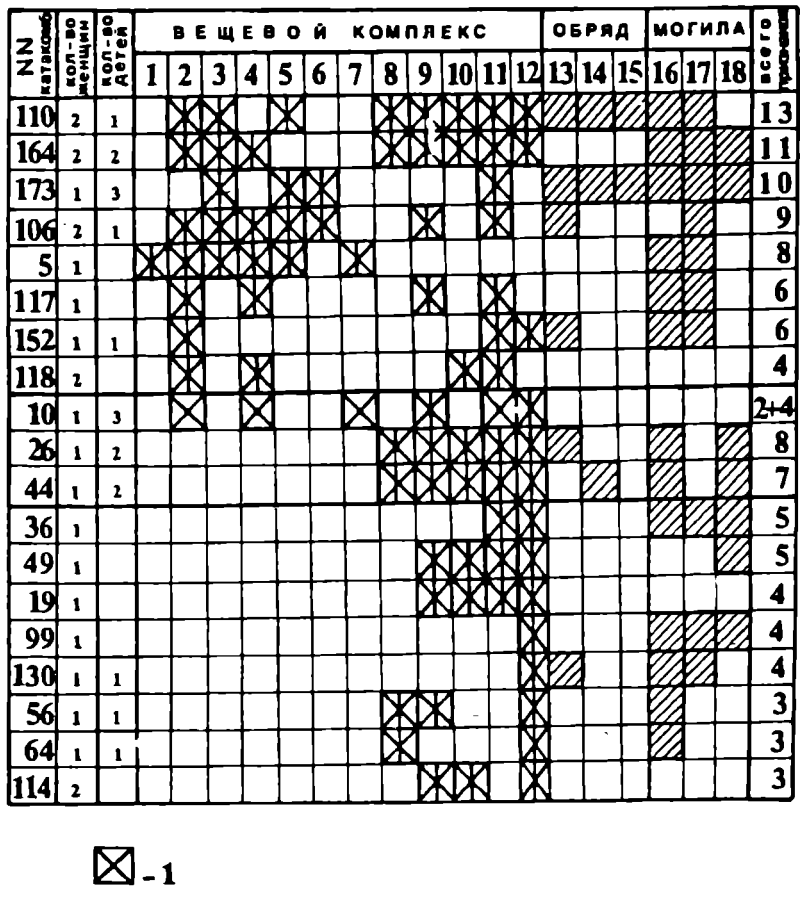


Рис. 5. Корреляция женских погребений с признаками. *1* — наличие признака при ребенке. (Все остальные условные обозначения те же, что на рис. 1)

при определении пола. Женщина была похоронена, согласно обряду, скорчено на боку, лицом ко входу (117). Второе погребение (5), вытянутое на спине, т. е., судя по обряду, явно мужское. Однако по антропологическим определениям, сделанным Т. С. Кондукторовой, это была женщина. Определение было сделано только по черепу, таз не сохранился, но по чертежу видно, что он сильно «развернут» (как женский?). Длинные кости скелета тонкие и хрупкие, также скорее женские, чем мужские. Уже после выхода моих книг из печати [1, 2] антропологи сочли возможным определить это погребение как мужское. В целом, одно погребение, даже такое богатое, вряд ли имеет принципиальное значение для характеристики всей категории. Я включаю его в число женских потому, что почти 30 лет Т. С. Кондукторова безоговорочно считала его женским.

Только одно захоронение категории «женщин с топорами» имеет всего четыре признака (118). Погребение небогатое, но одна из женщин в камере сопровождается кроме топора поясом, зеркалом, бусами.

Вторая категория представлена захоронениями, в которых нет ни оружия, ни сбруи, но тем не менее они относятся к числу довольно богатых комплексов (рис. 5).

При выделении двух женских категорий несколько нарушается принцип, по которому деление на категории осуществлялось в мужских захоронениях, т. е. исключительно по количеству признаков. В работе с женскими погребениями необходимо было бы придерживаться этого же принципа, что дало бы нам более дробную классификацию. Однако для этого нужно большее количество комплексов. В настоящее время предпочтительнее нарушить принцип, но сохранить смысл предлагаемого деления на «воснизированных» и «невоенизированных» женщин.

Последние, несмотря на отсутствие оружия, принадлежали, судя по сопутствующему инвентарю и другим признакам, к высокой имущественной категории. Особенно выделяются захоронения катакомб 10, 26, 44. Первая из них весьма близка катакомбе 173 первой женской категории. В обеих похоронены молодые женщины (25—35 лет) на угольной подстилке с двумя-тремя детьми. В катакомбах 10 и 44 также находились погребения женщин с детьми, но без угольной подстилки. В катакомбе 10 сначала у внутренней стенки были погребены два мальчика 6 и 10 лет, а позже к ним в камеру положили пожилую женщину с ребенком 4—5 лет. Интересно, что топорик (небольшой, специально кованый для мальчика), пояс, золотые серьги, зеркало лежали не при женщине, а при десятилетнем мальчике, видимо, уже прошедшем инициацию. Женское же захоронение относилось к числу рядовых, хотя большое ожерелье из бус и амулетов свидетельствует как будто, что женщина принадлежала к семье мальчика, была его близкой родственницей (матерью?). Тот же порядок заполнения камеры прослеживался и в катакомбе 173. Уложенные в дромосе 173 конь, собака, козы сближают эту катакомбу с катакомбой 44, в дромосе которой также был помещен конь.

Таким образом, все три катакомбы, типологически связанные с катакомбой 173, представляют собой единую многопризнаковую группу во второй женской категории. Остальные ее восемь погребений с тремя — пятью признаками можно было бы считать значительно более бедными, но следует учитывать, что три их них — одиночные захоронения с наборами украшений и амулетов, совершенные в больших забитых камерах. Как и в мужских одиночных захоронениях, немногочисленные признаки были более значимы, чем в коллективных усыпальницах.

В целом вторая категория женских погребений характеризуется отсутствием оружия и обязательным наличием богатых наборов разнотипных амулетов. Погребения принадлежали женщинам-хозяйкам, хранительницам очагов, обычаев и ритуалов [4, с. 15—18].

Третья категория женских захоронений отличается крайней скудостью инвентаря. Все они совершены в небольших полых катакомбах, без угольных подстилок. Это, как правило, типичные семейные усыпальницы, нередко буквально «набитые» скелетами, большинство которых находилось в разрушенном состоянии (многие были просто сдвинуты к внутренней стенке или к ногам). Скелет последнего захоронения у самого входа обычно целый (ненарушенный).

Естественно, что выделенные нами мужские и женские категории сопоставимы и связаны друг с другом. Наибольшее количество признаков, характеризующих погребения женщин, позволяет соотнести их с первой и, отчасти, второй категорией мужских захоронений. Большинство женских погребений второй категории сопоставимо со второй мужской. Оружие (в основном топоры) и пояса не только в женских, но и в мужских погребениях были «престижными» предметами, подчеркивавшими принадлежность покойных к семьям воинов. Не исключено, что некоторые женщины могли принимать участие в походах, т. е. не только принадлежали к семье воина, но и сами были воинами. Недаром им в могилы помещали, как и мужчинам, богатые пояса с большим количеством разнообразных бляшек.

Вопрос о значении поясов в среде военизированного мужского и женского населения хазарского пограничья неоднократно поднимался мной в нескольких работах [1, с. 280—292; 2, с. 161—166]. Резюмируя прежние наблюдения и выводы, напомню, что право на ношение поясов имели отличившиеся в боях признанные воины. Пояс был презентативным свидетельством ранга воина. Дж. Ласло справедливо и доказательно писал, что каждый тип бляшки, пряжка, наконечник имели значение в определении статуса воина. Этот вывод Ласло удалось сделать, анализируя аварские пояса. Представляется очевидным, что население лесостепи в IX в. придерживалось тех же правил ношения поясов, только по прошествии столетий обычай этот предстает не столь четко, как в аварское

время. Судя по тому, что у некоторых богатых воинов нет украшенных бляшками поясов, а у сравнительно бедных они попадаются довольно часто, принадлежность к определенной категории не влияла на право ношения пояса.

Безынвентарные бедные захоронения мужчин и женщин также составляют единую категорию, видимо, беднейшей, но свободной части населения. К ней относятся, помимо взрослых людей, детские погребения до 6—7-летнего возраста, т. е. детей, не прошедших еще обряда инициаций, и погребения, совершенные в ямах и подбоях, т. е. люди, похороненные по другому обряду, а значит принадлежность тех и других к какой-либо общественной категории не может быть выяснена по признакам, выявленным в катакомбном погребальном обряде.

К последней общественной категории, очевидно бесправной, принадлежали домашние рабы. К ним следует относить женщин и детей, погребенных на угольной подстилке вместе с мужчиной, а также, возможно, детей, положенных на угольную подстилку вместе с богатой женщиной-хозяйкой. К этой же категории относятся дети, скелетики которых были найдены поверх нижнего слоя заливки (169), в подбойчике дромоса катакомбы 62. Взрослых мужчин, являвшихся рабами, не убивали на похоронах — это было, видимо, нерентабельно. Исключения, конечно, бывали. Это погребение юноши в прирезанной к дромосу яме (165). Женщины и даже дети ценились мало. Их трупы использовали на похоронах и в поминальных обрядах. Очень показательно захоронение юной женщины, которая была убита и вместе с конем брошена в засыпку дромосовидного кенотафа, сооруженного в память убитого воина, останки которого не удалось доставить на родовое кладбище.

Итак, какова бы ни была условность предложенного деления погребений по количеству признаков на категории, выделение последних следует признать фактом, который необходимо интерпретировать. Наиболее вероятным и приемлемым объяснением различий между категориями является, видимо, социальная, вернее, социально-экономическая стратификация общества от влиятельных и богатых воинов (и их жен) до домашних рабов и рабынь. Самые обеспеченные принадлежали к сословию военной аристократии и были всадниками. Рядовые воины входили, вероятно, в пешее войско. Наиболее типичным оружием для всех аланских воинов были боевые топорики, но следует отметить, что у воинов третьей категории топоры были тяжелые (почти рабочие): в пешем бою удары таких топоров были более эффективны.

В заключение рассмотрим некоторые дополнительные факторы, несомненно влиявшие на общую характеристику погребений, т. е. прежде всего на количество признаков в каждом из них. От этих факторов, как мне представляется, зависит нечеткость выявленных категорий, появление существенных и не всегда понятных изменений в казалось бы уже давно сложившемся обряде.

Первой причиной обрядовых отклонений являются хронологические различия [1, с. 171], которые позволяют установить, что к более ранним относятся погребения первой и третьей категорий, а среди поздних преобладают захоронения второй категории (рис. 6, *а*) Объяснить это можно изменениями, происшедшими в общественном устройстве. В первые десятилетия пребывания на вновь освоенной земле выделились богатые всадники-завоеватели и сопровождавшие их рядовые пешие воины, которых было значительно меньше всадников. Позднее все население окраин сильно военизировалось и многие обогатились в походах. Этот процесс заметен и при анализе женских погребений: 79% их — поздние, а 42 похоронены с оружием, т. е. они также в какой-то мере военизированы. Эти выводы опираются на очень небольшое количество материала и поэтому их следует считать только рабочей гипотезой, тем более что возможно и иное толкование прослеженных хронологических различий: в раннее время был более развит обычай сопровождать умерших вещами, позднее, не без влияния соседствующих народов, предпочитали помещать в могилы самое необходимое (нож, кресало, мотыжку).

Второй немаловажной причиной зафиксированных отклонений от принятой обрядности является антропологическая (этническая) неоднородность населения

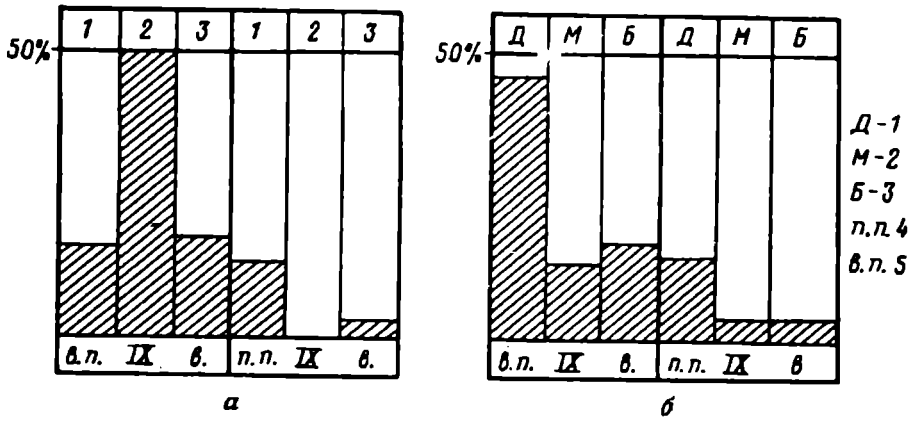


Рис. 6. *а* — соотношение категорий мужских категорий погребений в первой и второй половинах IX в.; *б* — соотношение погребенных трех антропологических типов в первой и второй половинах IX в. (в %). *Д* — долихокраны; *М* — мезокраны; *Б* — брахикраны; п. п.— первая половина; в. п.— вторая половина

(рис. 6, *б*). Подавляющее большинство погребений воинов как первой, так и второй половины IX в. принадлежало долихокранам-аланам. Однако одновременно с ними появилось на этой же территории небольшое количество брахикранного населения, скорее всего тюркоязычных болгар (праболгар) и, естественно, мезокранной (смешанной) группы.

Брахикраны нередко были домашними рабами, хотя в число последних попадали, судя по захоронениям рабынь с воинами, и долихокраны, и мезокраны. Что касается брахикранов-воинов, то процент их был постоянно довольно заметным, хотя в более позднее время он немного увеличился. Это следует учитывать, так как брахикраны по обряду отличаются от алан конструкцией могилы и, главное, количеством и составом находок: у них часты погребения без вещей или с малым их набором. На могильнике даже погребенные в катакомбах, т. е. по аланскому обряду, брахикраны сопровождались очень скромным инвентарем, а это значит, что погребение по числу признаков попадало во вторую или третью категории, хотя могло быть захоронением знатного воина, что как будто подтверждалось погребением рядом с ним рабыни на угольной подстилке, а также величиной камеры и ее забитостью.

Количество находок при покойниках зависело в какой-то мере еще от одного очень распространенного среди степняков обряда, а именно — от обряда ритуального разрушения скелетов, которому на могильнике подверглось около 40% погребенных. Разрушенные захоронения не были ограблены явно, т. е. так, что это можно установить археологу при вскрытии могилы, но нельзя быть уверенным, что при частичном или полном разрушении полуистлевшего трупа или скелета могильщики не взяли себе наиболее ценные и в то же время малозаметные (небольшие) вещи. Это могли быть золотые и серебряные украшения, монеты, полудрагоценные камни, мелкие произведения прикладного искусства. Возможное исчезновение этих престижных предметов из могил снижает для нас статус покойника, устанавливаемый по количеству признаков.

Наконец, судя по данным антропологического определения возраста погребенных (рис. 7), этот фактор также оказывал некоторое влияние на состав и количество вещей в могиле. Несмотря на то, что возраст умерших мужчин весьма устойчив во всех категориях — это пожилые (зрелые) люди от 40 до 60 лет, первая категория отличается от других большим количеством молодых воинов и полным отсутствием стариков (людей от 60 до 70 лет). Может быть, именно этим обстоятельством объясняется сравнительное богатство первой группы воинов: молодых воинов-всадников хоронили пышнее, чем уже не участвовавших в набегах стариков.

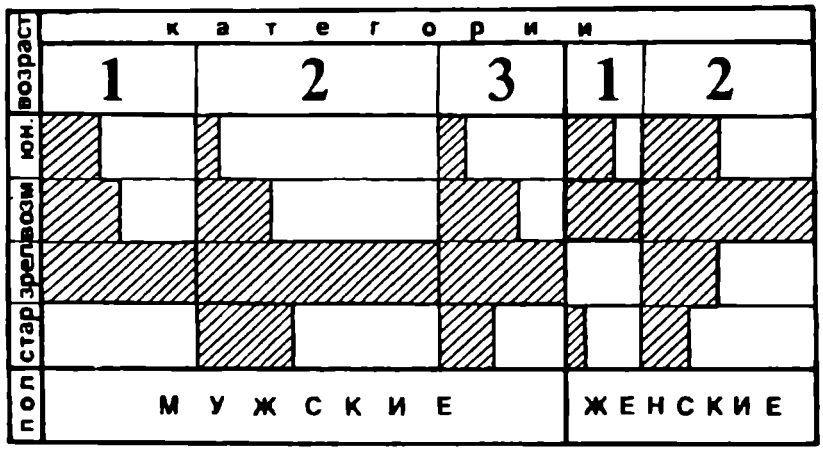


Рис. 7. Соотношение мужских и женских категорий с полом и возрастом захороненных людей (в %)

Преобладающий возраст погребенных женщин в целом моложе мужского: женщины умирали в 25—40 лет, сравнительно больше среди них и юных женщин. Женщины от 40 до 60 лет в основном относились ко второй категории, т. е. погребались без оружия. Старухи сопровождались своим оружием — амулетами разных видов и назначений.

Мы рассмотрели только часть причин, которые могут поставить под сомнение правомерность деления погребенных воинов и их жен на социально-экономические категории по количеству выявленных в погребениях признаков. Последние появлялись и исчезали под воздействием самых разнообразных обстоятельств, нередко морального или эмоционального порядка. Например, любовь родственников к покойному, вероятно, вызывала желание соорудить ему большую просторную могилу, а также оградить его от осквернения, т. е. забить камеру глиной, а иногда даже сопроводить его убитыми рабыней и конем. Правда конь в таких случаях бывал старый, со стертыми зубами и больными ногами. Страх перед силой умершего нередко заставлял живых не только разрушать его скелет, связывать трупу ноги, разрушать скелет коня, не оставлять в могиле узды и седла, но и забивать камеру глиной или же стараться ублаготворить умершего разными подарками, не соответствующими его положению при жизни.

Таким образом, кажущаяся ясность картины общественного и экономического неравенства в действительности при учете всех уловимых археологически или только предполагаемых факторов становится значительно менее четкой и аргументированной.

Представляется очевидным, что никакие отвлеченные от конкретных данных, обобщенные статистикой методы решения этих вопросов, связанных с множеством различных жизненных и мировоззренческих ситуаций, нельзя считать абсолютно доказательными. Даже на примере одного памятника, единство культурной принадлежности которого не вызывает сомнений, мы видим, какое громадное значение имеет учет дополнительных факторов в погребальной обрядности.

В еще большей степени это относится к разным, хотя и однокультурным памятникам. Памятники различных культур (хронологически, этнически разных) вообще несравнимы. В однокультурных памятниках всегда наблюдаются также весьма заметные различия, которые происходят как от причин, возникших еще при существовании могильника в древности, так и от исследователя этого памятника в наши дни. Укажу сначала несколько примеров «различий», связанных с упущениями современных археологов. Так, обряды забивки катакомб и разрушения скелетов были впервые осознаны и верно интерпретированы Д. Т. Березовцом при раскопках Верхне-Салтовского могильника [6]. До этого оба обряда считались признаками разрушения катакомбы грабителями или случайным обвалом свода. Далее, к сожалению, далеко не всегда указывалось в отчетах (и тем

более в изданиях) точное местонахождение каждой находки и распространение угольной подсыпки под скелетами, что также нарушало картину последовательности и ритуальной значимости погребенных в коллективных усыпальницах. Наконец, одной из типичнейших черт катакомбных могильников является большое количество остатков поминальных тризн на них, разбросанных среди катакомб. Однако, если культурный слой могильника снимался бульдозером или просто «сдирался» без наблюдения археолога, то тризн на могильнике, как правило, не было. Такие «бестризновые» могильники образуют целую группу и, чем более техника будет вторгаться в археологию, тем их будет больше. Обряд просто уничтожается нами.

Приведенные примеры неверного истолкования или даже уничтожения ритуалов не ограничивают, конечно, круг ошибок, допускаемых археологами, но при желании, если изучаемые памятники не разрушены полностью, все неточности могут быть устранены.

Сложнее, когда на однокультурных могильниках однотипные признаки существовали реально, прослежены достаточно квалифицированно и отличаются друг от друга так существенно, что придают своеобразие каждому исследованному памятнику. Прежде всего очень «неустойчива» группа признаков, касающихся устройства катакомбы: ее величин, пропорций, частоты забитости камер. При сравнении этих признаков некоторые могильники оказались несопоставимыми. Так, на Маяцком могильнике камеры катакомб тесные и забитые, дромосы короткие и широкие, а на Ютановском могильнике наоборот — камеры просторные, дромосы длинные (см. [6, с. 146, 187; 7]). Эти особенности не позволяют сравнивать данные катакомб обоих могильников ни друг с другом, ни с дмитриевскими, а также верхне-салтовскими и нижнелубянскими катакомбами, более близкими по средним величинам к дмитриевским, но довольно сильно отличающимся от них пропорциями. Очевидно, использовать средние величины всех аланских могильников лесостепи для этой группы признаков нельзя. Нужны средние величины каждого могильника. Только они могут дать объективную картину, близкую той, которую мы получили на Дмитриевском могильнике.

Также индивидуальны для каждого могильника признаки «обрядовой» группы. Захоронения в дромосах коней и других животных — редчайшее явление. На Маяцком могильнике не было ни одного подобного дмитриевским захоронения: короткие дромосы не способствовали помещению в них туш коней, а также собак и коз. Трудно сказать без специального тщательного исследования материалов каждого могильника, соблюдался ли в них обряд погребения на угольной подстилке, т. е. обряд убийства на похоронах домашних рабов — в основном женщин и детей [6, с. 165, 166]. В. С. Флеров зафиксировал этот обряд на Маяцком могильнике, я — на Дмитриевском, Ютановском и Подгоровском [7, 8]. Известны угольные подстилки и на других могильниках салтово-маяцкой культуры. Однако специального исследования с обязательной корреляцией обнаруженного в камере угля с возрастом и полом захороненных не проводилось, поэтому и этот обряд пока несопоставим и не может быть для всех раскапывавшихся могильников общим значимым «признаком богатства».

Наиболее выразительной и устойчивой группой «признаков богатства» является как будто вещевой комплекс. Но даже на одном небольшом Дмитриевском могильнике мы видели, что не всегда погребения со скромным набором вещей следует относить к бедным. Объяснялось отсутствие находок в могиле нарушениями по той или иной причине погребального ритуала. Аналогичные нарушения имели место и в других могильниках. Иногда они очень значительны. Так, самой характерной чертой маяцкого погребального обряда являлось очень небольшое количество предметов, сопровождавших погребенных. Даже если допустить возможность частичного разграбления погребения при обряде разрушения скелета и «перезахоронения» костей, факт отсутствия вещей представляет собой явное нарушение обряда и вряд ли может служить эталоном имущественного положения погребенного человека. Не исключено, что нарушения чаще возникали в поздних

могильниках, к числу которых относится и Маяцкий. Помимо хронологии причиной наличия в катакомбах более богатых вещевых комплексов можно, вероятно, считать и местонахождение могильника. В частности, на Верхне-Салтовском могильнике довольно много, сравнительно с Дмитриевским, богатых захоронений (даже с монетами). Дело, возможно, в том, что Дмитриевский могильник принадлежал небольшому окраинному поселку, Салтовский — громадному поселению, вероятно, ставшему уже «протогородом». Ясно, что здесь было больше красивых и дорогих вещей, которые могли быть использованы для сопровождения знатных покойников в загробный мир: их легче было приобрести и они были дешевле.

Таким образом, необходимо помнить о локальном своеобразии могильников и о различиях в их хронологии. Каждый из них не только характеризуется своим набором признаков, но и сами признаки в разных могильниках имеют свои особенности.

Исследуя могильники, создавая по каждому из них шкалу признаков, а затем группируя по ним катакомбы в более или менее компактные и убедительные категории, мы получим выводы, близкие тем, которые сделаны мной в этой статье на материалах Дмитриевского могильника.

Только после этого, сопоставив и обобщив данные разных могильников, мы получим возможность говорить о правомерности выделения социально-экономических категорий населения всей салтово-маяцкой лесостепной аланской культуры по материалам погребальных памятников, относящихся к этому локальному варианту хазарской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989.
2. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967.
3. История первобытного общества. Эпоха классообразования. М.: Наука, 1988.
4. *Плетнева С. А.* Средневековые «амазонки» в европейских степях//Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983.
5. *Березовец Д. Т.* Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1960 гг.//КСИА. 1962. Вып. 12.
6. *Флеров В. С.* Маяцкий могильник//Маяцкое городище. М.: Наука, 1984.
7. *Плетнева С. А.* Отчет о работах Северо-Донецкого отряда в 1973 г.//Архив ИА РАН. Р-1, № 5130.
8. *Плетнева С. А.* Подгоровский могильник//СА. 1962. № 3.

Институт археологии РАН,
Москва

S. A. PLETNEVA

THE QUESTIONS OF DISTINGUISHING OF THE SOCIAL RANKS BY BURIAL CUSTOMS

Summary

The article is devoted to the problem of using of archaeological sources for definitions of social structures of the ancient peoples. By data of Dmitriyevsky cemetery (Saltovo-Mayaki culture, the 9th century) the author tryes to identify the social ranks of the provintional population in the woodysteppe of the Khazar kaganate. Eventually 3 categories of warriors (horsemen and infantrymen?) and 2 ones of women rather corresponding to male categories were found out. Significant quantity of male and female graves belong to the poorest population including home slaves. Suggested shearing into categories may be conducted on data of separate monuments only (presumably well excavated). All cemeteries of a variant of the culture may be correlated among each other after receiving and treatment of the corresponding data only. But it would allow to speak surely on rightness of distinguishing of social and economic ranks inside of studied territory and period.

Публикации

Л. В. ГРЕХОВА

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПО АРХИВНЫМ ДАННЫМ УТРАЧЕННОГО ПЛАНА 1935 г. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЕЛИСЕЕВИЧИ

Елисеевическая палеолитическая стоянка на протяжении длительного времени (1935—1986 гг.) исследовалась различными экспедициями с различной методикой раскопок и их документации (рис. 1). Архивный материал по этому памятнику представляет пеструю картину. К сожалению, центральная, наиболее интересная часть памятника (раскопки до 1965 г.), слабо документирована графическим материалом.

Наиболее полной публикацией материалов стоянки Елиссевичи является монография К. М. Поликарповича «Палеолит Верхнего Поднепровья», где дан общий сводный, но очень нечеткий и плохо стыкованный план раскопок 1936, 1946, 1948 гг. В подстрочнике на с. 42 сказано: «План раскопок 1935 г. не найден» [1, с. 42, 43].

Между тем в 1935 г. были вскрыты очень важные для понимания всего памятника сложные структурные элементы: скопление 27 черепов и других костей в центральной части, мощный зольник в юго-восточном углу, уходящий под стенку, в северо-западном углу обнаружена «стенка» из вертикально поставленных лопаток, тазовых и трубчатых костей мамонта. Если северная «стена» из костей была вскрыта в 1936 г. и описана в монографии как «ход» или «коридор», а южный зольник вскрывался в 1948 г. и подробно описан в монографии, то центральной части раскопа 1935 г. уделено только две страницы суммарных записей. Однако именно в 1935 г. были найдены женская статуэтка и основные «чуринги» с орнаментом, точное положение которых в публикациях не зафиксировано.

С 1970 г. комплексное исследование памятника ведет экспедиция ГИМ под руководством автора совместно с Институтом географии РАН. Как выяснилось в процессе раскопок, публикации и отчеты не содержат необходимого для работы конкретного материала. Пестрота, фрагментарность и некачественность архивных данных затрудняли реконструкцию общего плана стоянки. Большие трудности вызывало отсутствие плана раскопа 1935 г. Таким образом, назрела необходимость его восстановления.

В основу работы была положена опись костного материала и фотодокументы отчета 1935 г. [2, 3, рис. 67—73]. Данные описи использовались для анализа планиграфии и стратиграфии культурного слоя центральной части раскопа. Этот источник имеет специфические черты.

В связи с тем, что К. М. Поликарпович каждый год отмечал глубины находок от различных реперных отметок, что отражено в архивах, в документации создалась чехарда. Методика работы с подобным материалом вырабатывалась постепенно, и основным ее элементом явилось постоянное сопоставление публикаций,

© Л. В. Грехова, 1993 г.

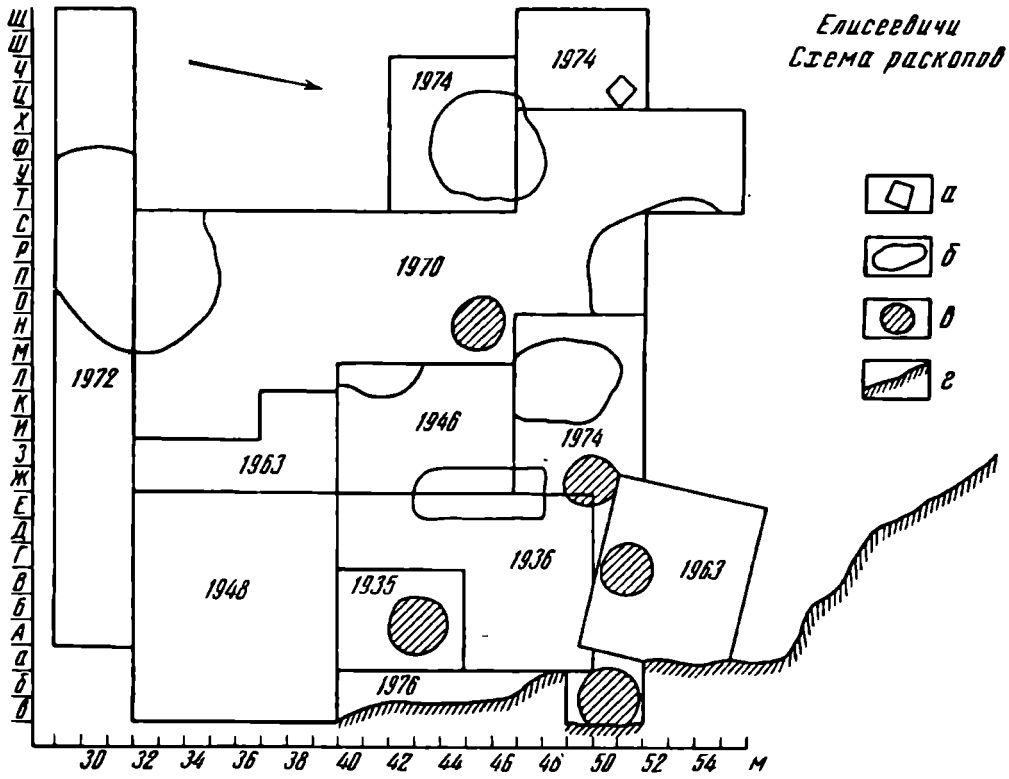


Рис. 1. Елисеевичи. Схема раскопов. *а* — раскопы; *б* — перекопы; *в* — ямы с костями; *г* — край террасы

архивных данных с результатами текущих раскопок. Применение подобной методики показало, что одни архивные данные, без проверки в «поле», могут привести и приводят к неверным выводам.

Наши раскопки 1976 г. на Елисеевической стоянке вскрыли участок с крупными костями в верхней части, примыкающей к раскопкам 1935, 1948 гг., что позволило координировать глубины раскопа этих лет с нашим репером [4]. В этой зольной массе была обнаружена плоскость лопатки молодого мамонта, часть которой (суставная впадина) вскрывалась в восточной стенке раскопа 1935 г. на границе квадратов Д4, Е4. Она записана в описи под № 427 с глубинной отметкой 138 см. От нашего репера она имела глубину 71 см.

Пересчет всех глубин 1935 г. в общей системе отсчета дал возможность ориентироваться в стратиграфии центральной части при реконструкции плана. Реконструкция проводилась по сумме данных: а) опись костного материала; б) рисунок-шаблон [1], в) опыт раскопок и полевые наблюдения автора над скоплениями костей на соседних участках. Положение рисунков-шаблонов контролировалось по фото 1935 г. Одинаковая сохранность и характер разрушения костного материала в культурном слое гарантировали совпадение рисунков с описью К. М. Поликарповича. В описи положение черепов и некоторых костей дано достаточно подробно. Так, под № 666 описан череп в кв. Г2-Г3. «Череп 18. В желтом лессе на сером лессе. Лежит в направлении СВ — ЮЗ, затылочной частью на СВ. Ширина ЮВВ — СЗЗ 0,51, длина 0,44, высота 0,40. Альвеолы вниз к ЮЗЗ, лоб вниз на СВ. Лоб цел. Небо вперед на ЮЗЗ, большая часть черепа на кв. Г2-В, меньшая — на кв. Г3-В, на восток от группы больших черепов в кв. Г2. В левой и правой альвеоле остатки зубов. По снятии с места оказалось, что лба нет, есть только альвеолы бивней и часть лба ниже впадины. Длина альвеол от места расхождения левой 0,29, правой 0,34 см». В кв. Г2 под № 715

[1] В качестве шаблона использовались зарисовки в масштабе черепов и других костей разной сохранности из раскопок экспедиции ГИМ.

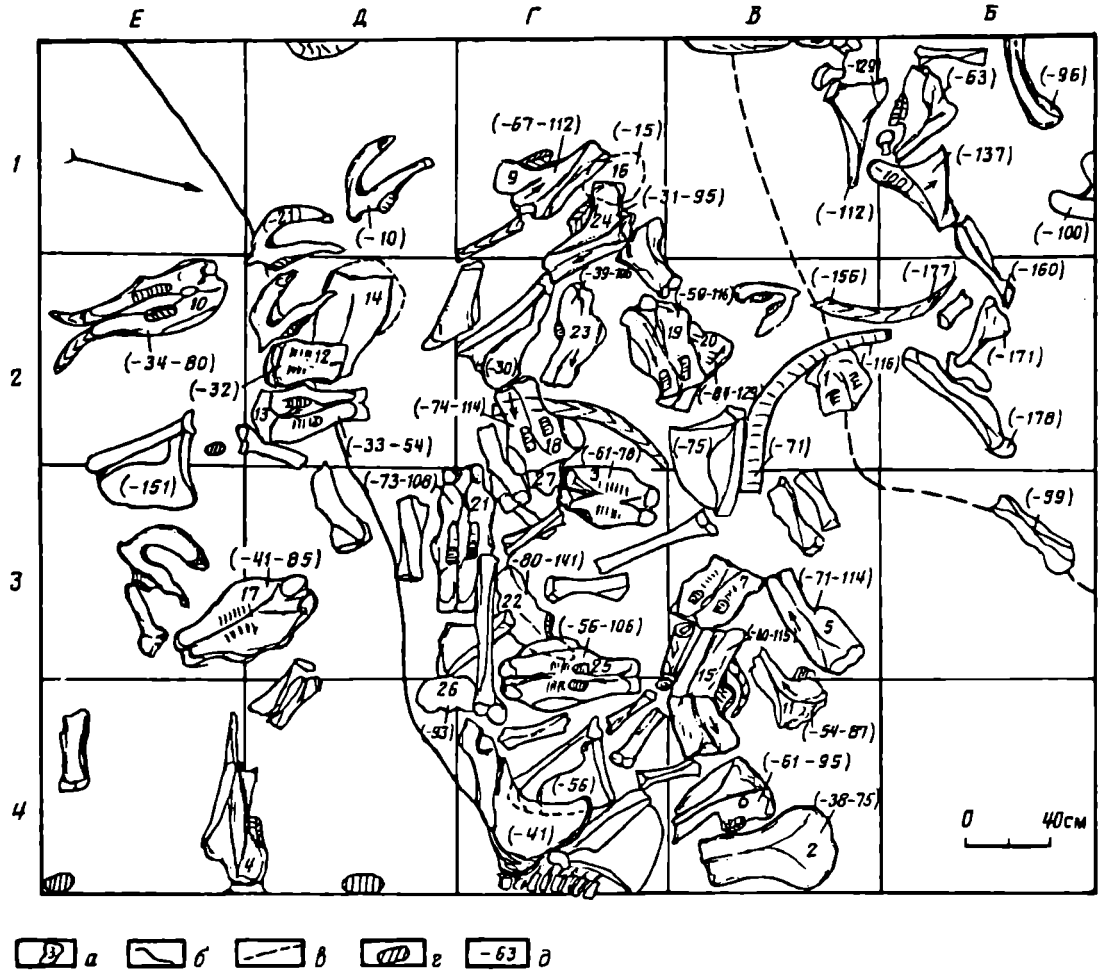


Рис. 2. Реконструкция плана скопления костей в раскопе 1935 г. *а* — черепа; *б* — граница зольника; *в* — граница мерзлотных просадок; *г* — камни; *д* — глубина от репера

«Череп 23. Высота 0,68, ширина ВЗ 0,43, С — Ю — 0,39. Затылочной частью (затылочного отверстия нет) прямо вверх. Альвеолы вниз к югу. Край альвеол на глубине 1,73 см. Почти против целая правая альвеола бивня. Ширина альвеолы 0,38. Лба нет. Только ячейки вверх, зубов нет. Вместо них — альвеолы с ячейками корней. Между ними нёбо. Концы альвеол бивней разрушены. Верх альвеол лежал в зелено-сером суглинке, очажном слое. Соседний с запада череп находится в точно таком же положении, как и череп № 715». Квадраты «... Г3 — Г4 № 692. Бедро. Направление В — З. Лежит почти горизонтально с небольшим наклоном дистального (зап.) конца. Длина без эпофиза 0,83. Глубина проксимального конца 128. Под серединой № 692 череп; против западного конца с севера лопатка, прямо к северу от средней части затылочное отверстие большого черепа в кв. Г3. Только очень малая часть на кв. Г4».

По такому описанию в основном и велась работа над планом. К сожалению, в описании расположения трубчатых костей и лопаток такой точности нет.

В результате проделанной работы мы получили план скопления костей, в основном черепов, на площади раскопа 1935 г. (рис. 2). Анализ плана. Прежде всего наблюдается неравномерное распределение крупных костей по раскопу. (Фото 1935 г. также фиксирует этот момент.) Основное количество черепов (19 из 27) и крупных костей сосредоточивалось в центральной части раскопа по линии квадратов В и Г. В южной части раскопа, квадратах линии Д, Е находилось только шесть черепов, четыре нижние челюсти, отдельные трубчатые кости и обломки лопаток. Как отдельное скопление можно отметить группу из трех

нижних челюстей в кв. Д2 — Д1. В описи отмечено, что крупные кости южной половины раскопа находились в зольной массе, на зольной массе и, если перекрыты зольником, то лежат на желтом лессе. Скопление золы на квадратах линии «В», «Г» в описи не отмечено. Полученный нами план центральной части совпадает с общей характеристикой раскопа, данной К. М. Поликарповичем: «В распределении костного угля отмечалась та особенность, что он был сосредоточен на нескольких квадратных метрах в юго-восточной стороне раскопа. Костный уголь представлял, очевидно, остаток сплошного очажного слоя толщиной 40—50 см. Ниже этого слоя, наполненного костями и кремнем, идет лесс с редкими находками. Еще ниже, в северо-восточной части раскопа расположено большое скопление черепов, бивней и проч.» «Таким образом получается как будто бы два культурных горизонта» [5, с. 82, 84]. Как видно, скопление крупных костей и особенно черепов в центре раскопа 1935 г. и зольник в юго-восточной части его отмечены исследователем как две самостоятельные структуры. Об их временном соотношении будет сказано ниже.

По глубине залегания черепов и других крупных костей наметилось несколько ярусов их расположения: два основных и один фрагментированный.

Самое высокое положение (21—56 см) занимали по всей площади раскопа нижние челюсти, лопатки, тазовые кости мамонта. На этом же уровне обозначились отдельные черепа, но так как черепа имеют значительный объем и положение их различно, то нижние черепные кости некоторых экземпляров доходили до 80—95 см. Четкое положение занимало бедро мамонта (гл. 61—73), лежащее почти горизонтально в направлении восток — запад на костях (черепа, лопатки) более низкого уровня.

Нижние челюсти, черепа, лопатки, трубчатые и тазовые кости мамонта верхнего уровня, до 95 см, располагались по всей площади раскопа. Но наиболее плотные группы они составили в юго-западной части, кв. Е2 — Д2 (три черепа, три челюсти, трубчатые) и в восточной части, кв. Г4 — В4 (две половины таза, две лопатки, позвоночный столб из девяти позвонков, три черепа). Остальные кости этого яруса располагались по раскопу без определенной системы. С глубины 80—85 см в квадратах линии «Д», «Е», т. е. в южной половине раскопа, зольник и культурный слой с крупными костями отсутствовали; идет чистый желтый лесс. Все находки глубже 85 см сосредотачиваются в центральной части раскопа в квадратах линии «В» и «Г» и в северной половине кв. «Б». Здесь, в центральной части раскопа, крупные кости отмечены на всех уровнях от самого верхнего 38 см — череп 2 [2], 31 см — череп 24 — до самого фрагментированного 116—136 см — череп 27, 149 см — бивень. Кости всех ярусов образуют плотную мощную стенку в линии кв. «Г» и В4 — В3 протяженностью по внешним костям развала около 3 м восток — запад и около 2 м север — юг.

Выделить верхний и нижний ярус костей в этом завале трудно, так как некоторые черепа и бивни нижнего яруса начинаются на уровне верхнего, но идут значительно глубже. Однако это разделение, методически весьма условное, необходимо для понимания тех структур, различный характер которых был отмечен К. М. Поликарповичем. В качестве репера для такого анализа были взяты участки южной части раскопа (линии квадратов Д и Е), где, как уже говорилось, на глубине 85—90 см идет чистый желтый лесс без находок. Приняв эти глубинные отметки как низ культурного слоя вне центрального скопления, анализируем завал центральной части. Здесь в линии квадратов В и Г к верхнему ярусу могут быть отнесены шесть черепов (рис. 2): крайний с западной стороны — № 24 (гл. 38—95 см), три черепа с северо-востока — № 2 (гл. 38—75 см), № 6 (гл. 61—95 см), № 11 (гл. 54—87 см) и два черепа в центре № 7 (71 см — плохой сохранности), № 3 (гл. 61—78 см). К верхнему ярусу в центре относятся также тазовые кости (гл. 45—56), лопатки (гл. 56—75 см), целое бедро (гл. 61—73 см) и некоторое количество трубчатых костей. Связь этой верх-

[2] Номера черепов даются по «Описи предметов...» [2].

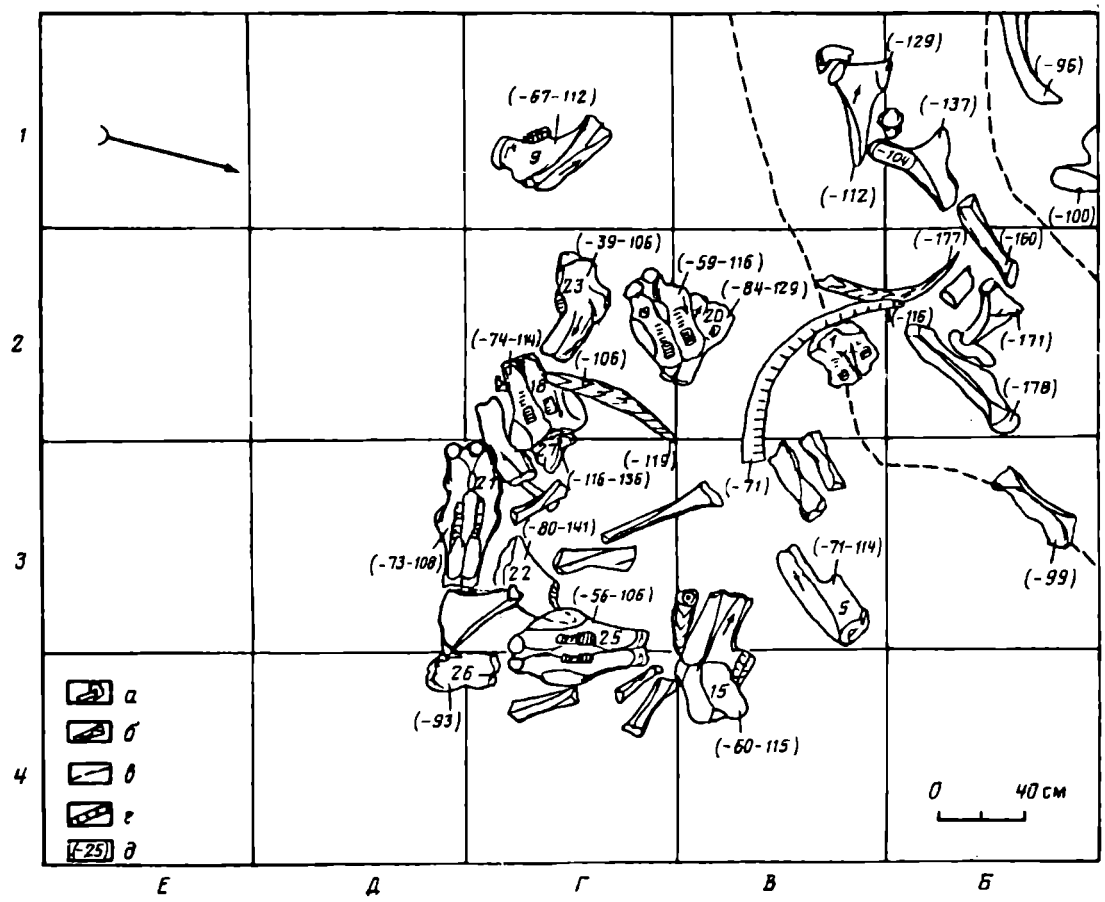


Рис. 3. План расположения черепов нижнего яруса в раскопе 1935 г. *а* — черепа; *б* — бивни; *в* — граница мерзлоты; *г* — бивень с нарезками; *д* — голубина от репера

ней группы костей с нижним ярусом в плане стратиграфии прослеживается достаточно четко. Во-первых, некоторые черепа нижнего яруса, как было установлено, начинались на уровне верхнего, во-вторых, нижние отметки черепов № 2, 3, 7 совпадают с верхними отметками черепов № 5, 18, 21, которые располагались глубже. В плане конструктивной взаимосвязи двух ярусов крупных костей завала вопрос гораздо сложнее и на этом материале решен быть не может.

«Убирая» кости верхнего яруса скопления, мы вскрываем нижний ярус, который компактно выделяется на фоне окружающего его желтого лесса без находок (рис. 3).

Черепа и другие кости нижнего яруса находились, судя по описи, в разных положениях, часто вертикальных и наклонных, имели различную степень сохранности, поэтому для определения уровня их залегания основное значение приобретают их нижние глубинные отметки. К нижнему ярусу относятся восемь черепов: № 5, 9, 15, 18, 19, 21, 23, 25. Череп № 5 (гл. 71—114 см), самый северный из группы, лежит в кв. В3 между центром квадрата и его северо-восточным углом, альвеолами на запад круто вниз. Череп № 15 (гл. 60—115 см) имеет особое значение, так как под ним обнаружены чуринги. Он является самым восточным в скоплении, ориентирован лбом на запад, альвеолами бивней прямо вниз, бивни выломаны.

Крайними западными черепами завала являются черепа № 19 и 23. Череп № 19 (гл. 59—116 см) находился в кв. Г2 — В2, лежал затылочным отверстием на юго-восток, жевательной поверхностью зубов вверх, северной стороной на другом черепе. К югу от черепа № 19 расположен череп № 23 (гл. 39—106 см), затылочной частью прямо вверх, альвеолы вниз к югу, зубов нет, только ячейки корней. С южной стороны находились два черепа — № 18 и 21. Череп № 18

(гл. 74—114 см) в кв. Г2 — Г3 лежал в желтом лессе на сером лессе в направлении СВ — ЮЗ, затылочной частью на северо-восток, альвеолами вниз в направлении на ЮЗЗ, в альвеолах сохранились остатки зубов, альвеолы бивней обломаны. Череп № 21 (гл. 73—108 см) очевидно лучшей сохранности, так как его длина составляла 75 см. Он занимал границу кв. Г3 — Д3 в направлении восток — запад, затылочной частью на запад, затылочное отверстие вверх, нёбо горизонтально, лоб цел. В юго-восточной части скопления также на границе кв. Г3 — Г4 находится крупный череп № 25 (гл. 56—106 см) длиной 60 см. Он лежал альвеолами вверх, к северу, небо вверх, затылочной частью на юг — вниз, в правой альвеоле есть остатки зуба.

Работая только с описями и фотоматериалами, удалось составить план расположения черепов нижнего яруса. Вместе с бивнями и трубчатыми костями они образуют довольно плотное ограждение округлой формы, открытое к северу (рис. 3). Его внешние размеры составляют около 3 м в поперечнике. Внутренний диаметр около 2 м. Черепа располагались по окружности, оставляя свободной центральную часть. Низ культурного слоя внутри ограждения из черепов четко маркируется глубиной залегания различных объектов. Прежде всего это нижние отметки самих черепов. Они фиксируют уровень 106—119 см. На этот же уровень выходят и нижние концы вертикально или наклонно стоящих бивней: бивень в кв. В2 имел глубину 71—116 см, а в кв. Г2 — 106—119 см. Обломки ребер на зеленовато-сером суглинке фиксируют дно на глубине 105 см в северо-западной части кв. Г4, обломки бивней на зеленом суглинке на глубине 114 см отмечены в кв. Г3 — Г4, и пластины бивня с орнаментом лежали в кв. В4 на зеленом суглинке на глубине 111—114 см. Таким образом, глубина 104—116 см маркируется четко внутри ограждения.

При реконструкции границ и размеров объектов на стоянке Елисеевичи особое место занимает анализ структур, вмещающих культурные остатки. Наш опыт показал, что на этом памятнике мы встречаемся с тремя видами таких структур: палево-желтый лесс, зольная масса, зеленовато-сизый суглинок. Палево-желтый лесс является основным вмещающим горизонтом, зольная масса — антропогенный фактор, зеленовато-сизый суглинок образуется в углублениях разного происхождения, перекрытых костями. Разница этих структур определяет границы сложных объектов стоянки. В раскопе 1935 г. граница зольной массы и желтого лесса наиболее четко прослеживается в восточной части кв. В4 — Г4. Крупный таз в кв. Г4 лежит на границе зольной массы и желтой супеси. К юго-востоку от него мощная зольная масса частично перекрывает эту кость и лопатку, зажатую между двумя половинами таза. К западу и северу от тазовой кости прослежен желтый лесс, в котором находятся лопатки и черепа № 2 и 6.

В кв. Д2, Д3, Е2 трубчатая кость лежит проксимальным концом (кв. Е2) в очажном слое, дистальным (кв. Д3) в желтом лессе. Нижняя челюсть (гл. 46) в кв. Е3 находится целиком в очажном слое, нижняя челюсть (гл. 21 см) в кв. Д2 — Е2 находится в сером лессе. Здесь устанавливается граница распространения зольной массы и вмещающего палево-желтого лесса в южной и юго-восточной части раскопа.

В центральной части намечается граница палево-желтого лесса и зеленовато-серого суглинка. Нижние кости нижнего яруса черепов находятся на зеленовато-сером суглинке. В восточной группе черепов череп № 15 находится в зеленом суглинке, череп № 5 на границе желтого и зеленого суглинка, череп № 25 лежит на бивне и мелких костях, под которыми прослежен зеленый суглинок. Граница желтого лесса и зеленого суглинка по этим данным проходит в восточной части под черепами № 5, 15, 25. Лопатка в юго-восточном углу кв. Г3 находится под бедром и лежит на зеленом суглинке (гл. 76 см). Зуб в северо-западном углу кв. Д4 (т. е. расстояние между ними не более 40 см) на гл. 87 см залегает в желтом лессе. У вертикально стоящего черепа № 23 (западная часть скопления) верх альвеол находится в зелено-сером суглинке. По этим данным граница палево-желтого лесса и зеленовато-серого суглинка проходит под всеми черепами

и крупными костями кольцевого ограждения. Эта разница литологии определяет границы двух структур: материнской породы — палево-желтого лесса и углубления, заполненного зеленовато-серым суглинком. На основании изложенного на кв. Г2 — Г4, В3 — В4 реконструируется углубление, заполненное костями. Черепа нижнего ряда, расположенные по кругу, фиксируют, таким образом, край углубления. Кости верхнего яруса внутри кольцевого ограждения (черепа 3,7, лопатки, трубчатые) лежат на желто-зеленом или зеленом суглинке.

По этим данным можно предполагать, что углубление заполнялось грунтом до попадания в него костей верхнего яруса и структура заполнения, ее цвет формировались после завала крупных костей. Встает вопрос о глубине ямы, т. е. об уровне, с которого фиксируется разница структур, так как уровень пола нам известен. Внутри кольцевого ограждения из крупных костей зеленый суглинок прослежен под костями верхнего яруса на глубине 61, 71, 75 см. Зеленый суглинок между костями мамонта нижнего ряда отмечен в двух местах: в кв. Г3 — Д3 лопатка лежит на зеленом суглинке на гл. 76 см, в кв. В3 — В4 челюсть волка находится у правой стороны черепа № 15 на зеленом суглинке на гл. 71 см. Уровень 71—75 см, очевидно, можно принять за край углубления, и тогда глубина ямы составит 44—45 см. В этой яме в восточной ее части (кв. Г4 — В4) находились чуринги с орнаментом и женская статуэтка на зеленом суглинке дна.

Как соотносятся наши реконструкции с данными автора раскопок К. М. Поликарповича. Он писал, что скопление, «которое было обнаружено в северо-восточной части раскопа, имело 1,5 м в длину и около 0,75 м в ширину при вышине 0,73 м. Это скопление было как бы окружено черепами мамонтов, поставленными на разных расстояниях от него, большей частью альвеолами вниз» [5, с. 83]. По этой записи видно, что К. М. Поликарпович вкладывал в понятие «скопление» иной, более узкий смысл, чем принято сейчас. Уникальные предметы находились в самом низу «скопления», под костями на зеленом суглинке. Как соотносится глубина ямы 0,45 м, определенная нами, с «вышиной» 0,73 м, отмеченной К. М. Поликарповичем. Здесь, очевидно, имеются в виду различные точки отсчета. Мы пытаемся вести отсчет по разнице структур, то есть от края ямы. «Вышина» по К. М. Поликарповичу получается, если вести отсчет от дна до верхней точки костей. По глубинным отметкам некоторые черепа (№ 15, 19, 23, 25) начинаются выше определенного нами края ямы на 20—30 см. Все черепа нижнего яруса находились в перевернутом или наклонном положении. В вертикальном или наклонном положении находились бивни между черепами № 7, 15, 25 и некоторые лопатки. Подобная картина возможна при разрушении какой-то конструкции. Судя по фото и описанию, только череп № 15 стоит альвеолами круто вниз в яме, но он не поставлен, а упал, так как как раз под его альвеолами и зубами находится северная часть чурингохранилища с обломками бивней и пластин бивня, придавленных этим черепом.

Как всегда, встает вопрос об искусственном или естественном происхождении ямы и характере завала костей в нее. Что это: развал костно-земляной конструкции, выброс костей в яму или просадка культурного слоя в мерзлотную деформацию? Незначительная глубина ямы, почти плоское дно исключают ее естественное, мерзлотное происхождение. Это искусственная яма глубиной около 0,5 м, вырытая в рыхлом желтом лессе. Подобные искусственные углубления с остатками конструкции из крупных костей мамонта вскрыты в северной части стоянки, поэтому яма, реконструируемая в раскопе 1935 г., не является чем-то инородным для этого памятника.

В представлении исследователей 30-х годов, скопления костей на палеолитических стоянках являлись «кучами», складами топлива. Отсюда возникло и определение «высота скопления», обозначенное К. М. Поликарповичем. Но четкие описания автора раскопок литологии, цвета грунта, вмещающего кости, позволяют рассматривать подобные объекты, обнаруженные в раскопках тех лет, с совре-

менных позиций. Впервые вопрос о «кучах костей» был аргументированно рассмотрен И. Г. Шовкоплясом на материалах Мезинской стоянки [6].

В восточной части ямы в центре раскопа 1935 г. на дне ее были обнаружены произведения искусства — пластины и обломки бивней с орнаментом, женская статуэтка, очевидно, специально туда положенные. Как указывается в описи, одна из пластин с прекрасной резьбой была найдена на границе кв. Г3 — Г4 в 0,25 м от северной границы квадратов, под альвеолами крупного черепа № 25 на глубине 97 см на зелено-сером суглинке. Вторая группа из трех пластин, покрытых орнаментом, находилась в ЮЗ углу кв. В4 под зубами и альвеолами черепа № 15 на глубине 111—114 см на зелено-сером суглинке, одна над другой. Все пластины лежали рисунком вниз. Здесь же, в кв. Г4 — В4 и на границе с кв. Г3 — В3, на уровне 97—113 см находилось большое количество пластин бивня с отдельными элементами орнамента, отщепы бивня в несколько пластин с участками орнамента и обломки бивней молодых особей. Длина обломков бивней и отщепов от 15 до 40 см. Именно этот участок с находками крупных вертикальных и наклонно стоящих бивней, отщепов от них, обломков, пластин-«чурингов» К. М. Поликарпович назвал «скоплением». Уникальным предметом этого скопления явилась женская статуэтка в кв. Г4. Описание ее археологического контекста приводится впервые. «Она лежала в направлении СВВ — ЮЗЗ, верхний конец на расстоянии 0,49 м, ноги — 0,39 м от северной границы кв. Г4 и касалась верхним концом границы Г4 — Г3. Рядом с ней фрагменты ребра. Статуэтка лежала в самом низу всего комплекса бивней (глубина 104—113 см) на зеленовато-сером суглинке, верхним концом вниз (направление ЮЗЗ), ногами вверх (на СВВ)» [2, № 786]. И статуэтка, и «чуринги» находились на дне у самого восточного края ямы, так как непосредственно под костями черепов № 5, 15, 25 отмечена разница структур палево-желтого лесса материнской породы и зеленовато-серого суглинка заполнения.

К. М. Поликарпович рассматривал это «скопление», окруженное черепами, как свидетельство тотемизма с мамонтом в качестве тотема, но он не останавливался на характере конструкции из черепов [5, с. 84]. В настоящее время, когда на многих стоянках Днепровского бассейна вскрываются и исследуются костно-земляные конструкции с использованием большого количества черепов мамонта, основное внимание обращается на размеры и характер размещения костей, а не на их интерпретацию. Опираясь на факты искусственного происхождения и находки на дне ее произведений искусства, можно отнести этот объект к специальному костно-земляному сооружению с цоколем из черепов и крупных костей мамонтов.

Исключив мерзлотное происхождение ямы, следует отметить все-таки незначительные повреждения ее южной и юго-западной части посткриогенными процессами. Здесь есть еще один нижний фрагментированный уровень крупных костей. Это черепа № 1, 20, 22, 26, 27, а также несколько трубчатых костей и бивни, «просевшие» до глубины 125—136 см. Особо низкий уровень отмечен в юго-западном углу квадрата Г3 на площади 0,7 × 0,4 м с глубиной находок 141—149 см. Непосредственно на некоторых черепах этого фрагментированного яруса лежали черепа нижнего яруса: череп № 19 на черепе № 20, череп № 18 на черепе № 27, южный край черепа № 25 находился на черепе № 22. В описи отмечено, что череп № 22 стоял альвеолами вниз, как бы вкопанный. Череп № 26 обнаружен на глубине 93 см, но рассыпался, череп № 1 очень плохой сохранности находился на глубине 81 см. Уровень просадок культурных остатков в данном случае связан, очевидно, с небольшой жилой грунтового льда. При зачистке крупной мерзлотной деформации, проходящей в 1 м к северо-западу от рассматриваемого объекта, на глубине 310 см была обнаружена неширокая трещина, уходящая к югу, т. е. в сторону выявленной ямы. В зоне просадок бортов этой жилы расположены черепа № 1 и 20. Возможно, и просадки

отдельных крупных костей до глубины 149 см в юго-западном углу кв. Г4 связаны с тем же явлением.

В раскопе 1935 г. вскрыт еще один комплекс крупных костей в северо-западной части, обозначенный К. М. Поликарповичем как остатки второго жилища [1, с. 42, 43]. Этот комплекс вскрывался в 1936 г. и описан как «ход» [7, с. 287—288, рис. 5, 6]. В 1936 г. крупные кости «хода» не были сняты, и в 1976 г. этот участок исследовался вторично комплексной экспедицией ГИМ и Института географии АН СССР. По данным этих исследований вскрытый участок являл собой сложную картину. Здесь культурный слой подвергся значительному смещению и переотложению в зоне замка двух мерзлотных структур различной величины и, возможно, разновременных. При деградации мерзлоты в зоне непосредственного влияния мерзлотных структур крупные кости в культурном слое постепенно перемещались к центру клина под воздействием возрастающих уклонов поверхности к оси клина. Перемещение блоков в вертикальном направлении связано с вытаиванием высокольдистых грунтов. Амплитуды смещения составляют 30—50 см. Эти вертикальные смещения привели к разрывам отдельных горизонтов, в том числе с культурными остатками, и даже отдельных крупных костей, находившихся уже в погребенном состоянии. Эти вертикальные смещения, «просадки» естественного происхождения и были интерпретированы К. М. Поликарповичем как специально вырытый ход. Ширина хода более 1 м соответствует ширине клиновидной структуры в верхней части.

Раскопками 1976 г. на одном из участков «хода», совпадающем с северо-западным углом раскопа 1935 г., был вскрыт на глубине 150—177 см мощный блок культурного слоя более 60 см длиной с кремнем, золой, обломками бивней. Следующая ступень вертикального сброса культурных остатков наметилась на глубине 189—230 см, но уже ближе к оси мерзлотной структуры.

Полигональный рельеф на площади стояночного мыса позволяет определить планиграфическое положение мерзлотной структуры и искусственной ямы с костями в раскопе 1935 г. Последняя находилась в краевой части блока полигональной системы, т. е. на достаточно хорошо дренажированном участке к югу от оси мерзлотной структуры. Восточная часть ее была ближе к центру полигона и не подверглась разрушению при деградации мерзлоты. Западная и северо-западная часть ямы попала в краевую зону небольшой льдогрунтовой жилы и обнаружила незначительные просадки культурного слоя (фрагментированный нижний ярус костей).

В результате реконструкции по комплексу данных плана расположения крупных костей в раскопе 1935 г. удалось конкретизировать три различных объекта, упомянутых К. М. Поликарповичем. Первый — часть крупного зольника в южной части раскопа мощностью до 30—36 см в юго-восточном углу с крупными костями мамонта на поверхности зольной массы, в зольной массе и под зольником. Второй — плотное, мощное скопление костей в яме округлой формы с внутренним диаметром более 2 м. По аналогии с костно-земляными конструкциями в северной части стоянки [8, с. 2—25, рис. 1, 6, 7] здесь в центре раскопа 1935 г. можно представить сооружение из крупных костей мамонта над углублением с использованием черепов в цокольной части. Тип этого сооружения ближе всего к скоплению 3 в восточной части стоянки у обрыва, но не идентичен ему [8, с. 14—20, рис. 5, 6]. Специфика объекта 1935 г. заключается в его очевидно особом назначении, так как на дне ямы были обнаружены «чуринги» — пластины бивня с нарезным орнаментом, женская статуэтка, пластины и обломки бивней с отдельными нарезками.

Третий объект — «стенка» в северо-западной части раскопа — представляет собой элементы конструкции, разрушенной при деградации мерзлоты. Конструкция, очевидно, являлась самостоятельным объектом, так как непосредственной связи ее с черепами центральной части не прослеживается по архивным данным и не отмечено автором раскопок в публикациях.

Временно́е соотношение объектов прослежено достаточно четко. Зольник

вторичен по отношению к крупным костям в яме центральной части. Площадь его в раскопе 1935 г. определена по профилям южной и восточной стенок [1, с. 42, 54]. По описи 1935 г. зольник захватывает всю линию квадратов Е, Д4, Д3 и юго-восточный угол квадрата Д2. Скопление черепов и нижних челюстей верхнего яруса в середине квадрата Д2 лежит уже на желтом лессе, и только трубчатая кость в самом углу квадрата перекрыта очажным слоем, но лежит также на желтом лессе. В квадрате Г4 у восточной стенки зольная масса задерживается с южной стороны тазовой кости и в центр квадрата и северную его часть не проникает. Стратиграфическое положение крупных костей и зольной массы в южной части раскопа 1935 г. позволяет отметить, что отложение горизонта зольника произошло здесь после попадания крупных костей на этот участок. Являются ли кости верхнего яруса в южной половине раскопа развалом верхней части центральной конструкции или имеют самостоятельное назначение, определить по сохранившимся источникам трудно. Однако яма с крупными костями в центральной части раскопа находится ниже зольника и окружена чистым желтым лессом без находок. Временно́е соотношение разрушенного мерзлотными процессами объекта в северной части раскопа и костно-земляной конструкции центральной части требует специальных исследований.

Восстановленные объекты в раскопе 1935 г. четко вписываются в архитектурно-планиграфический комплекс всего памятника — Елисеевической стоянки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Поликарпович К. М.* Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1968.
2. Опись предметов, найденных при раскопках палеолитической стоянки в дер. Елисеевичи Почепского р-на Западной области 14 августа — 29 сентября 1935 г.//Архив ИЭ. К-1, оп. 2, № 734—735.
3. *Будько В. Д.* Отчет об исследовании Елисеевической стоянки Жирятинского р-на Брянской области 1935, 1936, 1946, 1948. Альбом иллюстраций к отчету//Архив ИА РАН. Р-1, 25116.
4. *Грехова Л. В.* Отчет о работе Деснинской экспедиции ГИМ. Брянская область. 1976 г.//Архив ИА РАН. Р-1, № 6640.
5. *Поликарпович К. М.* Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933—1935 гг.//СА. 1940. Т. V.
6. *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка. Киев: Наук. думка, 1965.
7. *Поликарпович К. М.* Работы по исследованию палеолита в Западной области в 1936 г.//СА. 1940. Т. V.
8. *Грехова Л. В.* Костно-земляные конструкции на позднепалеолитической стоянке Елисеевичи//Тр. ГИМ. 1985. Вып. 60.

Государственный исторический музей,
Москва

L. V. GREKHOVA

AN ATTEMPT OF RECONSTRUCTION OF THE LOST PLAN OF THE PALAEOLITHIC SITE YELISEEVICHI (1935) ACCORDING TO ARCHIVS DATA

Summary

The plan of 1935 from the site of Yeliseevichi was lost, but in publications a large accumulation of mammoth bones is mentioned (sculls, tusks, long bones, scapulae). In the article a reconstruction of the plan is suggested based on a synthesis of the data of the register book of bones, drawings and the author's field excavation practice. As a result a reconstruction was made, which allowed the author to form a detailed impression about three objects mentioned by K. M. Polikarpovich. The first one is a part of a large ashes accumulation in the southern part of the excavation area containing large mammoth bones (Fig. 1). The second one is a round pit densely filled with the bones. The pit is more than 2 m in diameter and 0,5 m deep (Fig. 2). The third object (Fig. 3) is identified as a wall in the north-western part of the excavation aree. It was an independent structure, ruined as a result of permafrost degradation. The reconstructed objects well correspond to the architectural and planigraphic structure of the site.

В. Н. ВОЙНАРОВСКИЙ, Г. И. СМИРНОВА

НОВЫЕ НАХОДКИ ДРЕВНИХ БРОНЗ В ОКРЕСТНОСТЯХ с. ВОЛОКА НА БУКОВИНЕ

В последние годы довольно бедный набор известных ранее бронзовых изделий эпохи бронзы и раннего гальштата из Черновицкой области пополнился новыми интересными находками. В 1987 г. во время строительных работ в с. Волока Глыбокского р-на Черновицкой обл. в урочище Цурч был найден клад бронзовых вещей — семь кельтов, сложенных в котел. Вещи поступили в Черновицкий историко-краеведческий музей.

Клад был вынут ковшом экскаватора с глубины около 2 м, при этом был незначительно поврежден котел. В выбросе земли обнаружены небольшие куски глиняной обмазки. К сожалению, быстрое возведение фундамента постройки на месте находки клада не позволило провести здесь разведочные раскопки.

Чаша-котелок изготовлена из цельного бронзового листа толщиной 1,5 мм (рис. 1, *1*). Ее высота 12 см, диаметр устья 23 см, диаметр тулова на месте наибольшего расширения 25 см. Сосуд имеет плавно округлую форму с вогнутым круглым углублением (умбоном) в центре округлого дна. Трещина у края умбона заделана с помощью пластины и двух заклепок. Еще одна заклепка с прокладкой на дне — след починки второго небольшого отверстия.

С двух сторон чаши пятью слабо выпуклыми заклепками укреплены два парнокрестовидных держателя дужек с кольцевидными ушками, возвышающимися над краем. В ушках свободно крепились крючковидные концы двух витых (тордированных) дужек. Край чаши украшен четырьмя горизонтальными рядами мелких пунсонных ямок.

По классификации Г. Мерхарта, котелок из Волоки сочетает признаки двух типов — В 1 и С [1, с. 3 — 15]. Округлость не только тулова, но и дна, имеющего умбон, свойственны котелкам группы С. При этом дужки котелков типа С, как и у волокского экземпляра, почти всегда тордированы, хотя тордированные ручки-дужки известны и в других группах [1, с. 5, табл. 5, *6* — *10*; 6, *1* — *11*]. С другой стороны, такие признаки чаш типа С, как сильно удлиненные пластины крестовидных держателей и сложная по мотивам полоса орнамента под краем, для нашего сосуда не характерны. По таким чертам, как сравнительно короткие вертикальные пластины держателей и простота узора, чаша из Волоки сближается с сосудами типа В 1, характеризующимися округлым профилем тулова при четко выделенном плоском дне [1, с. 3 — 4, табл. 1, *2*].

Принимая во внимание основной признак типологической классификации чаш-котелков с крестовидными держателями дужек-ручек — форма и профиль корпуса и дна, — мы относим чашу из Волоки к типу С. Сочетание в одном сосуде признаков двух разных типов (В 1 и С) не удивительно, так как оба типа на каком-то отрезке времени сосуществовали. По данным Г. Мерхарта, чаши типа В 1 существовали «весь младший период культуры полей погребальных урн» (На В), а типа С — «исключительно в гальштатское время» (На С и На Д) [1, с. 5 — 6]. Исходя из этого, время нашего сосуда можно относить к переходу от На В к На С, т. е. ко второй половине VIII в. до н. э.

Чаша из Волоки дополняет сравнительно небольшой список чаш с крестовид-

© В. Н. Войнаровский, Г. И. Смирнова, 1993 г.

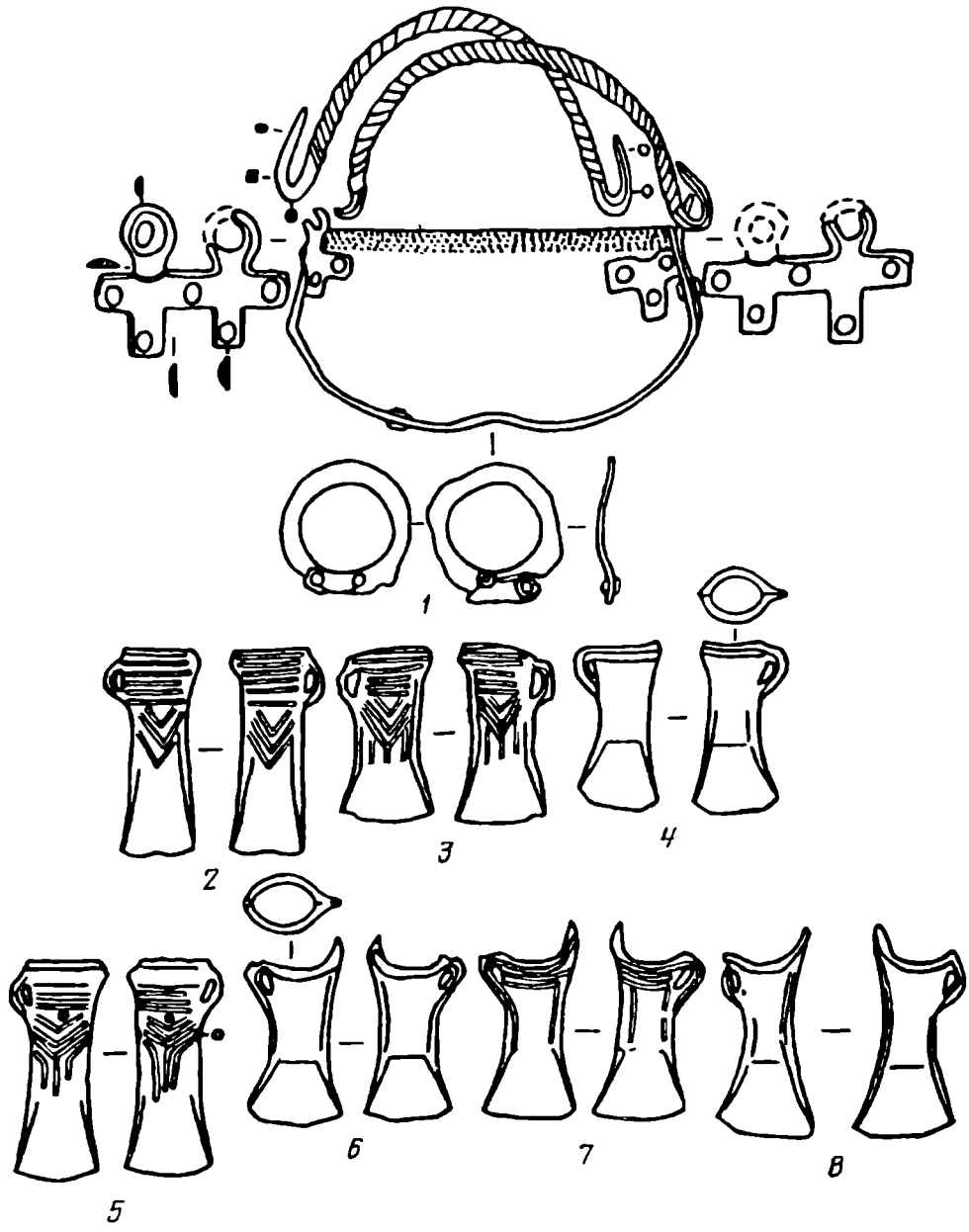


Рис. 1. Клад из с. Волока

ными держателями ручек из Закарпатья и Прикарпатья [2, табл. XXX, *1* — *8*; 3, с. 135, табл. VI, *1*, *2*; 4, с. 307 — 311, табл. 1 — 4]. Условно к этому типу (судя по округлости стенок на переходе ко дну, к сожалению плохо сохранившемуся) можно отнести чашу из Кучавы (Закарпатская область) [3, с. 135, табл. VI, *1*].

Найденные вместе с котелком кельты относятся к трем типам.

К первому принадлежат три кельта с дугообразным краем втулки, с клювовидным выступом с одной ее стороны и ушком — с другой (рис. 1, *6* — *8*). Лезвие таких кельтов — подчеркнуто трапециевидное, со слегка дуговидным рабочим краем. Один из них украшен по втулке, на уровне ушка, тремя горизонтальными валиками.

Второй тип составляют кельты с ровным утолщенным ободком по краю втулки и небольшим ушком, слегка суженными боками, прямым лезвием (рис. 1, *2, 3, 5*). Широкие нерабочие плоскости кельтов украшены орнаментом из горизонтальных, дуговидных, клиновидных и вертикальных узких валиков. Один из

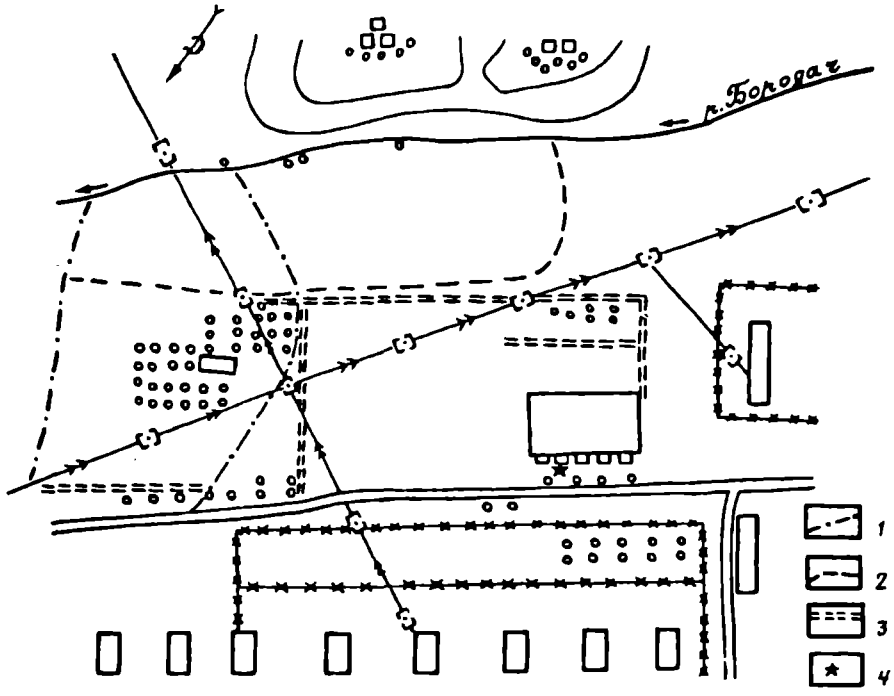


Рис. 2. План-схема урочища Цурч в с. Волока: *1* — граница поселения трипольской культуры; *2* — граница поселений культур комаровской, Ноа, голиградской; *3* — коммуникационные траншеи; *4* — место находки клада

топоров имеет маленькую круглую выпуклую «жемчужину» по центру орнамента и боковое сквозное отверстие (рис. 1, *5*). Все кельты в плоскости лезвий располагают дополнительными выделенными гранями.

К третьему типу, наиболее позднему, относится неорнаментированный одноушковый кельт с утолщенным краем втулки с косо срезанным лезвием, подчеркнутым трапециевидной аркой (рис. 1, *4*).

Все типы одноушковых кельтов из Волоки представлены в составе кладов Карпато-Дунайского бассейна, с том числе и Прикарпатья, осуществляя в основном на протяжении периода На $B_{2,3}$ [3, с. 331 — 332; *5*, с. 125 — 147, табл. 341, 345 — 347, 354, 377, *4* — *18*; 6, с. 34, рис. 6, 7]. Например, сочетание всех типов кельтов дают клады Валя Русулуй из Молдовы [7, с. 50, рис. 18, *4*, *5*, *7*; 8, с. 11, 40 — 41, табл. 2; рис. 3, *8* — *11*] и Олешниковский в Закарпатье [9, с. 195 — 201, рис. 1, *5* — *8*; 2,*1* — *5*, *11* — *13*], датируемые На В в целом или только На B_3, а также клад Неделиско в украинском Прикарпатье, дата зарытия которого колеблется у специалистов от На B_2 — B_3 до На С [2, с. 203, 204, табл. III, *4*; *7* — *9*; VIII, *3*, *4*; 10, с. 278; 11, с. 56; 12, с. 81 — 83, рис. 25, 15 — 20]. Поэтому нам представляется, что определяющим возраст клада, точнее время его зарытия, является бронзовый котелок, дающий более узкую дату в пределах перехода от На B_3 к На С, что приблизительно приходится на вторую половину VIII в. до н. э.

Клад обнаружен в 60 м к югу от поселения, содержащего слои трех культур — комаровской, Ноа и голиградской — и протянувшегося на 150 м вдоль левого берега р. Бородач, притока р. Дереглуй, впадающей в Прут (рис 2). Культуры Ноа и голиградская в подъемном материале с поселения представлены фрагментами лепных горшков и мисок. Керамика культуры Ноа (рис. 3, *5* — *10*) серого и коричневого цвета, со слегка бугристой и шершавой от выступающих зерен мелкотолченного пирита, слюды и песка поверхностью, с неравномерным обжигом. В верхней части горшки украшены гладким валиком, иногда сочетающимся со сквозными проколами или широкими углублениями.

Венчики конических гальштатских мисок с загнутыми внутрь плавно про-

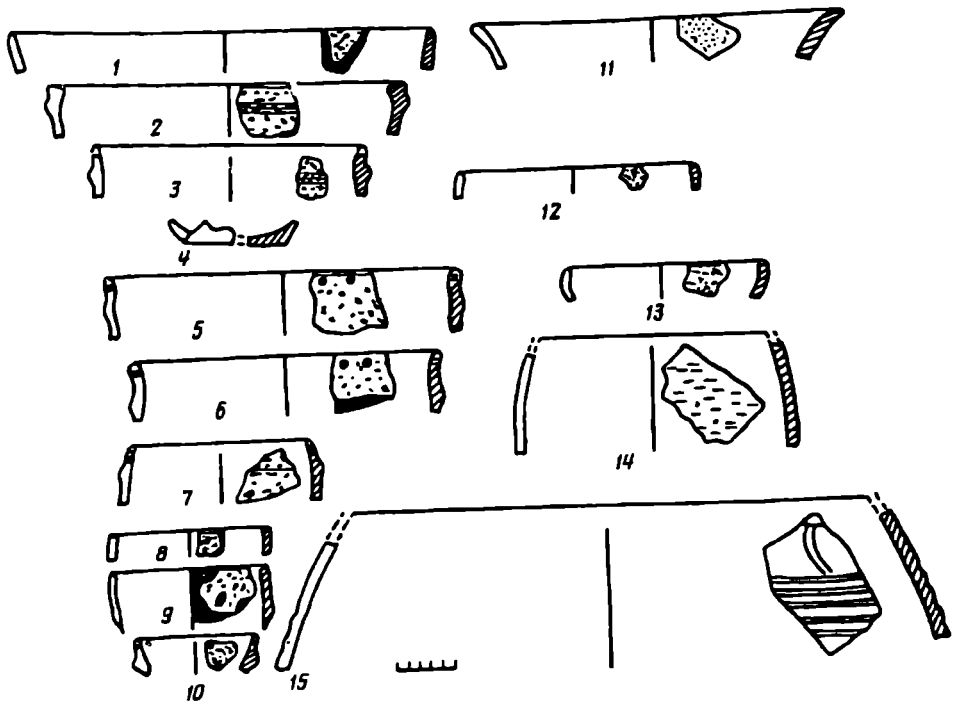


Рис. 3. Фрагменты керамики из поселения в урочище Цурч: *1 — 4* — комаровская культура; *5 — 10* — культура Ноа, *11 — 15* — голиградская культура

филированным краем слегка утолщены, внутренняя поверхность этих сосудов — чернолощеная. Отметим и фрагмент большой корчаги — чернолощеный снаружи, с широкими горизонтальными каннелюрами, прогнутыми над ними валиком-подковой (рис. 3,*15*).

Расположение участка с кладом на небольшом отдалении от поселения, на том берегу ручья несколько выше селища, как будто указывает на возможность нахождения здесь синхронных горизонтам поселения могильников. Но осмотр нескольких коммуникационных траншей глубиной 1, 2 — 2 м и снивелированного строительными работами участка не подтвердил наличие здесь какого-либо культурного слоя.

Исходя из предложенного возраста клада из с. Волока и типов входящих в него вещей его связь с голиградским горизонтом поселения и голиградской культурой в целом не может вызывать сомнений. Кстати, в с. Волока в урочище Городище находится укрепленное валами поселение, принадлежащее культуре Гава-Голиграды [13, с. 22]. К этой же культуре следует относить и ряд бронзовых изделий, найденных в окрестностях этого села.

К первому типу кельтов из клада у с. Волока относится кельт с клювовидным выступом, найденный случайно в 1962 г. на поле в урочище Цурч (рис. 4,*2*). Нерабочие плоскости кельта выделены двумя узкими вертикальными валиками с мелкими каннелюрами рядом с ними. Лезвие топора асимметричное, со следами сработанными на рабочем остром срезе.

К случайным находкам 1962 г. в том же урочище Цурч относится и бронзовый наконечник копья длиной 11, 4 см (рис. 4, *3*). Перо лавролистной формы с тремя продольными валиками в пределах пера. На втулке, слегка расширяющейся книзу, имеются два сквозных отверстия в верхней части.

Наконечники копий такого типа, появившись еще в эпоху бронзы, широко представлены в гальштатских кладах Карпатского региона [3, с. 338, табл. VIII, *5, 6*; 14, с. 34, табл. 15, *7*; 31, *9*; 62, *3*; 69, *6*; 71,*11*; 15, с. 20, табл. *1, 7, 9*; 4, *15*; *5, 9*; 148, *7, 8*; *5*, табл. 56, *26*, 59, *4*; 117, *6*; 146, *4*; 185,*3*; 190, *4, 5*; 251, *2, 3*]. Однако на территории Прикарпатья наконечники с листовидным пером и втулкой не зафиксированы среди бронзового инвентаря культуры Ноа.

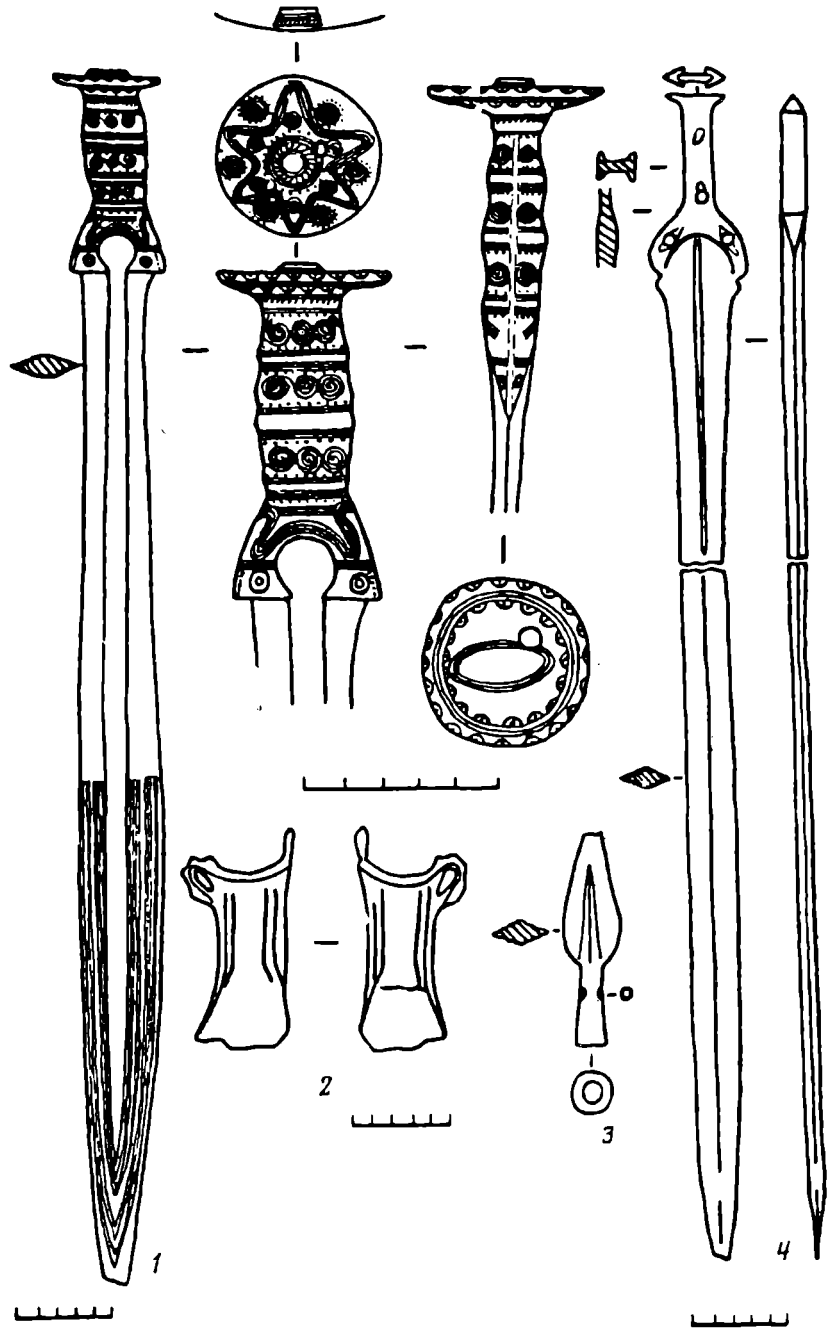


Рис. 4. Отдельные находки бронзовых изделий из с. Волока

Их наиболее раннее появление и бытование в Закарпатье и Прикарпатье связано с культурой Гава-Голиграды. Например, близкий наконечник копья происходит из клада Грушка, в состав которого входит нижняя часть сосуда типа корчаги, явно голиградской культурной принадлежности [16, с. 56, табл. III, *6*]. По уточненным датам В. Брунна, клад Грушка один из ранних гальштатских кладов в Прикарпатье, относимых им к На A_1 [11, с. 56, 79, 294]. Такой же наконечник найден в составе клада бронз в Закарпатье на Шелестовском городище, принадлежащем культуре Гава-Голиграды и датированном Э. А. Балагури развитым периодом На В [17, с. 56, 58, 63, табл. XI, *11*].

В коллекцию бронзового оружия из с. Волока входит также меч с рукоятью, завершающейся дисковидным набалдашником (рис. 4, *4*). Он был найден случайно

в 1961 г. в 0,5 км к западу от урочища Цурч, у переезда через железную дорогу. Осмотр места находки не подтвердил наличие здесь слоя бронзового века, были найдены лишь остатки распаханных наземных жилищ и керамика культуры карпатских курганов.

Общая длина меча 65 см при длине клинка 54 см (рис. 4,*1*). Клинок листообразный, обоюдоострый, в верхней половине в сечении «шестиугольный», в нижней линзовидный, с широким уплощенным ребром посредине, исчезающим при приближении к острию, наибольшая ширина клинка приходится на нижнюю треть.

Рукоять литая, полая, в сечении овальная, с тремя поперечными валиками, с наибольшим расширением в средней части, заканчивается дисковидным вогнутым навершием с кнопкой усеченноконической формы. Возле выступа имеется отверстие для крепления ремня. Перекрестье колоколовидной формы с округлым вырезом.

Клинок и рукоять соединяются при помощи стержня, который проходит через пустотелую рукоять, и закреплены посредством двух бронзовых заклепок на перекрестье и кнопкой сверху навершия.

Рукоятка и набалдашник с обеих сторон богато украшены врезным узором. На диске (вид сверху) изображен шестилепестковый знак и концентрические кружки с точечным обрамлением, вписанные по центру в лепестки и между ними. С внешней стороны (снизу) навершие украшено двумя концентрическими кругами с маленькими полукружиями с точкой по их внутреннему периметру.

Орнамент ручки меча состоит из трех широких поперечных полос из линий и точек с вписанной в них бегущей спиралью (по три витка спирали, соединенных вместе, в каждой полосе). На многих мечах с валиками на рукояти такими полосами подчеркивались выпуклые валики на ручке.

Узор на перекрестье представлен двумя полосами четырехрядных линий, между которыми знак в виде четырехрядной дуги посредине с симметрично отходящими вверх крюкообразными концами. Ниже, по краям, две вертикальные линии из точек и посредине два концентрических кружка.

Нижняя половина клинка украшена двумя продольными полосами из пяти (внешняя) и шести (внутренняя) линий с раздельно смыкающимися под углом концами.

Мечи с цельной рукояткой (Vollgriefschwerter) разделяются специалистами, пользующимися, как правило, классификацией Г. Мюллера-Карпе, на типы и варианты по двум разным признакам — либо по особенностям самой рукояти, либо по форме ее навершия. Г. Д. Александреску, принимая во внимание в первую очередь форму набалдашника, различает мечи с дисковидным и чашевидным навершием. При этом мечи типа Ригзее, а также с дисковидным навершием, по ряду характерных признаков (гладкая рукоять с продольно нанесенным узором, форма перекрестья и др.) выделяются в отдельный, третий тип [18, с. 126 — 129]. А. Можолич разделяет мечи с цельными рукоятями на мечи типа Ригзее и группу «мечей с тремя валиками на ручке» (Dreiwulstschwerter) [15, с. 11 — 13], которые соответствуют мечам с дисковидным навершием, по Александреску.

И наконец, Т. Кеменцеи, отделяя мечи с чашевидным навершием от мечей с дисковидным набалдашником, нередко пользуется для обозначения последних объединенным термином «мечи с дисковидным навершием — валиковые мечи» [19, с. 78 — 79].

Заключая, необходимо уточнить, что группу мечей с дисковидным навершием включаются разные варианты мечей, в том числе мечи липтовского типа [20, с. 215].

Именно к этому типу по ряду морфологических признаков, в первую очередь по колоколовидной форме перекрестья, следует относить меч с дисковидным навершием из Волоки. Мечи липтовского типа существовали в период На А и На B_1 [20, с. 222 — 224; 18, с. 126 — 128; 19, с. 77 — 78]. Поскольку наш меч

является случайной находкой и не сопровождается другими бронзовыми вещами, более узкую дату давать не решаемся. Но независимо от широких хронологических рамок принадлежность этого меча к металлической индустрии носителей культуры Гава-Голиграды несомненна. Во всех областях распространения культуры Гава клады с мечами липтовского типа связываются с этой культурой [19, с. 77; 21, с. 97].

К бронзовой индустрии населения культуры Гава-Голиграды относится случайная находка меча у с. Волока, принадлежащего к типу мечей с язычковидной рукояткой (Griffzungenschwerter) [19, с. 79]. В урочище Цурч (кут Грушевка) в 1979 г. местным жителем был найден в согнутом виде цельнометаллический бронзовый меч с черенком для крепления накладок рукояти (рис. 4, *4*). Общая его длина 61,4 см, длина клинка 51,4 см, ширина клинка 2,5 см, ширина черенка 1,7 см. Обоюдоострый, ромбический в сечении клинок плавно сужается от пятки к параллельному основанию и лишь в последней трети опять сужается к острию. Пятка клинка по ребру плавно сужена в сторону рукояти, выделена двумя боковыми вырезами. Плечики перекрестья округлые с опущенными концами и внутренней прогнутой вверх дугой. На нем два отверстия для заклепок накладных пластин. Черенок прямой, плоский, с бортиком по краям, с одним сквозным отверстием и одним отчетливо намеченным углублением для второй заклепки. Навершие черенка слегка отогнуто, в сечении сложное.

Основные характерные признаки этого меча: прямой черенок с бортиком, округлые плечики перекрестья и узкий, умеренной длины клинок. По данным Т. Кеменцеи, изготовление рассматриваемых мечей с широким клинком начинается в первой фазе бронзовой индустрии культуры Гава (фаза 2в позднего бронзового века Венгрии = HaA_1 = II в до н. э.) [19, с. 76]. В Средней Европе они обычно датируются HaA — B_1. А мечи с длинным клинком (длина 80 см и выше) являются наиболее поздними, т. е. относятся к периоду HaB_{1-2} [18, с. 136—137; 19, с. 79]. Наш меч с узким и умеренно длинным клинком характерен для второй фазы бронзовой продукции культуры Гава (HaA_2 — B_1), сосуществуя с мечами липтовского типа и с мечами с чашевидным навершием [19, с. 79].

Мечи из Волоки дополняют многочисленную группу находок этого бронзового оружия из Закарпатья [3, с. 336 — 337; 22, с. 39] и сравнительно немногочисленную из Прикарпатья [2, с. 37; 23, с. 127 — 131, рис. 43, 10, 11]. Вместе с другими публикуемыми находками они расширяют представления о бронзовой металлургии голиградцев и их контактах с населением Карпатского региона, где находился один из крупнейших горно-металлургических центров — Карпатский. Впрочем, речь может идти не просто и не только о контактах, а о генетическом родстве голиградской группы памятников с одной из раннегальштатских культур этого региона — культурой Гава в северо-восточной Венгрии, юго-восточной Словакии и Трансильвании [24, с. 18]. В рамках культурно-исторической общности Гава-Голиграды и проходил процесс развития голиградской группы памятников в Прикарпатье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Merhart G.* Studien über einige Gattungen von Bronzegefässen // Festschrift des Römisch-Germanischen Zentralmuseums in Meinz. B. II. Meinz, 1952.
2. *Żurowski K.* Zabytki brązowe z młodszej epoki brązu i wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru // Prz. Arch. 1949. VIII. 2.
3. *Bernjakovič K.* Bronzezeitliche Hortfunde vom rechten Ufergebiet des oberen Theisstales (Karpatoukraine USSR) // SL. A. 1960. VIII. 2.
4. *Angeli W.* Ein Hortfund von fünf Bronzebecken aus Galizien // Annalen Naturhistorischen Museums. Wein, 1962. № 65.
5. *Petrescu-Dîmbovița M.* Depozitele de bronzuri din România. București, 1977.
6. *Kemenczei T. A.* Prügui koravaskori kincslelet // Communicationes archeologicae Hungarie. Budapest, 1981.
7. *Мелюкова А. И.* Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии // МИА. 1961. № 96.

8. *Дергачев В. А.* Бронзовые предметы XIII — VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца, 1975.
9. *Пеняк С. И., Шабалин А. Д.* Олешниковские клады бронзовых изделий//СА. 1964. № 2.
10. *Sulimirski T.* Ein Bronzedepotfund aus Niedzieliska, Kr. Przemyślany // Światowit. 1936/1937. XVII.
11. *Brunn W. A.* Mitteldeutsche Hortfunde der jüngeren Bronzezeit//Römische-Germanische Forschungen. 1968. T. 29.
12. *Крушельницька Л. І.* Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волини з племенами Східної і Центральної Європи. Київ: Наук. думка, 1985.
13. *Тимощук Б. О.* Зустріч з легендою. Ужгород: Карпати, 1974.
14. *Mozsolics A.* Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens. Depotfundhorizonte von Forró und Ópályi. Budapest, 1973.
15. *Mozsolics A.* Bronzefunde aus Ungarn. Depotfundhorizonte von Aranyos, Kurd und Gyermely. Budapest, 1985.
16. *Свешніков І. К.* Пам'тки голіградського типу на Західному Поділлі//МДАПВ. 1964. Вип. 5.
17. *Балагури Є. А.* Шелестівске городище — пам'ятка населення ранньозалізної доби Закарпаття // Дослідження стародавньої історії Закарпаття. Ужгород, 1972.
18. *Alexandrescu A. D.* Die Bronzeschwerter aus Rumänien//Dacia. 1966. X.
19. *Kemenczei T.* Die Spätbronzezeit Nordostungarns. Budapest, 1984.
20. *Harla J.* Otázka původu a rozšíření mečů liptovského typu a mečů s čiškovitou rukojetí // AR. 1954. Roč. VI, 2.
21. *Малеев Ю. Н.* Гальштатские городища в Западной Подолии и Прикарпатье//Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1987.
22. *Пеняк С. И.* Негровский клад бронзовых мечей (Закарпатская обл. УССР)//КСИА. 1969. Вып. 115.
23. *Крушельницкая Л. И., Малеев Ю. Н.* Племена культуры фракийского гальштата (Гава-Голиграды) //Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (Энеолит, бронза и раннее железо). Киев: Наук. думка, 1990.
24. *Смирнова Г. И.* Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна//АСГЭ. 1976. Вып. 17.

Черновицкий историко-краеведческий музей
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

V. N. VOYNAROVSKY, G. I. SMIRNOVA

NEW FINDS OF ANCIENT BRONZE ARTEFACTS IN THE NEIGHBOURHOOD OF VILLAGE VOLOK IN BUKOVINA

Summary

The article deals with new finds of Hallstatt bronze subjects in the neighbourhood of village Volok in Bukovina. They are a hoard including a bowl-pot and 7 celts of different types (fig. 1) and separate found bronze artefacts: 2 words, a celt and a spearhead (fig. 4). The time of digging in the hoard is determined by the pot (type C according G. Merhart), which dates back to the transition from Ha B to Ha C, that is to the second half of the 8th century B.C. All publishing bronze artefacts belong to the metal industry of Gava-Goligrady culture population.

Г. Ф. ДЖАФАРОВ

КУРГАН ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ВБЛИЗИ САРЫЧОБАНА

Карабах насыщен многотипными и разновременными археологическими памятниками. В их числе особой значимостью выделяются погребальные курганы, датируемые эпохой бронзы и раннего железа. Археологическое изучение курганов начато в 90-х годах XIX в., продолжено в 20-х и 50-х годах нынешнего столетия. С 1980 г. в Карабахе ведутся системные археологические раскопки. Последними исследованиями открыты ранее неизвестные курганные могильники, а в некоторых из них — Борсунлу, Беимсарове и Сарычобане — проведены выборочные раскопки. В представленной статье речь пойдет о кургане Сарычобан, исследованном в 1986 г.

Сарычобан входит в группу земляных курганов, которые расположены на южной и юго-западной окраине сел Сарычобан Агдамского р-на Азербайджана. По соседству с Сарычобаном, в радиусе от 200 м до 1,5—3 км, находятся разновременные археологические памятники (в основном эпохи энеолита-бронзы).

Насыпь, разрушенная при строительстве водохранилища, имела конусообразную форму (высота до 4—5 м, диаметр 45—50 м). На высоте 1—1,5 м от дневной поверхности курган опоясывала каменная кладка из вертикально выложенных плоских известняковых плит. Такая же конструкция прослежена и в других курганах Карабахской равнины (Бойахмедлы, Кенкерлы, Папревенд и т. д.). Видимо, это одна из разновидностей кромлеха-крепиды, являющегося составной частью общего погребального обряда.

Под насыпью кургана вскрыта могильная камера в форме правильного креста, ориентированная по четырем сторонам света. Камера перекрыта хорошо сохранившимися бревнами (длиной до 7 м, толщиной ствола от 20 до 40—50 см) в два или три наката (в зависимости от мощности стволов), уложенными чередующимися рядами (рис. 1, *1*). В центральной части камеры концы стволов опираются на мощные поперечные бревна, а остальные — на края могильной камеры. Между бревнами находились остатки плотного камышового настила, а поверх наката — толстый слой спрессованного настила из хвороста, благодаря которым насыпная земля не просачивалась в могильную камеру. Бревна сохранили свою форму и прочность, хорошо видны следы рубки. Они вырублены острыми металлическими предметами (бронзовый топор или секач).

На ровных вертикальных стенах камер отчетливо сохранились следы от кирковидных орудий древних землекопов. Такие же следы остались и на стене круглого в плане грабительского лаза диаметром 1,3 м, прорытого в древности, который примыкает к камере с севера. Он начинался вертикальным колодцем, на уровне верхнего края камеры становился горизонтальным. По грабительскому лазу свободно можно пройти и сейчас. Длина хода ~15 м.

Могильный комплекс состоит из двух пересекающихся прямоугольно-удлиненных камер: одна по направлению север — юг (15×3,5×3 м), другая — восток — запад (18—3,5×3 м). Весь этот комплекс в плане образует правильный крест (рис. 1, *1*, *2*). Комплекс нами условно разделен на пять камер: центральную, северную, западную, восточную и южную. Напомним, что грабительский ход упирается в точку пересечения западной и центральной камер.

Древние грабители подвергли погребальные камеры жестокому опустошению,

© Г. Ф. Джафаров, 1993 г.

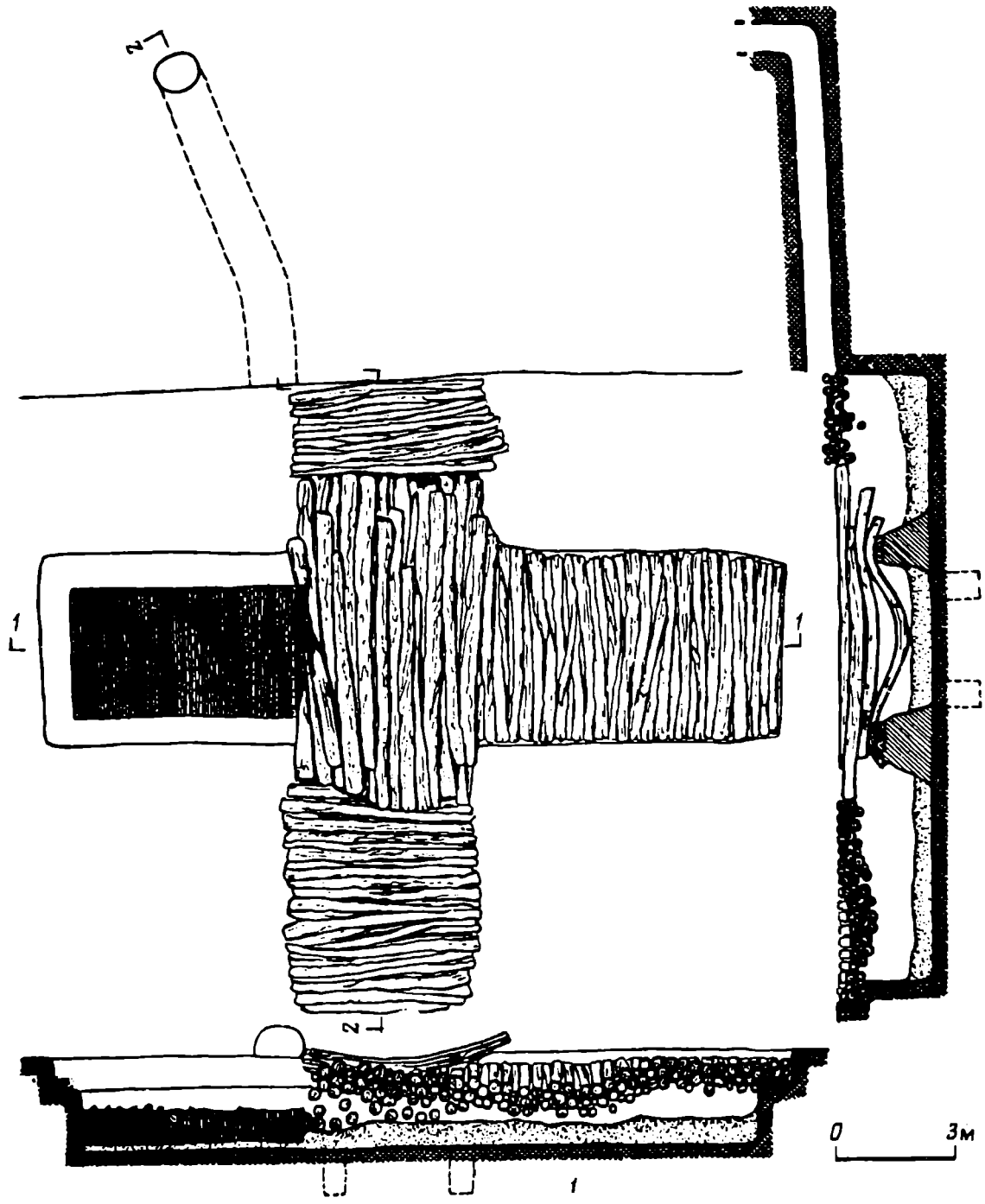
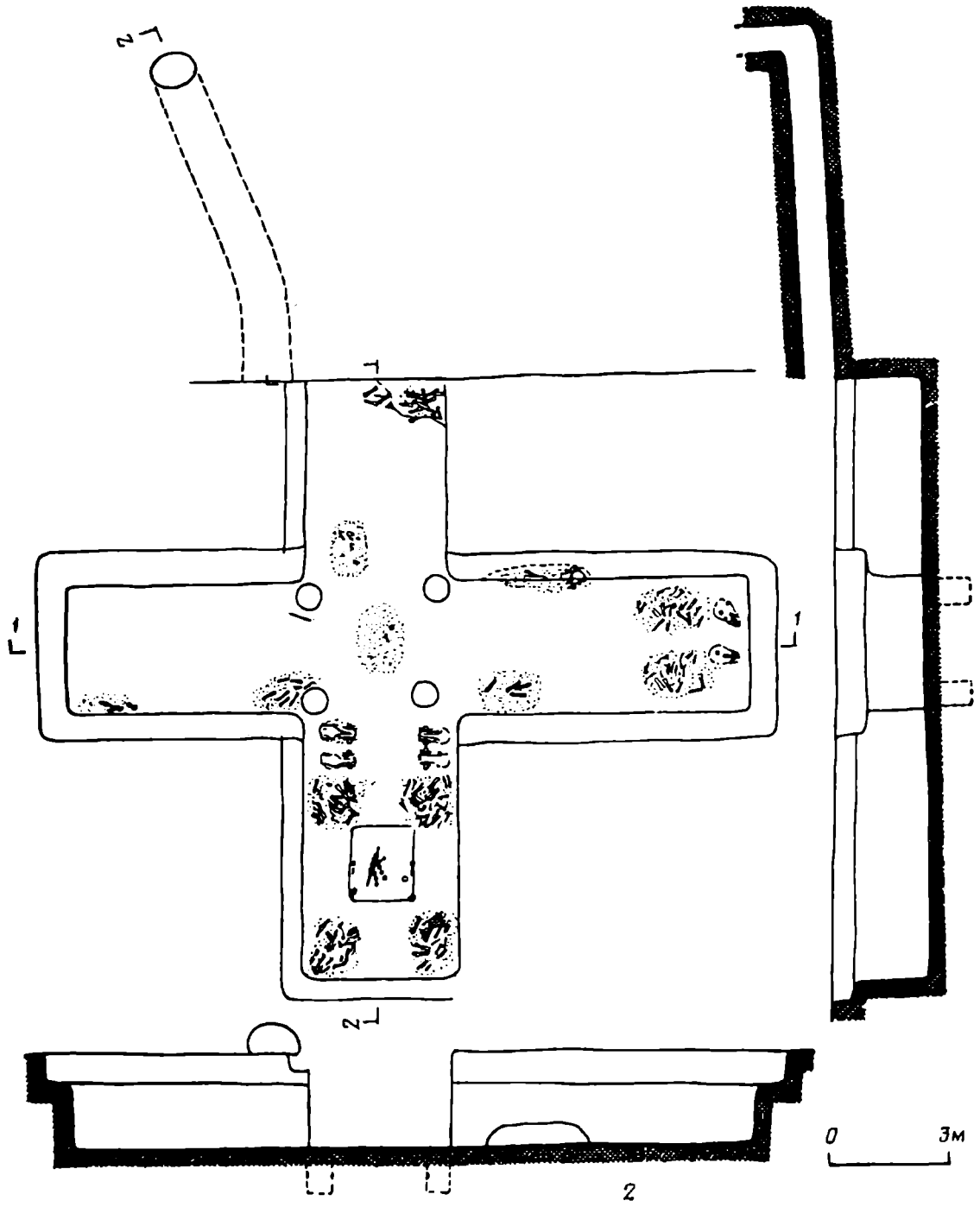


Рис. 1. План могильной камеры Сарычобанского кургана. *1* — план и разрез перекрестия; *2* — план и разрез камеры после очистки

нарушили систему размещения погребального инвентаря, потревожили останки захороненных здесь покойников. Поэтому погребальный обряд трудно поддается реконструкции.

Центральная камера. Мы полагаем, что здесь находилось основное захоронение. Здесь найдено множество фрагментов хорошо обработанных досок и брусчаток, во многих кусках которых остались следы от бронзовых пластинок с рельефными рисунками, сохранились куски с бронзовыми гвоздями со шляпкой. По всей вероятности, это остатки погребального ложа, аналогичного тем, которые мы открыли в курганах Борсунлу [1, с. 3 сл.] и Беимсаров [2, с. 14] в Карабахской равнине.



Положение покойника было вытянутое на спине. Видимо, здесь был захоронен племенной вождь со всеми подобающими его сану почестями.

По углам камеры выявлено четыре мощных столба-подпорки, которые поддерживали тяжелое перекрытие. Надо отметить, что перекрытие отличается сложной конструкцией, оно уложено из мощных и тщательно обработанных стволов, накаты многоярусные (до четырех). У столбов обнаружено по одному плохо сохранившемуся конскому скелету (№ 1—4). Остатки лошадей находились в расчлененном виде.

В центральной части камеры в беспорядочном положении находилось множество различных предметов оставшихся после ограбления (рис. 2—5): многочисленные бронзовые панцирные пластинки (рис. 4, *1—12*), различные приспособления от конской узды (кольца — рис. 3, *9*; трехжелобчатые предметы, бляхи и т. д.; скобы с сдвоенными концами и гвозди со шляпкой — рис. 5, *21—25*, *27*; фрагменты

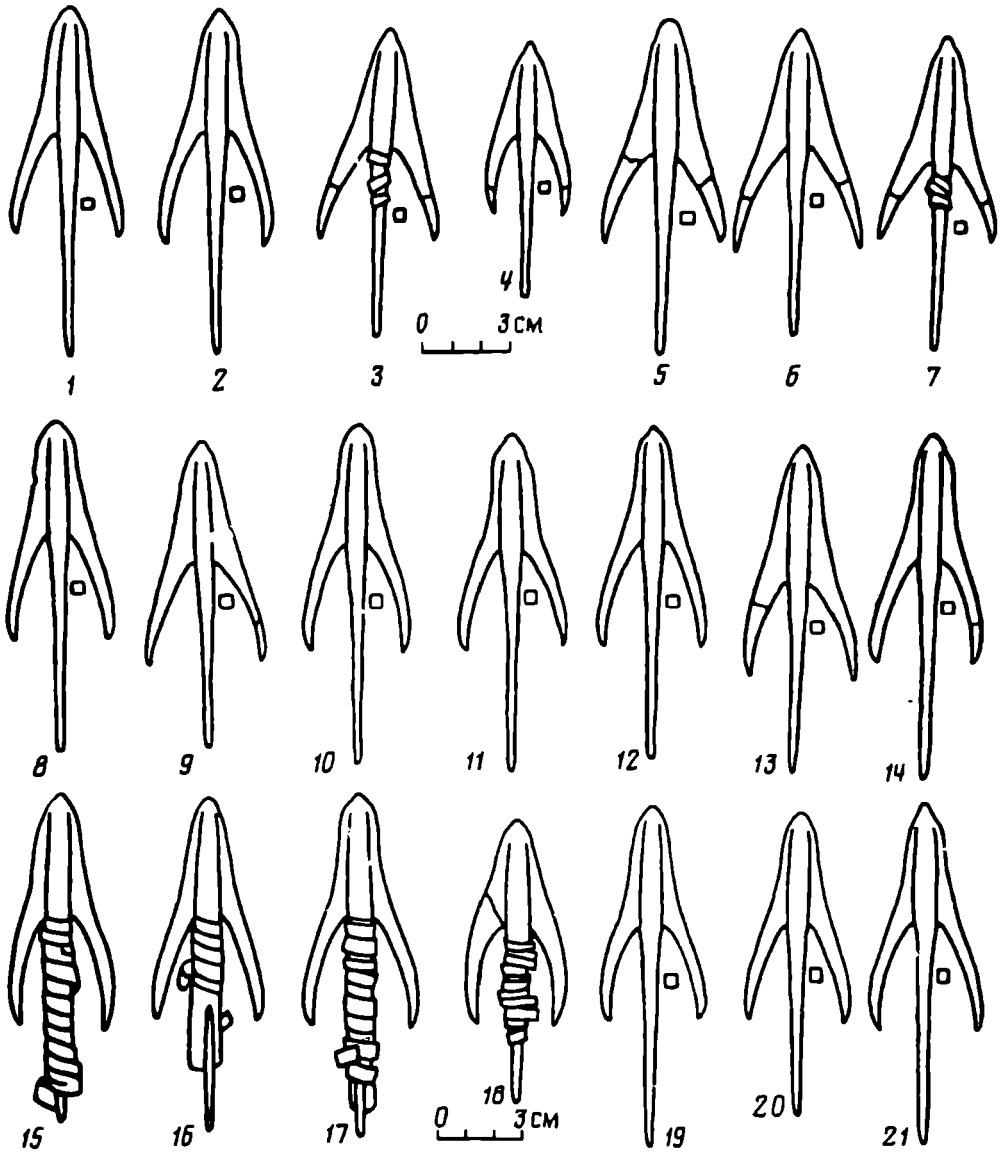


Рис. 2. *1—21* — бронзовые наконечники стрел «закавказского типа»

бронзовых пластинок, многие из которых имеют рельефные рисунки). Здесь же найдены оригинальные по конструкции бляхи-обоймы (рис. 5, *4—11*) для перекрестных ремней (бронзовые, с пастовыми или мраморными вставками). Такие же бляхи находились и в южной части. В юго-восточном углу камеры найдено семь наконечников стрел (типа рис. 2, *1—7*) с опущенными крыльями, в северо-западном углу — длинный бронзовый стержень, круглый и утолщенный на одном конце, тонкий и заостренный — на другом (рис. 3, *1*).

Вблизи от наконечников стрел находились бронзовое шило (рис. 3, *5*), фрагмент тонкостенного бронзового сосуда (рис. 5, *19*), обломок льячковидного предмета (рис. 5, *20*) из белого металла (олово). Костяные изделия представлены приспособлениями для тетивы или древка — стрелы лука (рис. 5, *42*) и пластинками с геометрическим рисунком, покрытыми черным лаком.

Среди материалов из центральной камсры есть и два чернолощеных кувшина (рис. 3, *10*, *11*). Надо отметить, что в других камерах керамические сосуды не обнаружены.

Западная камера. С ней связано одно, на первый взгляд трудно объяснимое обстоятельство. Дело в том, что первый и второй (снизу) ряды бревенчатого наката оказались сгоревшими и после снятия третьего сверху яруса все они рас-

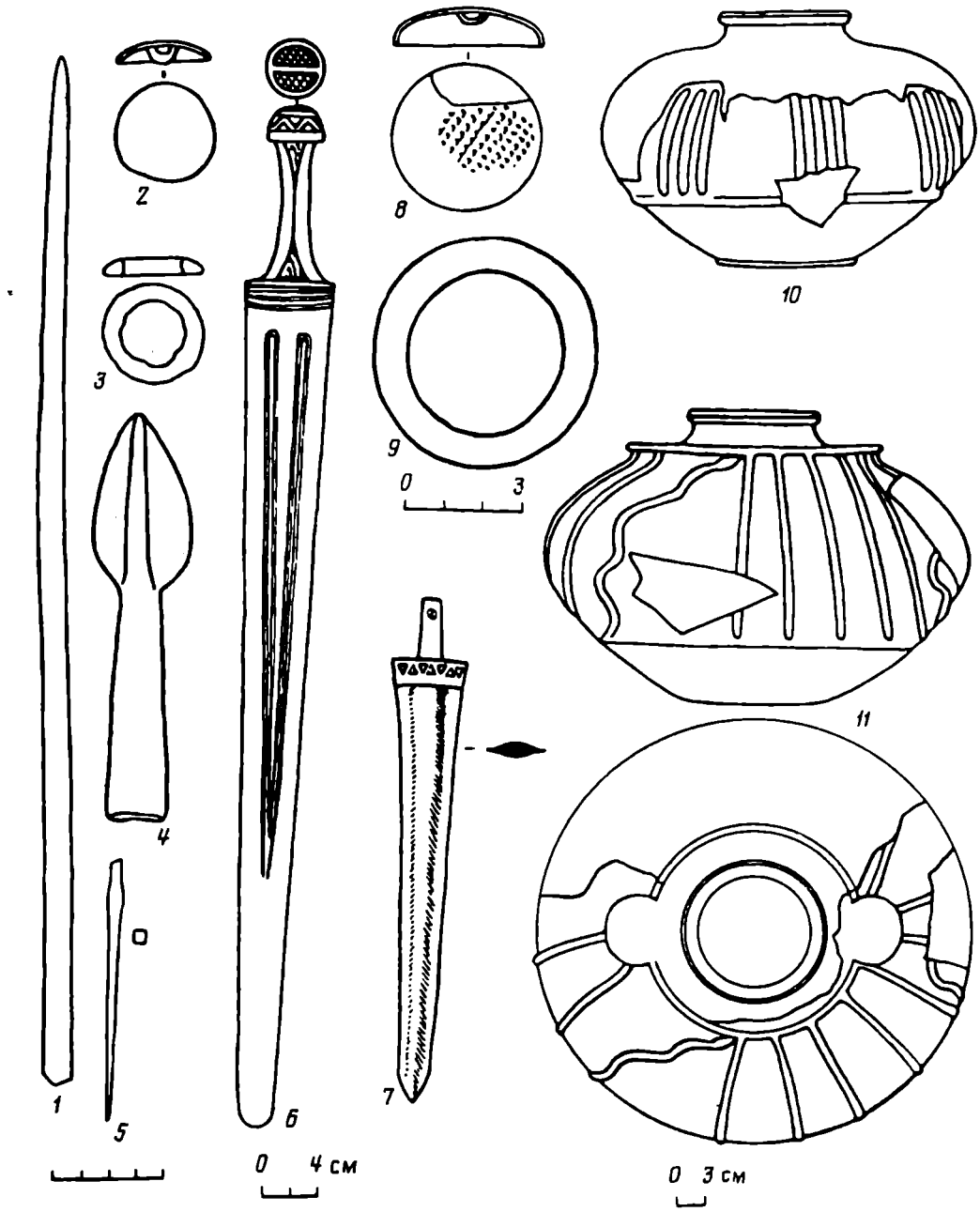


Рис. 3. Образцы предметов из могилы: *1—9* — бронза; *10, 11* — керамика

сыпались на куски угля. Следы огня прослеживались и на стенах этой камеры, но не на полу. В других камерах следы огня не обнаружены, и поэтому связать огонь с погребальным обрядом не представляется возможным. Исключается возгорание от тризного очага (глубина 30—40 м, ширина 50 см), расположенного у южной стенки камеры, поскольку остались целыми верхние ряды перекрытия. Остается одно предположение, связанное с пребыванием здесь грабителей. Нам кажется, пожар возник от факела (или факелов) воров, в какой-то момент потерявших бдительность.

Видимо, огонь вспыхнул после ограбления западной, центральной, северной и частично восточной камер, а южная камера (как увидим в дальнейшем) осталась нетронутой. Ввиду того что перекрытие между западной и центральной камерами рухнуло, огонь не распространился в другие секторы.

Археологический инвентарь в этой камере сохранился лишь вдоль южной стенки: многочисленные бронзовые наконечники стрел (свыше 50 экз.) с опу-

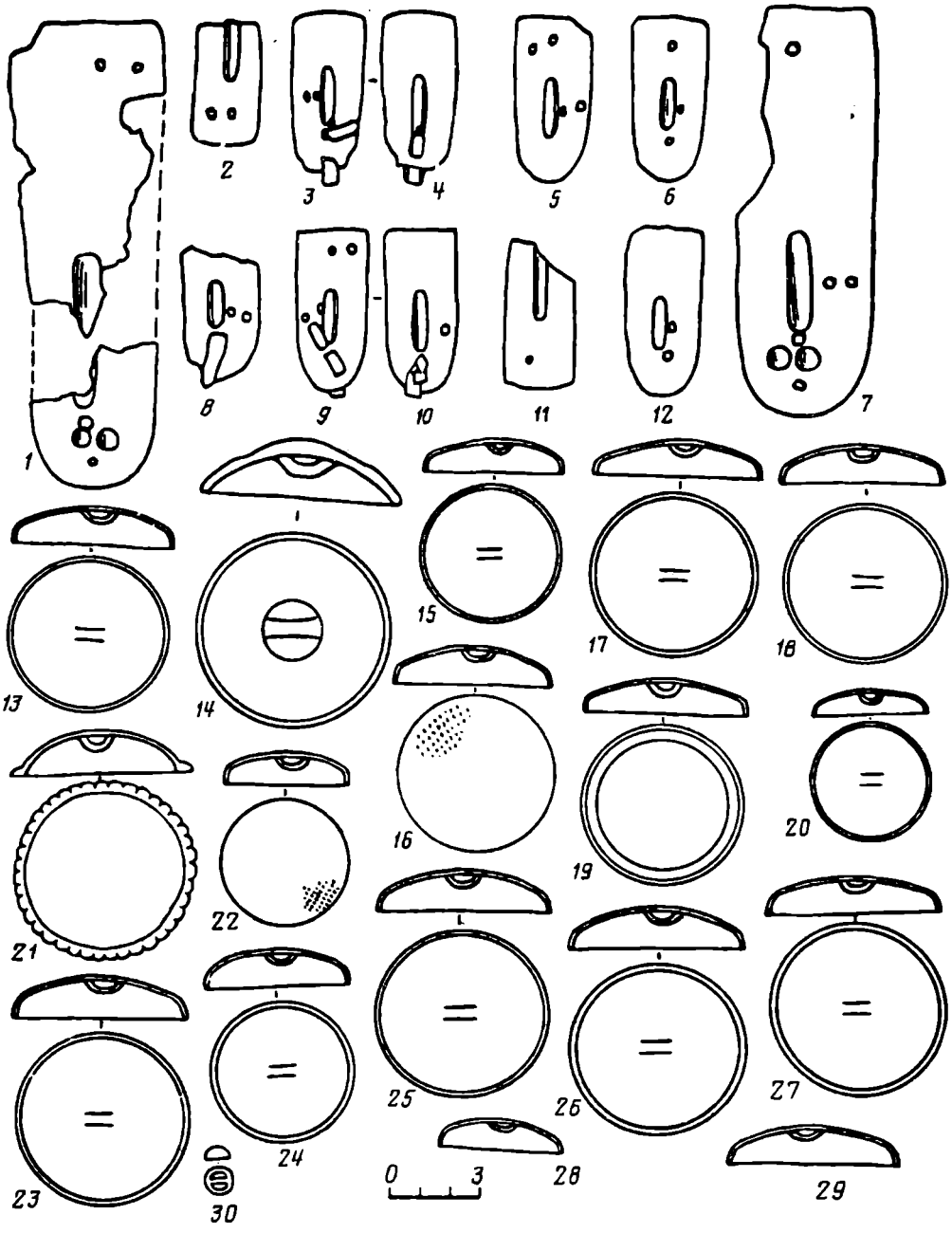


Рис. 4. Бронзовые предметы из могилы: *1—12* — панцирные пластинки; *1—30* — бляхи

щенными крыльями (типа рис. 2, *8—14*), бронзовые наконечники копий (рис. 3, *4*), а также умбоны (рис. 3, *2*) и кольцо от конской узды (рис. 3, *3*). Здесь же находились плохо сохранившиеся останки человека, захороненного на правом боку в сильно скорченном положении; рядом кости крупного и мелкого рогатого скота. В остальной части камеры материалов не оказалось, там сохранились лишь бесформенные обломки бронзовых пластинок или же следы окисления от некогда лежавших здесь предметов.

Учитывая большое количество находившихся здесь наконечников стрел, мы назвали западную камеру «камерой воина».

Северная камера также была подвергнута жестокому ограблению, а оставшиеся предметы разбросаны по всей ее площади. В южной части сохранились останки человека в сильно скорченном положении, густо обсыпанные красной охрой. В северо-восточном углу были расчищены останки коня (№ 5), уложенного здесь в расчлененном виде. Под ним найдено пять бронзовых наконечников стрел

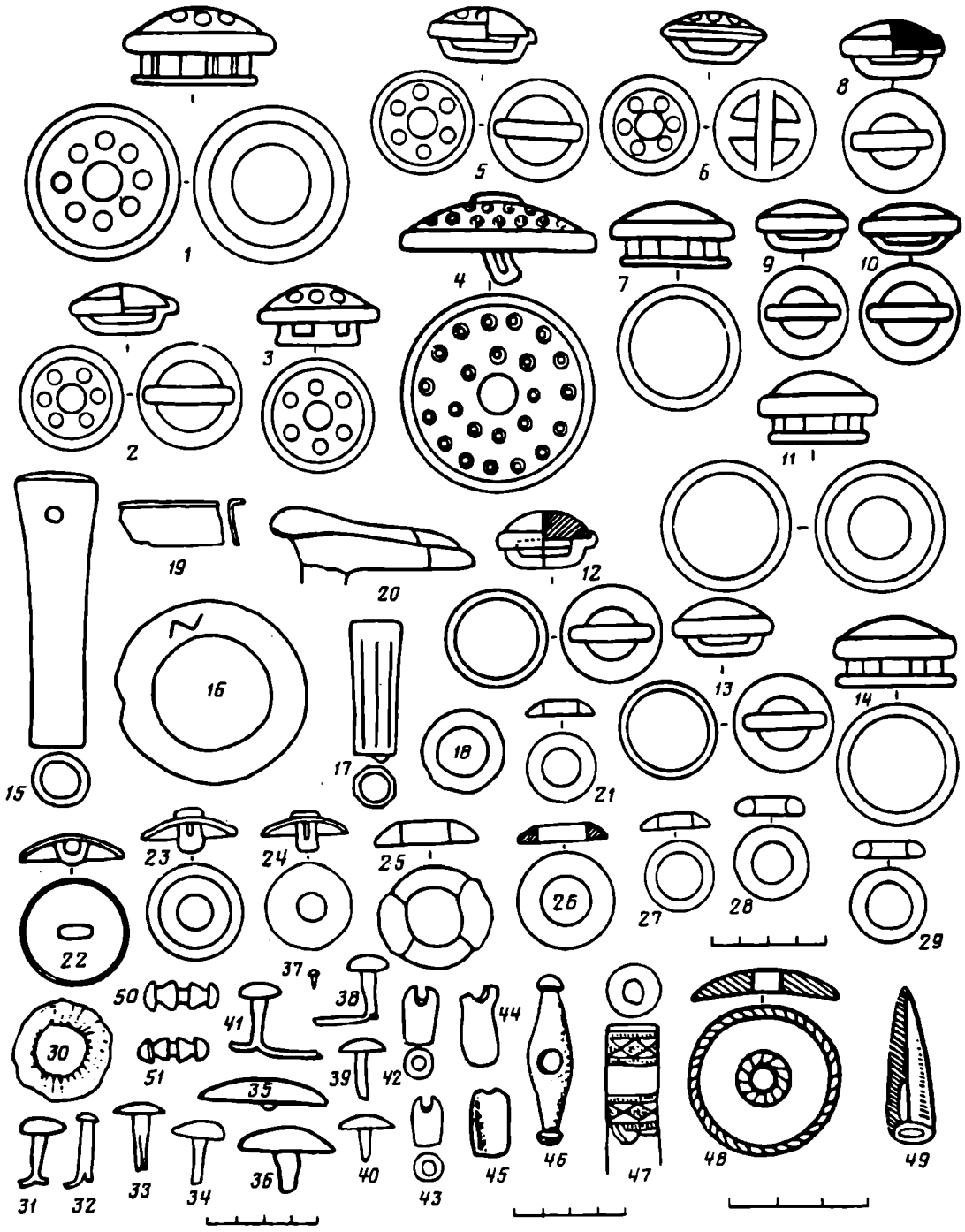


Рис. 5. Предметы из могилы: *1—14* — бляхи-обоймы; *15*, *17* — штандарты-навершия; *16*, *18*, *21*, *25—30* — кольца; *22—24* — бляхи; *31—41* — гвозди; *42—44* — приспособления для стрел; *45—49* — костяные изделия

с опущенными крыльями (типа рис. 2). Вдоль западной стенки находились бронзовые кольца (рис. 5, *26*), бляха (рис. 5, *23*), обломок (внешнее кольцо) от удил.

Севернее останков человека найдены костяные предметы: цилиндрическое украшение с врезным геометрическим орнаментом (рис. 5, *47*), покрытое черным лаком; приспособление для конской узды в виде двойной пирамидки с отверстием в середине и шляпками на концах (рис. 5, *46*). В центре камеры обнаружены две бляхи-обоймы (рис. 5, *12*, *13*) на бронзовой основе с вставками из мрамора, аналогичные таковым из центральной камеры.

Восточная камера ограблена частично: осевший накат в середине преградил дальнейшее продвижение грабителей, и восточная половина (меньшая часть

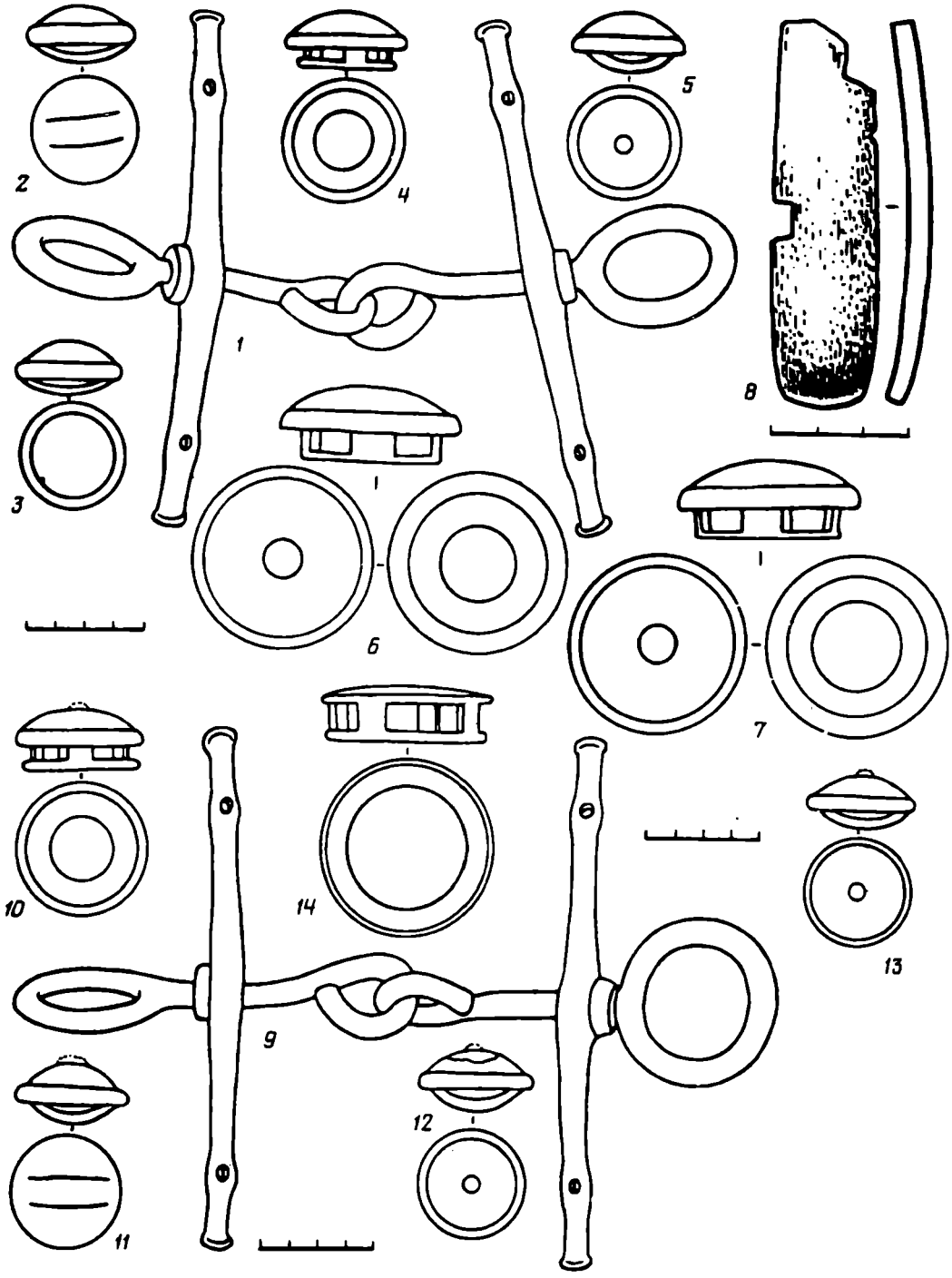


Рис. 6. Конские снаряжения: *1*, *9* — удила, *2—7*, *10—13* — бляхи-обоймы; *8* — костяной псалий

длиной 2 м) осталась нетронутой. Здесь, в южном и северном углах полностью сохранились по одному конскому захоронению (№ 7, 8), оба коня были взнузданы (двусоставные с напускными подвижными псалиями и наружными кольцами удил (рис. 6, *1*, *9*). На черепах коней находился полный набор украшений: по четыре бляхи-обоймы (рис. 6, *4—7*, *10—13*) различных типов на бронзовой основе с алебастровыми (или гипсовыми) вставками, и еще четыре бронзовые бляхи (рис. 6, *14*).

Еще одно конское захоронение (№ 6) было обнаружено у северо-западного угла камеры. В отличие от других, здесь голова коня была помещена в специальную нишу, а туловище его, как и в остальных камерах, находилось в расчлененном

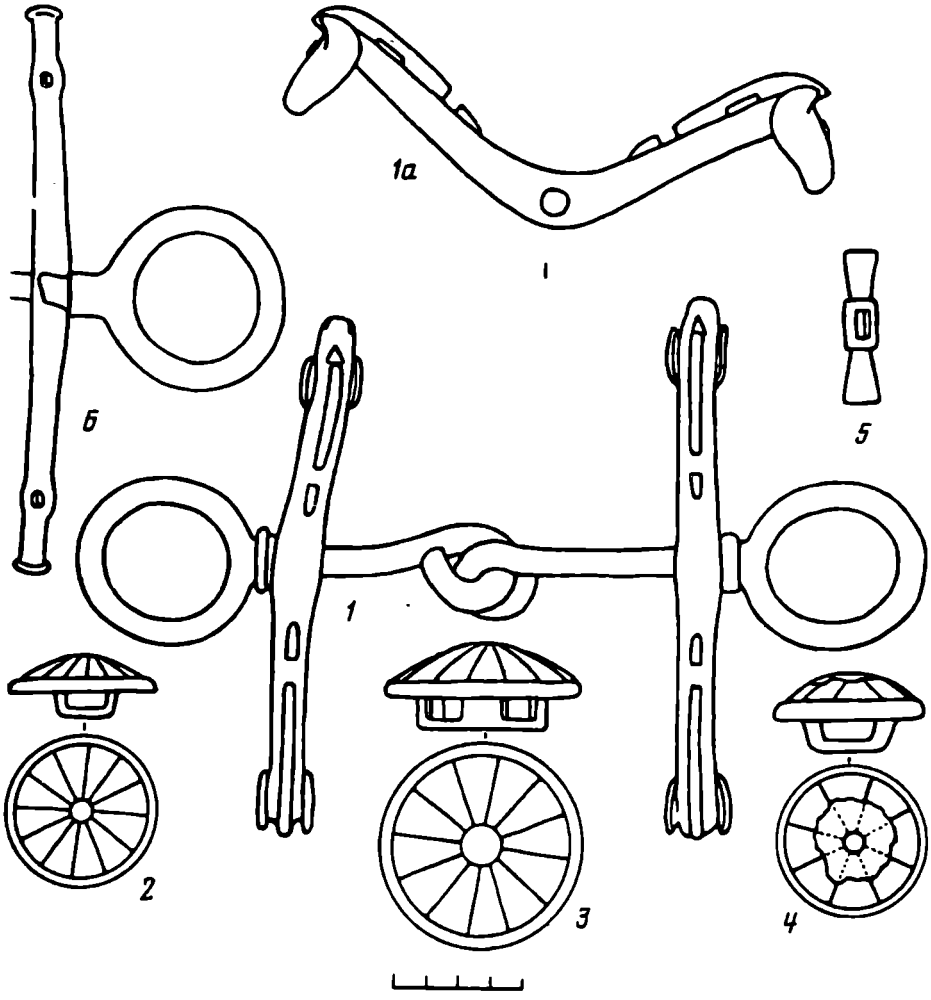


Рис. 7. Образцы конских снаряжений: *1* — удила; *1а* — псалий; *6* — обломок удил; *2—4* — бляхи-обоймы; *5* — приспособление для конского снаряжения

положении. Конь был взнуздан, причем удила имели оригинальные псалии, концы которых завершаются скульптурными головами коней (рис. 7, *1*, *1а*).

На черепе коня сохранились: три бляхи-обоймы (рис. 7, *2*, *4*) на бронзовой основе с алебастровыми вставками, которые в свою очередь украшены расходящимися от центра рифлеными лучами; один бронзовый двупирамидальный предмет (рис. 7, *5*) с продольным отверстием в середине.

Если все перечисленные предметы, а также захоронения коней сохранились в изначальной форме, то этого нельзя сказать об остальных вещах из этой камеры: здесь царил полный хаос и беспорядок. В западной части ближе к центральной камере найдено еще две бляхи на бронзовой основе с алебастровыми вставками (рис. 6, *2*, *3*), гвозди со шляпками, три бронзовых наконечника стрел (типа рис. 2) с опущенными крыльями и костяные изделия: плоский псалий (рис. 6, *8*), бляха из эпифиза крупного рогатого скота с врезным орнаментом (рис. 5, *48*), цилиндрическая бусина (рис. 5, *45*) и конусовидный предмет с круглым отверстием (рис. 5, *49*).

В камере останков человеческого захоронения обнаружено не было.

Южная камера была отгорожена от центральной камеры земляной перегородкой, что, видимо, обусловило ее сохранение от посягательства грабителей. Очевидно, не последнюю роль в этом сыграл и пожар, внезапно вспыхнувший в западной камере.

По углам камеры были захоронены четыре предварительно расчлененных коня (№ 9—12). В отличие от других конских захоронений здесь нет сопровождающего инвентаря. Вещественные материалы расположились в центре камеры и под земляной перегородкой, причем в своеобразной форме: в центре находилась превратившаяся в труху «деревянная плаха», а на ней кожаная «сумка» с нанизанными на нее многочисленными бронзовыми бляхами (рис. 4, *13—29*) с петлей для нашива и мелкими пуговицами (рис. 4, *30*). Здесь же находились бронзовый меч (рис. 3, *6*), кинжал (рис. 3, *7*), два наконечника навершия-штандарта с кольцами (рис. 5, *15—18*), гвоздики со шляпкой и сдвоенными концами в виде скобы (рис. 5, *38*, *41*), кольца из бронзового стержня (рис. 5, *28*, *29*). Крупные бляхи были расположены в виде большого треугольника, а мелкие рассеяны вокруг них; меч находился сверху этих украшений, кинжал — внизу. По бокам «плахи», чуть к югу, были поставлены два пучка (по 18 штук в каждом) бронзовых наконечников стрел с опущенными крыльями (рис. 2). На черенках многих стрел сохранились остатки древка, перевязанные тонким ленточным ремнем (рис. 2, *15—18*).

Неожидано многочисленные находки были обнаружены под земляной перегородкой. Здесь лежало четыре черепа (по две пары, мордой к центру) взнузданных (удила с псалиями) коней (без остальных частей туловища), около 30 бронзовых наконечников стрел с опущенными крыльями, 17 блях-обойм (типа рис. 5, *1—3*, *56*) с пастовыми и мраморными вставками (на каждом черепе находилось по четыре бляхи, а одна бляха была в числе других предметов), различные бронзовые предметы от конской узды (кольца, трехжелобчатые, пирамидальные, конусовидные предметы, пуговицы, костяные приспособления для тетивы лука и т. д.) (рис. 5, *25—26*, *28—29*, *37—41*, *43*, *44* и т. д.).

Нам кажется, эти материалы скорее относятся к центральной камере, нежели к южной части, хотя, как выше было отмечено, погребение представляет единый комплекс, разделение же его на отдельные камеры условно.

Анализ погребального инвентаря

В комплексе много бронзовых предметов, особенно наконечников стрел. Их свыше 130 единиц. Отличаясь в деталях (в размерах, строении крыльев, соотношении пера и черенка и т. д.) и потому образуя несколько вариантов, они объединяются под общим названием «стрелы закавказского типа». Отличительная особенность этих стрел заключается в их своеобразной обтекаемости, резко выраженных крыльях, низко опущенных вдоль длинного, четырехугольного в сечении черенка. Черенок, суженный в конце, еле заметно расширяясь в верхней части, переходит в овальное в сечении ребро-перо. Треугольное в сечении перо, завершающееся острым концом, имеет симметричное строение. На черешках многих стрел сохранились остатки древка, обмотанного тонкой кожаной лентой. Общая длина наконечников колеблется от 6,9 до 12,5 см; длина черенков в пределах от 4,7 до 8,2 см; перо — от 3,4 до 4,8 см; крылья — от 7,7 до 8,3 см (рис. 2, *1—21*).

Археологически неоднократно документировано (раскопки Э. Реслера [3, с. 228, рис. 14, *а*, *в*; 4, с. 428, рис. 16; 5, с. 265, 272, рис. 33, 54]; А. Ивановского [6, с. 160, табл. XV, *27*, *28*] и В. Белька [7, с. 65, 66, рис. 2612, *e*, *g*, *h*, *i*, *f*, *d*] в горном Карабахе и Калакенте; Г. М. Асланова, Р. М. Ваидова и др. в Мингечауре [8, с. 96, табл. XV, *7—9*, с. 108, табл. XV, *3—6*]) и научно аргументировано (К. Х. Кушнарева [9, с. 163 сл.], Г. М. Асланов и др. [8, с. 79], М. В. Погребова [10, с. 72—74]), что центром возникновения подобного оружия является Центральное и Восточное Закавказье. Последними наблюдениями внесена ясность: указанные наконечники стрел формировались на географически ограниченной территории, а именно в Гяндже-Карабахской зоне Азербайджана, отсюда они распространились в соседние, а в последующем и в более отдаленные районы. Это доказывается многочисленностью находок и наличием различных вариантов

этих стрел в указанном регионе. Например, только в двух курганах Довшанлы (Арчадзор) были найдены свыше 80 таких наконечников, в одном Карабулахском (91) — свыше 10, Мингечаурском кургане 4 — 50 шт., а в Сарычобане — свыше 130 штук. За пределами указанных районов даже в пределах Азербайджана стрелы этого типа явление редкое. Единичные экземпляры их происходят из Кедабекских и Талышских [11, с. 75, рис. 76, *1—4*] комплексов Азербайджана, а также из комплексов Толорс [12, табл. XIV, *1—16*], Хурджин-Хогер [13, с. 110, табл. 93, *2*], Артика [14, с. 291, рис. 115] Армении. По времени эти памятники датируются в пределах XII—XI вв. до н. э. Формы для отливки, близкие по форме стрелам, найдены в раннежелезном слое Двина [15, с. 30, 31, рис. 45, 46]. Не все представленные в этих памятниках стрелы по форме тождественны наконечникам стрел Карабаха и Мингечаура. Отличаются также стрелы из памятников Грузии [16, с. 56, рис. 52, рис. 85, *2—6*]. Исключением являются экземпляры (2 шт.) из памятника Хурджин-Хогер.

Более близкие аналогии происходят из памятников Турции (Богазкой-Беюккала, конец II тыс. до н. э. [17, с. 105, табл. XXVI, *820*, *823*, *824*] и Ирана, датируемые рубежами II—I тыс. до н. э. [10, с. 72—74, табл. XII, *11—15*]. Вероятно, эти стрелы были распространены на этой территории (как и в других регионах) из районов Восточного Закавказья [10, с. 74].

Наконечники стрел с опущенными крыльями продолжают бытовать до середины I тыс. до н. э., однако со временем их конструкция существенно видоизменяется.

В комплексе представлены по одному: наконечник копья, меч и кинжал. У копья (рис. 3, *4*) сравнительно массивная конусообразная втулка (длина 8,3 см) и укороченные листовидные перья (длина 6,5 см, наибольшая ширина 3,7 см). Подобные типы копий широко распространены в памятниках ходжалы-кедабекской культуры, особенно на ее развитом этапе (конец II тыс. до н. э.).

Меч (так называемого закавказского типа), длинный, с плоским обоюдоострым клинком, цельнолитый, с зауженным и округлым концом, является характерным материалом ходжалы-кедабекской культуры. Рукоятка с двойной втулкой, куда вложено древко и закреплено овальными листьями от втулки. Она завершается полукруглым навершием с прорезами. У основания клинка с обеих сторон имеются горизонтальные линии, а в середине — по два желобка, сходящиеся внизу (рис. 3, *6*). Длина меча 71 см, длина рукоятки 9,2 см, ширина клинка у основания — 6,4, в конце — 2,7 см. Такие мечи (с несколькими вариантами) еще в 30-е годы А. А. Иессеном были объединены во II тип [18, карта VI, рис. 24, *3*], позже, с учетом новых данных, их ареал был уточнен другими исследователями [8, с. 78; 9, с. 16]. Ближе всего к нашему экземпляру мечи из Ханлара [21, эксп. 11], Мингечаура (грунтовое погребение) [8, с. 78, табл. XIII, *3*; 20, с. 12, табл. II, *8*], Довшанлы-Арчадзора [9, с. 160, рис. 7, *1*], Калакента [7, с. рис. 2698, *с*] и Хачбулага [21, с. 76, 77, рис. *Б*]. Эти памятники датируются в пределах XII—XI вв. до н. э. За чертой ходжалы-кедабекской культуры мечи указанного облика зафиксированы в Восточной Грузии [22, табл. XXIX, *9*] и в Армении [13, рис. 93, *21*, *27*, *28*; 14, с. 200, рис. 114].

В число боевых вооружений входит и единственный бронзовый кинжал (длина 35,2 см) с черешком для насадки деревянной рукоятки, увенчанный ажурным раздельным навершием полукруглой формы. Клинок с центральным ребром, сужаясь, завершается заостренным концом. Основание клинка охвачено овальной обоймой с треугольными прорезями (рис. 3, *7*). Он представляет собой разновидность кинжалов (обычно их выделяют как I тип), часто встречающуюся в комплексах памятников второго этапа (XII—XI вв.) развития ходжалы-кедабекской культуры и синхронных памятниках соседних Закавказских регионов.

К деталям вооружений можно отнести панцирные пластины (свыше 20 экз.) в основном с закругленным концом, а иногда четырехугольной формы. Их длина колеблется от 3,8 до 5,6 см, ширина 2,2—2,6 см (рис. 4, *1—12*). 3 экз. (рис. 4, *1*, *7*) выделяются большим размером — их длина 14—14,5, ширина 4,6—5,2 см. Круг памятников, где обнаружены панцирные пластинки, не только в Закавказье,

но и в Азербайджане очень ограничен. В их ряд входят Ханларский курган 1 [19, с. 16, табл. IX, эксп. 28] и, вероятно, Ходжалинский курган 2 [23, рис. 2, *22*]. Оба этих памятника по времени (конец II тыс. до н. э.) близки кургану Сарычобан.

Среди синхронных памятников соседних Закавказских республик они встречаются только в Восточной Грузии (наиболее близкая аналогия — в материалах погр. 10 могильника «Гадрекиля» в Кахетии) [22, с. 100, табл. XXXII, *1*]. Подобные пластинки широко представлены в Чога-Занбиле [24, табл. XCIII; XV, *4*], Богазкоя [17, с. 102—103, табл. XXV, *803—808*А], Трое [25, табл. 297], Магиддо [26, табл. 177, *6—8*], Атчана-Алалахе [27, с. 278], а также Лашише [28, с. 253, табл. 39_{17}, 58_{4-5}] и Кармир-блуре [29, рис. 21, 23, 24; 30, табл. 30]. За исключением последнего (Кармир-блура), указанные памятники датируются в основном второй половиной II тыс. до н. э. Ближе по дате к Сарычобану VI слой Магиддо (раннее железо I—1200—1100 гг. до н. э.) [26, с. 5] и верхний слой Лашиша (железо I—1200 г. до н. э.) [28, с. 253; 31, с. 6]. Кстати, немецкий исследователь Михель Бемер [17, с. 103] приводит обстоятельный перечень памятников, где обнаружены подобные панцирные пластинки. Добавим, что массовое распространение панцирных пластинок на раннем этапе в Переднеазиатском регионе указывает на их первоначальный очаг возникновения.

Видимо, округло-выпуклые бронзовые бляхи (рис. 3, *2*, *8*; 4, *13—29*) различной величины (диаметр от 4,2—5,8 см) с петлями на обратной стороне для прошивания также надо отнести к числу панцирей (речь идет о тех бляшках, которые находились в южной камере в определенном порядке на тканевой или же кожаной основе — на многих из них сохранились отпечатки ткани и кожи (рис. 3, *8*; 4, *16*, *22*), хотя не исключено, что ими украшали конские попоны. Вероятно, более мелкие пуговки-бляхи пришиты вокруг больших блях. Некоторые бляхи из комплекса (более массивные, большого размера — рис. 4, *14*, *21*) служили умбонами (диаметр 6,5—7,2 см). Такие бляхи часто входят в состав погребального инвентаря памятников Юго-Западного и Западного Азербайджана (Мингечаур [40, табл. XXI, *1—21*], Довшанлы-Арчадзор [3, с. 232, рис. 32], Карабулаг [6, с. 164, табл. XVI, *3*, *4*], Хачбулаг [32, с. 20] и т. д.), а также Северо-Восточной Армении [13, с. 111, табл. 94].

Среди материалов много образцов конского снаряжения. Помимо бронзовых блях различной величины сюда входят различные пуговки (рис. 3, *2*; 5, *22—24*), кольца (рис. 3, *3*; 5, *21*, *25—30*), молоточковидные, в виде роликов (или катушковидные), а также трехжелобчатые (рис. 5, *46*; 7, *5*) и другие приспособления для украшения попоны, узды, крепления ремней. Их можно встретить во многих памятниках позднебронзовой эпохи Азербайджана, где были захоронены кони (особенно много в большом кургане Борсунлу и Мингечауре). Между тем очень редки аналогии другим конским украшениям, входящим в состав комплекса Сарычобан. Речь идет о бляхах-обоймах для перекрестных ремней, изготовленных на бронзовой основе с вставками-пластинками из пасты (алебастр?) или мрамора (рис. 5, *1—14*; 6, *2—7*, *10—13*; 7, *2—4*). По конструкции элементов для продевания ремней они делятся на несколько типов. У блях первого типа под основанием бронзового щита припаяны четыре столбика-скобы, основания которых образуют квадрат (рис. 5, *1*, *3*, *7*, *11*, *14*; 6, *4*, *6*, *7*, *10*; 7, *3*). Под щитом второго типа припаяна одинарная бронзовая скоба-мостик овальной конструкции (рис. 5, *2*, *5*, *6*, *8—10*, *12*, *13*; 6, *2*, *3*, *5*, *11—13*; 7, *2*, *4*).

В бляхах-обоймах третьего типа на обратной стороне закреплен бронзовый стержень с продолговатым отверстием. На лицевой части стержень завершается шляпкой, служащей дополнительным украшением бляхи (рис. 5, *4*, *22—24*).

Своеобразны вставки-пластинки бляхи-обоймы. Лицевая сторона пластинок выпуклая, обратная сторона — плоская. Во всех в середине сквозное отверстие, куда вставлены колпачки из серебра или вдеты бронзовые стержни. Пластинки отшлифованы и отполированы до блеска. Пастово-алебастровые пластинки с помощью специальных составов укреплены и покрыты особым «лаком» под

слоновую кость. Одна из последних украшена двумя рядами парных концентрических кругов (рис. 5, *4*).

Более сложная орнаментация имеется на других бляхах. Они украшены рифлеными линиями, состоящими из расходящихся лучей,— так называемые многолучевые розетки — «солярный знак» (рис. 7, *2—4*).

Надо отметить, что если бляхи-обоймы из Сарычобана по общей конструкции находят некоторые близкие аналогии в соседних с ними памятниках Азербайджана: Довшанлы-Арчадзор [3, с. 231, рис. 31, *а* , *в*], Калакент [7, табл. 60*б*, № 3—5], Карабулаг [6, табл. XVI, *1—6*, XV, *7*, *9*], Борсунлу [1, с. 7, рис. 17], Гянджачай [33, с. 88—89, рис. 184] (кстати, в комплекс последнего входили массивный наконечник копья, черешковый кинжал и двусоставные удила с псалиями [3, рис. 181—183], аналогичными сарычобанским), а также некоторым образцам иранского круга и Южной Европы [34, с. 73, 75, рис. 3, *7—8*, *15*, *17*, *18*] (последние датируются IX—VIII вв. до н. э. и в художественном плане явно уступают азербайджанским образцам),— то по разнообразию и особенно орнаментации они стоят особняком. Достаточно сказать, что во всем Кавказско-Переднеазиатском регионе только в памятнике Лашиш (Телл-Джувеир) [31, табл. 28, 20] мы нашли близкую аналогию бляхам с рифленым орнаментом (в слое LBIII с датой 1350—1200 гг. до н. э.), видимо, по времени несколько опережающую наш памятник. Слой LBIII, скорее всего, соотносится с большим курганом Борсунлу, содержащим аналогичные с ними материалы (бляхи с изображениями трилистника-лотоса).

В качестве косвенной аналогии можно указать и на изображения многолучевой розетки на крупе лошадки псалии из Луристана [35, рис. 3, *13*]. Такая же розетка входит в гарнитуру конских сбруй на рельефе из Ниневии [36, рис. 1], хотя оба эти памятника гораздо моложе, чем Сарычобан. Упоминаем, что изображения многолучевой розетки (или пальметты), а также лотоса-трилистника долгие столетия были излюбленной тематикой в изобразительном искусстве стран Востока.

Мраморные вставки-пластинки также неоднотипны. Мастера-отделочники для пластинок использовали редкий мрамор — серый с черно-дымчатыми естественными прожилками и черный. Черные пластинки (рис. 5, *1—3*, *5*, *6*) украшены двумя рядами сквозных отверстий, заполненных белой пастой. При изготовлении этих блях местные умельцы проявляли незаурядное мастерство и создавали настоящие образцы искусства. Надо подчеркнуть, что бляхи с мраморными вставками являются своеобразными украшениями и не имеют аналогов среди известных нам материалов из памятников Кавказа и Передней Азии.

Говоря о конском снаряжении, особо надо отметить бронзовые удила с псалиями. Их найдено всего 7 экз. (типа рис. 6, *1*, *9*; 7, *1*, *6*). Шесть удил по конструкции однотипны. Они входят в число широко распространенных в Закавказье, особенно в Гянджа-Карабахской зоне, типов двусоставных удил с неподвижными внешними кольцами и подвижными псалиями, обычно завершающимися стержневидными или же шляпковидными концами (типа рис. 6, *1*, *9*; 7, *6*).

Широкое распространение этих удил совпадает с развитием коневодства и культа коня в обширном Кавказско-Переднеазиатском мире. Не вдаваясь в подробности всех аспектов этого очень интересного и в такой же степени сложного и спорного вопроса, как происхождение коневодства и культ коня (по этому поводу существует обширная литература [35]), укажем, что подобные удила входят в комплекс многих памятников Восточного Закавказья конца II тыс. до н. э. Только 1 экз. удил сарычобанского комплекса с псалиями в виде скульптурной головы коня выделяется из общего числа (рис. 7, *1*, *1а*) и не имеет себе аналогов на Кавказе.

В памятниках Луристана известны интересные находки псалии-лошадки [35, рис. 3, *11—13*; 37, с. 327, табл. XI, рис. 18]. Однако в составе этих комплексов точные аналогии нашему образцу отсутствуют. Да и по времени эти комплексы датируются значительно позже (VIII—VII вв. до н. э.), чем Сарычобан. Манера

украшать псалии скульптурным изображением головы коня была распространена у носителей тагарской культуры (VII—V вв. до н. э) [35, с. 84], хотя, по мнению Н. Я. Членовой, это искусство было развито под воздействием луристанских влияний. По сведениям Б. Б. Пиотровского, конскими головами были украшены и некоторые урартийские псалии [30].

Нам представляется, что сарычобанские псалии с изображениями головы коня, как и другие многочисленные предметы, являются творением рук местных мастеров. Безусловно, с местными корнями связаны также коневодство и культ коня. Кстати отметим, что более сложные по конструкции псалии с изображениями львов обнаружены недавно (в 1985 г.) в соседнем Гянджачайском районе в богатом кургане XV—XIV вв.[1] По мнению автора раскопок Г. М. Асланова, все материалы комплекса имеют местное происхождение.

К редким находкам мы относим бронзовый стержень, найденный в центральной камере. Конец утолщенной части этого длинного (38,5 см) и круглого в сечении предмета отломлен (рис. 3, *1*). Нам представляется, что мы имеем дело со «скипетром», символом власти. Не исключено, что богато инкрустированная ручка «скипетра» отломлена во время грабежа. Если учесть, что этот предмет находился в центральной камере, где, по нашему убеждению, было установлено ложе вождя, то о его назначении можно говорить более уверенно. Аналогии этому предмету среди известных синхронных памятников найти не удалось.

В составе рассматриваемого комплекса имеется одно четырехгранное бронзовое шило (рис. 3, *5*) с черешком для насадки ручки. В позднебронзовых памятниках Азербайджана подобные находки — частое явление.

Мы отметили бы также и наличие такого очень редко встречаемого предмета, как бронзовый сосуд. К сожалению, он представлен фрагментами (рис. *5*, *19*), судя по которым сосуд был тонкостенный, с отогнутым кнаружи венчиком. Бронзовые сосуды — редкое явление в составе археологических комплексов изучаемого района и соседних областей. Единичные экземпляры их известны в памятниках Гянджачая [38, с. 79—81, рис. 26, *а*, *в*] и датируются рубежом II—I тыс., а также в погребении большого Борсунлинского кургана [57, с. 5].

Среди металлических изделий есть очень своеобразный (по форме и по металлу) желобчатый предмет (вернее, обломок предмета) из белого (олово?) металла в виде ложки-льячки. Назначение его неясно (рис. *5*, *20*).

Немаловажный интерес представляет пара бронзовых штандартов-наверший посоха(?), обнаруженных в южной камере. Рядом с ними находились по одному кольцу соответствующих размеров. Одно из наверший более крупного размера (длина 10 см) представляет собой круглый полый цилиндр (диаметр 2 см), утолщенный кверху. Верхняя часть наглухо закрыта. Внутри навершия сохранились остатки древка посоха, закрепленного в утолщенной части гвоздем (рис. *5*, *15*). Бронзовое кольцо (диаметр 6,8 см), которое находилось рядом, изготовлено из круглого в сечении бронзового стержня (рис. *5*, *16*).

Второе, меньшего размера (длина 4,3 см) навершие восьмигранное (рис. *5*, *17*). Рядом с ним также находилось кольцо, но меньшего размера, чем у первого (диаметр 3 см, рис. *5*, *18*). Бронзовые навершия — частые находки в богатых погребальных памятниках ходжалы-кедабекской культуры, хотя они в деталях отличаются. Однако в сочетании с кольцами они представлены впервые. Не исключено, что навершие меньшего размера украшало ручку плети (или кнута).

Не считая бесформенных обломков каких-то предметов, не поддающихся определению, бронзовые предметы из сарычобанского комплекса завершают гвозди различных размеров, с широким шляпковидным навершием и сдвоенными стержнями (рис. *5*, *31—41*). Их больше всего обнаружено в центральной камере (от погребального ложа) и в южной камере (для укрепления плахи). Много-

[1] Комплекс материалов подготовлен для печати. За предоставленную информацию приношу благодарность Г. М. Асланову.

численные образцы таких гвоздей мы обнаружили в большом Борсунлинском кургане [1, с. 3, 4], некоторые из них были обернуты в золотую фольгу.

Часть предметов комплекса состоит из костяных изделий, среди которых выделяется полый цилиндрик (длина 4, диаметр 1,7 см). Поверхность цилиндрика украшена двумя фризами, состоящими из врезных ромбических рисунков, точечных и горизонтальных линий. Поверхность цилиндрика полирована, рисунки заполнены черным «лаком» (рис. 5, *47*).

Костяной предмет в виде двойного молотка с круглым отверстием в середине (рис. 5, *46*) повторяет форму таких же бронзовых изделий (из конского снаряжения) сарычобанского комплекса.

Обоим костяным изделиям аналогии среди других синхронных памятников неизвестны.

К деталям конского снаряжения относится также плоский костяной псалий (рис. 6, *8*) с углублением для проведения ремня оголовья. Костяные псалии более сложной формы, с изображениями человека, происходят из большого Борсунлинского кургана [1, с. 7, 8, рис. 19]. Сарычобанский экземпляр представляет собой более упрощенный вариант этих псалий, хотя последний и не имеет аналогов среди известных нам памятников.

Что касается остальных костяных изделий из Сарычобана, таких, как круглые бляшки с врезными рисунками (рис. 5, *48*), которые заполнены черной краской, конусовидный предмет (рис. 5, *49*) и приспособления для лука и стрелы (рис. 5, *42—44*), то и им не всегда можно найти прямые аналогии, хотя костяные предметы различного характера входят в состав давно известных комплексов Ходжалы [4, рис. 15], Ахмахи [5, рис. 60], Карабулага [6, табл. XV, *18—22*], Мингечаура [8, с. 85, рис. 69] и Ханлара [19, с. 18, табл. XI, *51*, *a*, *b*, *c*, *i*].

Из перечисленных предметов стоит выделить приспособления для лука и стрелы. Одни из них (их в сарычобанском комплексе свыше 30 экз.) представляют собой продолговатый стержень длиной 2,2 см, с круглым отверстием с одной стороны и с выемкой — с другой (утолщенной) (рис. 5, *42—44*). По определению А. Ивановского, выемка в конце приспособления предназначалась для накладывания на тетиву лука [6, с. 160].

Другие конусовидные приспособления (рис. 5, *49*) надевались в наконечники стрел в тех случаях, когда стрела должна была только оглушить добычу [6, с. 160—161], а не убивать ее. Образцы обоих предметов входили в состав инвентаря богатого Карабулагского кургана [6, с. 160, 161, табл. XV, *13—16*], а в Ханларском кургане 1 найдены образцы только первых типов [19, с. 18, табл. XI, № 51, *c*].

Удивляет малочисленность керамических сосудов на фоне обилия бронзовых изделий. Их всего 2 экз. (рис. 3, *10*, *11*). Они по форме приземисто-биконические, с короткой шейкой и отогнутым кнаружи венчиком. На плечиках — «грибовидные выступы-площадки» (один из характерных элементов ходжалы-кедабекской культуры), корпус сосудов украшен чередующимися вертикальными каннелюрами. На одном экземпляре между рифлеными-каннелюрами помещены рельефные изображения змей — символа мудрости и плодородия (рис. 3, *11*). По форме эти сосуды повторяют типы кувшинов [1, с. 5, рис. 1—4] из большого Борсунлинского кургана (VIII—XII вв. до н. э.), а по орнаментации — близки сосудам [2, с. 15] из Беимсаровского кургана (XI—X вв. до н. э.). Сарычобанские сосуды, по всей вероятности, представляют собой промежуточное звено в развитии керамического производства между указанными периодами. Поэтому нам представляется возможным поместить Сарычобанский курган по времени между богатыми Борсунлинским и Беимсаровским курганами и датировать его XII—XI вв. до н. э. Этому не противоречат и другие образцы материальной культуры сарычобанского комплекса — короткое массивное втульчатое копье, меч и кинжал, наконечники стрел, панцирные пластинки, бляхи-обоймы и т. д. На основании аналогичных образцов из Закавказского и Переднеазиатского регионов мы по ходу изложения материалов попытались определить их относительную датировку

и, как выяснилось, в редких случаях время бытования этих предметов выходит за рамки XII—XI вв. до н. э. В культурном плане принадлежность Сарычобанского кургана к ходжалы-кедабекской общности не вызывает сомнения. Если точнее, он входит в состав борсунлинского варианта карабахской группы этой культуры и вместе с Карабулахскими, Довшанлы-Арчадзор, Баллукая и Мингечаурскими курганами составляет ее развитый этап (в пределах XII—XI вв. до н. э.)

Результаты исследований Сарычобанского кургана позволяют сделать ряд выводов, связанных с различными сторонами жизни древних племен. Это относится в первую очередь к вопросам социально-экономического и хозяйственного плана, к степени развития отдельных отраслей ремесленного производства, первобытной архитектуры, погребального обряда, мировоззрения, региональному и международному обмену и торговле.

Неординарная планировка погребального сооружения в виде правильного креста, ориентированная по сторонам света, свидетельствует о высокой осведомленности наших древних предков о законах природы: в конструкции могильной камеры можно угадывать и смену времен года, умирающую и воскресающую природу и четыре стороны света. К тому же, по-видимому, крест — символ света и тепла — должен был освещать путь и оберегать вождя при путешествии в другой мир. Впрочем, здесь могут быть и другие трактовки, и вообще эта тема отдельного исследования.

Добавим, что сарычобанское могильное сооружение по конструкции не имеет аналогов ни в одном из известных нам регионов. То, что погребальное сооружение было предназначено для захоронения племенного вождя, не вызывает сомнения. Пышность погребального обряда, многочисленные образцы вооружений, наличие предметов «престижа»: скипетр, втоки-набалдашники от посоха, воинские доспехи, захоронения сопровождающих телохранителей, конские захоронения со всеми их атрибутами — все это свидетельствует о высоком положении погребенного здесь вождя.

Погребальные комплексы типа Сарычобан вместе с исследованными нами памятниками Борсунлу и Беимсаров отражают ту стадию древнего общества, когда основы первобытнообщинного строя были окончательно подорваны и сформировались ведущие элементы классового общества. Однако в силу различных причин в дальнейшем процесс складывания классового общества на территории Северного Азербайджана был задержан на несколько столетий (до середины I тыс. до н. э.). К сожалению, механизм этого явления не всегда поддается объяснению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Джафаров Г. Ф.* Борсунлу — погребение племенного вождя. Баку: Элм, 1986.
2. *Джафаров Г. Ф., Махмудов Ф. Р.* Итоги работы второго отряда Миль-Карабахской археологической экспедиции//АЭИА — 1985. Баку: Элм, 1986.
3. ZE VBGAEU. B., 1894.
4. ZE VBGAEU. B., 1898.
5. ZE VBGAEU. B., 1899.
6. *Ивановский А. А.* По Закавказью//МАК. 1911. Вып. VI.
7. Kalakent. Früheisenzeiliche Grabfunde aus dem transkaukasischen Gebet von Kirovabad (Jelisavetopol). B., 1985.
8. *Асланов Г. М., Раидов Р. М., Ионе Г. И.* Древний Мингечаур. Баку: АН АзССР, 1969.
9. *Кушнарева К. Х.* Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе//СА. 1957. XXVII.
10. *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
11. *Morgan J. de.* Mission Scientifique en Perse. T. IV. P., 1896.
12. *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1964.
13. *Есаян С. А.* Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976.
14. *Хачатрян Т. С.* Древняя культура Ширака. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1975.
15. *Кушнарева К. Х.* Древнейшие памятники Двина. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1977.
16. *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.

17. *Boehemer R. M.* Die Kleinfunde von Bogazköy. Aus den grabungskamagnen 1931—1939 und 1952—1959. B., 1972.
18. *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе//Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 120.
19. *Гуммель Я. И.* Погребальный курган (№ 1) около Еленендорфа Азербайджанской ССР. Баку: Изд-во АЗ ФАН СССР, 1931.
20. *Казиев С. М.* О некоторых типах оружия из Мингечаура (на азерб. яз., резюме на русском)//МКА. 1951. Т. 2.
21. *Асланов Г. Г., Кесаманлы Г. П.* О некоторых видах бронзового оружия из Хачбулага (на азерб. яз., резюме на русском)//Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права. 1976. № 2.
22. *Пицхелаури К. Н.* Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
23. *Кушнарева К. Х.* Ходжалинский могильник//ИФН АН АрмССР. 1970. № 3.
24. *Ghirshman R.* Tchoga Zanbil. I. La Ziggurat//Memoireies de la Delegation archeologique en Iran. T. XXXIX. P., 1970.
25. *Blegen C. W., Caskey Y. Z., Rawson M.* Troy. V. III. Prinseton, Cinicinnati, 1953.
26. *Loud G.* Meggiddo II (Tell-el-Mutesellim). Seasons of 1935—1939. Chicago, 1948.
27. *Wolley L.* Alalakh an Account of Excavations at Tell Atchana in the Hatay, 1937—1949. L., 1955.
28. *Tufnell O.* Lachich. III. The Uron age. L., 1953.
29. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-блур. Т. III. Ереван, 1955.
30. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-блур. Л.: Аврора, 1970.
31. *Tufnell O.* Lachiche. IV. The bronze age (text). London, New York; Toronto, 1958.
32. *Кесаманлы Г. П., Гусейнова М. А., Кесаманлы Г. П.* Исследования в с. Хачбулаг Дашкесанского района//Тез. докл. конф. «Великий Октябрь и развитие археол. и этногр. науки в Азербайджане». Баку, 1988.
33. ОАК за 1899. СПб., 1902.
34. *Медведская И. Н.* Конский убор из могильника Сиалк//Iranica Antigua. 1983. V. XVIII.
35. *Членова Н. Л.* Тагарские лошади//Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.
36. *Schauensel Maude de, Dyson Robert H.* Hasanlu Horse papping and Assyrion Reliefs. Near Eastern Art and Archaelogy//Metropolitan Museum of Art. N. Y., 1983.
37. *Членова Н. Л.* Памятники I тыс. до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности//Искусство и археология Ирана. М., 1971.

Институт истории АН Азербайджана,
Баку

G. F. DZHAFAROV

A KURGAN OF THE BRONZE AGE PERIOD NEAR SARYCHOBAN

Summary

A kurgan mound of Sarychoban was investigated in 1986 in Azerbaijan, Agdam district. The mound was 5-6 m high and 50-60 m in diameter, it covered burial camera having the form of a regular cross. The burial was devastated in the ancient period. The pit was covered with thick beams placed in two or three rows. The remains of three dead were found, one of them was placed on a wooden bier in extended position (a tribal chiftain), and two were contracted (the guardians). The remains of 16 horses were found, seven of them in richly ornamented harness. The mortuary gifts are rich in set and character (Figs. 2-5). The assemblage is dated to the 12th — 11th centuries B. C. According to the materials and burial rite the site is included into Borsunlu-type monuments of Khodzhaly-Kedabek culture. The analogies for the construction of the burial camera have not been found up to now.

В. П. КОВАЛЕНКО, А. А. МОЛЧАНОВ

ДРЕВНЕРУССКИЕ СФРАГИСТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЧЕРНИГОВА

Археологические исследования последних двух десятилетий в важнейших центрах и малых городах средневековой Руси существенно увеличивают фонд сфрагистических материалов домонгольского времени, наиболее полно отраженный в корпусе древнерусских актовых печатей В. Л. Янина [1]. Сюда относится, в частности, интересный комплекс, включающий 11 свинцовых булл и 6 пломб дрогичинского типа. Он составился в результате раскопок и случайных находок в разных местах на территории древнего Чернигова [1].

Печать № 1 (рис. 1, *1*; 2, *1*) из раскопок 1985 г. на территории черниговского детинца. Диаметр 25—29 мм. Сохранность плохая, из-за чего изображения трудноразличимы. Двойной оттиск буллотирия. Лицевая сторона: поясное изображение св. Димитрия Солунского в ободке из точек, справа от нимба — буква Д (начальная литера имени святого, единственная уцелевшая от колончатой греческой надписи О АГІОС — ΔІМІТРІОС). Оборотная сторона: пышная многолепестковая розетка в точечном ободке, легенда отсутствует.

Буллы данного типа были известны еще Н. П. Лихачеву, который отнес их князю Изяславу (в крещении Димитрию) Ярославичу, сыну Ярослава Мудрого [4, с. 168]. Эта атрибуция принята и с полной убедительностью подтверждена В. Л. Яниным [1, с. 35, 167, №№ 4—9], причем удалось уточнить, что употребление подобных печатей (с поясным изображением св. Димитрия и розеткой, четырех- или многолепестковой) должно связываться со временем пребывания Изяслава Ярославича на киевском столе (с 1054 по 1078 г.) [2]. В корпусе древнерусских булл зафиксировано 8 экз. сфрагистических памятников рассматриваемого типа, главным образом из находок в Южной Руси. Еще один экземпляр из новых поступлений в Эрмитаж издан М. Н. Сотниковой [5, с. 158, 188]. Они оттиснуты шестью разными буллотириями. Плохая сохранность издаваемого нами десятого экземпляра не позволяет с должной уверенностью сравнивать его с другими по матрицам. Однако возможно он того же буллотирия, что и № 9 корпуса.

Наличие как минимум шести пар матриц, применявшихся для скрепления документов вислыми печатями одного, устоявшегося типа говорит о длительном периоде его бытования, вполне сопоставимом с почти четвертьвековым киевским княжением Изяслава Ярославича. Правда недавно опубликована булла из-под Киева с изображением св. Димитрия Солунского в рост и русской надписью «Господи, помози рабу своему Дми...» [6, с. 76—80], которую М. Ю. Брайчевский и В. В. Шумаков отнесли тому же Изяславу Киевскому. Но такой атрибуции и датировке («третья четверть XI в.») вновь открытого сфрагистического памятника противоречат его типологические особенности: появление на древнерусских буллах

---

[1] Ранее об этом сфрагистическом комплексе делались только краткие предварительные сообщения [2, с. 99—101; 3, с. 55—58].

[2] К новгородскому княжению Изяслава (1052—1054 гг.) относится его печать иного типа — с патрональным изображением святого в рост и лично-родовой тамгой [1, с. 35, 36, 166, 167, № 3].

© В. П. Коваленко, А. А. Молчанов, 1993 г.

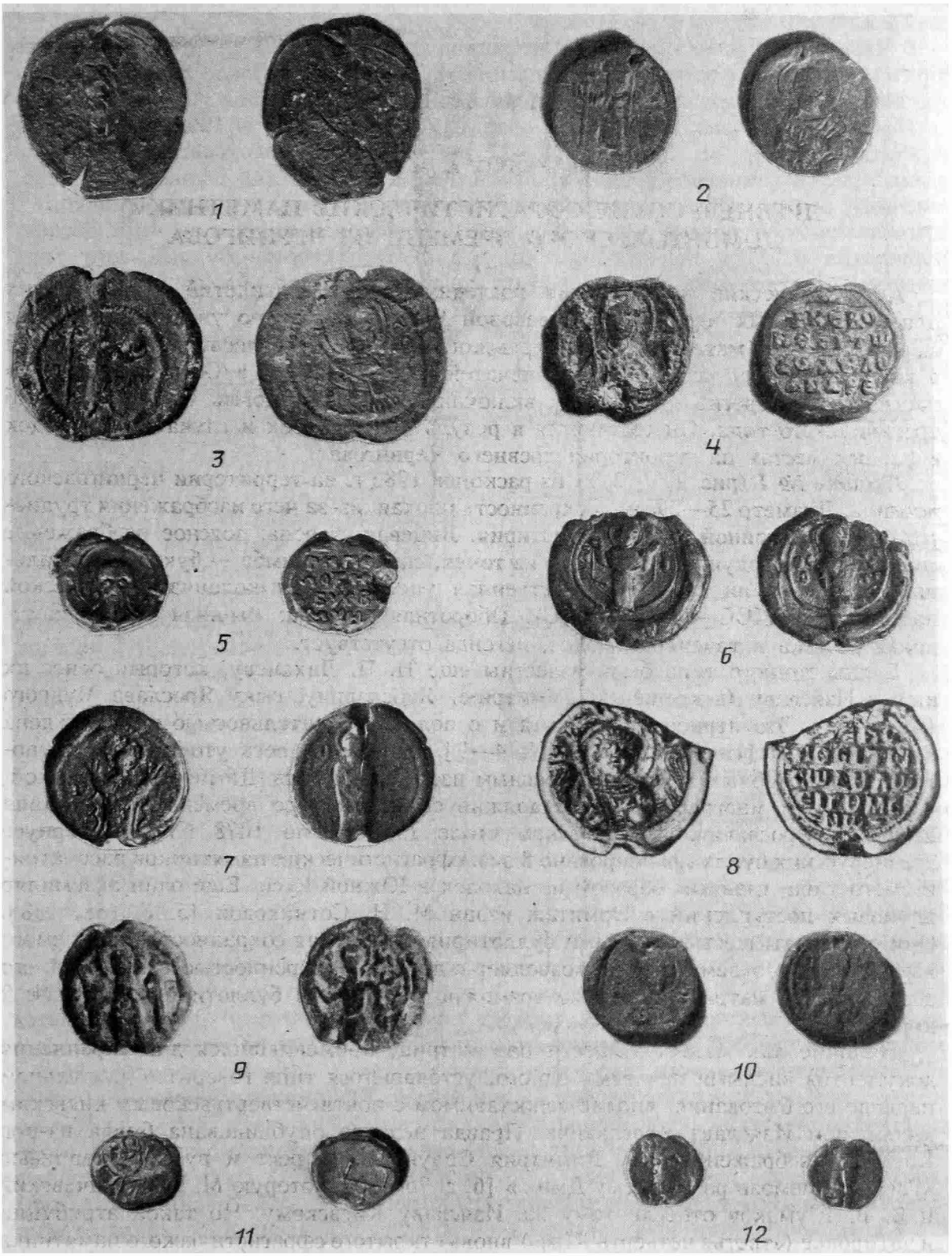


Рис. 1. Древнерусские печати и пломбы из находок в Чернигове: *1* — печать киевского князя Изяслава Ярославича (1054—1078 гг.); *2* и *3* — печати Святослава Ярославича, князя черниговского (1054—1073 гг.) и киевского (1073—1076 гг.); *4* — печать князя Всеволода Ярославича (вторая половина XI в.); *5* — печать черниговского епископа Иоанна (80-е годы XI в.— 1111 г.); *6* — печать черниговского епископа Феоктиста (1113—1123); *7* — печать черниговского епископа первой половины XII в. (?); *8* — печать игумена Михайловского монастыря (вторая половина XI в.); *9* — печать одного из новгородских князей второй половины XII в.; *10* — княжеская печать первой половины XII в.; *11* и *12* — пломбы дрогичинского типа

русской благопожелательной надписи вместо греческой отмечается не ранее конца XI в.[3]

В Чернигове печати Изяслава Ярославича прежде обнаружены не были. Таким образом, данный сфрагистический памятник является наиболее ранней древнерусской великокняжеской буллой среди черниговских находок.

Печать № 2 (рис. 1, *2*; 2, *2*) — из случайных находок 1981—1984 гг. на черниговском Подоле. Диаметр 20—22 мм. Лиц. ст.: человеческая фигура в полный рост с длинным крестом в правой руке и с княжеской шапкой на голове, точечный ободок. Об. ст.: поясное изображение св. Николая Мирликийского с благословляющей правой рукой и с кодексом в левой руке, точечный ободок, колончатая надпись по сторонам фигуры святого стерта. Буллы этого типа известны в нескольких экземплярах от других шести пар матриц [1, с. 34, 35, 167, 168, №№ 10—13; 5, с. 167; 9, с. 281; 10, с. 10, 11, рис. 1]. Они отнесены В. Л. Яниным Святославу Ярославичу, княжившему в Чернигове (с 1054 по 1073 г.) и Киеве (с 1073 по 1076 г.).

Печать № 3 (рис. 1, *3*; 2, *3*) найдена в 1983 г. при охранных раскопках на территории черниговского Передгородья (на углу улиц Чернышевского и Урицкого), где вскрыты слои конца XI—XIII вв. Диаметр 28—30 мм. Несет на обеих сторонах изображения, аналогичные помещенным на описанной выше печати № 2, но на лицевой стороне слева от креста виден фрагмент легенды СТ..., а в колончатой надписи на оборотной стороне, справа от лика святого читаются последние три буквы его имени: (NIKOЛ)AOC. Оттиснута еще одним, неизвестным по изданным прежде экземплярам печатей данного типа, буллотирием (восьмым по счету). Атрибутируется аналогично предыдущей булле (№ 2).

Печать № 4 с территории Третьяка (часть Окольного города, имевшая свою особую линию укреплений) уже являлась предметом специальной публикации [11, с. 245, 246]. Атрибуция булл данного типа — с погрудным изображением св. Андрея Первозванного и греческой надписью «Господи, помоги рабу своему Андрею Свладу» — вполне однозначна: их владельцем был Всеволод Ярославич, княживший в Переяславле (1054—1076 гг.), Чернигове (1077—1078 гг.) и Киеве (1076—1077 и 1078—1093 гг.) [1, с. 15, 16, 168—170, №№ 15—22][4].

Печать № 5 (рис. 1, *4*; 2, *4*) — случайная находка 1964 г. с территории города. Диаметр 22—23 мм. Лиц. ст.: поясное изображение архангела Михаила в бронях с жезлом в правой руке и сферой в левой руке, линейный (?) ободок. Об. ст.: четырехстрочная греческая надпись ✚KE BO – HΘEI Tω – Cω ΔOΛω – ANΔPE (Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Ἀνδρέα «Господи, помоги рабу своему Андрею»), линейный ободок. Содержание сфрагистической легенды и ее палеографические особенности сближают данную буллу с предыдущей (№ 4) и аналогичными ей. Однако отнесение ее тому же князю Всеволоду Ярославичу, само по себе вполне логичное, требует объяснения, почему здесь появляется изображение святого, не тезоименитого владельцу буллы. В этой ситуации допустимым представляется следующее предположение: Всеволод, сблизившийся в результате женитьбы на принцессе Марии из рода Мономахов с высшими кругами константинопольской знати, поместил однажды на своей печати архангела Михаила в знак официального признания своей номинальной зависимости от византийского императора, которым был в то время Михаил VII Дука (провозглашен василевсом в 1067 г., реально правил с 1071 по 1078 г.). Но очень может быть, что в композиционном оформлении одной из булл Всеволода Ярославича отразилось всего лишь особое почитание им архистратига небесного воинства, проявив-

[3] Самая ранняя возможная датировка для подобных булл — 1080—1090-е гг. (ср. печати Владимира Мономаха и явно новгородские по происхождению печати его сына Мстислава-Феодора, первое княжение которого в Новгороде приходится на 1088—1094 гг. [1, с. 70, 71, 156], а также зависимые от сфрагистической иконографии монеты Олега-Михаила Святославича Тмутараканского, которые датируются 1083—1094 гг. [7, с. 9; 8, с. 252, 253]).

[4] Позднее В. Л. Янин счел возможным уточнить верхнюю хронологическую границу бытования этих булл, признав таковой 1088 г. [12, с. 64—66].

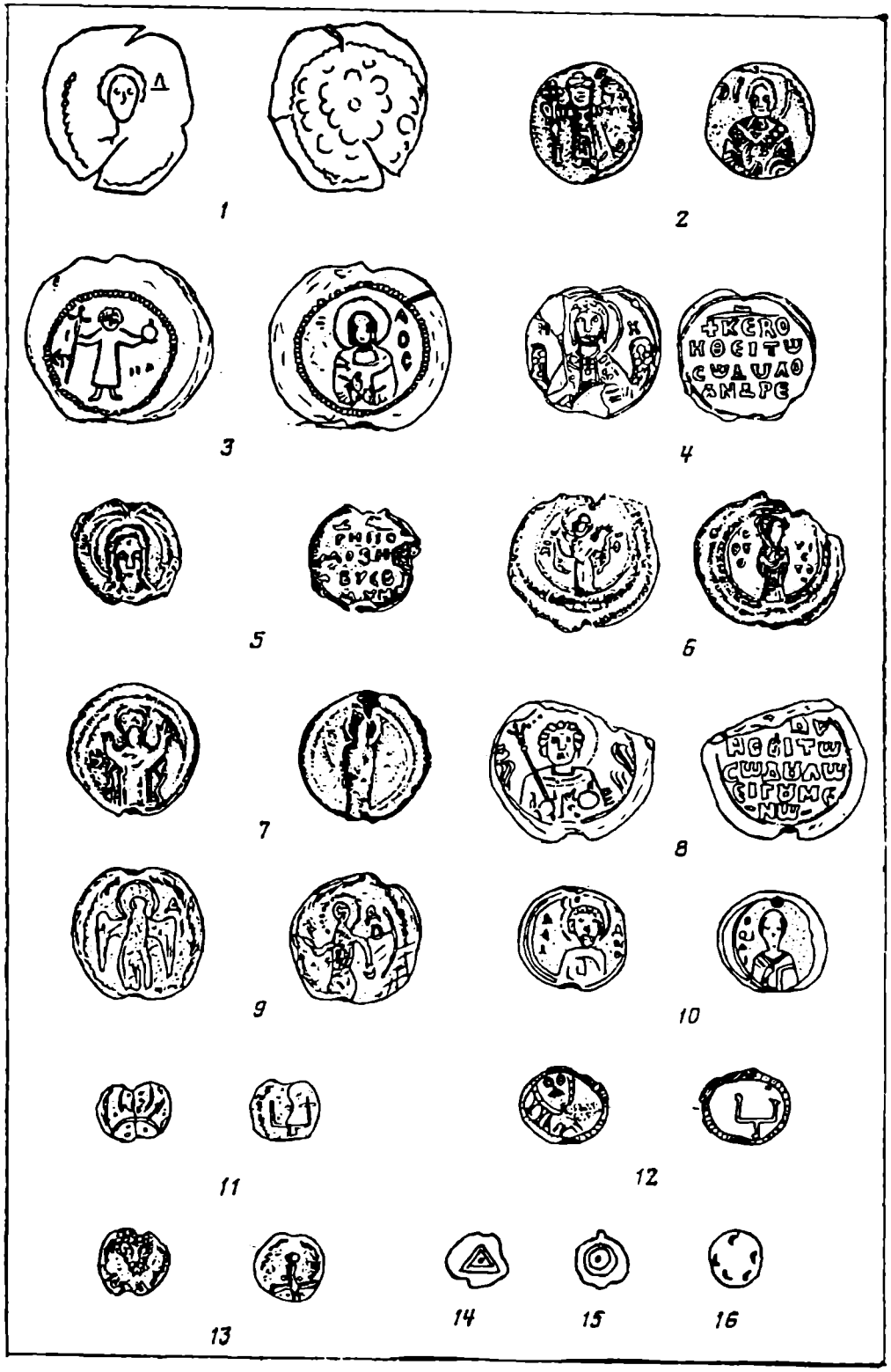


Рис. 2. Древнерусские печати и пломбы из находок в Чернигове. Прорисовки: *1* — печать князя Изяслава Ярославича; *2*, *3* — печати князя Святослава Ярославича; *4* — печать князя Всеволода Ярославича; *5* — печать черниговского епископа Иоанна; *6* — печать черниговского епископа Феоктиста; *7* — печать черниговского епископа первой половины XII в. (?); *8* — печать игумена Михайловского монастыря; *9* — печать одного из новгородских князей второй половины XII в.; *10* — княжеская печать первой половины XII в.; *11*—*16* — пломбы дрогичинского типа

шееся также и в постройке им соборного храма между 1070 и 1088 гг. в своем собственном монастыре в Выдубичах под Киевом именно во имя архангела Михаила.

Печать № 6 (рис. 1, *5*; 2, *5*) — из случайных находок 1981—1984 гг. на черниговском Подоле. Диаметр 17—18 мм. Лиц. ст.: погрудное изображение св. Иоанна Предтечи. Об. ст.: многострочная русская надпись ГИ (т. е. ГОСПОДИ) ПО — МОЗИ (Р) — АБУ СВ(О) — (Е)МУ И(В?)... В типологическом, стилистическом и палеографическом отношениях данная булла очень близка некоторым печатям Владимира Всеволодовича Мономаха с русской благопожелательной легендой (ср.: [1, № 110, табл. 44]), нижняя дата которых ограничивается 1080—1090-ми гг. Место находки рассматриваемого сфрагистического памятника позволяет выдвинуть гипотезу о принадлежности его черниговскому епископу Иоанну (упоминается с 1088 г., умер в 1112 г.). Последний занимал кафедру как раз в период княжения в Чернигове Владимира Мономаха, длившийся с 1078 по 1094 г.

Печать № 7 (рис. 1, *6*; 2, *6*) — из случайных находок 1981—1984 гг. на черниговском Подоле. Диаметр 22—26 мм. Лиц. ст.: Богоматерь «Знамение» в полный рост, по сторонам фигуры богородичные титлы, точечный ободок. Об. ст.: св. Феоктист в полный рост, по сторонам фигуры колончатая надпись О ΘЕО — КТІСТОС, точечный ободок. Совершенно аналогичная булла (хотя и от другой пары матриц) найдена в 1979 г. в Нижнем Подесенье, т. е. также на территории древней Черниговщины. Совокупность всех внешних признаков и наличие изображения Богоматери «Знамение» определяет отнесение этих двух сфрагистических памятников к числу владычных печатей домонгольского времени, а имя святого (патрона владельца) и места находок указывают на принадлежность их черниговскому епископу Феоктисту (1113—1123 гг.) [13, с. 39, 40; 14, с. 271—273].

Печать № 8 (рис. 1, *7*; 2, *7*) — из случайных находок 1981—1984 гг. на черниговском Подоле. Диаметр 23 мм. Лиц. ст.: Богоматерь «Знамение» в полный рост, линейный (?) ободок. Об. ст.: фигура святого в полный рост, линейный (?) ободок. Изображения на обеих сторонах сильно потерты, а колончатые надписи при них совершенно изгладились. Поэтому невозможно опознать святого и тем самым установить имя владельца буллы. Но внешнее сходство памятника с печатями епископа Феоктиста и место находки дают основания видеть в нем буллу одного из черниговских владык первой половины XII в.

Печать № 9 (рис. 1, *8*; 2, *8*) — из раскопок В. А. Богусевича 1953 г. Найдена на территории черниговского детинца поблизости от остатков ворот епископского двора, возведенных в конце XII — начале XIII вв. [15, с. 10]. Диаметр 22—28 мм (один край обломан). Лиц. ст.: поясное изображение архангела Михаила с жезлом в правой руке и сферой в левой руке, точечный ободок. Об. ст.: пятистрочная легенда (+К)Е ВО – НΘЕІ Тω – Сω ΔΟΛω – ЕІГОМЕ – Νω (*Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλω ειγουμενῳ* «Господи, помоги рабу своему игумену»), точечный ободок. По фактурным и типологическим признакам этот сфрагистический памятник, принадлежащий к известному разряду древнерусских булл с греческими строчными благопожелательными надписями [1, с. 15, 16, 20, 23—33, 44—48, 168—174, №№ 14—22, 24, 26—30, 32—38, 41—43], следует датировать в пределах второй трети XI — начала XII в. По композиционному оформлению и палеографическим особенностям строчной легенды печать № 9 предельно близка издаваемой нами печати № 5 (см. выше), которая атрибутируется как принадлежащая князю Всеволоду Ярославичу. В свете всех перечисленных выше наблюдений предварительно ее можно отнести некоему настоятелю весьма заметного по своей значимости Михайловского монастыря, датируя при этом периодом активной деятельности князя Всеволода, т. е. серединой 50-х — началом 90-х годов XI в. Догадку о принадлежности печати № 9 игумену конкретно Выдубицкого Михайловского монастыря высказал еще В. А. Богусевич.

Выдубицкий Михайловский монастырь под Киевом был основан Всеволодом

Ярославичем еще тогда, когда он занимал переяславский стол. Согласно летописи, в 1070 г. «заложена бысть церквы святаго Михаила в монастыре Всеволожи на Выдобычи» [16, стб. 164]. Освящение же этого храма после окончания его строительства произошло в 1088 г., когда Всеволод Ярославич стал уже киевским князем [16, стб. 199]. В это время игуменом Выдубицкого Михайловского монастыря был Лазарь. Настоятелем своей собственной семейной обители князь Всеволод мог, разумеется, назначить только очень близкого к нему человека. Показательно, что когда после смерти Всеволода Ярославича его сын Владимир Мономах занимал княжеский стол в прежнем отцовском уделе — Переяславле (1094—1133 гг.), Лазарь там же становится епископом (на кафедре с 1105 по 1117 г.). В. Л. Янин достаточно аргументированно отнес переяславскому епископу Лазарю одну из булл того типа, который получает большое распространение в древнерусской сфрагистике на протяжении XII—XIII вв. (с патрональными изображениями святых на обеих сторонах) [1, с. 129, 148, 210, № 225]. Конечно, у нас нет пока никаких веских оснований видеть в указанной булле (№ 225 по корпусу) и издаваемой нами печати № 9 сфрагистические атрибуты одного и того же церковного иерарха, относящиеся к разным периодам его деятельности. Однако исключить такую возможность тоже нельзя.

Печать № 10 (рис. 1, *9*; 2, *9*) — из раскопок В. А. Богусевича 1949 г. на территории черниговского детинца [17, с. 9, табл. 1, 8—9]. Диаметр — 20—24 мм. Лиц. ст.: архангел в полный рост, точечный ободок. Об. ст.: св. Феодор в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой руке, точечный ободок. Буллы данной разновидности типа с двумя святыми, известные в нескольких вариантах от различных пар матриц, отнесены В. Л. Яниным новгородским князьям второй половины XII в. В иконографическом и фактурном отношениях издаваемому нами экземпляру наиболее близки печати, приписываемые Ростиславу Мстиславичу (княжил в Новгороде в 1154 и 1157—1158 гг.) и его сыну Мстиславу Ростиславичу (занимал новгородский стол в 1179—1180 гг.) [1, с. 122, 115—117, 120, 126, 127, №№ 152, 153, 183—186].

Печать № 11 (рис. 1, *10*; 2, *10*) — из случайных находок 1989 г. на черниговском Подоле. Диаметр 16—18 мм. Лиц. ст.: поясное изображение святого, точечный (?) ободок. Об. ст.: поясное изображение святого, точечный (?) ободок. Изображения на обеих сторонах сильно потерты, а колончатые надписи сохранились фрагментарно и потому не читаются. Все это затрудняет атрибуцию буллы. Иконографические же признаки (поясной вариант, избранный для изображения обоих святых) заставляют датировать ее скорее всего первой половиной XII в.

Оценивая публикуемый комплекс древнерусских печатей в целом, следует констатировать, что он существенным образом расширяет представления о распространении практики скрепления актов высшими феодалами (как теперь выясняется, не только светскими, но и церковными) и бытования самих таких актов в стольном граде Черниговского княжества по сравнению с тем, как это представлялось до сих пор в отношении употребления булл местными князьями из числа потомков Святослава Ярославича [1, с. 31, 32, 71, 104—106, 115—118, 122, 123, 127, 129, 173, 189, 190, 194, 195, 203—205, 208, 210, 235, №№ 36, 113—116, 140—142, 187, 188, 195, 213, 223; 18, с. 33—35; 19, с. 78, 79, 81; 20, с. 24—26; 21, с. 105—109; 22, с. 42—44].

Помимо булл из Чернигова происходят и несколько иных сфрагистических памятников домонгольского времени. Это свинцовые пломбы так называемого дрогичинского типа. Все они принадлежат к числу случайных находок 1981—1984 гг. на черниговском Подоле.

Пломба № 1 (рис. 2, *11*) [5]. Диаметр 12 мм. Лиц. ст.: погрудное изображение непоименованного святого. Об. ст.: княжеский лично-родовой знак в виде двузубца

[5] Из-за утраты подлинника нам приходится ограничиться воспроизведением случайно уцелевшей прорисовки.

прямоугольных очертаний с прямым левым зубцом и крестовидным правым зубцом, имеющий в основании прямой нижний отрог.

Пломба № 2 (рис. 1, *11*; 2, *12*). Диаметр 13—14 мм. Лиц. ст.: грубое погрудное изображение бородатого святого. Об. ст.: княжеский лично-родовой знак в виде двузубца прямоугольных очертаний с прямыми левым и правым зубцами (верхняя часть последнего, однако, имеет неясную конфигурацию: то ли в виде треугольника, то ли в виде двух симметрично изогнутых вправо и влево отрогов), имеющий в основании прямой нижний отрог.

Пломба № 3 (рис. 1, *12*; 2, *13*). Диаметр 12 мм. Лиц. ст.: погрудное изображение кудрявого бородатого святого. Об. ст.: четырехконечный крест.

Пломба № 4 (рис. 2, *14*) [6]. Диаметр 9 мм. Лиц. ст.: треугольник (буква Δ ?) с точкой внутри. Об. ст.: в центре полустертая точка.

Пломба № 5 (рис. 2, *15*). Диаметр 8 мм. Лиц. ст.: круг (буква О?) с точкой внутри. Об. ст. стерта.

Пломба № 6 (рис. 2, *16*). Диаметр 9 мм. Лиц. ст.: пять серповидных углублений по краям предмета. Об. ст. стерта.

Время бытования пломб дрогичинского типа, судя по ряду внешних признаков и отдельным случаям их обнаружения в четко датированных археологических комплексах, приходится на XII — первую треть XIII в. [1, с. 132]. Пока не произведена тщательная и полная систематизация этих особого рода сфрагистических памятников, найденных уже во многих древнерусских городах, вряд ли дело пойдет дальше самых предварительных и сугубо гипотетических выводов (ср. [23, 24] и другие работы Б. Д. Ершевского). На сегодняшний же день одним из наиболее надежных способов датировки пломб дрогичинского типа оказывается сравнение встречающихся на многих из них княжеских лично-родовых знаков с теми, которые обнаруживаются на буллах и других предметах [7], получивших уже атрибуцию [19, с. 72, 73; 31, с. 215—217]. Так, именно по геральдическим данным определяется верхняя дата для всей многочисленной группы пломб с тамгами Рюриковичей. Уже давно установлено, что эти тамги полностью выходят из употребления в первой половине XIII в. [32, с. 16]. Им на смену приходят иные феодальные эмблемы, в частности изображение всадника, который уже в XIII в. приобрел для суздальской ветви рода Рюриковичей значение переходящего по наследству фамильного княжеского герба [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. М.: Наука, 1970.
2. *Коваленко В. П., Молчанов А. А.* Древнерусские печати и пломбы из находок в Чернигове// I Гомельская обл. научн. конф. по историческому краеведению, посвященная 70-летию БССР и БКП (27 февраля — 1 марта 1989 г.). Тез. докл. Гомель, 1989.
3. *Коваленко В. П., Молчанов А. А.* Печати черниговских епископов XI—XII вв.//1000 років Чернігівській єпархії. Тез. доп. церковно-історичної конференції. Чернігів, 1992.
4. *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Л., 1928.

[6] Плохая сохранность пломб № 4—6 заставляет иллюстрировать их описание лишь прорисовками.

[7] Самыми ранними сфрагистическими памятниками, несущими тамги князей Рюрикова дома, являются печати Святослава Игоревича (945—972 гг.) [1, с. 38—41, 166, № 1; 25, с. 84, 85; 26, с. 50—52; 27, с. 185] и Изяслава Владимировича (конец X в.— 1001 г.) [1, с. 41, 166, № 2; 28, с. 39—46; 29, с. 157 158]. Недавно высказанные сомнения в правильности атрибуции этих булл, казалось бы уже общепринятой, но теперь вдруг объявленной «условной» [30, с. 238], ничем конкретно не подкреплены.

[8] Подробнее об этом см.: [33, с. 28—31]. К аналогичным выводам, хотя и на меньшем по объему сфрагистическом материале (например, без учета печатей великого князя Василия Дмитриевича Московского и князя Ивана Андреевича Можайского, а также с особым упором на прежнюю атрибуцию «печати великого князя Юрия Даниловича Московского», которая теперь пересмотрена В. Л. Яниным в пользу его отца князя Даниила Александровича), пришла позднее А. Л. Хорошкевич [34, с. 77—79], тем самым вновь солидаризировавшаяся с мнением, высказанным впервые одним из авторов данной публикации в докладе на декабрьских научных чтениях 1983 г. в ГИМ [35, с. 30; 36, с. 286].

5. *Сотникова М. П.* Новые сфрагистические материалы XI—XV вв. в собрании Эрмитажа//Нумизматика в Эрмитаже. Л.: Гос. Эрмитаж, 1987.
6. *Брайчевський М. Ю., Шумаков В. В.* Нова знахідка висло печатки на околицях Києва//Археологія. 1988. Т. 61.
7. *Молчанов А. А.* Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни Древней Руси: Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1976.
8. *Молчанов А. А.* Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича//СА. 1982. № 1.
9. *Коваленко В. П., Куза А. В., Орлов Р. С.* Раскопки в Новгороде-Северском//АО. 1979. М., 1980.
10. *Коваленко В. П., Шекун О. В.* Літописна Сосниця//Минуле Сосниці та її околиць. Чернігів, 1990.
11. *Коваленко В. П.* Новый вариант печати великого князя Всеволода Ярославича//СА. 1982. № 4.
12. *Янин В. Л.* К вопросу о хронологии печатей Всеволода Ярославича//СГЭ. 1975. Вып. XL.
13. *Марков Д. В., Молчанов А. А.* Печатка чернігівського єпископа Феоктіста (1113—1123 рр.)//Друга Чернігівська обласна наукова конференція з історичного краєзнавства (грудень 1988 р.). Тез. доп. Вып. II. Чернігів; Ніжин, 1988.
14. *Марков Д. Б., Молчанов А. А.* Две древнерусские печати XII в. из Нижнего Подесенья//СА. 1990. № 1.
15. *Богусевич В. А.* Раскопки в Чернигове//КСИА АН УССР. 1955. Вып. 4.
16. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1843.
17. *Богусевич В. А.* Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр.//Археологічні пам'ятки УРСР. 1955. Т. 5.
18. *Молчанов А. А.* Княжеские знаки черниговских Рюриковичей//Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.» (15—18 апреля 1985 г.). Тез. докл. Чернигов, 1985.
19. *Молчанов А. А.* Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X—XIII вв.//ВИД. 1985. Т. XVI.
20. *Белецкий С. В.* Новые данные к биографии Игоря Святославича Новгород-Северского//Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. предстоящей научно-практической конференции. Псков, 1986.
21. *Белецкий В. Д., Белецкий С. В.* Печать князя Игоря//Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988.
22. *Молчанов А. А.* Печати новгород-северских князей XII в.//Новгороду-Северскому — 1000 лет. Тез. докл. обл. научн.-практ. конф. (май 1989 г.). Чернигов; Новгород-Северский, 1989.
23. *Ершевский Б. Д.* Новгородские свинцовые пломбы конца XI — первой трети XIII вв. как источник для политической истории Новгорода: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1979.
24. *Ершевский Б. Д.* Дрогичинские пломбы. Классификация, типология, хронология (по материалам собрания Н. П. Лихачева)//ВИД. 1985. Т. XVII.
25. *Моця А. П., Сыромятников А. К.* Княжеские тамги Святослава Игоревича как источник изучения истории древнерусских городов//Древнерусский город (Матер. Всесоюз. археол. конф., посвященной 1500-летию города Киева). Киев: Наук. думка, 1984.
26. *Молчанов А. А.* Печать князя Святослава Игоревича (К вопросу о сфрагистических атрибутах документов внешней политики Древней Руси X в.)//Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения В. Т. Пашуто. Москва, 19—22 апреля 1988 г. Тез. докл. М., 1988.
27. *Молчанов А. А.* Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские jarlegnir//X Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М., 1986.
28. *Янин В. Л.* Древнейшая русская печать X века//КСИИМК. 1955. Вып. 57.
29. *Янин В. Л.* Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг.//МИА. 1956. № 55.
30. *Макаров Н. А., Чернецов А. В.* Сфрагистические материалы из Белоозера//Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988.
31. *Молчанов А. А.* О четырех новгородских посадничьих печатях XII в.//ВИД. 1981. Т. XII.
32. *Янин В. Л.* Княжеские знаки суздальских Рюриковичей//КСИИМК. 1956. Вып. 64.
33. *Молчанов А. А.* Изображение всадника на печатях новгородских и московских князей XIII—XV вв.// Культура и история средневековой Руси. Тез. конф., посвященной 85-летию А. В. Арциховского. Москва, 24—26 декабря 1987 г. Новгород, 1987.
34. *Хорошкевич А. Л.* Печать князя всея Руси: сфрагистические и генеалогические традиции// Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. Тез. докл. и сообщ. межвузовской научн. конф. Москва, 31 января — 3 февраля 1989 г. М., 1989.
35. *Молчанов А. А., Смирнова М. Е.* Об изображении всадника на княжеских и республиканских печатях Великого Новгорода (Балтские истоки одного из сюжетов новгородской эмблематики XIII—XV вв.)//ГИМ. Тез. докл. Секции нумизматики на научных чтениях 1983 г., посвященных 100-летию экспозиции музея (26—28 декабря 1983 г.). М., 1983.
36. *Молчанов А. А.*//СА. 1988. № 1. Рец. на кн.: *Chernetsov A. V.* Types of Russian Coins of the XIV and XV Centuries: An iconographic study. Oxford, 1983.

Институт всеобщей истории РАН,
Москва
Черниговский исторический музей

V. P. KOVALENKO, A. A. MOLCHANOV

THE ANCIENT RUSSIAN SPHRAGYSTIC MATERIALS FROM CHERNIGOV OF THE PREMONGOL PERIOD

Summary

Eleven lead seals of Russian princes and church hierarchs as well as six leads of so-called Drogichin type are published in the article. They are dates to late IIth — the 12th centuries. This collection was formed during the last 40 years of excavations in the territory of Chernigov, some artefacts are the strew finds.

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТОВО-ОБОРОННОГО ЗОДЧЕСТВА РУСИ В СВЕТЕ РАСКОПОК В МСТИСЛАВЛЕ

(Беларусь)

Культово-оборонное зодчество — своеобразный феномен Западнорусских земель XV—XVII вв., истоки которого далеко не ясны. Дошедшие до нас оборонные церкви датируются, как известно, не ранее конца XV в. (церковь в Сынковичах) и связаны, казалось бы, с войнами, которые вело Польско-Литовское государство (куда входили эти земли) в XV—XVI вв. Однако данные, которыми мы располагаем после раскопок в Мстиславле, заставляют думать, что церкви, приспособленные к обороне, появились на два-три столетия ранее и, срубленные из дерева, до нас не дошли.

Смоленский княжеский центр Мстиславль упоминается летописью под 1156 г. [1, стб. 485] и был построен, видимо, между 1125 и 1156 гг. князем Ростиславом [2, с. 282] в его домениальных владениях [3, с. 53—59]. По грамоте «О погородье и почестье», которую удается датировать 1211—1218 гг. [4, с. 25], можно думать, что в начале XIII в. Мстиславль стоял среди смоленских городов на третьем месте — после княжеского Торопца и торговой Копыси [5, с. 99]. С середины XVII в. он оказался вблизи границы Литвы и Руси, что приводило к постоянным войнам, и город часто переходил из рук в руки (с 1359 г. он — литовский, с 30-х годов XV в.— русский и т. д.). 22 июля 1654 г. «государев боярин и воевода князь Алексей Никитич Трубецкой с товарищи город Мстиславль взял и высек и выжег: а пробил в нем больше пяти на десяти (15) тысяч...» [6, с. 128]. После этого крепость пытались восстановить, но систематически она подвергалась осаде и уничтожению (1659, 1660 гг. и т. д.). Интенсивная жизнь в ней замерла.

Детинец Мстиславля расположен в черте современного города (районного центра Могилевской обл. Беларуси), в месте, выгодном в стратегическом отношении — между глубокими оврагами левого высокого берега р. Вехры — притока р. Сож. Площадка детинца округлой формы, имеет площадь около 160 ар и окружена высоким валом (рис. 1).

Пятнадцать сезонов раскопок (с перерывами) на площади 12 ар показали, что культурный слой на детинце имеет мощность 3,3 м и относится ко второй половине XII — первой половине XVII в. Под современными огородами и под слоем гибели города в 1654 г. находится слой с большим количеством древесных остатков. Условно он может быть расчленен на три части: «доярусный» — до возникновения уличных мостовых; «ярусный» — слой, где можно выделить так называемые единовременные строительные горизонты — ярусы построек; «надъярусный» — верхние отложения, где по условиям залегания древнее дерево не сохраняется. В культурных отложениях в северных раскопах детинца были зафиксированы нижние части интереснейших, сменяющих друг друга однородных сооружений, рубленных из дерева на одном и том же месте с самого начала возникновения памятника и просуществовавших до его конца. Всего было обнаружено пять таких построек.

Сооружение 1 было срублено немного выше материка, возможно, на специальной материковой подсыпке, простояло недолго, сгорело, оставив нам лишь

© Л. В. Алексеев, 1993 г.

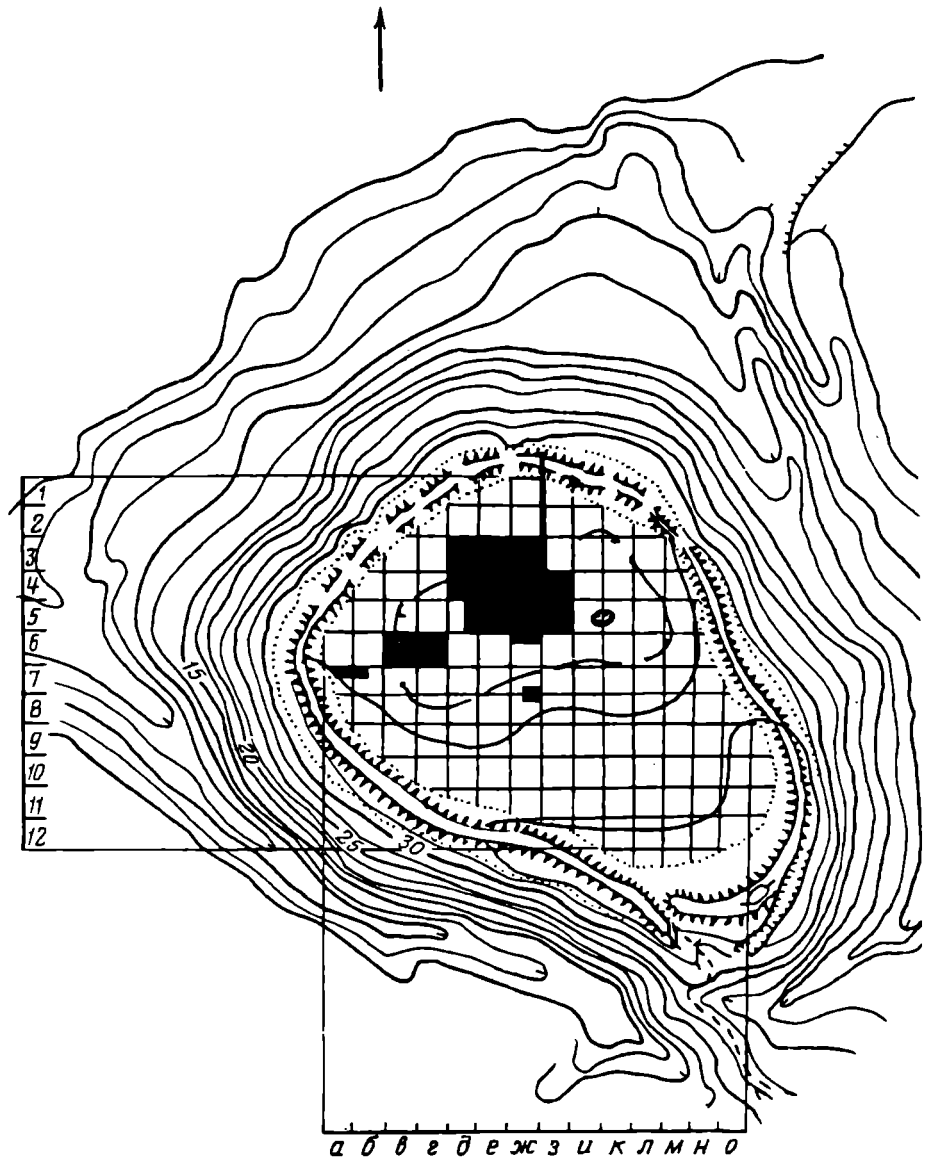


Рис. 1. Мстиславльский детинец, план. Сплошные горизонтали проведены через 2 м

следы его отдельных обугленных частей в юго-восточной стороне раскопов (рис. 2). О конструкции его судить трудно, по совпадению его сохранившихся частей с последующей постройкой (рис. 2, 3) кажется вероятным, что оно было немного меньше той, но конструкции их совпадали. Внутри сооружения 1, как и вовне к северу и к западу, располагались погребения, запущенные в материк так, что крышка дощатого гроба каждого была заглублена в материк всего на 5—10 см. Могилы были выкопаны в материковой подсыпке и в материке, иной примеси в них не было, чем и объясняется, что могильные ямы не прослеживались. Всего обнаружено в материке около десятка погребений. Костяки лежали в примитивных дощатых гробах на спине и были ориентированы на юго-запад. У некоторых на ногах были кожаные туфли, сделанные явно на скорую руку специально для покойника. Некоторые из умерших были покрыты узорной шерстяной тканью, нити которой некогда были переплетены с несохранившимися нитями льняного узора. Вещей при покойниках не было. Лишь однажды вблизи материка встречена иконка-подвеска в виде серебряного медальона со вставным позолоченным тонким щитком с оттиснутым на нем выпуклым изображением Богородицы с младенцем (рис. 4, *1*). Внутренность ее была залита восковой мастикой. Прямые аналогии

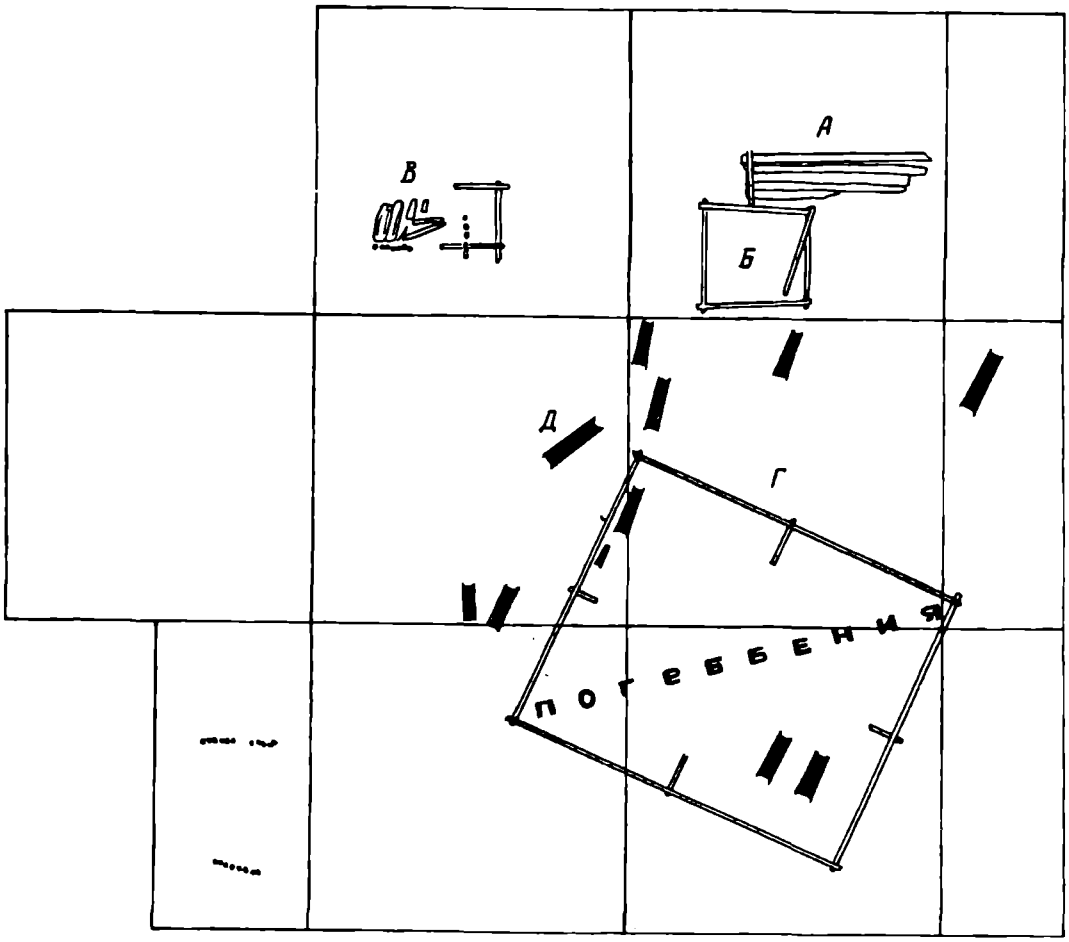


Рис. 2. Первые постройки в Мстиславле над материком. *А* — настил 1204 г.; *Б* — погреб 1291 г.; *В* — остатки каких-то построек; *Г* — сооружение 1 (предположительная реконструкция по сгоревшим остаткам); *Д* — погребения в материке

предмету неизвестны, до некоторой степени он напоминает подвески киевских кладов и, следовательно, мог быть изготовлен в Киеве. Стиль предмета позволяет датировать его концом XII в., т. е. временем, к которому относятся и древнейшие слои Мстиславля [8, с. 445]. Весьма вероятно, что эта подвеска выкатилась из одного из погребений. Эти погребения принадлежат древнейшим жителям города.

Наиболее ранние дендрохронологические даты уровня, близкого к этому, были получены на более северном участке (но рядом с кладбищем, раскоп I) — это замощение бревнами 1204 г. (объект I—50). Можно думать, что границы кладбища с западной и северной сторон были как-то ограждены — во всяком случае, следы частокола на более поздних уровнях прослеживались весьма явственно.

Сооружение 2 (объект XIV—23[а]) было выстроено, как представляется, немедленно после гибели предыдущего и почти на том же уровне. Это была дубовая постройка, почти квадратная (13×12,5 м) в плане, ориентированная близко к ориентировке по странам света (по-видимому, также была ориентирована и постройка № 1), лежала на поверхности с отметками 273—283, т. е. была выше материка (отметка 350) приблизительно на 70 см и на 9—10 см выше предыдущего строения (южный угол).

Конструкция сооружения своеобразна. Прямые дубовые бревна толщиной около 25 см и длиной 13 м найти было нельзя и строители применили остроумную конструкцию. Стена каждого венца была составлена из двух бревен половинного размера, соединенных внахлест и с врубкой туда перпендикулярного метрового бревна для большей жесткости соединения (рис. 5). В темном слое земли,

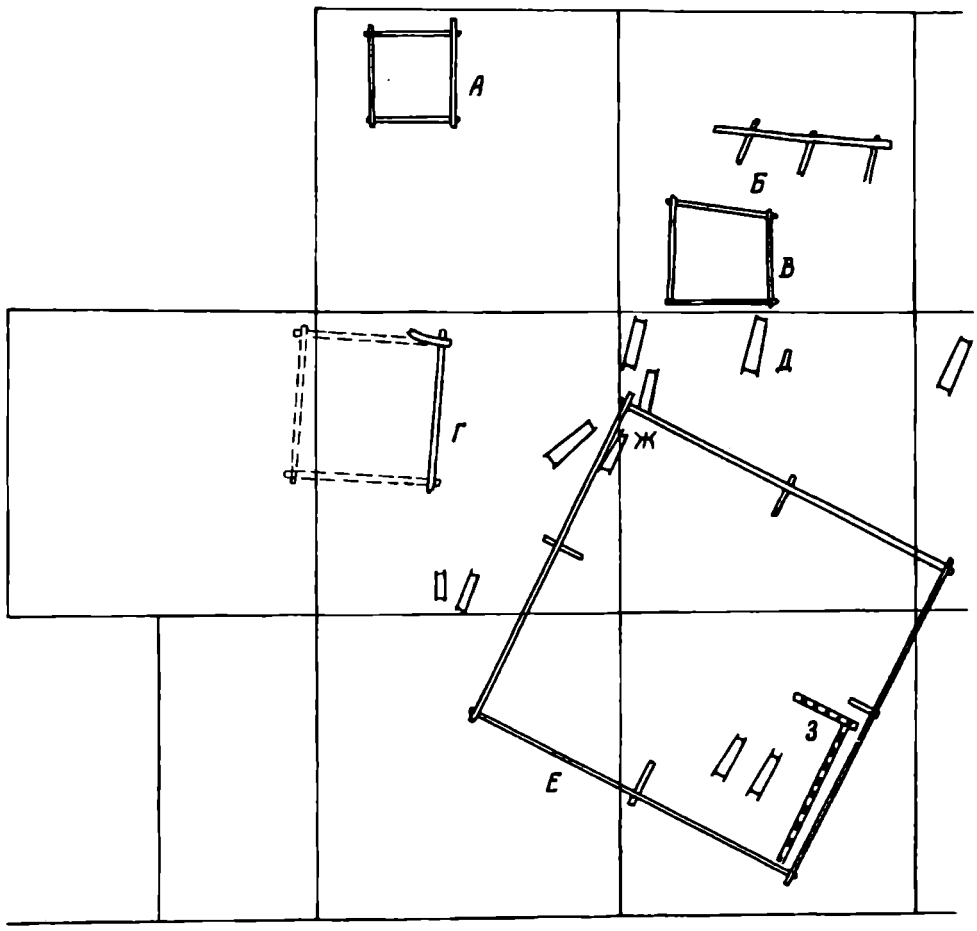


Рис. 3. Постройки на уровне сооружения 2. *А* — постройка 1221 г.; *Б* — настил 1223 г.; *В* — погреб 1291 г.; *Г* — постройка 1229 г.; *Д* — погребения; *Е* — сооружение 2; *Ж* — погребение, уходящее под стенку сооружения 2 (более раннее, относящееся к сооружению 1); *З* — обгорелые остатки сооружения 1

заполнявшем остатки этого сооружения, находок не было. Под полом сооружения было много все тех же захоронений, но проследить, к какому из наших двух зданий они относились, не удалось. Лишь два погребения оказались непосредственно под стенами сооружения 2 и были, следовательно, запущены в землю ранее этой постройки.

Весь уровень удается датировать дендрохронологически по тем сооружениям, которые были найдены в других местах раскопов: 1221 г. (объект II—33[а]), 1223 г. (объект I—51), 1229 г. (объект XIII—32) (рис. 3). Это дает право считать, что сооружение 2 было срублено во второй четверти XIII в. Кладбище, видимо, еще полностью функционировало, хотя возможно, что мимо его западных могил уже ездили к более северным постройкам, что вскоре потребовало и специальной мостовой (о чем — ниже).

Сооружение 3 (объект XVI—23) было срублено в тот период, когда улицу, образовавшуюся западнее кладбища, замостили бревнами (улица 3), а южнее кладбища проложили улицу 10. Дату этому первому строительному ярусу дают хозяйственные постройки, возникшие на западной стороне улицы 3 — 1249 г. (объект II—33), 1244 г. (XIII—30). У последней постройки была найдена и берестяная грамота [9]. Сооружение 3 возникло на месте двух предыдущих. От него сохранилось два еловых венца нетолстых бревен (15—17 см), положенных непосредственно на землю. Эта постройка была небольшой, квадратной (сторона — 6,95 м), поставленной внутри предыдущих так, что ее северо-восточная часть максимально приближалась к северо-восточной части прежних зданий (№ 1 и 2), не нарушая частей последних (рис. 6). Углы его соединены в обло. В северной части юго-восточной стенки на расстоянии 1,1 м от угла в нее было врублено

Рис. 4. Предметы церковного обихода и религиозного культа (вообще), найденные на детинце в Мстиславле. *1* — иконка конца XII в.; *2* — часть хороса (случайная находка); *3* — крест-энколпион XV в.; *4* — лампада; *5* — крест-энколпион; *6* — крышечка от кадила; *7* — часть подсвечника; *8* — свинцовый лемех от кровли церкви

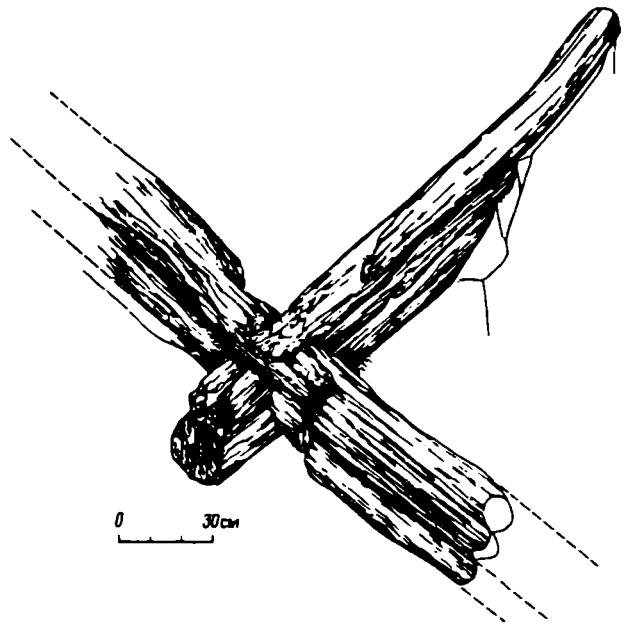


Рис. 5. Фрагмент стены сооружения 2 (аксонометрия)

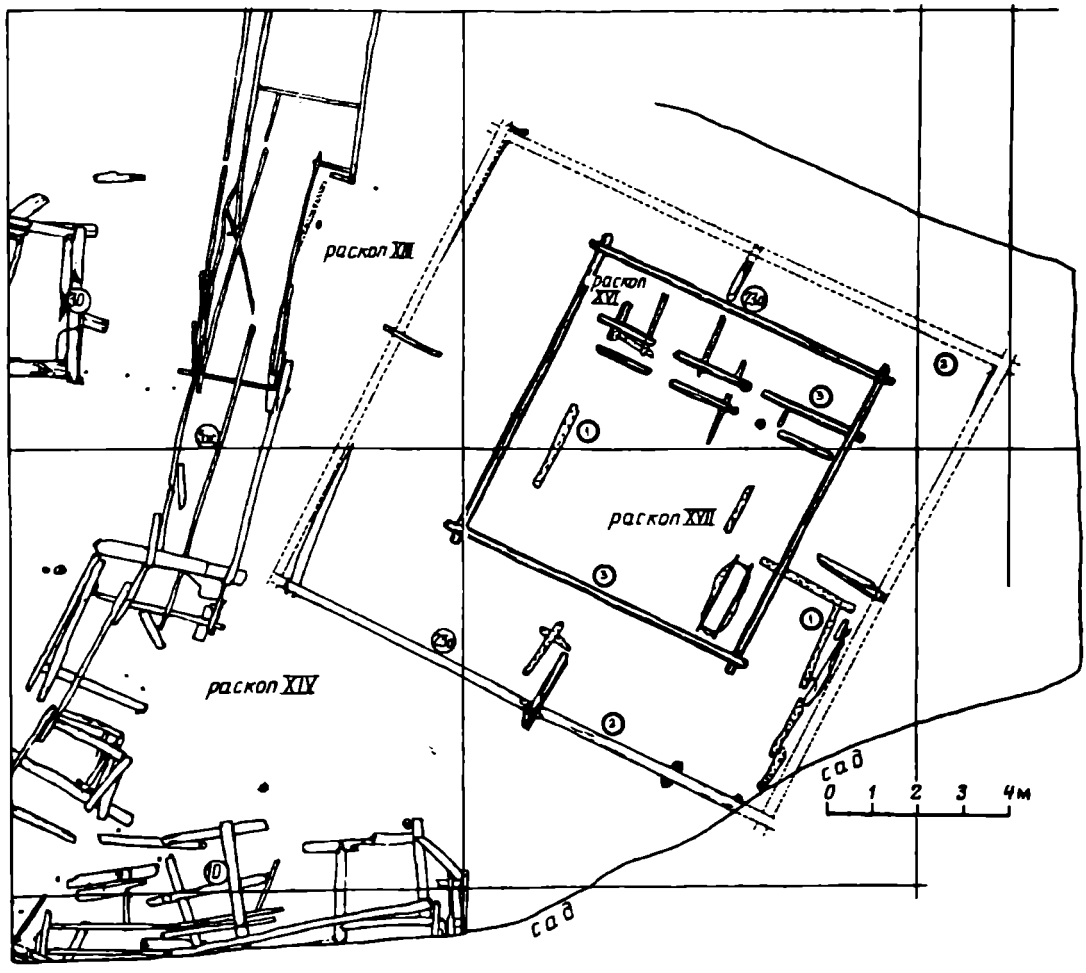


Рис. 6. Соотношение сооружений 1, 2 и 3 и лаги древнейшей улицы 3 и 10 (уровень сооружения 3). На западной стороне улицы 3 — часть сруба 1238, 1249 гг. (так называемый ярус Ж)

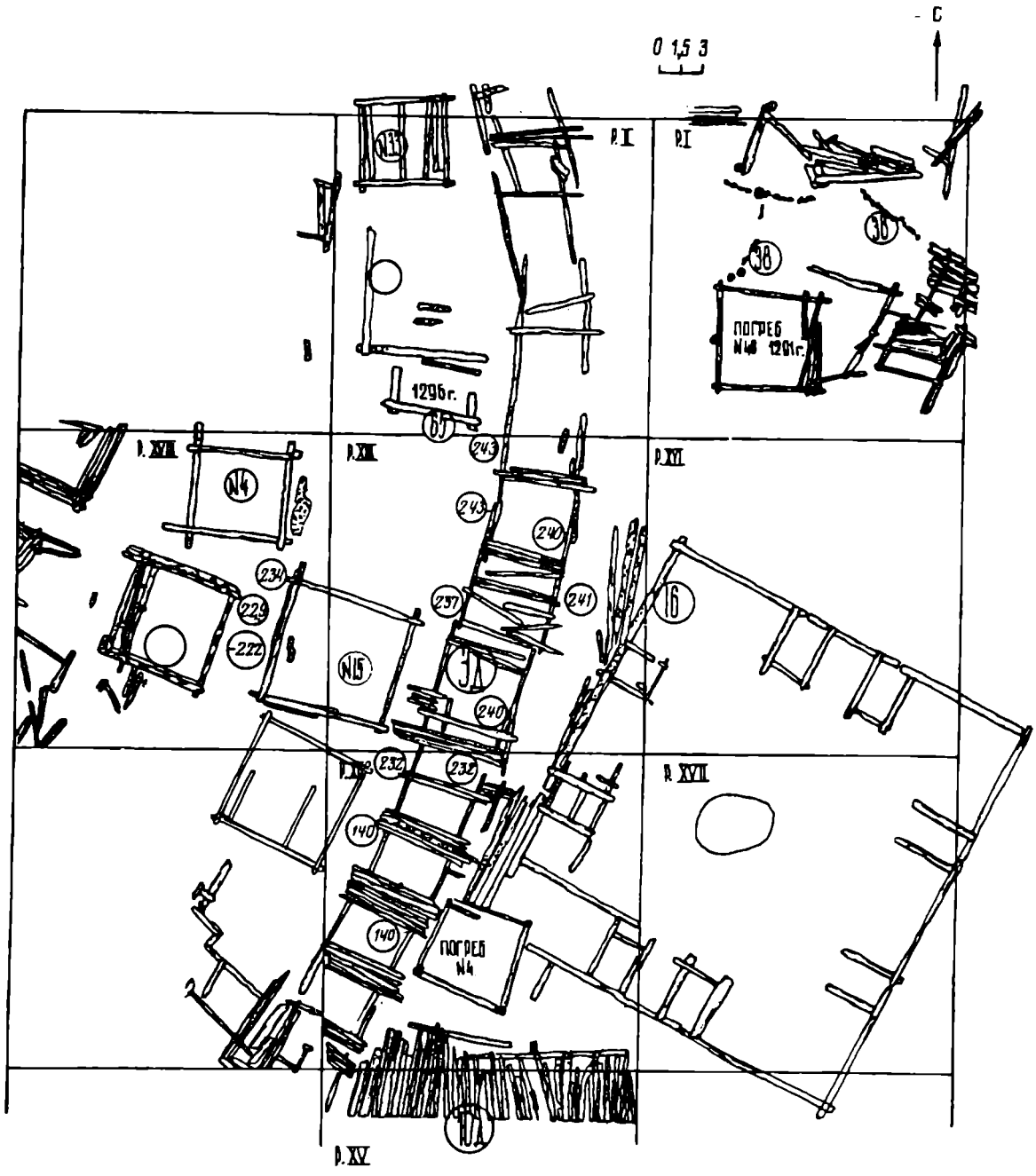


Рис. 7. Сооружение 4 на уровне его гибели в пожаре начала XIV в. (так называемый ярус Д)

той же толщины бревно, расположенное параллельно северо-восточной стене здания. Оно было незначительной длины (2,2 м), его линию с перерывами продолжало второе бревно (1,8 м) и далее — третье (1,4 м), которое на полметра не доходило до противоположной стенки здания. Это расположение всех трех бревен было явно не случайным, ибо на 0,5 м к юго-западу все это было повторено еще тремя параллельными бревнами. Юго-восточное из них не было врублено в стену, но в древности, по-видимому, плотно к ней примыкало, а своим противоположным концом (не сохранившимся) опиралось на специально врытый столб и имело, следовательно, первоначальную длину, близкую к таковой соседнего параллельного бревна (рис. 6). Описываемая двойная система параллельных бревен сначала, видимо, была соединена бревенчатыми поперечинами, следы которых видны на чертеже (рис. 6). Не приходится сомневаться, что северо-восточная линия параллельных бревен служила опорой для дощатого пола, что для нас

крайне важно: в северо-восточной стороне этого строения был небольшой участок, отделенный от остальной части и, возможно, несколько приподнятый.

Внутри сооружения 3, у его южного угла, было расчищено погребение 9 в сильно сгнившем дощатом гробу, опущенном ниже постройки на 20 см, ориентированном по юго-восточной стене. Покойник лежал на спине, кости сохранились плохо, в районе пояса лежало железное поясное кольцо. Сооружение 3 было, по-видимому, аккуратно разобрано, от него сохранились лишь два венца, оказавшиеся в момент разборки в земле.

Сооружение 4 (XIV—16) представляло в плане сравнительно большой четырехугольник, ориентированный так же, как и все предыдущие строения и погребения, с северо-востока на юго-запад, и имело размеры 13,7×12 м. На этот раз это была весьма мощная конструкция, сооруженная из нескольких трехстенных срубов из дуба (рис. 7), т. е. в технике, в которой ставили обычно деревянные стены на валах крепостей [10, с. 134]. До нас дошло три венца толстых (30—35 см) бревен, длина которых диктовалась, по-видимому, теми прямыми дубовыми стволами, которые удавалось разыскать в лесах. Требовались стволы более толстые, чем для сооружения 2, достать их было трудно, а потому они были и более короткими. Для длинных стен трехстенных срубов вблизи углов всего здания стволы использовались длиной 3,8 м (около полутора сажень), между этими трехстенными срубами стояли такие же срубы, но с более короткими бревнами их длинных стен. Для малых стен всех трехстенных срубов использовались такие же по диаметру бревна, но длиной немногим более метра. Для большей жесткости конструкции малые стены соседних трехстенных срубов у концов соединялись врубленными в них горизонтальными, сравнительно тонкими (5—8 см) жердями. Подобные пары соединенных вместе коротких стен трехстенных срубов, по свидетельству Г. В. Борисевича, в Древней Руси именовали «быками».

Сооружение 4 было поставлено на месте всех предыдущих, но было по площади больше сооружения 3 и, как выяснилось, располагалось немного ниже, причем западная, северная и восточная стены его были положены на остатки соответствующих стен объекта 2, на эти же остатки опирались и короткие стены юго-западных трехстенных срубов. Противоположные же им короткие стены прорезали северо-восточную стенку сооружения 3 (она, видимо, была в земле, иначе ее бы просто выбрали). Все это показывает, что площадка, на которой предполагалось строить объект 4, представляла тогда небольшую возвышенность, где остатки всех предыдущих сооружений находились под землей. Новое здание было больше сооружения 3, его стены пришлись на склоны, т. е. ниже площадки, на которой оно стояло. При выравнивании склонов обнаружили остатки сооружения 2, их и использовали, по-видимому, как своеобразный фундамент. Юго-западный угол сооружения 4 был разрушен в XVI—XVII вв. большим погребом (объект XIV—4) (рис. 6). При рытье ямы для него уничтожили западную часть маленького дубового срубика, пристроенного вплотную к юго-западной стене сооружения 4, сохранившегося на четыре венца (рис. 6). По-видимому, это были остатки небольшого крыльца, по ступенькам которого с запада поднимались в постройку 4. Срубик сооружен на той же дневной поверхности, что и постройка, и был уничтожен пожаром, как и объект 4.

Все сооружение 4 с северо-восточной стороны было ограждено мощным частоколом из больших и весьма толстых бревен.

Дата постройки сооружения 4 устанавливается по дендрохронологической дате мостовой улицы № 3 яруса 5, которая датируется 1261 г. Значит, объект 4 был построен в 1260-х годах. Гибель его совпадает со следующим ярусом Д — с большим пожаром, распространившимся в этом ярусе на всю прилегающую территорию. Обгорелые бревна этого строения были видны в северной и западной его частях, где они сильно обуглились. Пожар тушили, растаскивая горящие бревна, и таковые были обнаружены нами возле северо-западной и северо-восточной ее стен. Уровень, на котором они оказались, позволил определить дневную поверхность гибели объекта 4.

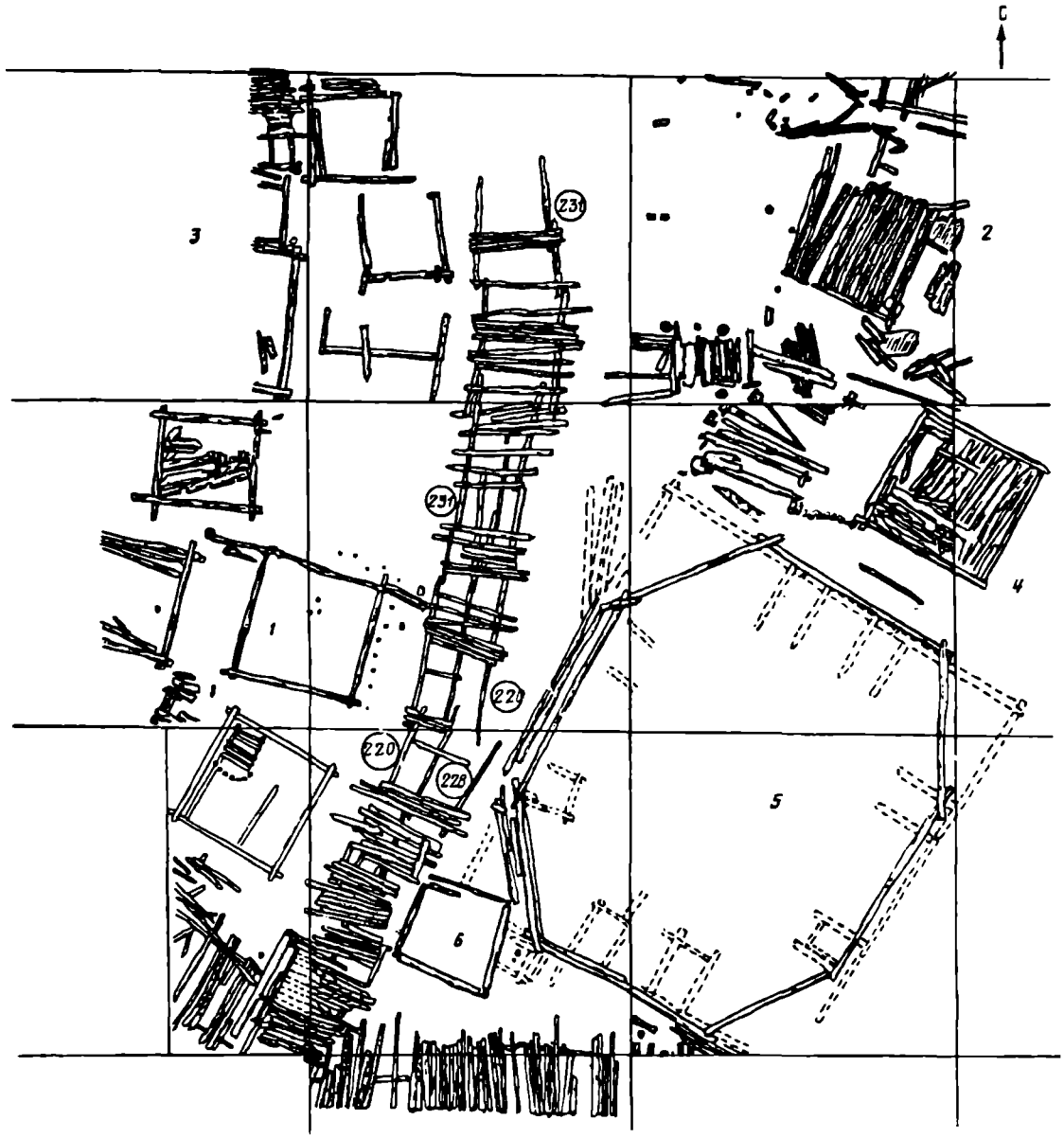


Рис. 8. Уровень послепожарного строительства первой четверти XIV в. Постройки 1307 г. (*1*), 1316 г. (*2*), 1318 г. (*3*), 1316—1325 гг. (*4*). Восьмиугольное сооружение *5*, возведенное на сгоревшем сооружении 4 (*5*). Погреб. XVI—XVII вв. (*6*)

Спилы дубовых бревен до сих пор не датируются, сколько-нибудь толстых бревен других пород ярус Д не содержал. Учитывая датировку предшествующего и последующего ярусов (Е и Г), пожар можно отнести к первым годам XIV в.

Сооружение 5 (XIII—5). Еще до раскопок в северной части детинца на площади 10—15 м^2 была заметна небольшая возвышенность, на которой стояла баня местной жительницы. В 1976 г., ведя раскопки на юг, вдоль обнаруженной ранее мостовой улицы 3, нами было открыто бревенчатое сооружение восьмиугольной формы, западная часть которого вошла в наши раскопы (рис. 8). Оно сохранилось на три еловых венца, его внутренность была забита вместе с верхними обгорелыми остатками сооружения 4 (здесь поднимавшимися выше первоначальной дневной поверхности объекта 5) мощными слоями глины, поверхность которой в середине почти доходила до современной поверхности, образуя на ней род бугра. Ранее восьмиугольных венцов было намного больше, со временем верхние сгнили, их место заполнила глина. Заполнение глиной не было однородным: у краев, возле стен, она была гораздо более плотной, твердой и без примесей и распространялась

от стены внутрь на расстояние до 1,5 м. Середина в образовавшемся глиняном «кольце» — «панцире» была забита перемешанной землей с глиной, лежащей горизонтальными слоями. Внутри этой засыпки, в западной части постройки, было впущено захоронение в дощатом гробу без вещей, головой на юго-запад.

Вскоре объект 5 сгорел и остался глиняный бугор высотой 50—60 см, перекрытый слоем пожарища, следы которого были видны у северного основания бугра. Следы пожара сохранились и западнее постройки в виде отдельных обгорелых бревен и их частей, разбросанных как рядом с постройкой, так и между лагами улицы 3 (ярус Б). Западнее улицы на этом же уровне были расчищены остатки еще нескольких сгоревших построек С восточной стороны объекта 5 на том же уровне под слоями грунта, ссыпавшегося с него при его разрушении, под самой стеной был найден согнутый под прямым углом (брошенный в бою?) наконечник большой железной рогатины, датирующийся, по любезному определению А. Н. Кирпичникова, XIII—XIV вв.

После этого пожара сооружение 5 было опять сразу восстановлено и снова в прежнем виде. В наружных местах у краев был досыпан «панцирь» (перекрывший и могильную яму погребения). На сохранившиеся три нижних венца водрузили новые венцы восьмиугольника.

Объект 5 поставили почти сразу после гибели объекта 4. Не все части их совпадали: северо-восточная стена объекта 5 выходила за пределы объекта 4, юго-западная и северо-западная лежали прямо на его стенах. Сооружение 5 возводилось вместе с другими послепожарными зданиями. Время этого нового строительного яруса Г в нескольких местах удалось определить близкими датами: 1316 г. (объект I—20), 1318 г. (объект III—2), 1307 г. (объект XIII—15), 1316 и 1325 г. (объект XVI—9) [11, с. 111]. Объект 5, видимо, и строился в конце первого — втором десятилетии XIV в. Погиб он в ярусе Б, вероятно, в результате военных действий (сломанная рогатина в его завале). Дата яруса Б падает стратиграфически на середину XIV в., и дата пожара, пожалуй, нам известна: это 1359 г., когда, судя по Никоновской летописи, Ольгерд взял Мстиславль и посадил там наместника. Когда же окончательно погиб перестроенный объект 5? В слое развала его в северной и северо-западной части здания, т. е. там, куда оно, судя по чертежам, завалилось, было найдено два замка типа Е (конец XV—XVII в.), а под скатившимися его бревнами — два фрагмента красноглиняных изразцов с зеленой поливой, уточняющих дату гибели первой половиной XVII в. Дело в том, что, судя по исследованиям О. А. Трусова, на детинце Мстиславля не встречаются поливные изразцы второй половины XVII в. [12, с. 90]. Основной тип изразца на детинце опубликован Р. Л. Розенфельдтом [13, с. 180, рис. 1, *3*]. Все это позволяет думать, что сооружение 5 погибло при штурме Мстиславля А. Н. Трубецким 22 июля 1654 г.

Итак, в небольшом средневековом княжеском центре Мстиславле на одном и том же месте в северной части крепости с XII по XVII в., т. е. весь период существования детинца, неизменно возводили деревянное здание, не жилое и не хозяйственное, в котором была, очевидно, острая надобность. Что это могло быть?

Два из пяти описанных сооружений сложены из дуба, одно из них возведено в технике строительства укреплений (трехстенные срубы), и у нас возникает мысль, что перед нами остатки последовательно возведенных башен-донжонов, которые в то время были «основным элементом обороны», рассчитанной на «круговой обстрел» [14, с. 141, 149]. По свидетельству П. А. Раппопорта, башни эти появились в Северной Европе в IX в.; в XII в. проникли в Западное Поморье, Польшу, а затем на Русь через Волынь, где каменные башни-донжоны стоят, как мы знаем, и сейчас [14, с. 204, 205]. Расцвет донжонов падает на XIII в. и связан с развитием наступательной техники — с использованием самострелов, камнеметных машин (пороков) и т. д. [15, с. 239]. В польских источниках уже под 1257 г. говорится о каменных башнях во Вроцлаве, а о башнях-донжонах имеются свидетельства второй половины XIII в., относящиеся не только к Польше,

но и к Чехии и Венгрии [14, с. 205]. В это же время эти башни попадают и на Волынь: в Холме, сообщает летописец, «стоит вежа в среде города, высока, яко же бити с нея окрест града подсздана каменеемь вь высотоу 15 локотъ. Создана же сама де(ре)вомъ тесанымъ и оубѣлена яко сыръ, светящися наа всеи стороны..» [1, стб. 844]. О «столпе» в Гродно пишет летописец под 1278 г.: он «бѣ каменъ, стоя передъ вороты» [1, стб. 878]. Около 1289 г. князь Владимир Василькович в отстроенном им городке на р. Лестне (Волынь) «съезда столпъ каменъ высотою 17 саженъ» к удивлению «всѣмъ зрящимъ на нь» [1, стб. 925] и т. д. Свидетельствует летопись и о каменных башнях-донжонах в Берестье, Черторыйске, такие же башни, очевидно, были в Люблине, Дрогобыче, Чернееве, Угрусске (Волынь) [16, с. 211, 220]. Полагая, что описанные сооружения попали в Западную Русь потому, что «социальный строй (ее) почти ничем не отличался от западных соседей», П. А. Раппопорт прибавляет, что «гораздо более удивительно, что башни получили распространение не на всей западнорусской территории, а только на Волыни и тесно с ней связанной Черной Руси» [14, с. 205]. Но ещё в конце 1950-х — начале 1960-х годов Б. А. Рыбаков обнаружил в Любече на валу остатки деревянного сооружения, которое он определил как квадратную башню-вежу (6×6 м) с двойными стенами (XI в.— 1147 г.) [17, с. 22]. В. В. Седов обнаружил башню-донжон шестиугольной формы (6 м в поперечнике) на владельческом поселении замкового типа (Воищина в Смоленской земле) XII—XIII вв. [18, с. 59—61], А. Ф. Дубынин на Надеждинском городище с древнерусским слоем нашел заглубленную в вал небольшую «сторожевую башню» (4×4 м) [19, с. 81]. Раскопки в Мстиславле, как кажется, показывают, что строительство донжонов, связанное с изменением тактики осады, были и в остальной Руси, только делали их из дерева в Мстиславле, как мы видели, надобность в донжонах была постоянной, такая же надобность, судя по письменным источникам, была и в Минске, где по указу царя Алексея Михайловича от 3 декабря 1654 г. делались мощные укрепления, а «посеред острогу (!) поставили башню трех сажень» [20, № 116] (6,3 м высоты). В том же документе сказано, что в этом городе «поставили туры большие и насыпали», т. е. засыпали [20, с. 183]. И это не «небольшие башенки», «плетеные и заложенные кирпичом», как полагает Э. М. Загорульский [21, с. 77] — здесь сказано «туры большие» (не «башенки»!). Засыпные башни — это, несомненно, то, что мы открыли в Мстиславле. Башни и стены в нижней части засыпались, ибо это делало их значительно более стойкими при усложнившейся осадной технике — при применении пороков. «Даже ворвавшись в крепость,— пишет А. Н. Кирпичников,— противник не мог скрыться от находящихся на башне стрелков»,— и заключает, что башни были «узлами прежде всего дальнобойной стрелковой обороны» [22, с. 61]. Не забудем также, что донжон был и «последним убежищем осажденных», его охраняли особенно рьяно [23, с. 36] и строили в это время во всех крепостях! Любопытно, что диаметр мстиславльской последней башни (№ 5), как и сторона квадрата, занимаемого предыдущей башней середины XIII в. (№ 4), был около 13 м, а башня-донжон в Каменце — 13,5 м, башня 1462 г. во Владимирце, судя по сохранившемуся земляному выступу, 14 м и т. д. [14, с. 145]. Можно думать, что башня, подобная мстиславльской, была и в другом домениальном центре смоленских князей — Ростиславле (Рославле), отстроенном первоначально тем же Ростиславом Смоленским [3, с. 56; 2, с. 282]. На рославльском детинце автором были обнаружены домонгольские слои и вещи с княжескими знаками [24]. В 1927 г. в рославльском детинце (Бурцевой Горе) «недалеко от края» рабочие наткнулись на «остатки деревянного сооружения из дуба в 5 венцов, рубленных в обло». И. М. Хозеров установил, что это «остатки башни... деревянного укрепления Бурцевой горы» [25]. Нам важно, что башня эта стояла не у края городища, где были валы и стены, а, как и в Мстиславле, «недалеко» от края. На том же детинце в XVII в. известна Красная башня, где

Рис. 9. Гравюра 1579 г. с изображением Полоцка (найдена Ст. Александровичем в дрезденском архиве). Видны оборонные сооружения: *1* — Полоцкая София (храм-крепость); *2* — донжон на детинце; *3* — донжон в окольном городе

некий Алешка был «на стряске (пытке) и в воровстве своем сознался...» [26, с. 515, примеч.].

Известно, что башни в крепостях Западнорусских земель, еще редкие, были двух типов: надвратные и наблюдательные [14, с. 139]. В эпоху классического развития камнеметов и арбалетов — в XIII—XIV вв. в Европе и на Руси появились башни для наблюдения и кругового боя, незаменимые, если враг врывался в крепость. В начале именно этого периода первая деревянная башня возникла и на мстиславльском детинце, задачей ее было, очевидно, защищать всю северную часть крепости (южную защищала, видимо, надвратная башня). Такая башня должна была обеспечить обзор через крепостные стены, стоящие на валах, и, следовательно, была достаточно высокой. Весьма возможно, что высота ее не

уступала каменным башням этого типа и достигала 15—20 м, а это, видимо, требовало прочных, углубленных в землю субструкций, которые и были нами открыты.

Определение раскопанных нами в Мстиславле сооружений (1, 2, 4, 5) как башен-донжонов не вышло бы за пределы вероятных предположений, если бы не древний иконографический материал, где можно видеть полные аналогии найденному в Мстиславле. На рисунке С. Пахоловицкого 1579 г., обнаруженном С. Александровичем в Дрезденском архиве, изображена осада Полоцка Ст. Баторием (1579), где с северо-восточной части детинца, как и в Мстиславле, в стороне, удаленной от входа, видна шести- и восьмигранная (деревянная) башня, высота которой почти превышает полоцкую Софию. Подобную же, но четырехугольную башню мы видим и на северо-западной стороне окольного города (рис. 9), где она также удалена от въезда [27]. Обе — полная аналогия башням, остатки которых найдены в Мстиславле. Итак, судя по рисунку С. Пахоловицкого, видно, что и в других городах Западнорусских земель в XVI в. высились башни, подобные мстиславльским.

Есть и еще один важный момент, к которому надлежит теперь обратиться. Мы видели, что на месте описанных построек на материке и выше были найдены погребения. Кладбище всегда предполагало наличие церкви, а это означает, что на месте раскопок или поблизости должна была быть деревянная церковь. Это подкрепляют и археологические находки, главнейшие из которых — шесть фрагментов колоколов, найденных к северу от наших башен. Химический анализ одного из них дал: основа — медь (74,5%), олово (18%), свинец (4%) и др. [28, с. 238, 239]. Средняя толщина стенки 4—6 мм. Из остальных пяти три найдены, как и первый осколок, в раскопе I и в одном квадрате (I.K.11 [1]) в слое пожарища. Это также боковые стенки колоколов небольшого размера. Диаметр их в разбитом месте, кажется, не превышает 30 см. Химический состав большего: медь — основа (74,3%), олово (19%), свинец (3%) [28, с. 238, 239]. Остальные два осколка — из более поздних уровней и найдены в известном отдалении от наших башен: один (XVIII.Л.8) найден за улицей 3 (верхняя часть колокола — часть боковой стенки и его горизонтальной поверхности), другой — примерно в 20 м к юго-западу от башен, в слое XV в. (VI.III.4). Крайне интересна часть древнего церковного хороса, найденная жительницей Мстиславля на своем огороде, к юго-востоку от раскопов (рис. 3, *2*). Это кронштейн хороса — шестигранный бронзовый подсвечник для сравнительно тонкой свечи (9 мм), приклепанный к фигурному ажурному флажку с шестикрылым Серафимом в середине, драконом с извилистым хвостом вверху и орнаментальными мотивами вокруг Серафима (виноградная лоза и т. д.). Обе части предмета отлиты, по-видимому, по восковой модели и склепаны. По любезному свидетельству А. В. Рындиной, это «великолепный предмет русской работы XIV—XV вв., где в трактовке дракона ощущается отдаленное влияние готики». С этой датировкой нельзя не согласиться, так как все более ранние домонгольские подсвечники хоросов не втульчатые, а штырьевые. Особенности стиля украшения флажка кронштейна напоминают стиль декора церквей в Сербии: каменный резной портал церкви в Студенице (1183—1891 гг.— изгиб шеи дракона) [29, рис. 63], там же орнамент алтаря Богородицы (хвост дракона [29, рис. 83], трактовка драконов в церквах эпохи готики (церковь в Дечанах XV в. [29, рис. 188], также в церкви св. Архангела, XIV в. [29, рис. 197]), шестикрылые Серафимы — церковь монастыря Каленића (1413—1417 гг. [29, рис. 342, 425], драконы [29, рис. 350]). Что касается русских аналогий, то, подобно более ранним хоросам, найденным на Руси (Переяславль Южный — XI в., Киев, Хорева улица [30, с. 16, рис. 7; 31, с. 382, рис. 84]), можно думать, что наш подсвечник, приклёпанный к кронштейну-флажку, крепился среди подобных других на нижнем

[1] В раскопках автора принят следующий шифр находок: римская цифра — номер раскопа, буква — квадрат, арабская цифра — штык (пласт).

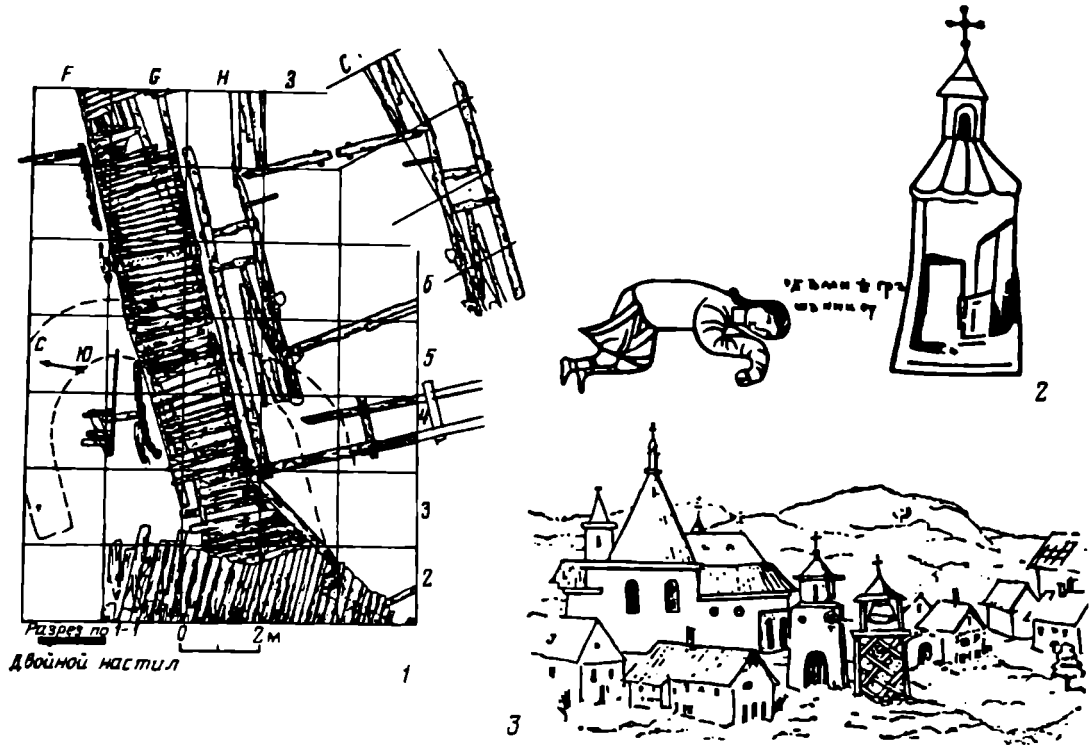


Рис. 10. Сооружения башенного типа: *1* — в Минске (раскопки В. Р. Тарасенко); *2* — по Псковскому уставу XI—XII вв.; *3* — в Гродно по гравюре 1572 г. (по С. А. Сергачеву)

(?) круге хороса флажком наружу и таких подсвечников было либо 6 (киевский хорос), либо 16 (переяславльский хорос). Свечи диаметром 9 мм светили в храме недостаточно, они имели, видимо, лишь декоративное значение, и основной свет, можно думать, давали плошки, укрепленные на цепях хороса, как это было сделано на хоросе из Переяславля.

На существование церкви указывают и семь находок поливных плиток (с зеленой поливой — две, с поливой бордо — четыре, неопределенного цвета — одна), клавшихся на глину без следов извести. Как и находки колоколов, их большая часть происходит с участка к северу от наших сооружений, лежали они выше пожарища яруса Д, в слое Г и выше, некоторые побывали в пожаре. Одна сохранила полностью одну сторону — 12 см. С церковью, пожалуй, можно связать бронзовую лампаду (XVIII.А.13) из яруса Ж (30—40-е годы XIII в., рис. 4, *4*), диск от бронзового подсвечника (XIII.М.16, рис. 4, *7*) из предматерикового слоя (вторая половина XII в.), бронзовую крышечку кадила (VI.Н.10, рис. 4, *6*) из яруса Г (первые десятилетия XIV в.), часть свинцовой пластины весом около 200 г от кровли (XVIII.Т.7) — XIV в.

Характер раннесредневековых деревянных храмов до сих пор почти неизвестен. Он интересовал уже А. С. Уварова [32], М. Красовского [33, с. 174], но подойти к нему не удавалось, так как храмы до XVI в. почти не были известны [2]. Вопрос если и может быть как-то разрешен, то только археологически. Впервые остатки деревянной церкви нашел в 1930-х годах польский археолог Р. Якимович в Давид-Городке (Западная Белоруссия). О ней есть сообщение, сопровождаемое плохими иллюстрациями, в популярном местном издании [36]. Г. П. Гроздилов как будто нашел остатки деревянной церкви в Старой Ладоге — квадратный сруб со стороной 9,6 м, застеленный внутри дощатым полом, был там испорчен

[2] П. Н. Максимов считал древнейшей деревянной русской церковью храм Лазаря Муромского монастыря на Онежском озере и относил его к XIV в. [34, с. 64], но М. Красовский, кажется, более прав, датируя ее XVI в. [33, с. 184]. Впрочем, теперь много сторонников мнения П. Н. Максимова, оно, по-видимому, общепризнано [35, с. 254, сл.]

поздними погребениями, но так как среди погребений этого кладбища были и домонгольские, то он считал, что обнаружены остатки церкви более ранней, чем храм св. Климента (1153 г.) [37, с. 143]. В 1950 г. В. Р. Тарасенко при раскопках Минского Замчища, там, где в древности начали возводить храм (но бросили по неизвестным причинам), в более поздних слоях обнаружил «два длинных сруба», «разделенных внутри на три помещения». Их он трактовал, как две последовательно выстроенные часовни [38, с. 127, рис. 42]. В 1956 г. я доказывал в своем докладе, что перед нами здание храма, а Н. Н. Воронин в содокладе предлагал его реконструкцию [39, с. 119]. Этот деревянный памятник по конструкции и расположению напоминает мстиславльский (рис. 10, *1*). В 1960 г. в Мартыновке Черновицкой обл. Б. А. Тимощук обнаружил остатки деревянной церкви XII—XIII вв. (трехсрубную с трапециевидной апсидой и квадратным кафоликоном и плитками, уложенными насухо на глине) [40, с. 7, 8]. В 1968 г. в древнем Белгороде Б. А. Рыбаков обнаружил остатки деревянной церкви-часовни шириной в 5 м с майоликовым полом, положенным на известковую подушку (XII в.) [41, с. 331]. Наконец, в галичском Звенигороде в 1977 г. львовские археологи нашли еще следы деревянного храма XII—XIII вв., также небольшого (6,9×9,5 м) с прямоугольной апсидой. Границы здания определялись по слою глины — подготовке под пол, выложенный плиткой насухо. Там же расчищены погребения. Авторы установили соразмерность данного храма деревянным храмам Украины XVII в. и даже каменной Ильинской церкви в Чернигове (XI в.) [42]. Таковы наши скудные знания о деревянных церквах до XVI в.

Древнее кладбище на мстиславльском детинце не могло быть большим, значит, предполагаемая нами церковь была либо в непосредственной близости от донжона (что представляется нелепым, так как лишает его круговой обороны), либо на месте самого донжона. По-видимому, не случайно в наших раскопках следов церкви не обнаружено: храм следует искать на том месте, где стоял донжон. Определяя постройки 1, 2, 4 и 5 как башни-донжоны, мы специально опустили вопрос о назначении строения 3: оно занимало небольшую площадь, было выстроено не из дубовых, а еловых бревен, не заполнялось глиной (как сооружение 5) и было, следовательно, предназначено не для военных целей. В его северо-восточной части располагалось особое, может быть, несколько приподнятое отделение, а в юго-восточной — было даже запущено в землю захоронение. Мы, кажется, не ошибемся, если заключим, что перед нами церковь-часовня. Итак, в изучаемом месте детинца вначале возвышалось сооружение 1 (оно сгорело), затем — 2, которые мы определили как остатки башен-донжонов (1 — предположительно), их заменила церковь-часовня на непродолжительное время (как увидим) и затем здесь же выстроили последовательно еще два донжона — 4 и 5. В таблице 1 показана стратиграфия залегания основных находок и сооружений, обнаруженных на детинце (в основном по материалам центральных раскопов).

Как видим, обломки колоколов, плитки пола, крышка кадила, как и фрагмент свинцовой кровли,— все это найдено выше пожарища начала XIV в., в котором погиб простоявший лишь полстолетия дубовый донжон (4). Ясно, что все эти вещи, попавшие в слой его разрушения и выше, были в употреблении во второй половине XIII в. В слоях XII — первой половины XIII в. находок церковного характера почти нет: после гибели сооружения 1 в пожаре место постройки было тщательно вычищено и была выстроена почти такая же постройка 2 (2-е и 3-е десятилетия XIII в.). В 30-х годах XIII в. ее разобрали и сначала там же поставили часовню (3), в середине XIII в. разобрали и ее и возвели объект 4 — башню, разрушенную через полстолетия в результате пожара. Если мы в точности не знаем, что представляла собой постройка 1, то постройка 2 была, мы видели, башней-донжоном, как и последующие постройки 4 и 5, а 3, как и в Белгороде,— часовней, временно сменившей постройку 2. Итак, если сразу донжон не ставили, на его месте строили часовню (в которой продолжали хоронить), а потом, с изменением обстоятельств, ее сменял новый донжон, где также хоронили. Вывод

Стратиграфическая схема распределения

Глубина	Штык (пласт)	Строительный ярус	Дендродата построек в ярусах	Сооружения № 1—5	Обломки колоколов	Поливные плитки пола
1-й метр	4			№ 5 (восстановлено)	+	
	5					
2-й метр	6					+
	7	А				
	8	Б	XXXXXXXXXXXXXXXXXXX		+	+
	9	В			+	
			1325	№ 5		
	10	Г	1318			
			1316			+++
			1307			
3-й метр	11	Д	XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX			
			1290			
			1291			
	12	Е	1262	№ 4		
			1261			
	13	Ж	1249	№ 3		
			1238			
	14		1229			
			1223	№ 2		
			1221			
	15		1204			
			XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX			
4-й метр	16			№ 1		
				Погребения в материке		

ясен: башни-донжоны, и раньше и позднее часовни возникшие на том же месте, сами служили местом отправления религиозного культа.

Оборонные монастыри и епископские резиденции известны в Западной Европе с IV в. Есть сведения, что в XI—XII вв. там были и оборонные церкви (Дания, Южная Швеция, о-в Борнхольм, Северо-Западная Франция, Южная Германия) [43, с. 209, 210][3]. В Беларуси они известны в камне с башнями, бойницами, машикулями и т. д. с XV—XVI вв. (Сынковичи, Малое Можейково, Комаи и пр. [44, с. 115—137]). Даже полоцкий Софийский собор XI в. в XVI в. имел четыре башни по углам с бойницами. И. И. Иодковский относил к этому типу и Коложскую церковь XII в. в Гродно [45], но это опротестовал Н. Н. Воронин [46]. Итак, церкви-донжоны существовали у нас, во всяком случае, с XII в., но были сделаны они из дерева, и до наших раскопок мы о них ничего не знали. Храмы оборонного типа, храмы-донжоны, видимо, были нужны здесь потому, что на этой территории проходили постоянные войны Западной Руси с Орденом.

Важно указать, что использование боевых сооружений в мирное время для невоенных, в частности церковных, надобностей на Руси вещь обычная. В 1670 г. в Иркутском остроге, например, была башня «о трех жильях — внизу — амбары,

[3] Любопытно, что польское слово «костел» лингвистами выводится из латинского «castellum» (kościół — kastel — castellum), что означает мощную постройку [43, с. 207].

Таблица 1

находок из раскопок в Мстиславле

Церковная утварь, предметы культа	Части свинцовой кровли (церкви?)	Энколпионы и их дата	Плинфа другого храма	Век	Примечание
		XV в.		XV	
	+ +				
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX			+		3-й пожар (1358 г.?)
				XIV	
					Новое строительство после 2-го пожара
Кадило					
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX					2-й пожар (начало XIV в.)
					Шиферное кольцо с надписью («ВЖАТИ»?)
Лампада		к XII в.		XIII	Энколпион — в шелковом мешочке (дата Г. Ф. Корзухиной); грамота на бересте
Иконка					(Серебряная иконка конца XII в.)
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX					1-й пожар, вторая половина XII в.
				XII	

над амбаром — горница, над горницею — развал с жильем», в 1687 г. воеводский двор в Иркутске был встроен в острожную стену, а одна из горниц его была «под башней» [47, с. 88, 89 [4]; 48], в башнях помещались и тюрьмы (Рославль), и, что особенно важно для нас,— часовни и даже церкви: в Илимском остроге, например, еще даже в 1703 г. было три башни с «часовнями на свесе» [49, с. 24].

Прямоугольные церкви с внутренними апсидами (как в нашем случае) известны с начала христианского зодчества и генетически связываются с жилой архитектурой [50, с. 84]. Внутренние апсиды известны в V в. в Греции и Армении [50] и особенно в Грузии [51, с. 93, 119 и др.], где они встречаются в памятниках X и даже XVI в. [51, с. 170, 173]. В тех же странах есть боковые апсиды при центральной наружной апсиде [51, с. 94].

Прямоугольные в плане храмы со скрытыми апсидами есть и на Руси (надвратный в Киево-Печерской Лавре 1106 г. [52, с. 25, табл. 4, *34*] [5]. Храмы с такими апсидами были распространены более всего в Западнорусских землях. Ко второй половине XI в. принадлежит лишь один памятник с подобными

[4] Выписки из диссертации С. В. Баландина любезно сделаны Г. В. Борисевичем.

[5] На самом высоком месте Райковецкого городища, по В. К. Гончарову, стояла «небольшая деревянная церковь или молельня». Она имела вид четырехугольной клети (что для нас крайне важно!) [53, с. 113].

внутренними апсидами (небольшие ниши в торцах боковых нефов в церкви-усыпальнице Переяславля Русского, план которой, пожалуй, связывается с отдаленным влиянием деревянного зодчества, малый размер кафоликона — 6,4×7 м — как бы предполагает устремление объема вверх, трапециевидный в плане алтарь с полуциркульным выступом и т. д.). Первые вполне ощутимые внутренние апсиды мы видим в двух постройках конца XI — начала XII в.— церковь Архангела Михаила в том же Переяславле (1089 г.) — и в так называемой «Остерской Божнице» (рубеж XI и XII вв.). В первой половине XII в. внутренние боковые апсиды появляются в витебском Благовещении и с тех пор прочно «оседают» в каменных постройках западнорусских земель: в середине XII в.— церковь Спаса в Евфросиниевском монастыре в Полоцке, там же в церкви Бориса и Глеба Бельчицкого монастыря, в так называемой церкви на детинце второй половины XII в. в Полоцке. Во второй половине XII в. мы видим их в Гродно и в Волковыске, в конце XII в.— в Пречистенской церкви в Гродно, в Смоленске (храм на Малой Рачевке и там же в Свирской церкви (1180—1190 гг.), в храме «На протоке» (1180—1190 гг.), в самом конце XII — начале XIII в.— в смоленских храмах на Кловке, на ул. Большой Краснофлотской, в устье р. Чуриловки, наконец, в Киеве в церкви на Вознесенском спуске (которую строили смоленские мастера). В XIII в. мы видим и в Смоленске прямоугольные внутренние апсиды (церковь Параскевы Пятницы, храм на Вознесенской Горе, храм в Чернушках [54, с. 244, рис. 128; с. 257, рис. 136; с. 275, рис. 146]. Итак, отсутствие наружных боковых апсид не противоречит тому, что памятник являлся церковью, их не имели и многие храмы, в частности в Смоленской земле (где был и Мстиславль). Это было чертой, идущей от деревянного светского строительства. По предположению Г. К. Вагнера, боковые апсиды стали внутренними потому, что мешали «централизации тянущейся вверх общей композиции — главной стилистической тенденции архитектуры XII в.» [55, с. 83]. Вопрос этот еще требует углубленных исследований.

Что же мы читаем в письменных источниках о древних церквах Мстиславля? Из семи наименований храмов в этом городе к детинцу источники относят два, т. е. в позднем средневековье там было две церкви: Успения Богородицы и Святого Николая [56, с. 219, 220, 419, 420] — «церковь Миколы в замку» и [57, с. 439 и сл., с. 449] — «братская церковь Успения Богородицы» (см. также [56, с. 449]). Судя по наименованию, храм Богородицы — основная и древнейшая церковь: при постройке города это название чаще всего принадлежало первому и главному храму, расположенному «в центре оборонных сооружений», ибо Богоматерь, по свидетельству Д. С. Лихачева,— «покровительница русского воинства» и города [58, с. 17, 18]. В северной части нашего детинца было найдено три фрагмента плинфы, их осматривал Н. Н. Воронин, а П. А. Раппопорт датировал концом XII — началом XIII в. [54, с. 347]. Плинфы эти, видимо, принадлежали храму, построенному вблизи въезда, в южной части детинца. Это и был храм Богородицы. Никольская же церковь замка — наша деревянная церковь-донжон, высившаяся еще в XVII в., когда в ней продолжали хоронить.

И наконец: как же выглядели открытые нами церкви-донжоны, как выглядела временная каплица? Данных у нас немного, но кое-что все-таки есть. С 1881 г. исследователям стал известен рисунок храма на полях Псковского устава XI—XII вв. (рис. 10, *2*) [59, с. 87], который является «бесспорным доказательством существования в то время шатровых одностолпных храмов на русском севере» [60, с. 279]. Церковь изображена в виде высокого столпа, верх которой украшен, как заметил Г. Н. Логвин, световым четвериковым или восьмериковым барабаном [61, с. 153]. Церкви, в барабане которых висели бы колокола, известны. В 1445 г. в новгородском Хутынском монастыре была построена церковь «круглая, яко столп (...), на ней же и колоколы в версе бывали» [62, с. 302], там же церковь Григория, построена в 1535 г. «велми высока, на ней же в версе и колоколы уставиша» [62, с. 301]. Очевидно, колокольня не обнаружена в Мстиславле потому, что колокола там висели в световом барабане над храмом. Перестраивая

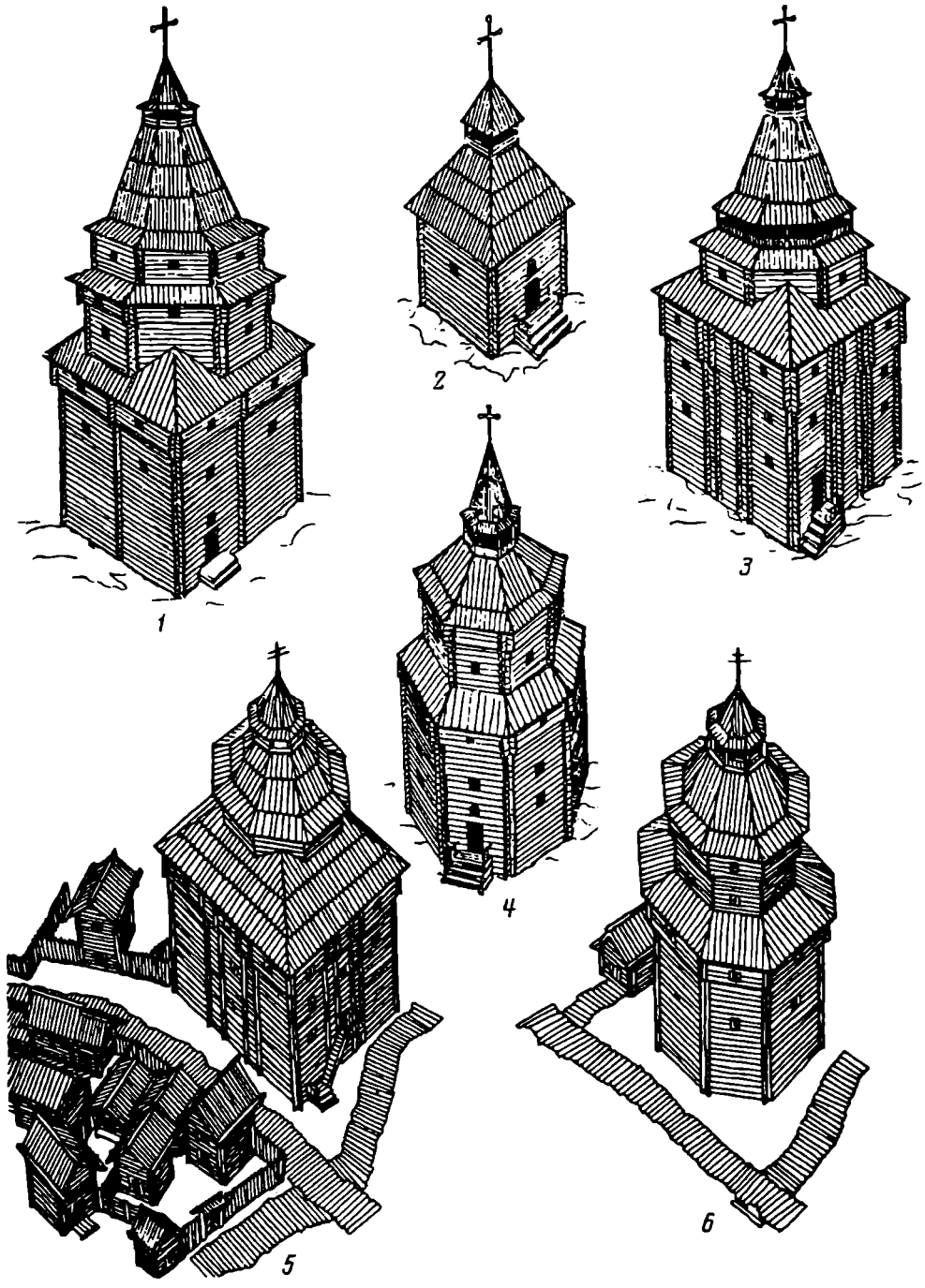


Рис. 11. Церкви-донжоны (*1*, *3—6*) и часовня (*2*), обнаруженные автором при раскопках на мстиславльском детинце, варианты реконструкции. *1—4* — Л. В. Алексеева (в перспективе); *5—6* — Г. В. Борисевича (аксонометрия). *1* — сооружение 2 (вторая четверть XIII в.); *2* — сооружение 3 (30—40-е гг. XIII в.); *3* — сооружение 4 (вторая половина XIII в.— ок. 1260 г.?); *4* — сооружение *5* (конец первого — второе десятилетия XIV в.); *5* — сооружение 4; *6* — сооружение *5*

храм-донжон и (часовню), колокола бережно перевешивали и лишь однажды, в начале XIV в., сделать это не смогли: башня-храм была разрушена в бою (?), погибла в пожаре, колокола ее разбились и их осколки мы обнаружили. Любопытно, что некоторые колокольни XVIII—XIX вв. в Беларуси, стоящие отдельно от церкви, крайне напоминают те постройки, о которых мы говорим [63, с. 12, рис. 1*б*]. Очевидно, традиции прежних деревянных храмов сохранялись в XVIII—XIX вв. в деревянных колокольнях и звонницах Беларуси. Не исключено, что, подобно всем другим древним церквам, мстиславльская церковь-донжон крылась листовым свинцом (в одном из западных раскопов детинца был обнаружен

целый свинцовый, особым образом обрезанный лемех, рис. 4, *8*). Свинец для кровли новгородских церквей много раз упоминается летописью [64, с. 29, 83, 215, 311 и др.]. В Полоцке, в слоях XIII в., где свинца было найдено особенно много, Г. В. Штыхов встретил кусок свинца весом в 3 кг [65, с. 63], в полоцком Евфросиньевском монастыре М. К. Каргер обнаружил лист свинцовой кровли [66, с. 244] и т. д.

Любопытно, что белорусские исследователи деревянного зодчества, не зная наших раскопок, сами близко подошли к интересующей нас проблеме. С. А. Сергачов высказал догадку о вероятном использовании колоколен в древности «в оборонных целях» [67, с. 63] и предположил, что «строители ставили их там, где ранее стояли большие башни,— в самых ответственных местах обороны» [68, с. 32]. Наши раскопки показали, что не колокольни, а сама церковь с колоколами на ней, была в древности центрическим сооружением и во время военных действий выполняла роль донжона. Интереснейшая гравюра Пречистенской церкви в Гродно, которую воспроизвел С. А. Сергачов по книге 1572 г. [69] (рис. 10, *3*), демонстрирует не просто древнейшую деревянную звонницу Беларуси (как он полагает), но сочетание двух башен: донжона (на который он не обратил внимания) и ажурной, как бы временной деревянной звонницы. Выше мы говорили, что сочетание донжона и храма рядом невозможно, из этой же гравюры можно заключить, что такое сосуществование возможно было, но только в том случае, если звонница мала и построена так, что в случае военных действий может быть немедленно разобрана. Интересно, что на гравюре 1572 г. донжон и звонница мыслились в древности рядом, как единое целое. Какого времени эти сооружения, мы не знаем, но от двух башен — одной донжона, другой башни с колоколами до донжона-церкви, центрической, с колоколами наверху — один шаг! Предлагаем реконструкции описанных сооружений (рис. 11).

Раскопки в Мстиславле представили, как нам кажется, интереснейший материал, важный для суждения об истоках оборонно-культового зодчества в Западнорусских землях в древности. Зодчество это в XV—XVI вв.— в эпоху Литовского государства — развилось еще далее и дало блестящие образцы оборонно-культовой каменной архитектуры, памятники которой ныне всемирно известны — это храмы в Сынковичах, Маломожейкове, Супрасли, Комаях и в других местах. Мысль эта, можно полагать, со временем получит дальнейшее подтверждение при целенаправленных раскопках древних городов с хорошей сохранностью древесных остатков в раннесредневековых культурных напластованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ипатьевская летопись ПСРЛ. Т. II. М., 1962.
2. *Щапов Я. Н.* Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г.//Новое в археологии. К 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972.
3. *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского//Средневековая Русь. Памяти Н. Н. Воронина. М., 1976.
4. *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980.
5. *Алексеев Л. В.* Периферийные центры домонгольской Смоленщины//СА. 1979. № 4.
6. Акты, собранные в библиотеках и архивах России. Т. IV. СПб, 1836.
7. *Алексеев Л. В.* Древний Мстиславль//КСИА. 1976. Вып. 146.
8. *Алексеев Л. В.* Раскопки в Мстиславле//АО—1985. М., 1987.
9. *Алексеев Л. В.* Берестяная грамота из древнего Мстиславля//СА. 1983. № 1.
10. *Раппопорт П. А.* Очерки истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.//МИА. 1961. № 105.
11. *Колчин Б. А., Черных Н. Б.* Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977.
12. *Трусов О. А.* Памятники монументального зодчества Белоруссии XI—XVII вв. Архитектурно-археологический анализ. Минск: Наука и техника, 1988.
13. *Розенфельдт Р. Л.* Белорусские изразцы//Древности Восточной Европы. К 70-летию А. П. Смирнова. М.: Наука, 1969.
14. *Раппопорт П. А.* Военное зодчество Западнорусских земель X—XIV вв.//МИА. 1967. № 140.
15. *Dalbor W.* Wczesnośredniowieczny Gród w Gnieznie//Światowit. T. XXI. Warszawa, 1955.
16. *Раппопорт П. А.* Волынские башни//МИА. 1952. № 31.
17. *Рыбаков Б. А.* Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей//КСИА. 1964. Вып. 99.

18. *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.)//МИА. 1960. № 92.
19. *Юшко А. А.* Московская земля в IX—XIV вв. М., Наука, 1991.
20. Беларускі архіў. Т. III. Менск, 1931.
21. *Загорульский Э. М.* Возникновение Минска. Минск, 1982.
22. *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976.
23. *Нейман В. И.* Военное зодчество в Прибалтийском крае в средние века//Тр. IX АС. 1985. Т. I.
24. *Алексеев Л. В.* Древний Ростиславль//КСИА. 1974. Вып. 139.
25. Отклики и заметки//«Рабочий Путь». Смоленск, 1927.
26. *Ракочевский С.* Опыт собирания исторических записок о городе Рославле//ИРАО. Т. IX. СПб., 1880.
27. *Aleksandrowicz St.* Nowe zrodło ikonograficzne do obleżenia Połocka w 1579 r.//Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 1971. № 1.
28. *Шашкина Т. Б., Галибин А. К.* Памятники древнерусского колокольного литья//СА. 1986. № 4.
29. *Дероко А.* Монументална и декоративна архитектура у средневековној Србији. Београд, 1953.
30. *Каргер М. К.* Раскопки в Переяславле Хмельницком в 1952—1953 гг.//СА. 1954. Т. XX.
31. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. I. М.; Л., 1958.
32. *Уваров А. С.* Об архитектуре первых деревянных церквей Руси//Тр. II археологического съезда в Петербурге. 1876. Вып. 1. Отд. IV.
33. *Красовский М.* Курс истории русской архитектуры. Ч. 1. Птг., 1916.
34. *Максимов П. Н.* Особенности деревянного зодчества XV—XVI вв.//История русской архитектуры. М., 1951.
35. История русского искусства. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
36. *Jakimowicz R.* Dawidgródek. Pińsk, 1939.
37. *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г.//СА. 1950. Т. XIV.
38. *Тарасенко В. Р.* Раскопки Минского Замчища в 1950 г.//КСИИМК. 1952. Вып. 44.
39. *Алексеев Л. В.* О работе Сектора славяно-русской археологии в 1956 г.//КСИИМК. 1958. Вып. 72.
40. *Тимощук Б. А.* Северная Буковина IX—XIV вв. по археологическим данным: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Черновцы, 1967.
41. *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Белгороде киевском//АО—1968. М., 1969.
42. *Ианнисян О. М., Могитыч И. Р., Свешников И. К.* Церковь Параскевы Пятницы в Звенигороде на Белке — памятник деревянного зодчества домонгольской Руси//Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1983.
43. *Miskiewicz B.* Rozwój stałych punktów oporu w Polsce do połwy XV wieku. Poznań, 1964.
44. *Ткачоу М. А.* Замкі Беларусі (XIII—XIV). Мінск: Полымя, 1977.
45. *Jodkowski J.* Świątynia warowna na Koloży w Grodnie. Grodno, 1936.
46. *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно//МИА. 1954. Вып. 41.
47. *Баландин С. В.* Деревянное зодчество Сибири XVII—XX вв. Т. II. Новосибирск, 1981.
48. Первое столетие Иркутска. СПб., 1902.
49. *Крадин Н. Н.* Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988.
50. *Якобсон А. Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л.: Наука, 1983.
51. *Беридзе В.* Древнегрузинская архитектура. Тбилиси, 1974.
52. *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.//САИ. 1982. Вып. Е1—47.
53. *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев: Изд-во АН УССР, 1950.
54. *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л.: Наука, 1979.
55. *Вагнер Г. К.* Искусство мыслить в камне. М.: Наука, 1990.
56. Историко-юридические материалы, извлеченные из Актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Т. 24. Витебск, 1893.
57. Историко-юридические материалы, извлеченные из Актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Т. 25. Витебск, 1894.
58. *Лихачев Д. С.* Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси//Успенский собор Московского Кремля. М.: Наука, 1985.
59. *Румянцев В. Е.* Почему с половины XVII в. воспрещалось строить церкви с высокими шатровыми покрытиями//Древности. ТМАО. 1881. IX. Вып. 1.
60. *Воронин Н. Н.* У истоков русского национального зодчества//Ежегодник Института истории искусств. М.: Изд-во АН СССР. 1952.
61. *Логвин Г. Н.* О деревянном зодчестве домонгольской Руси//Средневековая Русь. Сборник статей в память Н. Н. Воронина. М.: Наука, 1976.
62. *Воронин Н. Н.* Хутынский столп 1535 года//СА. 1946. Т. VIII.
63. *Красовицкий П. М.* Памятники церковной старины и их охранение//Полоцко-Витебская старина. Т. I. Витебск, 1911.
64. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
65. *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск: Наука и техника, 1975.
66. *Каргер М. К.* Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре в Полоцке//СА. 1977. № 1.
67. *Сергачов С. А.* Деревянная архитектура Белоруссии. Минск: Полымя, 1984.
68. *Сергачоў С. А.* Драўляныя званіцы//Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1981. № 4.
69. Braun Civitates orbis terrarum. Colonae, 1572.

Институт археологии РАН,
Москва

L. V. ALEXEEV

THE PROBLEMS OF THE BEGINNING OF CULTIC AND FORTIFICATION ARCHITECTURE IN RUSSIA IN THE LIGHT OF EXCAVATIONS IN MSTISLAVL

Summary

During the author's excavations in the citadel of Mstislavl (Byelorussia) five wooden constructions successively replacing one another were exposed. Their lower parts have survived. The earliest one was built during the foundation of the fortress (late 12th century) and soon after that burnt, the second one was built of oak in the second quarter of the 13th century (Figs. 1; 2). The third building was erected in the 40-s and 50-s of the 13th century of pine beams (Figs. 6). The fourth one was built ca. 1260 of oak beams according to the technology used in the fortifications.The fifth construction had octagonal form, it was built in early 14th century. Constructions NN 1, 2, 4, 5 are interpreted as the remains of towers-donjons, for the first time noted being erected of wood. Great number of burials around the towers and a number of finds of cultic character permit the author to suppose that the buildings between the war actions served as cultic constructions. The combination of battle and church functions in the wooden towers is known in Siberian architecture in later periods. According to written sources in the citadel of Mstislavl there were two churches (of Our Lady and of St. Nicolas). The known fortified churches in Byelorussia were of bricks as late as the 15th century. The excavations in Mstislavl proved that this type of churches was built of wood beginning from the 12th century.

КАМИЛЛА ВАСИЛЬЕВНА ТРЕВЕР

(1892—1974)

25 января 1992 г. исполнилось 100 лет со дня рождения К. В. Тревер — крупнейшего востоковеда, историка культуры и искусства народов Востока, доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента АН СССР (1943), заслуженного деятеля науки УзССР (1943). Камилла Васильевна родилась 13(25) января 1892 г. в Петербурге и получила блестящее образование. Она закончила с золотой медалью известную гимназию Петершуле, Женский педагогический институт (1907—1912) и с 1912 г. занималась на Высших женских (Бестужевских) курсах, в 1915 г. оставлена ассистентом, в том же году уволена, в 1918—1919 гг. (до перехода в Эрмитаж) работала там же ассистентом. Совершила длительные поездки с бестужевками в Италию (1912) и Грецию (1914). В 1914 г. сдала экстерном экзамены по историко-филологическому факультету Петербургского университета. Получила хорошую подготовку в семинарах Ф. Ф. Зелинского, М. И. Ростовцева и Б. В. Фармаковского.

В 1912—1918 гг. она преподает в разных гимназиях и одновременно работает нештатно с 1913 г. в Императорской археологической комиссии, обрабатывая древности Ольвии из раскопок ее учителя Фармаковского. В 1914 г. выходит первая научная работа К. В. Тревер «Мраморные скульптуры из Ольвии» [1], в 1918 г.— статья «Ольвийская полихромная амфора 1901 г.» [2]. Таким образом, свою научную деятельность она начала как исследователь античных древностей Северного Причерноморья.

© Ю. А. Заднепровский, 1993 г.

В 1918 г. Камилла Васильевна избрана научным сотрудником ИАК — РАИМК и с тех пор более 50 лет работала в ГАИМК — ИИМК — ЛОИА АН СССР. В 1919 г., как это было обычно в те нелегкие годы, она по совместительству поступила в Эрмитаж помощником хранителя эллино-скифского отделения. В 1921—1928 гг. она была хранителем Строгановского дворца, бывшего тогда филиалом Эрмитажа. Много лет она проработала в этом музее, и вся ее жизнь и научная деятельность связаны с этим двумя учреждениями — ИИМК и Эрмитаж.

Под влиянием И. А. Орбели Камилла Васильевна занялась изучением искусства Востока. В 1921 г. появилась ее статья о бронзовой ножке канделябра из Завкавказья. По особенностям стиля она определила, что это изделие эллинистического происхождения [3]. В 1925 г. опубликована статья о бронзовом водолее Киевского клада XII—XIII вв., который ранее изучали Н. П. Кондаков и Я. И. Смирнов, высказав противоположные суждения о восточном и западном происхождении сосуда. К. В. Тревер привлекла новые доказательства и обратила внимание на детали, указывающие скорее на происхождение с Востока [6].

Основательно изучением восточной торевтики она занялась, помогая И. А. Орбели разбирать архив хранителя Эрмитажа академика Я. И. Смирнова, лучшего в то время знатока искусства Востока, а также во время подготовки первой «Временной выставки сасанидских древностей» (1922). Именно тогда, как они написали позднее, ими был усвоен метод Я. И. Смирнова. «Этот технический анализ, объединенный с всесторонним исследованием письменных источников и с сопоставлением всех этих данных с исторической картиной, которую мы наблюдаем не только в сасанидском Иране, но и в других областях Передней Азии, и не только в сасанидский период, но и в другие эпохи, и, наконец, сопоставление металлических изделий с иными памятниками сасанидского искусства» [17]. Этот историко-технологический и стилистический метод изучения торевтики следовало бы называть методом Смирнова — Орбели — Тревер. Овладение им и усовершенствование его предопределило высокий уровень трудов отечественных ученых. Метод выдержал испытание временем и успешно применяется в наши дни с некоторыми модификациями.

В наследии К. В. Тревер центральное место занимает цикл работ по сасанидскому искусству и нумизматике, по истории культуры сасанидского Ирана. Первая ее работа на эту тему посвящена кушано-сасанидской гемме с бактрийской надписью (1931) [8]. Сопоставляя изображения на гемме и на серебряном блюде № 53, автор отнесла их ко времени бытности Варахрана I наследником и кушаншахом. Это сделано задолго до приписываемого Луконину отождествления[1]. Фундаментальная публикация И. А. Орбели и К. В. Тревер «Сасанидский металл» (1935) посвящена III Иранскому конгрессу и своевременно вышла в свет во время его работы [17]. О сасанидском искусстве написано более 20 работ К. В. Тревер. Увенчивает эту серию обобщающая, прекрасно изданная в 1987 г. книга «Сасанидское серебро» [98], совместное издание К. В. Тревер и В. Г. Луконина.

Оценивая в целом все эти работы, следует признать, что Камилла Васильевна достойно продолжила начатое школой Н. П. Кондакова — Я. И. Смирнова изучение торевтики как ценного источника по культуре и истории Востока.

Заслуживает внимания еще один аспект этих исследований, заключающийся в глубоком и всестороннем анализе семантики и символики изображений на сасанидских предметах, имевших культовое значение и позволяющих охарактеризовать религиозные представления эпохи. Памятники искусства вкупе с письменными данными послужили источниками изучения персонажей зороастрийской

---

[1] *Беленицкий А. М., Зеймаль Е. В.* Рукописное наследие Я. И. Смирнова // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 12. Ср. *Луконин В. Г.* Кушано-сасанидские монеты // ЭВ. 1967. Вып. 18.

религии и иранской мифологии в целом. Особо отметим ее статьи о «Сэнмурв — Паскудж» (1933—1937) [12, 24], получившие высокую оценку и не утратившие своего значения в наши дни как образец исследования по мировоззрению древних народов, прежде всего иранских.

Наряду с сасанидскими штудиями в начале 30-х годов К. В. Тревер занимается изучением коллекции из раскопок П. К. Козлова знаменитых курганов Ноин-Улы в Монголии. Ею была подготовлена полная публикация этих материалов на английском языке [10], сделавшая их доступными зарубежным исследователям. В том же 1932 г. была подготовлена к печати коллекция терракот Афрасиаба, вышедшая в 1934 г. также на английском языке. В этой книге имеется краткий очерк истории Афрасиаба-Самарканда и погребальных обычаев зороастрийцев, а также анализ астоданов (оссуариев), для украшения которых предназначались некоторые терракоты [16].

В 1934 г. ИВ АН СССР и Эрмитаж торжественно отметили 1000-летие со дня рождения великого персидского поэта Фирдоуси. На юбилейном заседании К. В. Тревер выступила с докладом «Сасанидский Иран и Шах-намэ» и рассмотрела, как историческая действительность отражена в замечательном произведении [13]. На юбилейную дату 1000-летия армянского народного эпоса «Давид Сасунский» она откликнулась специальной статьей [26]. К. В. Тревер приняла участие также в праздновании 750-летия великого грузинского поэта Шота Руставели в 1938 г.

Звездный час в жизни Камиллы Васильевны наступил в дни проведения III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии (11—17 сентября 1935 г.), который стал крупным событием в истории советского востоковедения и археологии. К конгрессу в Эрмитаже была организована специальная большая выставка по иранскому искусству (около 20 000 экспонатов), а также выставки «Скифский звериный стиль» и коллекций Пазырыка. К. В. Тревер была Генеральным секретарем конгресса и отвечала за организацию его работы.

15 сентября 1935 г. на заседании конгресса в Ленинграде, в Эрмитажном театре, она выступила с докладом «Проблема бактрийского искусства». Так значится в программе. На английском языке название доклада «The Bactrian problem», что, очевидно, более верно отражает его содержание. В статьях о работе конгресса также говорится о проблеме Бактрии и бактрийском искусстве [2]. Но позднее, в трудах конгресса 1939 г., ее доклад опубликован с несколько иным названием «Проблема греко-бактрийского искусства» [28]. Постановка вопроса о существовании самобытного бактрийского искусства является крупнейшей заслугой К. В. Тревер. Интересно отметить, что из 56 докладов на конгрессе в Ленинграде 25 принадлежат советским ученым. На заседание в Москве было выдвинуто 7 докладов, из них 3 советских: И. А. Орбели, К. В. Тревер, Е. Э. Бертельса. Одно это указывает на признание важности открытия К. В. Тревер. За большую работу на конгрессе ее наградили иранским орденом «За научные заслуги» (но самого ордена она так и не получила). На конгрессе докладов по сасанидскому искусству не было, поскольку вне программы состоялся на эту тему специальный симпозиум (тогда его назвали симпозион).

В 1940 г. вышла в свет монография «Памятники греко-бактрийского искусства» [34]. Она содержит наиболее полную, непревзойденную до сих пор сводку и анализ письменных сведений о Бактрии, а также предметов искусств, связанных с Бактрией. Так было положено начало изучения культуры Древней Бактрии, важнейшей историко-культурной области античной Средней Азии. На этот труд К. В. Тревер очень быстро появилось за рубежом три рецензии в Америке, Англии и Индии — явление необычное в нашей историографии. Самую строгую

[2] *Веймарн Б. В., Денике Б. П.* Итоги Иранского конгресса // Искусство. 1936. № 1. С. 6—20, ил.; *Стрелков А. С.* Третий Международный конгресс по иранскому искусству и археологии // СА. 1937. № 2. С. 205—215; *Дьяконов М. М., Стрелков А. С.* Выставка иранского искусства // Искусство. 1936. № 1. С. 21—46, ил.

и в то же время доброжелательную оценку и критику книга получила от крупнейшего русского археолога М. И. Ростовцева, одного из ее учителей. Находясь в эмиграции, он летом 1942 г. опубликовал обстоятельную рецензию. В ней он отметил пионерский характер исследования, в котором после В. Тарна и независимо от него поставлена проблема эллинистической Бактрии. Вместе с тем рецензентом убедительно показано, что ряд предметов торевтики не имеет касательства к Греко-Бактрии. К сожалению, эта рецензия, как и другие, вышедшие в годы Великой Отечественной войны, у нас практически не привлекла внимания.

Работая в ГАИМКе и в Эрмитаже, К. В. Тревер в 20-х годах прослушала на восточном факультете курсы лекций академиков В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга, а также И. А. Орбели, занималась языками у А. А. Фреймана. В 1926 г. ее избрали доцентом кафедры иранистики Ленинградского университета (ЛГУ), где она преподавала в 1926—1932 гг. Степень кандидата исторических наук ей присвоена без защиты в 1938 г., в феврале 1939 г.— степень доктора исторических наук. В 1939—1940 гг. К. В. Тревер — профессор восточного факультета, а в 1948 г. также и исторического факультета ЛГУ.

Новый этап в жизни и научном творчестве К. В. Тревер составили годы, проведенные во время Великой Отечественной войны в Ташкенте. Перед самым отъездом летом 1941 г. она много сил и труда положила на упаковку коллекций Эрмитажа для эвакуации. 16 августа 1941 г. она была командирована в УзФАН СССР и в сентябре приступила к работе в Институте языка, литературы и истории, в котором с декабря 1942 г. заведовала отделом археологии и истории. Почти 2 года (1941—1943 гг.) провела она в Узбекистане и приняла активное участие в подготовке «Истории народов Узбекистана» — первого капитального труда по истории этой республики. Ее перу принадлежат в I томе II—IV части и I глава V части объемом около 12 а. л., что составляет почти $^1/_3$ всего тома. Ее главы охватывают историческое прошлое всего домусульманского периода на протяжении более 1500 лет. Разделы написаны по первоисточникам с привлечением данных археологии и этнографии, что потребовало огромной подготовительной работы по подбору, переводу источников и исследованию ранее малоизученного периода. О размерах проделанной работы могут свидетельствовать хотя бы 650 подстрочных примечаний и ссылок, которые были в рукописи автора. Имеются достоверные сведения, что два тома «Истории» были готовы к лету 1943 г. Но редактирование и согласование привели к тому, что II том был издан в 1947 г., а I — только в 1950 г. [52—60].

К участию в этом труде К. В. Тревер была хорошо подготовлена как своим образованием антиковеда, так и всей предшествующей научной деятельностью. Благоприятствовали еще два немаловажных обстоятельства. 24 августа 1942 г. в Ташкенте в Институте истории АН СССР состоялась защита докторской диссертации А. Н. Бернштама «История кыргыз и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания». К. В. Тревер вместе с А. Ю. Якубовским и М. Е. Массоном выступила на ней официальным оппонентом и, следовательно, углубленно ознакомилась с систематизированным исследованием истории кочевых народов древности, от саков до тюрков. Несколько позднее, 31 августа 1942 г., прошла защита докторской диссертации С. П. Толстова «Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования». Весьма вероятно, что она была оппонентом и на этой защите. В любом случае по своему положению Камилла Васильевна должна была ознакомиться с этим трудом. Совершенно не случайно в машинописной рукописи ее разделов неоднократно встречаются ссылки на эти докторские сочинения. И наконец, 27—29 августа 1942 г., 50 лет тому назад, в Ташкенте проходила сессия по вопросам этногенеза народов Средней Азии. В докладах Удальцова, Толстова, Ошанина, Умнякова, Мацулевича, Бернштама, Герасимова, Кислякова, Гинзбурга, Якубовского, Дебеца и др. всесторонне были проанализированы вопросы этнической истории народов Средней Азии.

К. В. Тревер выступила с докладом «Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э.» [44].

Таким образом, Камилла Васильевна, находясь в центре этих событий исторической науки и являясь их активным участником, за 1 год (август 1941 — август 1942 гг.) получила обширную информацию об историко-археологических разработках по древней, домусульманской истории Средней Азии на самом современном и высоком тогда уровне. Она аккумулировала все эти достижения и умело использовала их при написании своих разделов «Истории». Она провела огромную работу в труднейших условиях Отечественной войны. Над «Историей народов Узбекистана» К. В. Тревер трудилась с полной отдачей и свой патриотический долг исполнила с честью, являя яркий пример ученого-интернационалиста. Все это проходило к тому же в сложной обстановке, когда историческую науку сковывали жесткие рамки «Краткого курса», требования классового подхода и преувеличенного внимания к вопросам социального строя, общественно-экономических формаций, когда уже приобретала господствующее положение концепция существования рабовладельческого строя повсеместно, и в Средней Азии в частности. Для обоснования этого положения тогда, как и в наши дни, в распоряжении науки данных было недостаточно. Этим прежде всего и объясняется противоречивость формулировок и разнобой в определении особенностей общественного строя древней Средней Азии, на что, главным образом, и обращали внимание критики и рецензенты I тома. Особо подробно этот вопрос рассмотрел И. И. Умняков в своей рецензии [61].

В блестящей статье К. В. Тревер «Александр Македонский в Согде» [41], которая представляет краткий вариант соответствующего раздела I тома и лучше которой до сих пор ничего не появилось в нашей литературе, автор убедительно показала, каким живым и полнокровным может быть историческое повествование, не скованное навязанными схемами.

Разделы, написанные Камиллой Васильевной, выдержали испытание временем и были с небольшими дополнениями опубликованы во втором и третьем изданиях «Истории Узбекской ССР» (1955 и 1967 гг.) и, следовательно, на протяжении более 40 лет служат основным пособием для изучающих и интересующихся историей Узбекистана и Средней Азии в целом. Вполне обоснованно правительство республики оценило труды и вклад Камиллы Васильевны Тревер в создание истории узбекского народа и подготовку местных кадров, присвоив ей в 1943 г. почетное звание «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР».

В Ташкенте К. В. Тревер выступала оппонентом на двух докторских и трех кандидатских защитах, среди которых в 1943 г. на защите Я. Г. Гулямова. К. В. Тревер провела на гостеприимной земле Узбекистана около 2 лет, внеся заметный вклад в историческую науку.

7 июня 1943 г. К. В. Тревер была откомандирована в Армянский филиал АН СССР и переехала из Ташкента через Красноводск в Ереван. Ее сопровождал Б. Б. Пиотровский. Здесь она продолжала работать над текстом «Истории народов Узбекистана», которым она занималась вплоть до выхода тома в 1950 г. Годы, проведенные в Армении (1943—1945), были очень плодотворными для исследования древней культуры страны. Этому способствовали поездки вместе с И. А. Орбели и ознакомление на месте с древними памятниками. Она начала сбор материалов по эпиграфике античной Армении, знакомилась с материалами раскопок храма в Гарни и с состоянием изучения античной культуры в целом. Позднее на эти темы она опубликовала специальные работы. В сентябре 1943 г. К. В. Тревер избрали членом-корреспондентом АН СССР. Она приняла участие в мероприятиях по организации Академии наук Армянской ССР в 1943 г.

В 1944 г. исполнилось 10 лет со дня смерти Н. Я. Марра, и к этой дате написана специальная статья К. В. Тревер [38]. Она помогала И. А. Орбели и, в частности, держала корректуру книги Б. Б. Пиотровского «История и культура Урарту» и оперативно опубликовала рецензию на нее [39]. Весной 1945 г. Камилла Васильевна вернулась в Ленинград и приступила к работе в ИИМК и

Эрмитаже, где активно участвовала в восстановлении экспозиций Отдела Востока. В 50-е годы К. В. Тревер занимается, главным образом, историей культуры народов Закавказья. В 1953 г. выходит ее фундаментальный труд «Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э.— IV в. н. э.)». Он состоит из двух частей: 1) описание и интерпретация замечательного архитектурного памятника — храма Гарни и 2) публикация и анализ всех известных тогда эпиграфических памятников Армении античного времени. В совокупности все эти материалы позволили достаточно всесторонне осветить древнюю культуру и историю Армении на протяжении около 600 лет. Несмотря на дискуссионность некоторых выводов автора, книга составила значительный этап в изучении культуры эллинистической Армении [64]. В этой книге К. В. Тревер неоднократно обращалась к архивным материалам Я. И. Смирнова, который вместе с Н. Я. Марром проводил раскопки в Гарни в 1909—1911 гг.

В 1959 г. появилась монография К. В. Тревер «Очерки по истории и культуре Кавказской Албании в IV в. до н. э.— VII в. н. э.» — первый обобщающий труд по истории этого древнего государства на протяжении 1000 лет. Он написан с использованием всех видов источников, в том числе армянских письменных памятников, переводы которых были сверены И. А. Орбели, а также грузинских, сирийских и арабских. Автору удалось убедительно и обстоятельно проследить три последовательных этапа истории Албании, охватывая все стороны жизни народа [72]. С докладом о культуре Кавказской Албании К. В. Тревер выступила на 25-м Международном конгрессе востоковедов в 1960 г. в Москве [75, 82].

В 60-е годы, после кончины своего друга академика И. А. Орбели, Камилла Васильевна много сил и труда отдала разбору его научного архива и подготовке его трудов к изданию. В эти годы К. В. Тревер продолжала занятия сасанидской торевтикой [76]. Она посвятила исследование находки в Душанбе фалара с изображением Диониса и рассмотрела в этой связи данные о распространении дионисийского культа на территории древней Средней Азии [78]. Большой интерес представляет ее публикация находок в селении Хаит, в связи с которыми она подробно остановилась на кушанском пантеоне [71]. Много времени она отдавала редактированию книг молодых ученых. Несколько лет К. В. Тревер вела в Эрмитаже семинар для молодых специалистов по проблемам культуры Востока. У нее было много учеников в Эрмитаже, в республиках Закавказья и Средней Азии. Среди них и автор этих строк. Распоряжением академика А. В. Топчиева вместо А. Н. Берштама в 1953 г. моим научным руководителем была назначена Камилла Васильевна.

В эти годы она печатает и переиздает ряд своих работ в «Итальянской энциклопедии» [73, 74, 77] и в других изданиях. В Японии было переиздано SPA.

В ноябре 1971 г. она была уволена из ЛОИА в связи с уходом на пенсию. Скончалась Камилла Васильевна Тревер 11 ноября 1974 г. на 82-м году жизни.

Научные труды К. В. Тревер пользуются заслуженным авторитетом. Ее работы оказали значительное влияние на исследователей среднеазиатской древности и античности народов Закавказья. Настольной книгой до наших дней остается I том «Истории народов Узбекистана». Работы ее широко известны за рубежом. К. В. Тревер награждена медалью и орденами СССР.

Отмечая 100-летие К. В. Тревер, мы воздаем должное замечательной женщине Петербурга-Ленинграда, крупному знатоку истории искусства и ученому-патриоту, интернационалисту.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

Ю. А. Заднепровский

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ К. В. ТРЕВЕР

1. Мраморные скульптуры из Ольвии // ИАК. 1914. Вып. 54. С. 47—64. 3 л. ил.
2. Ольвийская полихромная амфора 1901 г. Пг., 1918. 67 с., 10 л. ил.: ил. (МАР. № 36).
3. Бронзовая ножка канделябра из Нахчавана // ИРАИМК. 1921. Вып. 1. С. 261—264. 1 л. ил.
4. Краснофигурный лекиф с изображением Артемиды // ИРАИМК. 1922. Вып. 2. С. 273—286. 4 л. ил.
5. Строгановский дворец-музей: Крат. путеводитель. Пбг, 1922. 11 с. (Гос. музейный фонд).
6. Бронзовый водолей Киевского клада // ИРАИМК. 1925. Вып. 4. С. 311—317. 2 л. ил.
7. Находки из раскопок в Монголии 1924—1925 гг. // СГАИМК. 1931. № 9/10. С. 40—47.
8. Резной аметист из собрания Эрмитажа // СГАИМК. 1931. № 2. С. 19—23; ил.
9. Олень с тоской во взоре и меланхолическая свинья (О кн. А. С. Башкирова «Искусство Дагестана». М., 1930) // СГАИМК. 1932. № 1/2. С. 27—37. 1 л. ил.
10. Excavations in Northern Mongolia (1924—1925). Leningrad, 1932. 74 с. 33 л. ил.: ил. (Memoirs of the Acad. of history of material culture. V. 3). Библиогр.: 11 назв.
11. Сасанидское серебро и бронза [Каталог]. Сер. 1 / Гос. Эрмитаж. Музей истории культуры и искусства. Л., 1933. 8 с. 24 л. ил. Загл. на рус. и англ. яз.
12. Собака — птица: Сэнмурв и Паскудж // ИГАИМК. 1933. Вып. 100. С. 293—328. 13 л. ил.
13. Сасанидский Иран и Шах-наме // Фердовси. 934—1934. Л., 1934. С. 177—196.
14. Чествование Фердоуси в городе Ленина // Строим (журн. «За индустриализацию»). 1934. Спец. номер, посвящ. 1000-летию Фердоуси и сов.-перс. культ. сближению. С. 14: ил., портр.
15. Collection des copies galvanoplastiques de l'argenterie sasanide du Musée de l'Ermitage [Каталог]. Л., 1934. 7 с.
16. Terracottas from Afrasiab. M.; L., 1934. 52 с. 14 л. ил. (Bull. of the State Acad. for history of material culture; Fasc. 93). Библиогр.: 26 назв.
17. Сасанидский металл: Худож. предметы из золота, серебра и бронзы. Гос. Эрмитаж. М.; Л.: Academia, 1935. XLVII с. 85 л. ил. Библиогр.: с XXVII. Совместно с И. А. Орбели.

Рец.: *Худяков М.* // СЭ. 1935. № 6. С. 170—173.

18. Шатранг: Книга о шахматах. Гос. Эрмитаж. Л., 1936. 196 с.: ил. Совместно с И. А. Орбели.
19. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. АН СССР; Гос. Эрмитаж. М.; Л., 1937. 44 с. 3 л. ил. На рус. и фр. яз.
20. Портреты царей и правителей Греко-Бактрийского царства (250—126 г. до н. э.) // Выставка портрета. Вып. 1. Л., 1937. С. 13—18. 1 л. ил.
21. Портреты царей Аршакидской (Парфянской) династии в Иране (от 250 г. до н. э. и до 226 г. н. э.) // Выставка портрета. Вып. 1. Л., 1937. С. 19—27, 1 л. ил.
22. Портрет армянского царя Тиграна II (94—56 гг. до н. э.) // Выставка портрета. Вып. 1. Л., 1937. С. 28—29.
23. Портреты царей и знати Сасанидского Ирана (226—561 гг.) // Выставка портрета. Вып. 1. Л., 1937. С. 30—39. 1 л. ил.
24. Сэнмурв — Паскудж: Собака — птица. Гос. Эрмитаж. Л., 1937. 74 с.: ил.

То же на англ. яз. 1938.

25. The coinage of the Sāsānians: B. The artistic character // A Survey of Persian art. V. 1. London; New York, 1938. С. 819—830.

То же. 2-е изд. Токио, 1969.

26. Водный Антей армянского эпоса // Давид Сасунский. Ереван, 1939. С. 133—140.
27. Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма // ТОВЭ. 1939. Т. 1. С. 243—254. 6 л. ил.
28. Проблема греко-бактрийского искусства // III Междунар. конгр. по иран. искусству и археологии: Докл. М.; Л., 1939. С. 262—270. 2 л., ил. Рез. фр.
29. Греко-Бактрийское царство // Путеводитель по залам Отдела Востока. Гос. Эрмитаж. Л., 1939. С. 75.
30. Передняя Азия при Аршакидах. 1. Парфянское царство // Путеводитель по залам Отдела Востока. Гос. Эрмитаж. Л., 1939. С. 80—83.
31. Византия X—XV вв. // Путеводитель по залам Отдела Востока. Гос. Эрмитаж. Л., 1939. С. 135—142.
32. Художественное значение сасанидских монет // ТОВЭ. 1939. Т. 1. С. 255—285. 4 л. ил. Рез. фр.
33. Гопатшах — пастух-царь // ТОВЭ. 1940. Т. 2. С. 71—86, 2 л. ил. Рез. фр.
34. Памятники греко-бактрийского искусства. Гос. Эрмитаж. М.; Л.; Изд-во АН СССР, 1940. 180 с. 50 л. ил. (Памятники культуры и искусства в собрании Эрмитажа. Вып. 1). Библиогр.: с. 164—166.

Рец.: 1) *Rostovtzeff M.* // American journal of archaeology. 1942. V. 46. № 2. С. 295—301; 2) *Minns F.* The Journal of hellenic studies. 1943. V. 63. С. 123—125; 3) *Ivanow W.* // Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society. 1941. С. 25.

35. Серебряное навершие сасанидского штандарта // ТОВЭ. 1940. Т. 3. С. 167—180. 3 л. ил. Рез. фр.
36. Серебряное навершие сасанидского штандарта // СГЭ. 1940. Вып. 2. С. 17—19: ил.

© Составитель Т. Н. Заднепровская, 1993 г.

37. Эрмитаж. Общий путеводитель. Вып. 1. Л., 1940. 156 с., 18 л. ил.

38. Н. Я. Марр и вопросы исторической науки // ИАН АрмССР. Обществ. науки. 1944. № 5. С. 3—24.

39. Рецензия на кн. Б. Б. Пиотровского «История и культура Урарту» — Ереван, 1944 // ИАН СССР. Сер. ист. и филос. 1945. Т. 2. № 2. С. 118—120.

40. Проблема греко-бактрийского искусства (докл. на Юбил. науч. сессии Гос. Эрмитажа. 1940 г.) // СГЭ. 1945. Вып. 3. С. 10.

41. Александр Македонский в Согде (Из истории народов Средней Азии) // ВИ. 1947. № 5. С. 112—122.

42. Древнеиранский термин «Paraa» (К вопросу о соц.-возраст. группах) // ИАН СССР. Сер. ист. и филос. 1947. Т. 4. № 1. С. 73—84: ил.

43. Сасанидский серебряный кубок из Урсдонского ущелья в Северной Осетии // ТОВЭ. 1947. Т. 4. С. 119—132. 4 л. ил.

44. Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э. Тез. докл. // СЭ. 1947. Т. $^{6}/_{7}$. С. 307—308.

45. Надпись о построении армянской крепости Гарни / Гос. Эрмитаж; предисл. И. А. Орбели. Л., 1949. 40 с., 3 л. ил.

46. К вопросу об античном храме в Гарни (Армения) // СА. 1949. Т. 11. С. 285—304: ил.

47. Ахеменидский ритон // Сокровища Эрмитажа. М.; Л., 1949. С. 95—98: ил.

48. Греко-бактрийская золотая чаша // Сокровища Эрмитажа. М.; Л., 1949. С. 99—102.

49. Рельеф женщины с арфой // Сокровища Эрмитажа. М.; Л., 1949. С. 103—106: ил.

50. Сасанидское блюдо с изображением Шапура II // Сокровища Эрмитажа. М.; Л., 1949. С. 111—114: ил.

51. Сасанидский кувшин с изображением Сэнмурва // Сокровища Эрмитажа. М.; Л., 1949. С. 115—118: ил.

52. Согд, Хорезм, Бактрия, Чач и Паркан (Фергана) в архаический период (VI—IV вв. до н. э.) // История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. I. Ч. 2. Гл. 1. С. 42—67.

53. Борьба Согда за свою независимость. Походы Александра Македонского (329—327 гг. до н. э.) // История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. I. Ч. 2. Гл. 2. С. 68—81.

54. Согд и Бактрия при селевкидах // История народов Узбекистана. Ташкент, 1950; Т. I. Ч. 3. Гл. 1. С. 85—89.

55. Греко-Бактрийское царство // История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. I. Ч. 3. Гл. 2. С. 90—100.

56. Низвержение греко-македонского владычества // История народов Узбекистана. Ташкент. 1950. Т. I. Ч. 3. Гл. 3. С. 101—103.

57. Кангха, Паркан и Тохаристан (II—I вв. до н. э.) // История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. I. Ч. 3. Гл. 4. С. 104—113.

58. Кушанское царство (I—IV вв.) // История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. I. Ч. 4. Гл. 1. С. 117—124.

59. Эфталитское государство (V—VI вв.) // История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. I. Ч. 1. Гл. 2. С. 125—136.

60. Народы Средней Азии при Тюркском каганате (VI—VII вв.) // История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. I. Ч. 5. Гл. 1. С. 139—152.

61. Рецензии на кн.: История народов Узбекистана. / Авт. К. В. Тревер и др. Т. I. 1950. Умняков И. И. // ТУзГУ. Нов. сер. 1952. № 51. С. 151—172; Дьяконов М. М. // ВИ. 1951. № 4. С. 134—141.

62. Кавказ и античная культура в свете учения Н. Я. Марра // ИАН СССР. Сер. ист. и филос. 1950. Т, 7. № 2. С. 136—146.

63. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках // СА. 1952. Т. 16. С. 282—286.

64. Очерки по истории культуры Древней Армении (II в. до н. э.— IV в. н. э.) М.; Л.: АН СССР. ИИМК. 1953. 294. XXIV с., 42 л. ил. Лит., посвящ. Гарнийскому храму: с. 29—34.

Рец.: *Болтунова А. И.* // ВДИ. 1954. № 4. С. 86—93.

65. Кушаны, хионthird и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв. (К истории народов Средней Азии) // СА. 1954. Т. 21. С. 131—147.

66. Орбели Иосиф Абгарович // БСЭ. 2-е изд. Т. 31. М., 1955. С. 134, портр.

67. К изучению Кавказской Албании / Тез. докл. на пленар. засед. Конф. по археологии Кавказа. Ереван, окт. 1956 г. М., 1956. С. 27—28.

68. Некоторые вопросы истории культуры и искусства древнего и раннесредневекового Азербайджана (Кавказской Албании) // Тез. докл. науч. сессии, посвящ. экспозиции по истории Азербайджана с древнейших времен до X в. Баку, 1956. С. 5, 32—33. На азерб. и рус. яз.

69. Смирнов Яков Иванович // БСЭ. 2-е изд. Т. 39. М., 1956. С. 407.

70. Бронзовый фалар, найденный в Сталинабаде // СРИКМ ТаджССР. 1958. Вып. 3. С. 24—29. 3 л. ил.

71. Золотая статуэтка из сел. Хаит (Таджикистан) (К вопросу о кушан. пантеоне) // ТГЭ. 1958. Т. 2. С. 130—146: ил.

72. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.— VII в. н. э. АН СССР. ИИМК.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 391 с. 22 л. ил., карт.: ил.

Рец.: *Струве В. В., Белявский В. А., Ломоури Н. Ю.* // ВДИ. 1960. № 3. С. 174—191.

73. Battriana, Arte della // Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Roma, 1959. V. 2. С. 23—30: ил.

74. Caucaso, culture del. Età ellenistica e romana // Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Roma, 1959. V. 2. С. 439—443: ил.

75. К вопросу о культуре Кавказской Албании. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 11 с. (XXV Междунар. конгр. востоковедов: Докл. делегации СССР).

То же на англ. яз.

76. Новое «сасанидское» блюдце Эрмитажа (Из истории культуры народов Средней Азии) // Сборник в честь акад. И. А. Орбели. М.: Л., 1960. С. 256—270: ил.

77. Garni // Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Roma, 1960. V. 3. С 793—794: ил.

78. Бактрийский бронзовый фалар с изображением Диониса // ТГЭ. 1961. Т. 5. С. 98—109: ил. Рез. англ.

79. Iranica Arte // Enciclopedia dell'arte antica e orientale. Roma, 1961. V. 4. С. 189—219: ил. Совместно с В. М. Массоном, В. Г. Лукониным.

80. Двусторонняя стеатитовая печать в собрании Эрмитажа // Древний мир. М., 1962. С. 355—357: ил.

81. Закавказье IV—VIII вв. // Культура и искусство народов Сов. Востока. Сред. Азия. Кавказ: Путеводитель по залам Гос. Эрмитажа. Л., 1963. С. 103—107: ил.

82. The culture of Caucasian Albania. A contribution to the problem // Тр. XXV Всемир. конгр. востоковедов. М., 1963. Т. 3. С. 500—507.

То же. Отд. изд. М., 1960.

83. Архив акад. И. А. Орбели // ВАН. 1964. № 11. С. 81—82.

84. Tête de Senmurv en argent des collections de l'Ermitage // Iranica antiqua. (Leiden). 1964. V. 4. fasc. 1. С. 162—170: ил.

85. Экономика и культура в период зарождения рабовладельческого общества (VI—IV вв. до н. э.) // История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. 1. Ч. 2. Гл. 1. С. 61—89.

86. Борьба Согда против Александра Македонского (329—327 гг. до н. э.) // История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. 1. Ч. 1. Гл. 2. С. 90—108.

87. Греко-Бактрийское царство // История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. 1. Ч. 2. Гл. 3. С. 109—123.

88. Кангха. Фергана. Бактрия (II в. до н. э.— I в. н. э.) // История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. 1. Ч. 2. Гл. 4. С. 124—136.

89. Кушанское царство (I—IV вв.) // История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. 1. Ч. 2. Гл. 5. С. 137—148.

90. Эфталитское государство (V—VI вв.) // История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. 1. Ч. 2. Гл. 6. С. 149—161: ил.

91. Народы Средней Азии при тюркском каганате (VI—VII вв.) // История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. 1. Ч. 3. Гл. 1. С. 165—182.

92. К вопросу о ремесленных корпорациях в сасанидском Иране // Эллинистический Ближний Восток. Византия и Иран: Сб. в честь Н. В. Пигулевской. М., 1967. С. 157—160.

93. A propos des temples de la déesse Anahita en Iran Sassanide // Iranica antiqua. (Leiden). 1967. V. 7. С. 121—132. 3 л. ил.

94. К вопросу о храмах богини Анахиты в сасанидском Иране // ТГЭ. 1969. Т. 10. С. 48—54: ил. Рез. англ.

95. Блюдо серебряное с изображением нереиды: Римская работа II—III вв. // Сокровища Эрмитажа. Л., 1969. № 25. 1 л. ил.

96. Блюдо серебряное с изображением царя Шапура II // Сокровища Эрмитажа. Л., 1969. № 31. 1 л. ил.

97. Женщина с арфой (Фрагмент фриза). Айртам (Узбекистан) // Сокровища Эрмитажа. Л., 1969. № 20. 1 л. ил.

98. Сасанидское серебро: Худож. культура Ирана III—VII вв. Собр. Гос. Эрмитажа. Л.: Искусство, 1987. 155 с. 49 л. ил. Примеч.: с. 151—155. Совместно с В. Г. Лукониным.

История культуры: Проспект / Ред. М. О. Косвен и др. М.: Соцэкгиз, 1940. 70 с.

К. В. Тревер указана как один из авторов. Т. 1.

Редактирование

Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы / Предисл. и ред. К. В. Тревер. Л., 1963.

Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. / Отв. ред. К. В. Тревер. М.; Л., 1956.

Кинжалов Р. В., Луконин В. Г. Памятники культуры сасанидского Ирана / Под ред. К. В. Тревер. Л., 1960.

Лившиц В. А. Юридические документы и письма: Чтение, перевод и комментарий / Отв. ред. К. В. Тревер. М., 1962.

Луконин В. Г. Иран в эпоху первых сасанидов: Очерки по истории культуры // Предисл. и ред. К. В. Тревер. Л., 1961.

Марр Н. Я. Ереруйская базилика: Армянский храм V—VI вв. в окрестностях Ани / АН АрмССР. Ин-т истории и этнографии; Подгот. к печати К. В. Тревер. Ереван, 1968.

Орбели И. А. Избранные труды. Т. 1: Из истории культуры и искусства Армении X—XIII вв. / Ред., прим., указ. К. В. Тревер. М., 1968.

Толстов С. П. Древняя культура Узбекистана / Ред. К. В. Тревер. Ташкент, 1943.

Юзбашян К. Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели / Отв. ред. К. В. Тревер. М., 1964.

Переводы

Правдивая история. [Пер. с древнегреч.] // Лукиан из Самосаты. Избр. проза. М.: Правда, 1991. С. 513—550.

Др. публ. М.: Худож. лит., 1962.

Др. публ. М.: Academia, 1935. Т. 2.

Харон или наблюдатели. Правдивые рассказы // Лукиан. Философия. Быт. М.: Изд. бр. Сабашниковых, 1920. Т. 2. С. 19—35, 119—162.

Газетные статьи

Водный Антей // Правда (Ц. О.). 1939. 12 сент. № 253.

Шахматы и века // Вечерняя Красная газета. 1935. 7 сент. Совместно с И. А. Орбели.

Литература о К. В. Тревер

[К 20-летию работы К. В. Тревер в Эрмитаже, 1939 г.] // СГЭ. 1940. Вып. 1. С. 32.

Образцов В. Н. Женщины-ученые в СССР // Огонек. 1947. № 9. С. 3, портр.

Камилла Васильевна Тревер // Энциклопедический словарь. В 3-х т. М., 1955. Т. 3. С. 426.

Камилла Васильевна Тревер // БСЭ. 2-е изд. М., 1956. Т. 43. С. 179.

Камилла Васильевна Тревер // Энциклопедический словарь в 2-х т. М., 1964. Т. 2. С. 520.

Джанполадян Р. М., Луконин В. Г. 80-летие К. В. Тревер // ВИ. 1972. № 1. С. 150—152.

Тирацян Г. А. К. В. Тревер: (к 80-летию со дня рождения) // ИФЖ. 1972. № 3. С. 111—115, портр.

Милибанд С. Д. Список основных трудов чл.-корр. АН СССР К. В. Тревер (к 80-летию со дня рождения) // НАА. 1972. № 4. С. 205—206.

Камилла Васильевна Тревер: Некролог // СА. 1976. № 1. С. 326.

Иерусалимская А. А., Луконин В. Г. К. В. Тревер. 1892—1974: Некролог // СГЭ. 1976. Вып. 41. С. 91.

Милибанд С. Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1977. С. 554—555.

Составитель *Т. Н. Заднепровская*

Критика и библиография

КНИГИ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АРХЕОЛОГАХ

В 1975 г. на страницах «Советской археологии» было высказано пожелание увидеть вскоре серию изданных книг с биографиями наших замечательных исследователей древности [1, с. 10]. Не сразу, но пожелание начало исполняться. В 1984 г. вышла биография И. Е. Забелина [2]. В 1988 г. издательство «Наукова думка» в Киеве выпустило книгу «Борис Владимирович Фармаковский», написанную его вдовой (ныне покойной) Т. И. Фармаковской (216 с. с илл.).

Книга составлена прежде всего на основе писем Б. В. Фармаковского к его родителям. Цитаты из писем занимают значительную часть текста. Больше всего их тех лет, когда по окончании университета Фармаковский жил за границей (1896—1901). Этот раздел книги самый большой, около 100 с. Меньше писем петербургского периода (1901—1916), когда ученый писал родителям только с раскопок в Ольвии, притом более кратко и сухо, чем в юности. Этот раздел книги меньше — 70 с. Совсем нет писем последнего, послереволюционного периода жизни Фармаковского (1917—1928). Соответственно этот раздел книги совсем короток, всего 14 с. Между тем читателям несомненно было бы интересно узнать, как встретил революцию Фармаковский, как жилось ему в эти трудные годы, в чем находил он силы для продолжения начатых работ и для новых изысканий. Очевидно, отсутствие писем следовало возместить собственными воспоминаниями автора, рассказами тех, кто знал Фармаковского. К сожалению, это не было сделано.

Несмотря на явную односторонность и непропорциональное построение книги, она ценна большим количеством фактов, содержащихся в письмах Фармаковского и рисующих жизнь университетской профессуры, Императорской археологической комиссии, зарубежных археологов и искусствоведов.

Не свободна книга Т. И. Фармаковской от ошибок и неточностей. В 1886 г. А. А. Красев писал В. И. Фармаковскому о покушении на Александра III, а не Александра II (с. 28).

На с. 67 сказано: «В марте 1896 г. Борис Владимирович был избран членом Петербургского археологического общества», а на с. 97: «В 1898 г. за свои научные труды Борис Владимирович был избран членом Русского археологического общества». Но ведь это одно и то же! Какая же дата верна? Судя по сводке Н. И. Веселовского, Фармаковский избран членом РАО 12 марта 1896 г. [3, с. 452].

Упомянутый на с. 82 «Иловайский из Новороссийского университета», конечно, не историк Дмитрий Иванович, как сказано в примечании на с. 212. Он в Одессе не преподавал. Имеется в виду преподаватель по кафедре финансового права С. И. Иловайский [4, с. 541, 542].

На с. 100 и 197 говорится об участии Фармаковского во «Втором всероссийском археологическом съезде» в Киеве в 1899 г. Речь идет об XI археологическом съезде, не называвшемся «всероссийским».

На с. 101, 102 рассказано о раскопках Фармаковского в Македонии в 1899 г., но не отмечено, что вел их он не один, а совместно с П. Н. Милюковым. Не случайно Фармаковский писал: «Мы едем», «Наши раскопки» и т. д. Соответственно «Воспоминания» П. Н. Милюкова, напечатанные в 1955 г. в Нью-Йорке (а в 1990 г. переизданные в Москве), содержащие подробный рассказ об экспедиции, должны были войти в приложенный к книге Т. И. Фармаковской «Список статей о Б. В. Фармаковском».

На с. 168 и 216 неправильно написана фамилия известного искусствоведа. Надо «Ф. И. Шмит», а не «Шмидт». На с. 216 вместо даты смерти А. И. Маркевича стоит знак вопроса. Дата эта известна — 1903 г. [5, с. 324].

Странно, что в книге даже не упомянута брошюра Б. В. Фармаковского «Ольвия» (Пг, 1915) —

© А. А. Формозов, 1993 г.

работа популярная, но единственная в наследии автора подводящая итоги его многолетних исследований по истории древнего города.

В целом же мы должны быть благодарны Т. И. Фармаковской за проделанный ею труд. Собранные вместе отрывки из писем Б. В. Фармаковского обогащают наши представления о дореволюционной русской археологии.

Судьба Б. В. Фармаковского сложилась удачно. Еще студентом он побывал в Афинах, а после окончания университета был послан на несколько лет в заграничную командировку для подготовки к профессорскому званию, посетил все основные центры античной культуры на Балканах и в Малой Азии, основные места раскопок, жил в Германии, Англии, Франции, Италии, учился у виднейших западноевропейских археологов и искусствоведов. Фармаковскому было 26 лет, когда он приступил к раскопкам в Ольвии, и он смог продолжать их до последних лет жизни. Правда, он так и не удосужился написать докторскую диссертацию, но это не помешало ни его избранию членом-корреспондентом Академии наук, ни всеобщему признанию в ученом мире. Трудно сказать, что ждало его, если бы он прожил несколько дольше. Ведь на грани 1920—1930-х годов всем ученым-гуманитариям предстояли тяжелые испытания. Брат Фармаковского Мстислав — сотрудник ГАИМК — был репрессирован. Не случайно завершенный незадолго до смерти труд Б. В. Фармаковского об искусстве древней Персии ГАИМК так и не издала (с. 191). И все же жизнь Фармаковского была и плодотворной и счастливой.

Иной была судьба другого археолога — героя книги В. И. Граба и А. Б. Супруненко «Археолог Олександр Тахтай» (Полтава, 1991. 84 с. с илл.). Александр Кузьмич Тахтай (1890—1963) окончил в 1911 г. историко-филологический факультет Петербургского университета, где учился у А. А. Спицына и Н. Е. Макаренко. Затем он жил в Полтаве, вместе с В. М. Щербаковским и М. Я. Рудинским успешно вел раскопки, занимался охраной памятников, систематизировал богатые коллекции Полтавского музея. В 1929 г. — в год «великого перелома» — Тахтай был признан «социально вредным элементом», уволен из музея, а вскоре и арестован. В 1930 г. его освободили, но на работу в музей не взяли. Удалось устроиться в музее Херсона, а также принять участие в большой экспедиции, призванной спасти археологические памятники, затопляемые при строительстве Днепрогэса. В 1934 г. Тахтая опять арестовали. Вскоре он был освобожден, но вернуться в Херсонский музей уже не смог. Сначала сотрудничал в районном Цурюпинском музее, а с 1935 г. — в Херсонесском музее-заповеднике. Здесь его застала война. Он не ушел с покидавшими Севастополь советскими войсками, а взял на себя рискованную роль сторожа при коллекциях, оставленных на оккупированной территории. Был назначен немцами хранителем Херсонеса. Принимал там Розенберга, маршала Антонеску, адмирала Шпрее. Вел небольшие раскопки. Когда фашисты бежали из Севастополя в 1944 г., Тахтай сделал все возможное для того, чтобы не дать им увезти коллекции, скрывался в Крымских горах и, встретив советские войска, сдал музей вернувшимся из эвакуации сотрудникам в полной сохранности.

Сначала его воспринимали как героя. О нем написала очерк Ольга Берггольц. В книге В. Шевченко «Сокровища исчезнувших городов» (Л., 1948) был помещен его портрет. Это не понравилось тем сотрудникам заповедника, кто уезжал с частью коллекций в эвакуацию, и один из них — С. Ф. Стржелецкий написал донос о том, что Тахтай — пособник фашистских оккупантов. В 1949 г. Александр Кузьмич был уволен, а потом и арестован. Осудили его на 25 лет лишения свободы. Освободили в 1955 г. Судимость сняли. С 1956 г. Тахтай сотрудник Донецкого музея.

При такой печальной судьбе Тахтаю удалось сделать неизмеримо меньше, чем Фармаковскому (не забудем, конечно, и об уровне дарования). Тот опубликовал 130 работ, в том числе несколько фундаментальных монографий. Тахтаю принадлежат лишь 20 статей. Они вполне профессиональны, и хорошо, что в Полтаве вспомнили о старом археологе и постарались восстановить его доброе имя.

Любопытно сочетание авторов. А. Б. Супруненко — сотрудник Полтавского музея, автор ряда работ о древностях Украины и по истории украинской археологии. В. И. Граб — начальник следственного подотдела Управления КГБ по Полтавской области. Он разыскал следственные дела Тахтая, благодаря чему история его мытарств восстановлена довольно полно. А. Б. Супруненко дал оценку научной деятельности археолога.

Книга ставит перед нами два вопроса одного морально-этического плана. Первый — как должны мы относиться к тем нашим коллегам, кто в период Великой Отечественной войны не уехал в эвакуацию, а остался на оккупированной территории с тем, чтобы спасти музейные ценности? До сих пор отношение к таким людям было в лучшем случае настороженно подозрительное. Между тем их жизнь в оккупации была полна лишений и трудностей, а частицу наших национальных сокровищ они сберегли.

Так, единственный в Брянской области музей, сохранивший свои довоенные фонды, — это Трубчевский. Директор его В. П. Левенок оставался при немцах. После освобождения города был уволен, работал в Минске и Ленинграде. В 1951 г. Левенка арестовали и осудили как изменника родине. Освобожденный в 1956 г., он смог еще полтора десятка лет поработать, вел раскопки, защитил кандидатскую диссертацию, но реабилитирован не был.

Таких людей не так мало. Очевидно, судить о любом из них мы вправе, лишь зная в деталях каждый конкретный случай. Мне не внушает симпатий М. А. Миллер, ушедший с немцами и издавший в Мюнхене книгу «Археология в СССР». Но что знаем мы о судьбе С. А. Локтюжева, Ю. Ю. Марти, В. И. Селинова, К. Я. Виноградова, Б. Ф. Землякова? Их имена замалчивают, а в чем их вина, никто никогда не пытался разобраться.

Второй вопрос — о людях, так или иначе сотрудничавших с КГБ. С. Ф. Стржелецкий выглядит крайне неприглядно. При этом для авторов книги о Тахтае осталось неизвестным, что Стржелецкий не только донес на него, но и присвоил себе его открытие. В 1954 г. Стржелецкий пытался защитить в Москве кандидатскую диссертацию по работе о Балаклавском поселении кизил-кобинской культуры, открытом и исследованном А. К. Тахтаем. Только отрицательный отзыв Т. С. Пассек помешал этому.

Но вот на с. 50 книги В. И. Граба и А. Б. Супруненко мы находим другие знакомые имена. Оказывается, архив Тахтая был послан КГБ на экспертизу в Отдел археологии Крыма Крымского филиала АН СССР П. Н. Шульцу и О. И. Домбровскому, и в своем заключении они усмотрели в рукописях Тахтая космополитизм, украинский буржуазный национализм и норманизм. Как расценить это? О. И. Домбровский рассказывал авторам книги о том нажиме, который оказывался на экспертов со стороны КГБ и руководства филиала. П. Н. Шульц покаялся перед А. К. Тахтаем в содеянном, и взаимоотношения их не прервались. Именно Шульц написал некролог Тахтая для «Советской археологии». Безусловно, оба археолога проявили душевную слабость, и скрывать это, пожалуй, не стоит. Но вот что получается. Много ли мы знаем о П. Н. Шульце? Всего две странички некролога остались в память о нем [6, с. 285—287]. В сочетании с рассказом Граба и Супруненко образ рисуется не очень привлекательный. Все же, помнящие Шульца, сохраняют о нем светлую память. Блестящий лектор Академии художеств в Ленинграде, герой войны, потерявший все пальцы на руках и на ногах, но не переставший работать, создатель Отдела археологии Крыма в Симферополе, исследователь Неаполя Скифского, археолог-романтик, носившийся по всему Крыму и заряжавший своим энтузиазмом десятки любителей и краеведов. Таким он помнится мне. Да, в критическую минуту он оказался не на высоте, но в этом не весь Шульц. И так же, как и в первом случае, мы должны с исключительным тактом говорить о перипетиях жизни наших коллег, живших в тяжелейшей обстановке тоталитаризма.

Третья книга, о которой я хочу здесь сказать, «Вятские историки», написана доцентом Кировского пединститута В. А. Бердинских (Киров: Волго-Вятское издательство. Кировское отделение, 1991. 162 с. с илл.). В книге четыре очерка — о А. И. Вештомове, написавшем в 1807 г. «Историю вятчан», А. С. Верещагине — основном авторе «Трудов Вятской ученой архивной комиссии» в 1880—1900-х годах, — об археологе А. А. Спицыне и об историке удмуртского народа П. Н. Луппове. Последний очерк в расширенном виде вышел и отдельно (Историк на грани эпох. Ижевск, 1991. 128 с. с илл.). В заключении и во введении к «Вятским историкам» В. А. Бердинских ставит вопрос об изучении историографии русской провинции, ее специфических чертах.

Нас, естественно, интересует очерк о А. А. Спицыне (с. 83—126). Он посвящен в основном раннему периоду его жизни, до переезда в 1892 г. из Вятки в Петербург для службы в Императорской археологической комиссии. Ценность очерка в том, что В. А. Бердинских усидчиво работал в Кировском областном архиве, где нашел много документов о Спицыне-гимназисте (1868—1878) и о Спицыне — преподавателе Мариинской женской гимназии (1882—1891). Для последнего десятилетия, когда Спицын помимо преподавания увлеченно занялся краеведением, широко привлечена и местная периодика — «Вятские губернские ведомости», «Календари Вятской губернии». Собранный В. А. Бердинских материал, безусловно, обогащает наши знания о выдающемся русском археологе и будет очень ценен для составителя полной биографии Спицына.

Основные выводы В. А. Бердинских [см. также 7, с. 81—101] представляются нам правильными. Он говорит, что Спицын как археолог сформировался не в Петербургском университете, где тогда археологию не преподавали, а на родине, в Вятке. Первые шаги Спицына в этой области нашли поддержку тоже не в Петербурге, а в Москве, сперва со стороны А. С. Уварова, а после его смерти со стороны П. С. Уваровой. Действительно, Московское археологическое общество, созывавшее

археологические съезды в разных городах страны, было притягательным центром для краеведов всей русской провинции.

Мне кажется все же, что В. А. Бердинских недооценил местные традиции интереса к древностям в Вятке. В Вятском крае распространены художественные изделия из бронзы ананьинского, пьяноборского времени. Они привлекали внимание коллекционеров с давних пор. В ходе экспедиции 1881 г. в Вятскую губернию М. В. Малахов встретил много таких коллекционеров — врача, священника, купца и т. д. [8, с. 199—228]. Интересна анонимная статья 1844 г. в «Журнале Министерства внутренних дел», «Древности губернии Вятской» с перечислением двух десятков памятников [9, с. 511—516]. Так что еще до организации Вятского статистического комитета, роль которого в познании местных древностей подчеркивает В. А. Бердинских, это дело уже начиналось.

Неудачен, на мой взгляд, пассаж на с. 117 о том, что в Археологической комиссии «ценилась западноевропейская ученость, блестящая образованность вельможи, знавшего обо всем понемногу. Профессионал-разночинец в области славяно-русской археологии был в нем одинок». Спицын в самом деле был чужд для большинства членов Археологической комиссии, но не потому, что В. В. Латышев, Б. В. Фармаковский, М. И. Ростовцев и др. отличались поверхностной ученостью. Спицын с его окающей речью, незнанием иностранных языков, демократическими манерами казался рафинированным петербуржцам провинциалом, краеведом, а не кастовым академическим ученым.

Подробно рассказав о раннем периоде жизни Спицына, о его жизни в Петербурге в 1892—1931 гг. автор говорит кратко. Стоило бы отметить непрекращавшиеся связи с родными краями, в частности его приезд в Вятку в 1922 г. на первый областной краеведческий съезд [10, с. 186—191].

К книге приложен ряд не публиковавшихся ранее иллюстраций: портрет родителей Спицына, фото его письма к Н. А. Спасскому 1880 г., групповая фотография Спицына с его учениками по Петербургскому университету 1910 г. Жаль, что в подписи под ней не указано, что помимо Спицына мы видим здесь будущих известных историков С. Н. Валка, П. А. Садикова, П. Г. Любомирова, С. Н. Чернова, П. Н. Черменского.

В целом книга В. А. Бердинских удачна. По ее образцу могут быть созданы книги о других провинциальных историках — ярославских, нижегородских и т. д.

Публикация первых книг об отечественных археологах — радостное событие. Будем ждать новых книг того же плана.

Институт археологии РАН,
Москва

А. А. Формозов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Формозов А. А.* Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии//СА. 1975. № 4.
2. *Формозов А. А.* Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984.
3. *Веселовский Н. И.* История Императорского русского археологического общества за первые 50 лет его существования. Спб., 1900.
4. *Маркевич А. И.* Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1890.
5. История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965.
6. *Щеглов А. Н.* Памяти Павла Николаевича Шульца//СА. 1984. № 3.
7. *Бердинских В. А.* Вятский период жизни А. А. Спицына//Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991.
8. *Малахов М. В.* К антропологии Вятского края//Изв. Русского географического общества. 1882. Т. XVIII. Вып. 4.
9. Древности губернии Вятской//Журн. Министерства внутренних дел. 1844. Ч. V.
10. *Спицын А. А.* Первый Вятский областной краеведческий съезд//Краеведение. 1929. Т. II. № 2.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1993 ГОД

Статьи, публикации, дискуссии, история науки, заметки

	№	стр.
Абдарразак А. Р. О характере патины неолитических орудий из смешанных комплексов стоянок открытого типа Южной Аравии (по материалам района Аль-Абр)	2	24
Абрамов А. П. Классификация и периодизация амфор второй половины VI — первой половины V в. до н.э.	4	78
Алексеев Л. В. Крест Евфросинии Полоцкой 1161 года в средневековье и в позднейшие времена (к 830-летию знаменитой реликвии)	2	70
Алексеев Л. В. Проблема становления культовооборонного зодчества Руси в свете раскопок в Мстиславле (Беларусь)	4	217
Амброз А. К. К происхождению днепровских антропо-зооморфных фибул	2	179
Астахов С. Н., Зубарева Г. Ю., Лисицын Н. Ф., Ямских А. Ф. Палеолитическая стоянка Шленка	3	140
Афанасьев Г. Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан	4	131
Беговатов Е. А., Кочкина А. Ф. О восстановлении размеров сосудов по фрагментам	3	88
Безуглов С. И., Гудименко И. В. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона	1	169
Блаватская Т. В. Посвящение Левкона I	2	34
Бобровский Т. А. К вопросу о типологии и датировке древнерусских пещерных монастырей	4	122
Буров В. А. Новгородские писцовые книги и археология	3	82
Буров Г. М. Деревянные орудия охоты у мезолитических племен крайнего Северо- Востока Европы	3	149
Былкова В. П. Комплекс сарматского времени из с. Солонцы Херсонской обл.	1	164
Валеев Р. М., Казаков Е. П. Весовые гири и некоторые другие предметы торговли болгарских поселений X—XI вв. в низовьях р. Ахтай	1	185
Винокуров Н. И., Масленников А. А. Виноделие на хоре европейского Боспора	1	39
Внуков С. Ю. Новые типы позднесинопской амфорной тары	3	204
Войнаровский В. Н., Смирнова Г. И. Новые находки древних бронз в окрестностях с. Волока на Буковине	4	183
Воловик С. И. Поселение эпохи бронзы у поселка Лагери на Северском Донце	3	177
Воронина Р. Ф. Погребальный обряд среднецнинской мордвы VIII—XI вв.	3	68
Гаврилова И. В. Поселение эпохи неолита — бронзы на р. Шаче в Костромском Поволжье	2	154
Гавритухин И. О. К публикации работы А. К. Амброза	2	178
Гиря Е. Ю., Нехорошев П. Е. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий	4	5
Голубева Л. А., Варенов А. Б. Новое об огнивах с бронзовыми рукоятками	4	94
Грехова Л. В. Опыт реконструкции по архивным данным утраченного плана 1935 г. палеолитической стоянки Елисеевичи	4	173
Гуляев В. И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию)	1	76
Демещенко С. А. Новые скульптурные изображения животных из коллекции стоянки Александровка (Костенки 4)	3	214
Демкин В. А., Лукашев А. В. Почвенно-ландшафтные условия северо-западного Прикаспия во II тыс. до н. э.— I тыс. н. э.	4	43
Джапаридзе О. М. К 100-летию со дня рождения академика Б. А. Куфтина	3	246
Джафаров Г. Ф. Курган эпохи поздней бронзы вблизи Сарычобана	4	191
Долгоруков В. С., Колесников А. Б. Новый тип строительных комплексов Фанагории	1	113
Ефремов Н. В. Начальный период астиномного клеймения в Синопе	1	31
Жульников А. М. Энеолитическое поселение Войнаволок XXVII	2	140
Заднепровский Ю. А. Камилла Васильевна Тревер (1892—1974)	4	239
Зализняк А. А., Колосова И. О., Лабутина И. К. Псковские берестяные грамоты 6 и 7	1	196
Зедгенидзе А. А. К вопросу об удревнении даты основания Херсонеса Таврического	3	50
Зубарь В. М. По поводу достоверности одного письменного источника по истории Ольвии середины II в. (SHA, Ant. Pius., 9, 9)	2	185
Кахидзе А. Ю., Кахидзе Н. А. Древнеколхидское хозяйственное орудие цалди	3	198
Клочко В. И., Скорый С. А. К исследованию позднечернолесского погребального обряда	4	54

Коваленко В. П., Молчанов А. А. Древнерусские сфрагистические памятники домонгольского времени из Чернигова 4 208
Колосов Ю. Г., Степанчук В. Н., Чабай В. П. Мустьерская стоянка им. Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского 2 119
Кочерженко О. В., Слонов В. Н. О семантике орнамента керамики срубной культуры 3 37
Кузьмин Я. В. Сопоставление хронологий средневековых памятников юга Дальнего Востока России 2 189
Кулаков С. А. Технология расщепления камня на Абадзехском нижне-палеолитическом местонахождении (Северный Кавказ) 3 120
Кызласов И. Л. Мировоззренческая основа погребального обряда 1 98
Кызласов И. Л. Эпитафия из Саргал-Аксы (Тува) 3 221
Кызласов Л. Р. К истории карасукской металлургии 3 43

Литвиненко Р. А. Курганный могильник Возрождение II на Донетчине 3 188
Лозовский В. М. Костяное охотничье вооружение первобытного населения Волго-Окского междуречья 2 15
Любин В. П. Хроностратиграфия палеолита Кавказа 2 5

Макаров Н. А. Русский Север и Лапландия: торговые связи XI—XIII вв. 1 57
Макарова Т. И. О времени появления вершка на Руси 2 194
Марьяшев А. Н., Горячев А. А. К вопросу типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья 1 5
Матвеева Н. П. Рафайловское городище — памятник саргатской культуры Среднего Притоболья 1 148
Медведев А. П. Об этнокультурной ситуации на Верхнем Дону в начале железного века 4 65
Мельник В. И. Погребальный обычай и погребальный памятник 1 94
Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О., Амиров Ш. Н. Телль Хазна II — раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии 4 25

Нерсесов Я. Н. Зверь Рекуай в искусстве мочика 3 57
Нехорошев П. Е. К методике изучения нижнепалеолитической техники и технологии расщепления камня 3 100
Никитина Г. Ф. Типология трупоположений в погребальном обряде черняховской культуры 4 145

Ольховский В. С. Погребальная обрядность (содержание и структура) 1 78

Панова Т. Д., Авдусина Т. Д. О находке клада 1991 г. в Московском Кремле 2 192
Плетнева С. А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности 4 160
Плетнева С. А. История одного хазарского поселения 2 48
Погребова М. Н. О принципах датировки скифской архаики 2 84
Потапов В. В. Погребения кобяковской культуры на станции Хапры 3 218

Раевский Д. С. О логике построения раннескифской хронологии 2 79
Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р. Древнебактрийская крепость Талашкан-тепе I 1 133

Санжаров С. Н. О некоторых вопросах культурного развития и хронологии позднекатакомбное время 1 21
Свешников И. К. Новые погребения начала бронзового века на Западной Волыни . . 3 165
Седов В. В. Древнеевропейцы 3 18
Седов Вл. В. Псковские храмы «группы Выбут» 1 211
Смирнова Г. И. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры 2 101
Сорокина Г. Г. Новые находки орнаментированных поделок в Юдиново I 2 130
Соффер О. А. Экономика верхнего палеолита: продолжительность заселения стоянок на Русской равнине 3 5

Тимофеева Т. П. Белый камень древних владимиро-суздальских храмов в собраниях отечественных музеев 3 171
Тимощук Б. А. Языческое жречество Древней Руси (по материалам городищ-святилищ) 4 110
Тохтасьев С. Р. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии 2 89

Федоров М. Н. Согдийская курильница конца VII — начала VIII в. с городища Кошой-Коргон 1 175
Формозов А. А. А. С. Уваров и его место в истории русской археологии 3 228
Шер Я. А. О статье И. Н. Медведской «Периодизация скифской архаики и древний Восток» 2 98

Шрамко Б. А., Машкаров Ю. Г. Исследование биметаллического ножа из погребения катакомбной культуры 2 163

Щавелев С. П. Эпизоды истории русской археологии (к 150-летию со дня рождения Д. Я. Самоквасова) 1 221

Критика и библиография

Буров В. А. *Юшко А. А.* Московская земля IX—XIV веков. М., 1991 . . . . . 2 201

Васильев С. А. *Деревянко А. П., Дорж Д., Васильевский Р. С. и др.* Каменный век Монголии. Палеолит и неолит Монгольского Алтая. Новосибирск, 1990 . . . . . 1 242

Вишняцкий Л. Б. *Таймагамбетов Ж. К.* Палеолитическая стоянка имени Ч. Валиханова. Отв. ред. Р. С. Васильевский. Алма-Ата, 1990 . . . . . 2 198

Дэвлет М. А. *Самашев З. С.* Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата, 1992 . . . . . 3 256

Кулаков В. И. *Bálint Cs.* Südungarn im 10. Jahrhundert. Budapest, 1991 . . . . . 1 244

Кулаков В. И. *Kovacs L.* Münzen aus der ungarischen Landnahmezeit. Archäologische Untersuchung der arabischen, byzantinischen, westeuropäischen und römischen Münzen aus dem Karpatenbecken des 10. Jahrhunderts. Budapest, 1989 . . . . . 2 215

Лихтер Ю. А., Осипов Д. О. Московская керамика: новые данные о хронологии. М., 1991 . . . . . 2 206

Медникова М. Б. *Kunter M.* Menschliche Skelettreste aus Siedlungen der El Argar Kultur. Ein Beitrag der Prähistorischen Anthropologie zur Kenntnis bronzezeitlichen Bevölkerung Südostspaniens. Madrider Beiträge. B. 18. Verlag Philipp von Zabern, Meinz am Rhein, 1990 . . . . . 2 217

Мелюкова А. И. *Скорый С. А.* Курган Перепятиха. Київ, 1990 . . . . . 2 210

Раев Б. А., Трейстер М. Ю. *Cunliffe B.* Greeks, Romans and Barbarians: Spheres of Interaction. London, 1988 . . . . . 1 236

Фехнер М. В. *Mühle E.* Die stadtischen Handelszentren der nordwestlichen Rus. Aufzuge und fruhe Entwicklung altrussischer Stadte (bis gegen Ende des 12. Jahrhunderts). Stuttgart, 1991 . . . . . 3 251

Формозов А. А. Книги об отечественных археологах 4 249

Храпунов И. Н. *Дашевская О. Д.* Поздние скифы в Крыму. (Свод археологических источников. Вып. Д 1—7). М., 1991 . . . . . 3 250

Хроника

Абрамова З. А., Синицын А. А. Коллоквиум, посвященный 100-летию открытия палеолита Венгрии (Мишкольц, 1991) 1 247

Кунина Н. З. Памяти Нонны Леонидовны Грач (1929—1991) 1 268

Микляев А. М. Конференция «Археологические культуры и проблемы их интеграции» (Санкт-Петербург, 1991) 1 264

Могильников В. А. Конференция «Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий» (Горно-Алтайск, 1992) 3 264

Памяти Мушни Хумсаевича Хварцкия (1955—1992) 2 221

Потемкина Т. М., Ковалева В. Т. О некоторых актуальных проблемах эпохи неолита ранней бронзы лесостепной и лесной зоны Урала. По материалам V полевого симпозиума (Тюмень, 1991) 1 250

Сазонов А. А. XVII Крупновские чтения (Майкоп, 1992) 3 259

Седов В. В. IV конференция по этногенезу и этнической истории балтов (Паланга, 1991) 1 260

Смирнов К. А. Памяти Александра Федоровича Дубынина (1903—1992) 3 268

Федосеев Н. Ф. Конференция «Проблемы археологии и истории Боспора» (Керчь, 1991) 1 265

Указатель составлен *П. Г. Гайдуковым*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Санкт-Петербург
ВА — Вопросы антропологии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Санкт-Петербург
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ГИМ — Гос. исторический музей, Москва
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
ГЭ — Гос. Эрмитаж. Санкт-Петербург
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.— Пг.
ЗРАО — Записки русского археологического общества. СПб.— Пг.
ИА — Институт археологии РАН
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.— Пг.
ИСОАН — Известия Сибирского отделения РАН
ИЭА — Институт этнологии и антропологии РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР, Москва
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб.— Пг.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет археологической комиссии. СПб.—Пг.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РА — Российская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва, Санкт-Петербург
СЭ — Советская этнография
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, М., Л.
ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете
AA — American Anthropologist
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AJA — American J. of Archaeology. New York
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Arteilung
AmA — American Antiquety. Menasha; Solt Lake City
AP — Archeologia Polski. Warszawa
AR — British Archaeological Reports. Oxford
BCH — Bulletin de correspondance hellenique. Paris
CAn — Current Anthropology
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua Helsinki
CGE — Les ceramiques de la Crece de l'Est et leur diffusion en Occident. Paris-Naples, 1978
IOSPE — Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini
JDI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, Berlin
JHS — J. of Hellentic Studies. London
MSW — Materialy staroz'ytne i wczeshosre d nioweczne
PZ — Prahistorische Zeitschrift. Berlin, Leipzig
RA — Revue archeoloqique. Paris
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 17.07.93 Подписано к печати 22.09.93 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ. л. 20,8. Усл. кр-отт. 35,7 тыс. Уч.-изд. 26,7 л. Бум. л. 8,0
Тираж 1699 экз. Зак. 60 Цена 26 р.

Московская типография № 2 ВО «Наука», Москва, 121099, Шубинский пер., 6